

**Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»**

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

II Международный симпозиум

(8 – 12 июня 2018 г.)

Сборник научных статей

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2018

УДК (81+82)=161.1:371.3
ББК 81.2Рус+83.3(2=Рус)
Р 89

*Утверждено к печати Ученым советом факультета славянской филологии
и журналистики Таврической академии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(протокол № 4 от 19 апреля 2018 г.)*

Рецензенты:

Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор
(ОГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск);

Анжела Григорьевна Шилина, доктор филологических наук, профессор
(КФУ им. В.И.Вернадского, Симферополь).

Редакционная коллегия:

Г.Ю. Богданович, доктор филологических наук, профессор;

И.П. Зайцева, доктор филологических наук, профессор;

Е.М.Маркова, доктор филологических наук, профессор;

Е.Н. Ремчукова, доктор филологических наук, профессор;

Е.Я. Титаренко, доктор филологических наук, доцент (*ответственный редактор*);

Е.М. Шахова, кандидат филологических наук;

Р.Н. Гусейнова (*технический редактор*).

Р 89 **Русский язык в поликультурном мире : II** Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко : сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – 472 с.
ISBN 978-5-907032-68-2

В сборнике представлены научные статьи участников II Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире», состоявшегося в рамках XII Международного фестиваля «Великое русское слово» (Республика Крым, г. Ялта). В статьях освещаются дискуссионные вопросы развития русского языка в эпоху глобализации, гибридизации русской графики; анализируются современные тенденции ономастических исследований, уделено внимание лингвистике креатива, новациям в русском языке, а также проблемам социолингвистики, политической, юридической и медиалингвистики, методики организации ассоциативного эксперимента в изучении языкового сознания, теории и практики преподавания русского языка как родного и как иностранного, функционально-коммуникативного описания русского языка, анализа художественного текста.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов филологических специальностей и журналистов.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, дат, названий, статистических данных ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

ISBN 978-5-907032-68-2

© Авторы публикаций, 2018

© ИТ «АРИАЛ», 2018

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

ФОРМИРОВАНИЕ У ОБУЧАЮЩИХСЯ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕМА СКАЗУЕМОГО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. Л. Ачилова, В. П. Ачилова

elena-achilova@yandex.ru

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»

(Симферополь)

Специфика высших учебных заведений, которые готовят учителей-филологов, требует при преподавании современного русского языка формировать научное видение языка и учитывать прикладной характер русского языка как национальной картины мира, как прагматической реализации интересов государства, общества, каждого гражданина.

Особенность обучения языку в вузах (наличие лекционных и практических занятий) требует комплексного подхода и к изучению синтаксических тем, в частности сказуемого. При этом должны учитываться все аспекты этого члена предложения, прежде всего его семантика, функции, коммуникативная обусловленность употребления.

Цель данной работы – на примере изучения одной из синтаксических тем показать реализацию коммуникативно-деятельностного подхода в профессиональной подготовке учителей русского языка и литературы.

Безусловно, такой подход к изучению синтаксиса требует от преподавателя таких сформированных методических, лингвистических и коммуникативных компетенций, как хорошее владение современными теоретическими положениями синтаксической науки; умение показать обучающимся разнообразие синтаксических конструкций в современном русском языке, а также функционально-коммуникативные возможности языка; осуществление наблюдения за коммуникативной организацией предложений в тексте; использование в соответствии с различными речевыми ситуациями и коммуникативной целью в собственной речи разных

типов синтаксических единиц; обогащение синтаксических ресурсов речи обучающихся; умение подбирать систему упражнений и необходимый дидактический материал.

Как показывает практика преподавания синтаксиса русского языка, особые трудности у обучающихся возникают при определении объема сказуемого, в частности, при установлении синтаксической функции глагольных форм *быть*, *стать* (*становиться*), при выявлении расщепленного сказуемого и распознавании функции инфинитива при спрягаемой форме глагола.

Для установления синтаксических функций глагольных форм *быть*, *стать* (*становиться*) целесообразно использовать следующие алгоритмы.

Алгоритм 1

Функции форм глагола *быть*

1. Определить, имеет ли форма <i>быть</i> (<i>был</i> , <i>есть</i> , <i>будет</i> и т.д.) лексическое значение: а) 'жить', 'существовать'; б) 'наличествовать', 'иметься', 'иметь место'; в) 'присутствовать', 'находиться где-нибудь' [3, с. 70].	
ДА – это простое глагольное сказуемое.	НЕТ
2. Употреблена ли форма <i>буду</i> (<i>будешь</i> , <i>будет</i> , <i>будем</i> , <i>будете</i> , <i>будут</i>) с инфинитивом?	
ДА – это простое глагольное сказуемое, выраженное аналитической формой будущего времени изъявительного наклонения.	НЕТ
3. Стоит ли <i>быть</i> в инфинитиве?	
ДА – это глагольная связка в сложном сказуемом («Сложное сказуемое представляет собой осложненное простое или (чаще) составное сказуемое» [1, с. 126]), и нужно найти еще два компонента.	НЕТ – это незначаменная глагольная связка в составном именном сказуемом, и нужно найти именную часть.

Функции форм глагола *стать* (*становиться*)

1. Определить, имеет ли форма глагола <i>стать</i> (<i>становиться</i>) лексическое значение: а) 'встать', 'принять вертикальное положение'; б) 'остановиться', 'прекратить движение'; в) 'ступив на какое-н. место, остановиться на нем стоя'; г) 'расположиться', 'поместиться'; д) 'совершиться, оказаться, сделаться'; 'обойтись в какую-н. цену' [3, с. 762–763].	
ДА – это простое глагольное сказуемое.	НЕТ
2. Является ли эта форма компонентом фразеологизма?	
ДА – это простое глагольное сказуемое.	НЕТ
3. Стоит ли <i>стать</i> (<i>становиться</i>) в инфинитиве?	
ДА – это глагольная связка в сложном сказуемом.	НЕТ – это незнаменательная глагольная связка в составном именном сказуемом, и нужно найти именную часть.
4. Употреблена ли форма этого глагола с инфинитивом?	
ДА – это вспомогательный фазисный глагол в составном глагольном сказуемом.	НЕТ – это полузнаменательная глагольная связка в составном именном сказуемом, и нужно найти именную часть.

Закрепляем материал путем выполнения следующих упражнений, здесь и далее составленных на базе примеров, выбранных из НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>):

Подчеркните грамматические основы, охарактеризуйте сказуемые, обоснуйте свои выводы.

1. У меня есть голова, мускулы, сердце. У меня есть билет со звездным компостером (В. Аксенов). 2. Город был прекрасен исчезающей историей, но следы от сковородки присутствовали повсеместно (Л. Улицкая). 3. Была весна, а я почти все время сидел дома (В. Пелевин). 4. Нужное им место было недалеко, через несколько улиц (В. Черкасов). 5. Всегда были – и будут – люди, которые, чувствуя себя неспособными сопротивляться насилию над их

внутренним миром, – сами идут навстречу судьбе своей, сами отдают себя в жертву (М. Горький). 6. Я хотел быть в этом кругу своим человеком (С. Довлатов). 7. Посмотрим, чем я смогу быть вам полезен (М. Елизаров). 8. Я вам за все отдам, можете быть спокойны! (М. Палей). 9. Команда соловецких монахов была спокойна (Е. Водолазкин).

II. 1. А Ольга Васильевна пошла к столу и тоже стала писать (А. Дудолодов). 2. Путешествие по железным дорогам уже стало трудным (митрополит Евлогий). 3. Лошадка стала на дыбы и пошла под музыку вокруг арены (Б. Житков). 4. И так книга становится жизнью, а жизнь – книгой (В. Голованов). 5. Она стала перед ним и подняла голову (М. Анчаров). 6. Ярослав стал на берегу Альты, на том месте, где был убит брат его Борис (Н. Костомаров). 7. Ночью поезд стал в поле (А. Малышкин). 8. Рысаки стали у подъезда дворца (Р. Гуль). 9. Василий Васильевич стал у станка и сам следил за Дашиными движениями (Г. Николаева). 10. Но он был типичным беспокойным «мирским человеком», который ни за что не может мириться со злом и неправдой, норовит стать поперек горла всякому мирскому захребетнику (В. Чернов). 11. Пальто мне стало в кругленькую сумму (Разг.).

Расщепленным называют сказуемое, выраженное описательным глагольно-именным оборотом. «Устойчивые словосочетания этого типа по характеру спаянности компонентов занимают промежуточное положение между свободными сочетаниями и фразеологическими единствами: с одной стороны, они состоят из слов, известных обычно в свободном употреблении, с другой стороны – им свойственны все основные признаки несвободных словосочетаний: воспроизводимость в речи, устойчивость в составе и в структуре, целостность значения и др.» [2, с. 4]. Эти обороты стилистически маркированы и имеют книжную окраску, «основное значение в большинстве из них выражается именем существительным, а глагол играет роль структурного оформителя» [4, с. 182]. Наиболее распространены сочетания с такими глагольными компонентами: *вызывать, давать, делать, иметь, оказывать, приводить, приносить, приходить* и многие другие. Существительные, входящие в эти обороты, эквивалентны однокоренным личным глаголам (*иметь отношение – относиться, оказывать влияние –*

влиять и т.п.), употребляемым в разговорной речи и в художественном стиле.

Для закрепления материала можно использовать следующее задание:

К поданным глаголам подберите описательные глагольно-именные обороты, составьте с ними предложения, охарактеризуйте сказуемое. Сравните стилистическую окраску данных глаголов и описательных оборотов.

Доверять, помогать, нуждаться, соглашаться, ошибаться, цитировать, анализировать, сопротивляться, упорядочивать, значить, пытаться, обязывать, заключать, выбирать, вкладывать, основываться.

Вызывает трудности и синтаксическая полифункциональность инфинитива, который, употребляясь при личном глаголе, преимущественно является компонентом составного глагольного сказуемого, но изредка выступает второстепенным членом предложения: дополнением (если обозначает действие, производимое не субъектом-подлежащим, а другим лицом / другими лицами) или обстоятельством цели (при глаголах движения и некоторых других).

Для закрепления материала можно использовать следующее упражнение:

Определите синтаксическую функцию инфинитива в предложениях. Свои выводы аргументируйте.

1. Отчаявшись, король приказал глашатаю кричать с крепостной стены что есть мочи (С. Седов). 2. Потому Савелий и пытался добиться разрешения на свидание с Ларисой! (В. Доценко). 3. В середине апреля снег начал таять и сразу же стал старым и облезлым (Е. Водолазкин). 4. Где найти для отдыха такое местечко, чтобы тебе абсолютно никто не мешал заниматься всем, что твоей душе угодно? (В. Медведев). 5. Я вышла сказать, что я никуда не поеду (Л. Улицкая). 6. Я их пригласил прийти весною к нам в сад (В. Вересаев). 7. Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она (М. Леонидов). 8. Несколько десятков людей пытались слушать из коридора около аудитории (А. Лотарева). 9. Ключница Юдишна перестала, наконец, голосить и начала что-то рассматривать на моем письменном столе

(А. Апухтин). 10. Вы мне запретили говорить о моей любви к вам (В. Брюсов).

Таким образом, описанный коммуникативно-деятельностный подход к изучению проблемных вопросов объема сказуемого направлен на формирование языковых, речевых и коммуникативных компетенций у обучающихся. Предложенные упражнения способствуют систематизации и активизации накопленных знаний, а также развитию и обогащению речи обучающихся.

Литература

1. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» – М.: Просвещение, 1989. – 159 с.
2. Дерibas В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. – изд. 2-е. – М., «Русский язык», 1979. – 256 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.
4. Чернявская Л., Бузулукова А. Об изучении устойчивых глагольно-именных словосочетаний в группах филологов-русистов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bazhum.muzhp.pl/media//files/Studia_Rossica_Posnaniensia/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1980-t14/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1980-t14-s181-189/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1980-t14-s181-189.pdf. (дата обращения 25.02.2018)

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Л.И. Богданова

libogdanova1@mail.ru

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
(Москва)

Глобализация современного культурного пространства нередко сопровождается постепенным угасанием национально-специфичной самобытности, утратой этнокультурного разнообразия. В этих геополитических условиях проблема формирования и сохранения культурной идентичности становится особенно острой. Понятие «идентичность» разработано американским психологом

Эриком Эриксоном. Согласно его учению, идентичность даёт человеку чувство собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям [14, с. 50]. Ю. Хабермас, основатель концепции коммуникативного действия и этики дискурса, подчёркивает, что идентичность предполагает процесс соотнесения субъекта или объекта с другими субъектами (объектами) с целью выявления общих или, напротив, специфических признаков, черт самоотождествления индивида с другим индивидом, группой, образцом, идеалом, нацией [11, с. 222]. Сущность культурной идентичности заключается в осознанном принятии человеком культурных норм и образцов поведения, характерных для данного социума, в усвоении ценностей, данных ему через родной язык.

Особенность современной эпохи состоит в том, что повсеместно идет формирование новой, принципиально отличающейся от традиционной, – виртуальной культуры [4; 6; 9]. Отмечается постепенная виртуализация производства, образования, искусства. Для индивида особую значимость приобретает его обязательная включённость в информационные потоки. Новые технологии позволяют создавать виртуальные личности, для которых социокультурной идентичностью будет служить определённая модель с заданными свойствами [9]. Возможность создания и манипулирования моделями такого рода обусловлена общими тенденциями в культурном развитии современной эпохи, для которой феномен «человека виртуального» становится одной из наиболее значимых проблем. «Человек виртуальный», являясь продуктом и одновременно субъектом виртуальной культуры, понимается как сложное взаимодействие информационного, игрового, интернет-зависимого и симулятивного начал [4, с. 269]. «Homo virtualis», представляя собой новый социокультурный феномен информационной эпохи, самим фактом своего существования делает и процесс формирования этнокультурной идентичности более сложным, противоречивым, неоднозначным. Жизнь человека компьютерной эры постепенно превращается в калейдоскоп образов и ролей, поскольку принцип трансформации становится всё более привычным. «Вживание в образы» позволяет имитировать различные социокультурные идентичности [9]. Именно эту условность, искус-

ственность идентичностей отмечает Н. Луман в своих исследованиях: «Уже невозможно придерживаться того, что идентичности, будь они субъекты или объекты, в их бытии предшествуют времени. Напротив, они конструируются и воспроизводятся внутри времени, и всегда в настоящем...» [7, с. 161]. «Национальность» теперь может определяться самим субъектом, поэтому привязка к национальному в виртуальном пространстве перестаёт быть связанной с происхождением: идентичности конструируются [15]. В современном мире идёт «битва идентичностей» [12, с. 145].

В связи с рассматриваемой проблемой одной из серьёзных угроз в плане сохранения этнокультурных ценностей можно считать утрату национально-культурной идентичности. Деформация той духовной среды, в которой молодой человек социализируется, влечёт за собой появление общества манкуртов. Утрата идентичности ведёт к моральной деградации этноса. Альберт Швейцер писал: «...если человечество теряет этнические идеалы и ценности, возникает угроза для современного человека стать негуманным <...>, а негуманное общество не предсказуемо и не жизнеспособно» [13, с. 15]. При утрате идентичности человек ощущает свою абсолютную чуждость другим людям, всему окружающему миру, и это может привести к маргинализации, асоциальному поведению. Кризис идентичности нередко принимает массовый характер, рождая «потерянные поколения».

Один из путей сохранения национальной идентичности – изучение ценностей, заложенных в семантике родного языка. При формировании культурной идентичности на занятиях по русскому языку за основу берётся текстовая деятельность, то есть развитие умений понимать и порождать тексты [3, с. 93]. В процессе обучения в выбранном направлении важно не только осознать лингвистические механизмы понимания и порождения текстов, но и способы включения ценностно-культурной информации в создаваемые тексты разных стилей и жанров. Ценностные установки формируются в обмене мнениями, в общении. *Общение*, являющееся бесспорной ценностью для русских, непосредственно связано и с другими русскими ценностями. Это, прежде всего, *правда* и *искренность*, которые формируют культурно-специфическую «русскость». Русский «разговор по душам» характеризуется *искренностью, теплотой, сердечностью, прямоотой*. В рамках русской

культуры не только *искренность* и *открытость* ценятся очень высоко, но и *прямота* является положительным, одобряемым обществом качеством. В словарях *прямой* в одном из своих значений определяется явно как положительное качество: ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’: *говорить прямо в глаза* [8, с. 629]. Однако с позиций иной культуры это качество далеко не всегда привлекательно. Так, напр., английские журналисты в своё время были удивлены, даже озадачены прямыми и честными ответами на вопросы футболиста Аршавина: «*Манерой общения Аршавин ни на кого не похож. Он настоящий **неисправимый русский!** Не важно, о чем вы его спрашиваете – о будущем «Арсенала», о лучшем футболисте мира или о его ожиданиях от финального матча Лиги чемпионов, он, не стесняясь, выскажет свою собственную точку зрения*» (Советский спорт, 2009, 20 мая). Воспользуемся ещё одним примером, иллюстрирующим *прямоту* как русскую ценность. Этот пример связан с широко обсуждаемым выступлением на заседании ООН российского дипломата В. Сафронкова, который, эмоционально комментируя выступление представителя Великобритании Р. Райкрофта, призывал его смотреть в глаза, не отводить взгляд, что в русской культуре является сопутствующим признаком правды, искренности, открытости, честности. Выступление В. Сафронкова (при всей его эмоциональности и конфликтности) многими носителями русской культуры оценивалось положительно – как прямое и честное, хотя оценка его речи как дипломата, с профессиональной стороны, была в основном отрицательной. Быть эмоциональным в сознании русских совсем неплохо, поскольку это качество сближается с искренностью, прямоотой, открытым проявлением чувств. В сознании англичан, как известно, эмоциональность, напротив, – отрицательное качество. Необходимо отметить, что обучение русскому языку с применением межъязыковых и межкультурных сопоставлений влияет на становление и развитие культурной идентичности.

Образование – один из путей формирования социокультурной идентичности. Идею ценностного подхода к обучению на данном этапе связывают с гуманистической парадигмой образования, для которой характерны принципы равенства, партнёрства, диалогизма в духе идей М.М. Бахтина, свободы и соразвития. Именно

ценность служит основой и фундаментом единой культуры. Культура – это своего рода хранилище знаний и опыта всего человечества, источник социально-значимой информации в форме различных семиотических систем, среди которых язык, представляя собой созидательную силу, порождающую всё новые и новые тексты, является не только важнейшим носителем информации, но и транслятором ценностей.

По М.М. Бахтину, событие жизни текста всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов. Суть гуманитарного мышления реализуется в диалоге особого вида, представляющем собой сложное взаимоотношение текста как предмета изучения и обдумывания, с одной стороны, и создаваемого обрамляющего контекста, вопрошающего, возражающего и соглашающегося, с другой стороны [1]. В этом взаимодействии реализуется познающая и оценивающая мысль читателя. Это встреча двух текстов — готового и создаваемого реагирующего текста, встреча двух субъектов. Текст не предмет, не вещь: второе сознание, сознание читателя, воспринимающего и осмысляющего текст, никак нельзя устранить или нейтрализовать. Именно поэтому считаем, что текст как историко-культурный универсум, включающий в себя различные смысловые системы и культурные коды, может служить связующим звеном в отношениях «студент – преподаватель», «ученик – учитель». Ученик нередко задаётся вопросами, как устроен тот или иной текст, каким образом культура «входит» в текст, как данный текст соотносится с другими текстами, что помогает, а что мешает понять текст, как научиться создавать тексты и т.п.

Текстовая деятельность, т.е. чтение и порождение текстов, являются важнейшим фактором становления российской идентичности, развития человеческого капитала, устойчивой практики сохранения и развития культуры. Как отмечалось в резолюции пленарного заседания секции «Литература и чтение» V Санкт-Петербургского международного культурного форума (1-3 декабря 2016 года), в контексте современных вызовов, обусловленных как падением интереса к чтению у взрослого населения, так и развитием интернет-культуры, формированием новых требований к грамотности, изменением базовых подходов к организации образовательного процесса, роль осознанного, глубокого чтения постепенно

повышается. В этой связи считаем необходимым включение в университетские учебные программы предметов, способных обучать текстовой деятельности, а на её основе формировать национальную идентичность учащихся. «Подход, связанный с изучением процессов понимания и порождения текстов разных типов и жанров, имеет непосредственный выход в практику преподавания языков» [2, с. 9]. При обучении текстовой деятельности в выбранном нами аспекте сложнейшей задачей является отбор текстов, необходимых для совместного изучения [3, с. 96]. Как показали исследования философов и психологов, чувство общности рождается именно при циркуляции общего смысла. Одной из важных форм циркуляции смысла является разговор людей друг с другом, благодаря речи создаются и сохраняются общество, социальная и культурная жизнь.

Формирование текстовой компетенции, связанной с пониманием и порождением текстов, предполагает несколько этапов. На начальном этапе необходимо осознать текстовые функции лексики, получить знания о том, каким образом слово способно обогащать текст всеми своими потенциальными смыслами. Для достижения этой цели важно понять, как национально-культурные ассоциации и внутренняя форма, отражающая способ национального мировидения, «вплетаются» в ткань текста, обогащая его дополнительными смыслами. Внутренняя форма слова, нередко является составляющей заключенного в слове культурно-специфического концепта. Так, согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера [10, с. 100], слово *обидеть* произошло из *об-видеть*, где предлог *об-* имеет значение 'вокруг, огибая, минуя': ср. *обнести* кого-то угощением, 'пронести мимо, не дать', *обделить*, *обвесить*. Внутренняя форма *обидеть* – 'обделить взглядом, не посмотреть'. И, действительно, как показывает семантический анализ, именно недостаток внимания составляет основу возникновения того чувства, которое обозначается русским словом *обида*. «Оживление» внутренней формы, обнаружение скрытых смыслов является одним из самых характерных приемов, используемых в художественном тексте: у одного слова может быть несколько различных актуальных для языкового сознания парадигматических смысловых связей, которые сосуществуют, не вступая в противо-

речие. Слово *тоска*, напр., репрезентируя национально-специфичный концепт «тоска», по данным словарей, связано этимологически со словами *тщётно* и *тошно*, а также, вторичным образом – со словом *тесно*. При этом все три варианта внутренней формы слова *тоска* могут отражаться в его актуальном значении (ср. рассказ А.П. Чехова «Тоска»). В целях обучения текстовой деятельности подлежит восстановлению и внутренняя форма слов *родина*, *родня*, *народ*, *порода*, *урожай*, *родник*, имеющих один общий для всех исторический корень *род*. Согласно Словарю М. Фасмера, слово *родник* (др.-русс. *родище*) связано с корнем *род* [10, с. 492]. Ср. также: *Я слово **родник** давно приметил...Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. Родник **родит** реку, а река льётся, течёт через всю нашу матушку землю, как бы **родня** между собой* (К.Г. Паустовский).

Активное владение русским языком предполагает учёт ассоциативных компонентов значения, которые не всегда фиксируются словарями, но имеют ценностный характер и влияют на результат коммуникации, который иногда противоречит нашим ожиданиям. В условиях многонационального государства, каким является Россия, особенно важно учитывать несоответствие оценочно-ценностного потенциала слов в разных языках и культурах. Так, например, учитель русского языка и литературы предложил киргизским школьникам прочитать по ролям басню «Волк и ягнёнок», но никто не захотел читать роль *ягнёнка*, никто не хотел быть слабым и беззащитным. Зато *волк* вызывал у школьников исключительно позитивные ассоциации – сильный, грозный, храбрый, красивый, лукавый [5, с. 88]. В русском сознании, напротив, слабый и беззащитный (*ягнёнок*), несправедливо гонимый и обижаемый, вызывает жалость и симпатию, а образ волка связан в основном с негативными ассоциациями: *злой как волк*, *набросился как волк*, *волчий оскал* и др.

При обучении текстовой деятельности с перспективой формирования национально-культурной идентичности важным является наличие умений отличать субъективную информацию от объективной. На последующих этапах особую значимость приобретает изучение вопросов, связанных с триадой «автор – текст – читатель», проблемы понимания и интерпретации высказываний и текстовых фрагментов, диалогичность текста. Всё это выводит

учащихся на осознание правил построения текста и его интерпретации. Построение текста в соответствии с замыслом говорящего – сложная и неоднозначная задача. Чтобы построить полноценный текст, адекватный этнокультурным характеристикам, необходимо тонкое знание языка, лингвокультурных опор, составляющих его когнитивную базу, прецедентных текстов, умение правильно кодировать и декодировать эмотивный дискурс.

Итак, национально-культурная идентичность не формируется стихийно, общий смысл не воспроизводится и не циркулирует сам по себе. Именно поэтому процесс трансляции ценностей через обучение текстовой деятельности требует к себе особого внимания.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. – 445с.
2. Богданова Л.И. Текст и дискурс: в поисках выхода из лабиринта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. №3. – С. 7–30.
3. Богданова Л.И. Текстовая компетенция и проблема формирования культурной идентичности // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы. Материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. М.: РУДН, 2017. – С. 93–97.
4. Бурнаева Е.М. «Человек виртуальный»: множественные идентичности пользователей сети // Учёные заметки ТОГУ. Электронное издание. 2017. Том 8. №4. – С. 269–273.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
6. Гасилин В.И. Виртуализация современного общества // Власть. 2017. №1. – С. 60–62.
7. Луман Н. Самоописания. М.: Логос / Гнозис, 2009. – 320 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
9. Скородумова О.Б. Национально-культурная идентичность в информационную эпоху // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». Культурология. 2010, №4. – www.intelros.ru
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Под редакцией проф. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1964. Т.Т. 1–4. Том 3. – 828 с.

11. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность / Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995. – 247 с.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1994. – 843 с.
13. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. – 343 с.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. – 342 с.
15. Zappetini F. Transnationalism as an Index to Construct European Identities: an Analysis of ‘Transeuropean’ Discourses // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. №2. – С. 260–281.

УСПЕШНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Г. Ю. Богданович, Л. И. Рудницкая

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

(Симферополь)

Полстолетия назад термин «норма» применительно к языку был малоупотребителен, однако сейчас он прочно вошел в наш обиход. Так что же такое языковая норма? И кто ее определяет? Часто приходится наблюдать такую картину: когда человеку указывают на его ошибки в речи, то в ответ можно услышать: «Так говорят». Иногда усиливают подобное утверждение: «Так говорит народ». Но ведь народ – это не безликая масса. А каждый отдельный человек может ошибаться. На подобное утверждение («Так говорит народ») ученый-языковед Б. Тимофеев ответил хорошим маленьким рассказом. «Несколько лет тому назад я услышал, как одна девушка напевала популярную арию из оперетты «Роз-Мари»: «Цветок душистых *прерий* ...» Но она пела: «Цветок душистый, прелый ...» Я подошел к девушке и, попросив извинения, указал на ее ошибку и объяснил, что такое *прерии*. Она выслушала, а затем, сказав: «Надо же!» – ушла. Весьма вероятно, что она пела в искаженном виде с чужого голоса».

Этот рассказ еще раз подтверждает, что широко распространенное утверждение «так говорят» нуждается в проверке. Кто говорит? Почему так говорит? Обогащает ли подобная речь родной язык? Способствует ли она правильному выражению мысли? Ведь искажения речи бывают весьма различны, а причины их возникновения сложны и многообразны. Поэтому одна из важных задач культуры речи заключается как раз в том, чтобы разобраться в источниках подобных искажений и по возможности бороться с их распространением [8, с. 294].

По словам исследователя языка К. С. Горбачевича, «нормы языка чем-то напоминают правовые нормы (характер закона, например, имеют орфографические нормы, нарушение которых влечет за собой даже определенные социальные санкции). Однако отождествлять нормы языка и нормы права было бы ошибочным. Языковые нормы, особенно нормы такого развитого литературного языка, как русский, это явление более сложное и многоаспектное, отражающее и общественно-эстетические взгляды на слово, и внутренние, независимые от вкуса и желания говорящих закономерности языковой системы в её непрерывном развитии и совершенствовании» [4, с. 29].

Языковые нормы не вымысел учёных-лингвистов. Узаконение (нормативность, правильность) тех или иных языковых единиц (лексических, орфоэпических, морфологических, синтаксических) определяется тремя факторами: 1) регулярная употребляемость (воспроизводимость) языковой единицы (данные живого и анкетного опросов); 2) соответствие этой языковой единицы возможностям литературного языка (с учётом исторических изменений); 3) общественное одобрение регулярно воспроизводимой языковой единицы (учитывается мнение известных писателей, ученых-языковедов, образованной части общества). Таким образом, для нормы литературного языка характерны следующие особенности: *системность, связь со структурой языка, относительная стабильность, распространённость, общеупотребительность, соответствие языковой системе, историческая и социальная обусловленность.*

Выработкой норм русского языка занимались многие поколения образованных людей. Много сделали в этом отношении писатели. «Начиная с Пушкина, наши классики, – писал А. М. Горький, –

отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий прекрасный язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого» [6, с. 668].

Именно нормы ограждают литературный язык от потока просторечия, профессионализмов, жаргонизмов, диалектизмов, процессов интерференции – влияния других языков на русскую речь (в частности, в русской речи на территории Крыма источником многочисленных ошибок является близкородственный украинский язык).

Нормы делятся на *императивные* и *диспозитивные*. Исходя из их названия, *императивные нормы* (строго обязательные) – это такие, нарушение которых рассматривается как недостаточное владение языком. Например, есть нормы, которые не допускают вариантов, такие словоупотребления расцениваются как неправильные, недопустимые. Говорят: *украинский, звонит, согласно расписания, красивая тюль* и др. (вместо: *украинский, звонит, согласно расписанию, красивый тюль*). *Диспозитивные нормы* (не строго обязательные) допускают варианты, стилистически различающиеся. Например, *договоры – договорА, свитеры – свитерА, джемперы – джемперА* и др. Формы с окончанием *-а* даются в словарях с пометой *разговорные*. Это значит, что употреблять их можно лишь в устной речи, а на письме нужно заменять более строгим окончанием (*-ы*), которое соответствует современной литературной норме.

Таким образом, литературный язык – это нормированная и обработанная форма общенародного языка. Обработке и нормализации подвергаются все уровни языка: лексический, фонетический, словообразовательный, грамматический.

Совокупность правил, регламентирующих употребление слов, произношение, правописание, образование слов и их грамматических форм, сочетание слов и построение предложений, называется **литературной нормой**. Существуют нормы *лексические, фонетические, словообразовательные, грамматические (морфологические и синтаксические), правописные*.

Норма русского языка (как и в других языках) тесно связана с вариантностью. **Языковые варианты** – это «формальные видоизменения одной и той же языковой единицы, обнаруживаемые на

различных уровнях языка» (фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом) [10, с. 38].

Отношения между вариантами могут быть разными. Например, есть варианты, один из которых нормативен, а другой стоит за пределами литературного языка (*алфавИт* и неправильно: *алфАвит*, *на днях подойду* и неправильно: *днями подойду* и т.п.), и варианты, находящиеся в пределах литературного языка, т.е. они равноправны, а следовательно, могут в одинаковой степени использоваться в литературной речи. Их называют **дублетами**, в словарях они даются без помет и соединяются союзом *и* (*твОрог* и *творОг*; *баржА* и *бАржса*, *Искринка* и *искрИнка*, *Иначе* и *инАче* и др.).

В словарях, как правило, все варианты даются с соответствующими пометами: *доп.* (допустимо): *слЕсари* и *доп. слесарЯ*; *Отдал* и *доп. отдАл* и др. Указание *допустимо* свидетельствует о том, что оба варианта соответствуют нормам литературного языка. Однако первый вариант является предпочтительным, а второй чаще используется в разговорной речи.

Не рек. (*не рекомендуется*): *экспЕрт* и *не рек. Эксперт*; *звонИт* и *не рек. звОнит*; *каталОг* и *не рек. катАлог* и др. Такая помета применяется в тех случаях, когда маркированный вариант в данное время не признается нормативным, но «его широкое употребление в современной (часто профессиональной) речи и нередко соответствие основным тенденциям развития русского языка не исключают возможности признания такого варианта нормой литературного языка в будущем» [5, с. 10].

Прост. (*просторечие*): *внутри* и *прост. вовнутрь*; *выйди* и *прост. выдь* и др. Такие слова находятся за пределами строго нормированного языка и вносят в речь сниженный, грубоватый оттенок.

Неправ. (*неправильно*): *процЕнт* и *неправ. прОцент*; *вЫборы* и *неправ. выборА* и др. Указание *неправильно* предупреждает от распространенных речевых ошибок.

Помета *устар.* (*устарелое, устаревающее*) указывает на то, что данная языковая единица в настоящее время воспринимается как архаизм, хотя в прошлом она была употребительна в литературном языке. Например, *жЕмчуг* и *устар. жемчУг*; *пионер* и *устар. пион[Э]р* и др.

Если говорит повар, то, даже выступая по телевидению, он скажет *тортА, кремА, супА, блюда* (Правильно: *тОрты, крЕмы, супЫ, блЮда*), делая ударение на последнем слоге, хотя в целом он владеет литературно-языковой нормой и не сделает других речевых ошибок. Такие грамматические формы рассматриваются как *профессионализмы*, в словарях к ним дается соответствующая стилистическая помета – *проф.* или *спец.* [2, с. 243-244]. В речи моряков: *компАс, рапОрт* (вместо *кОмпас, рАпорт*). Ср.: у Л. Соболева: «Но флот во многом отличается от армии: юнкер – гардемарин, обыкновенный *рАпорт* – по-флотски *рапОрт*» («Капитальный ремонт») [4, с. 337]. В. Высоцкий пел о морях: «*Мы говорим не штОрмы, а шторма. Слова выходят коротки и смачны. ВетрА – не вЕтры сводят нас с ума ...*». Данные примеры показывают, что языковая норма не делит языковые единицы на хорошие и плохие, а указывает, что, уместные в одной ситуации, они могут оказаться нелепыми в другой.

Многие считают, что варианты в языке надо рассматривать как избыточное явление, как балласт нашей речи. Однако такие суждения глубоко ошибочны. Напротив, «варьирование формы – неизбежное следствие языковой эволюции ...» [4, с. 26]. Именно варианты служат средством стилистической дифференциации языковых единиц. Наличие «двояких форм для выражения одного и того же языкового явления обогащает язык, позволяет нам более точно передать мысль, оформить высказывание. Но при этом выбор варианта в каждом конкретном случае должен быть обоснован, стилистически оправдан» [9, с. 5-6]. Например, *килограмм: род. мн.ч. килограммов (нейтр.)*. В разговорной речи после числительных – *килограмм. Сто килограммов (килограмм)*; *в отпуске, в цехе (нейтр.) – в отпуску, в цеху (разг.)*. Или: *киломЕтр* (не рекомендуется *килОметр*). По свидетельству К. С. Горбачевича, «ударение *килОметр* широко распространено не только у работников транспорта, но и среди технической интеллигенции. ...На вопрос, как говорить: *киломЕтр* или *килОметр*, вице-президент АН СССР И. П. Бардин, крупнейший металлург и человек высокой культуры, дал такой остроумный ответ: «Когда как. На заседании Президиума Академии говорю – *киломЕтр*, иначе академик Виноградов (директор Института русского языка) морщиться будет. Ну, а на

Новотульском заводе, конечно, *килОметр*, а то подумают, что зазнался Бардин» [5, с. 130].

Варианты охватывают разные уровни языка: существуют варианты **орфоэпические** (*термин: произношение т[э]рмин устарело*); **акцентологические** (*взяла и неправильно взЯла*); **морфологические** (*апельсин: род. п. мн. ч. апельсинов и разг. апельсин*); **синтаксические** (*согласно чему? приказу и неправильно: согласно чего? приказа*).

От дублетов, которые ничего не привносят в смысловом, стилистическом отношениях, литературный язык постепенно избавляется. В процессе развития литературного языка дублеты получают стилистическую дифференциацию. Например, в «Орфоэпическом словаре русского языка» [7] формы *трактора* и *тракторы* даются как дублеты. Теперь же в словарях рекомендуется отдавать предпочтение той или иной форме в зависимости от речевой ситуации. Ср.: *тракторы* и разг. *трактора* [11]. Относительно нормы употребления этого слова в форме множественного числа И. Б. Голуб дает такие рекомендации: «Неуместно было бы в статье на экономическую тему написать: *Завод выпускает трактора такой-то марки*. Но вполне допустимо употребить эту форму в другой ситуации – в живой беседе, в очерке на «весеннюю» тему: *Началась посевная кампания. Трактора уже вышли в поле*» [3, с. 241].

Такое преобразование дублетов демонстрирует совершенство русского литературного языка.

Литература

1. Богданович Г.Ю., Рудницкая Л.И. Русский язык и культура речи: учебное пособие / Г.Ю.Богданович, Л.И.Рудницкая. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – 284 с.
2. Голуб И. Б. Русский язык и культура речи: учеб.пособие / И. Б. Голуб. М.: Логос: Университетская книга, 2006. – 430 с.
3. Голуб И. Б. Риторика: учитесь говорить правильно и красиво : учебник / И. Б. Голуб. М.: Издательство «Омега-Л», 2014. – 405 с.
4. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка / К. С. Горбачевич. М.: Просвещение, 1989. – 208 с.
5. Горбачевич К. С. Современный орфоэпический словарь русского языка. Все трудности произношения и ударения / К. С. Горбачевич. М.: Астрель, 2010. – 477 с.
6. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах / М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах. М.: Наука, 2002.

7. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под ред. Р. И. Аванесова. М.: Рус. яз., 1988. – 704 с.

8. Основы культуры речи. Хрестоматия: учебное пособие для филол. спец-тей вузов / сост. Л. И. Скворцов. М.: Высшая школа, 1984. – 312 с.

9. Розенталь Д. Э. Говорите и пишите по-русски правильно / Д. Э. Розенталь. М.: Айрис-пресс, 2016. – 256 с.

10. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / отв. ред. Е.А. Земская. – [2-е изд.]. М.: Языки русской культуры, 2000. – 478 с.

11. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении / В. Н. Шапошников. М.: Инфрапресс, 1998. – 467 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ В СОЗДАНИИ ВТОРИЧНЫХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ ПО ЛЕКСИКЕ

С.Г. Буданова, А.Г. Рябинина

lanastar@bk.ru ; alyar2015@yandex.ru

**ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Краснодар)**

В процессе обучения русскому языку и литературе значимая роль отводится лингвистическим словарям, среди которых наиболее часто используемые на уроках в школе этимологические, толковые, фразеологические, орфографические, орфоэпические и др. Обычно они применяются на занятиях в тех случаях, когда школьники не могут адекватно интерпретировать значение той или иной лексической единицы или устойчивого словосочетания, затрудняются в произношении и написании сложных и малознакомых слов или сомневаются в этимологии предложенной лексемы. Однако необходимо заметить, что словарь при этом является помощником не только для школьников при подготовке к уроку, но и для учителя при объяснении определенной темы, а также для создания собственных, авторских учебных текстов. Такие задания онтологически обладают свойством вторичности, так как включают материалы словарных статей в качестве прототекста. С их помощью школьному педагогу и учащимся можно подготовиться как к традиционным занятиям, так и к олимпиадам по русскому языку разного уровня. В настоящей статье приведены авторские лингвистические задачи по лексикологии, составленные на основе материала

толковых и этимологических словарей. Необходимо отметить при этом, что некоторые из них являются заданиями повышенной сложности, которые нередко встречаются на олимпиадах всероссийского уровня, так как требуют знаний всех разделов языка.

Развитию словарного запаса, логического мышления, лингвистической зоркости и языкового чутья способствуют задания, направленные на поиск конкретного слова по его семантике. Такие задачи требуют знаний диахронического аспекта языка, определенных процессов развития семантики слов, а также умения выявлять не только смысловые, исторические, но и ассоциативные связи в лексике русского языка.

Пример задания. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года представлены толкования слов. Определите, о каких именах существительных со значением ‘род деятельности, профессия’ идет речь, учитывая тот факт, что сегодня данные слова по-прежнему употребляются, но либо изменили свое значение, либо расширили его, при этом, однако, сохранив некоторую семантическую связь с указанным в словаре 1847 г. толкованием.

Примечание: фрагменты словарных статей приведены в соответствии с современной орфографией.

1. Танцующий по веревке (*акробат*).
2. Упражняющийся в изящных искусствах (*артист*).
3. Ходящий в судах по чьим-нибудь делам (*адвокат*).
4. Переводящий деньги посредством векселей из одного места в другое (*банкир*).
5. Смотритель при магазинах (*вахтер*).

Следующий вид заданий предполагает выявление смысловых особенностей созданных авторами слов. При этом для адекватного понимания неологизмов нередко требуется также знание морфемной системы русского языка, русских аффиксов и их регулярных значений, умение сравнивать неологизмы с общеупотребительными словами. Для составления подобного типа заданий можно использовать разные «Словари языка писателя», а также «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и «Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой.

Пример задания. Определите лексическое значение авторских неологизмов. Укажите, кому из известных личностей принадлежит неологизм.

Книжница (А.С. Шишков, библиотека), ловкосилие (В.И. Даль, гимнастика), водомет (А.С. Шишков, фонтан), сонница (В. Маяковский, сонливость), шарокат (А.С. Шишков, бильярд), мироколица (В.И. Даль, атмосфера), усмеяльно (В. Хлебников, смешно), мокроступы (А.С. Шишков, калоши), насыл (В.И. Даль, адрес).

Авторы: В.И. Даль, В. Хлебников, А.С. Шишков, В. Маяковский.

Умением анализировать семантику слова, сопоставляя его разные значения с учетом способа возникновения переносных (по сходству и смежности), и подбирать соответствующие лексические единицы на основе ассоциативных связей в языке позволяет овладеть представленный вид заданий. При его составлении целесообразно обратиться к «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова или в другом нормативном толковом словаре.

Пример задания. Почитайте предложения, описывающие определенные действия при помощи глаголов в прямом значении, отражающих ситуацию речевой деятельности. Подберите к каждому предложению соответствующий данному описанию глагол в переносном значении. Приведите собственные примеры предложений с найденными глаголами.

1. Человек, говоря что-либо, обрывает или замедляет свою речь, подобно тому как рассеянный останавливается на некоторое время при ходьбе, споткнувшись о какое-либо небольшое препятствие (*запинаться/запнуться*).

2. Человек произносит что-либо неожиданно для самого себя, обычно с большим чувством, подобно тому как сильный поток воды течет через край из чего-либо (*литься/лить*).

3. Человек произносит что-либо резко, быстро, неожиданно, подобно тому как воин в бою стреляет в соперника (*выпалить/выпаливать*).

Научить школьников проводить семантический анализ слова, сопоставляя предложенные данные синхронического и диахронического уровня, связанные с морфологией и фонетическими зако-

нами языка, помогут задания, которые требуют актуализации знаний одновременно в нескольких областях языка. При их составлении могут быть полезны «Краткий этимологический словарь» Н.М. Шанского, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, а также толковые нормативные словари.

Пример задания. Прочитайте тексты. Определите, о каких словах идет речь в каждом пункте задания. Восстановите пропущенную информацию в предложенных текстах.

1. Происхождение исконно русского наречия _____ со значением ‘постепенно, понемногу’ очень интересно. Оно образовано путем сращения сложного пространственного предлога ____ с именем существительным _____ со значением ‘свойство человека, выражающееся в способности добиваться осуществления поставленных целей, стремлений’. Причем конечный согласный первой части сложного предлога в результате слияния с корнем существительного претерпевает фонетическое изменение, отразившееся на письме. А у существительного отпадает конечный безударный гласный в результате слияния (*исподволь*).

2. Появление простого предлога _____ очень интересно с фонетической точки зрения. Он образовался от общеславянского **kersъ* со значением ‘сверху’ в результате звуковых трансформаций. Первый [к] производящей основы изменился в аффрикату __, неполногласие -er- на древнерусской почве преобразовалось в полногласие __, после орфографической реформы отпал __, а конечный согласный в итоге претерпел фонетическое изменение, отразившееся на письме (*через*).

Умение подбирать подходящие по смыслу родственные слова, связь которых на синхроническом уровне мало ощутима, и работать с их первоначальным значением можно развить на примере следующего типа заданий. При подборе слов учителем может быть использован «Краткий этимологический словарь» Н.М. Шанского и «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера.

Пример задания. В первом столбце таблицы приведены значения этимологически родственных слов. Однако в современном русском языке родство этих слов уже почти не ощущается. Подберите слова с исконным значением ‘спрятать’, соответствующие этим значениям, восстановив этимологическое гнездо*.

Примечание.

*Этимологическое гнездо – совокупность слов, восходящих генетически к одной производящей основе (корню, слову) через цепь словообразовательных отношений, из которых некоторые не осознаются говорящим вследствие фонетических изменений слов, расхождения их значений (Ж.Ж. Варбот).

№	Значение слова	Слово этимологического гнезда
1.	‘делать над чем-л. верх, покрытие, крышу’	(крыть)
2.	‘верхняя, покрывающая часть строения’	(крыша)
3.	‘спрятать, чтобы другие не могли обнаружить; укрыть’	(скрыть)
4.	‘раскрывая, распахивая двери, дверцы, крышку и т.п. какого-либо помещения, вместилища, сделать доступным их внутреннюю часть, содержимое; сделать возможным доступ внутрь чего-либо’	(открыть)
5.	<i>устар.</i> ‘крыша; укрытие, навес’	(кров)
6.	‘верхняя часть какого-либо сосуда, ящика и т.п., закрывающая его’	(крышка)
7.	‘драгоценности, очень ценные вещи’	(сокровище)
8.	‘кусочек ткани, предназначенный для покрывания чего-либо, покрывающий что-либо’	(покрывало)
9.	‘место или сооружение, которое укрывает, защищает от кого-либо или чего-либо’	(укрытие)

Соотношение семантики группы слов на синхроническом и диахроническом уровнях, установление возможных родственных связей иллюстрирует предложенное ниже задание на этимологию. Для его успешного выполнения необходимы широкие фоновые знания в области происхождения лексики русского языка, а также навыки морфемного анализа лексических единиц. При составлении подобных задач уместно обратиться к этимологическим словарям.

Пример задания. Какие из представленных слов можно объединить в группы как исторически родственные? Обоснуйте свой ответ.

Нотариус, нота, нотация, проныра, нырять, нора, нож, ножницы, понурый, ножны, заноза, пронзить, изнурить, низать, ночь, номер (1. нотариус, нота, нотация; 2. проныра, нырять, нора, понурый, изнуриться; 3. нож, ножницы, ножны, заноза, пронзить, низать; 4. ночь; 5. номер).

Таким образом, лингвистический словарь может быть использован не только во время занятий и подготовки к ним, но и в процессе составления авторских вторичных учебных текстов с целью подготовки учащихся к олимпиадам по русскому языку, так как такие упражнения повышают уровень эрудированности школьников, их речевую грамотность, обогащают словарный запас и положительно влияют на общий уровень филологической компетентности одаренных детей. Перспективным также представляется включение во внеклассную работу по лексике лингвистических задач, составленных по материалам фразеологических словарей, словарей синонимов, омонимов, паронимов, конверсивов и др., подобных тем, что нередко появляются в олимпиадных материалах муниципального, регионального и всероссийского уровней.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В РАБОТЕ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ

Н.В. Величко

n.velychko.msu@yandex.ru

Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе
(Севастополь)

Цель современного образования состоит не в том, чтобы только передавать знания, а прежде всего, в том, чтобы научить учащихся извлекать и пользоваться знаниями, необходимыми при решении возникающих проблемных ситуаций в любой сфере деятельности. Основная задача учителя – помогать ученикам развивать способности, осознавая свою социальную значимость. Каким

должен быть учитель школы, предписывает профессиональный стандарт педагога. Некоторая дифференциация наблюдается для учителей разных специальностей, а именно, специальные компетенции, которые необходимы для преподавания данного предмета.

Традиционно сложилось, что базовыми дисциплинами в школьном обучении являются русский язык и математика. Сегодня эти предметы являются обязательными для итоговой аттестации выпускника, что влечет дополнительную ответственность всех участников образовательного процесса и, прежде всего, учителей. Кроме того, следует подчеркнуть, что русский язык в значительной степени влияет на формирование мышления и речи учащихся. Это соотносится с главным образовательным результатом освоения русского языка учащимися, помимо компетентности в лингвистике, – развитие коммуникативной способности и установки на использование этой способности.

Для ведения многогранной деятельности, предписанной профессиональным стандартом, учитель русского языка и литературы должен обладать целым набором компетенций: общепрофессиональными (общепедагогическими) и специальными (предметными). Среди общепедагогических компетенций выделяется группа психолого-педагогических умений, которые должен освоить педагог для того, чтобы способствовать процессу психологического развития и социализации школьников.

В педагогической науке понятие психолого-педагогическая компетентность определяется как максимально адекватная, пропорциональная совокупность профессиональных, коммуникативных, личностных свойств учителя, позволяющая достигать качественных результатов в процессе обучения и воспитания учащихся. Под психолого-педагогической компетенцией принято понимать способность и готовность педагога достигать качественных результатов в процессе обучения и воспитания учащихся; способность выбрать оптимальную для учащихся образовательную модель и спроектировать реальный учебно-воспитательный процесс [4].

Компетентность педагога определяется в том числе владением психолого-педагогическими компетенциями, что позволяет учителю переосмыслить и переструктурировать полученные знания в соответствии с новыми установками.

Не секрет, что успех образовательного процесса во многом зависит от личностных качеств педагогов, профессионализма, их способностей и компетенций. В современной школе сформированность профессиональных компетентностей учителя стала основным компонентом качественного обучения в школе.

Особые требования предъявляются к учителю, который планирует работать с детьми с опережающим развитием и одаренностью, одаренными детьми. Безусловно, такой педагог должен обладать рядом важных не только профессиональных, но и личностных компетенций, среди которых психолого-педагогическая компетенция является определяющей.

Зачастую образовательный процесс для одаренных детей проводится в образовательных заведениях закрытого типа, школах-интернатах, лагерях. Круглосуточное пребывание, взаимодействие со сверстниками и педагогическим составом для таких детей должны быть тщательно спланированы и организованы, поэтому знания возрастной психологии обязательны для педагогов и воспитателей. Кроме того, такие дети обладают знаниями более высокого уровня, демонстрируют способность к нестандартному, творческому мышлению, эффективной коммуникации, проявляют гибкость при решении проблем, способны дать адекватную оценку и сделать выводы.

Исследователи сходятся во мнении, что личность учителя для одаренных детей является определяющей составляющей успешности образовательного процесса. Такой педагог должен уметь найти подход к каждому ребенку и это взаимодействие должно быть эффективным, в большой степени индивидуализированным, но непременно основанным на взаимоуважении. Важную роль будет играть создаваемая учителем атмосфера доброжелательности и взаимодействия, готовности в любую минуту оказать поддержку и прийти на помощь, предоставить учащимся обратную связь, способствовать формированию положительной самооценки ученика, проявлять уважение к индивидуальности ученика, поощряя творчество и нестандартность действий и решений подопечных.

На уроках русского языка учитель должен заложить основы формирования личности с креативным мышлением. В этом ему призваны помочь следующие методические приемы: обсуждение

проблемных вопросов, решение лингвистических задач, выполнение занимательных упражнений, анализ различных типов текстов, выполнение творческих работ.

Помимо обязательных для предмета «Русский язык» предметных компетенций, таких как: помогать учащимся овладевать учебными навыками и умениями; воспитывать эмоционально-ценностное отношение к языку, пробуждать интерес к слову, стремиться научить правильно говорить и писать на родном языке; формировать умение работать в сотрудничестве, взаимодействовать с окружающими людьми, получать необходимую информацию; развивать коммуникативную компетентность учащихся в урочной и внеурочной деятельности, надо стремиться прививать такие, как поиск информации, работа с текстами разного содержания, формирование навыков публичной речи, способность устанавливать межпредметные связи, стимулировать учащихся играть в театральные постановки, поощрять создание анимационных и иных аудио- и видеоматериалов, нацеливать учащихся на бережное отношение к русскому языку, учить находить и анализировать изменения в языковой реальности и реакции на них социума.

Кроме того, современный педагог должен использовать инновационные методы и формы работы, некоторые элементы вузовской практики: руководство проектной деятельностью, написание и решение кейсов, модульное изучение материала, колоквиумы, зачеты и т.п.

Особое внимание надо обращать на потенциал педагога и его способность и желание совершенствоваться, учиться и непрерывно повышать квалификацию, осуществлять субъективный контроль.

Среди профессионально важных качеств учителя следует отметить следующие психолого-педагогические компетенции: ценностные ориентации, психоэмоциональное состояние, стиль преподавания.

Очень важно помочь учителю развивать данные личностные и профессиональные качества в ходе мероприятий, предназначенных для повышения квалификации: лекций о процессах обучения, развития и особенностях разных видов одаренностей; практику-

мов по формированию умений эффективного обучения, индивидуализации программ, разнонаправленных тренингов и стажировок.

Эффективными для развития личностных качеств педагога будут профессиональное общение и обмен практическим опытом с коллегами; непрерывное самообразование: изучение литературы, подготовка сообщений, докладов, участие в олимпиадном движении.

Литература

1. Антонова, А.В., Клименко, И.М. Профессиональный стандарт педагога: новые требования и квалификационные характеристики современного учителя // Педагогическое образование в России. – 2014. – №6. – С. 81-86.

2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 гг. – Электронный ресурс // <http://минобрнауки.рф/> (дата обращения: 22.02.2018).

3. Казыгулова А. Т. Интерактивные методы обучения на уроках русского языка и литературы // Молодой ученый. — 2016. — №8. — С. 1121-1126. — Электронный ресурс // <https://moluch.ru/archive/112/28767/> (дата обращения: 27.02.2018).

4. Кашапов М.М. Стадии творческого мышления профессионала: Монография. – Ярославль: Ремдер, 2009. – 380 с.

5. Новые педагогические условия и необходимость выработки концептуальных подходов к подготовке учителей русского языка и литературы — Электронный ресурс // <https://moluch.ru/archive/53/7159/> (дата обращения: 27.02.2018).

6. Сиренко А. Н. Формирование профессиональных компетенций учителя русского языка и литературы // Молодой ученый. — 2013. — №6. — С. 509-510. — Электронный ресурс // <https://moluch.ru/archive/53/7159/> (дата обращения: 27.02.2018).

7. Сокольская Е. В., Бермус А. Г. Психолого-педагогический компонент предметной компетентности учителя математики в контексте требований «Профессионального стандарта педагога» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 26. – С. 136–140. – Электронный ресурс // [http://e-koncept.ru/2017/770733.htm./](http://e-koncept.ru/2017/770733.htm/) (дата обращения: 25.02.2018).

8. Федеральная целевая программа развития образования на 2016-2020 гг.– Электронный ресурс // <http://base.garant.ru/71044750/> (дата обращения: 25.02.2018).

НОВОЕ ИЛИ ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ? ПЕРЕПОДГОТОВКА НА КУРСАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Л. Г. Вергазова

larisavergazova@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт»
(Донецк)

В новых социально-политических условиях на территории Донецкой Народной Республики остро встал вопрос о языковой переподготовке большого количества работающих в различных государственных структурах. Стремительный переход всего делопроизводства с украинского языка на русский, вслед за этим не менее резкое переформатирование всей образовательной парадигмы в русле новой языковой политики – всё это привело к тому, что неграмотная русская письменная и устная речь стала превалировать в сферах, где подобное всегда считалось показателем профессиональной некомпетентности. И все же беспрецедентная по своей величине проблема языкового коллапса была не только отражением масштаба перемен в жизни края. Она сделала, наконец, видимыми для всех слоев общества последствия длительной непродуктивной политики вытеснения русского языка, о которых донецкая филологическая общественность предупреждала на протяжении двух десятков лет, создав крылатую фразу еще в начале девяностых: «не будут знать никакого: ни русского, ни украинского».

Но тогда прислушиваться к компетентному голосу лингвистов никто не собирался. Поэтому масштабы административной узурпации в принятии непопулярных языковых решений увеличивались с каждым годом, резко накаляя общественно-политическую обстановку там, где можно было найти консенсус быстрее всего. Это с особой остротой осознавали русские словесники, которые в свое время массово лишились работы, вынужденно получили второе образование, перешли преподавать украинский, но смогли увидеть в живом взаимодействии языков позитивное явление, объединяющее социум, а не разъединяющее его. В многочисленных статьях и работах тех лет неоднократно звучал призыв «учитывать взаимовлияние двух государственных языков, что позволит ощущать пульс взаимопроникновения культур, понять при-

чины формирования языковых норм и избежать тревожных тенденций к развитию и функционированию как русского, так и украинского языков» [3, с.166].

Новый методологический подход был реализован в некоторых учебниках и пособиях для изучения украинского языка в профессиональном общении [5], [6], [7]. В его основе лежало выявление системных особенностей украинского языка в сравнении с русским на фонетико-графическом, грамматическом и лексическом уровнях. И если поначалу нетривиальный взгляд на школьную грамматику по-хорошему шокировал, то в дальнейшем приводил к важному педагогическому результату: в очевидных правилах, когда-то зазубренных в школе (причем, это касалось обоих языков), студенты находили для себя объяснения глубинных внутренних процессов, происходивших в языках и показывавших их в чем-то похожую, а в чем-то очень разную природу. Наиболее показательными в этом смысле были, например, такие темы: «Спрощення приголосних», «Правопис приголосних у префіксах», «Грамматична і лексична синонімія» и др. На основе системного подхода осуществлялись подборки упражнений, которые, с одной стороны, структурно закрепляли понимание системного различия двух языков, с другой – развивали на этой основе необходимые языковые и речевые навыки.

Собственный многолетний опыт преподавания дисциплины в Донецком национальном техническом университете в русле этого подхода позволяет сегодня объективно оценить самый важный эффект, который был достигнут тогда в результате изучения языковой дисциплины студентами-нефилологами: позитивное заинтересованное отношение к обоим языкам, желание в дальнейшем совершенствовать свои знания как в русском, так и в украинском, осознание того, что двуязычие «является нормальным явлением общества, а не отклонением от нормы или исключением» [1, с.39].

Несмотря на эти усилия донецкой филологической общественности, «комфортность русско-украинского и украинско-русского языкового пространства заменилась предчувствием тревоги и ожиданием культурного коллапса» [2, с.32]. Апофеозом политических вывертов на языковой почве стали очередные указания власти, среди которых наиболее странным и потому болезненным оказалось изучение русской литературы в рамках зарубежной на

украинском языке и дублирование русских фильмов на украинский язык. Не поддающаяся логическому объяснению абсурдность нововведений полностью игнорировала реальный статус языков, что означало одно: «В существующей практике русский язык предлагается изучать как иностранный, а украинский как безусловно родной, на котором говорят все еще с дошкольного детства» [3, с.166]. К сожалению, обескураженность научно-педагогического сообщества снова не привлекла никакого внимания политиков, хотя призывы звучали и прислушаться к ним стоило: «Неадекватное восприятие языков переворачивает методiku их изучения с ног на голову, искажает как русское, так и украинское культурное пространство, нанося вред не только национальному образованию, но и межнациональному диалогу, пораженному коррозией непонимания и внешней конфликтности» [3, с.166].

Внятно звучавшие на протяжении многих лет голоса донецких ученых-лингвистов так и не были услышаны политиками, несмотря на то, что методологический подход был не только найден, а успел себя прекрасно зарекомендовать в языковой образовательной практике региона, где методические приемы к изучению украинского языка выросли на базе сохранения русской культуры как «органической части общеукраинского культурного пространства» [3, с.166].

Поэтому, когда вследствие военных действий наступившая экстремальная ситуация предопределила неотложный поиск быстрых решений в преподавании возвращенного русского языка, искать новый подход не пришлось. Он был уже найден гораздо раньше, еще до войны, как инструмент, возвращавший обоим языкам способность консолидировать, а не разъединять украинское общество. Сформированное у студентов в результате этого подхода позитивное отношение к реальному двуязычию в регионе стало уже тогда нашей локальной победой в борьбе с административной косностью правящей элиты, которая вместо внятной языковой политики навязывала очередные мифы [4, с.98].

Теперь это можно было назвать важнейшим социальным заказом, так как возвращало веру людей в объединяющее, диалогичное, наконец, *мирное* начало глубинной сущности языка. Именно в таком русле виделось изучение возвращенного русского языка

на курсах для людей разного возраста, от 25-ти до 50-ти лет. Важнейшим условием эффективности подобного педагогического процесса стала сознательная работа преподавателя над общей позитивной атмосферой, дружественной носителям обоих языков.

Первый стартовый контроль предсказуемо показал большое количество «странных» ошибок, которые были результатом межъязыковой интерференции. Например, правописание согласных с/з в префиксах (*зделать*, а не *сделать*; *здались*, а не *сдались*; *безпре-станно*, а не *беспре-станно*; *безпредельный*, а не *беспредельный*), правописание мягкого знака как показателя грамматической формы (*мечь*, *зелень роць*, *гряда тучь*, а не *меч*, *роц*, *туч*; *глуш?*, *распариш?ся*, *ничем не сдержиш?*, *суш?*, а не *глушь*, *распаришься*, *не сдержишь*, *сушь*) и т.д.

Естественно вытекающая из работы над подобными ошибками сравнительная характеристика особенностей двух языковых систем была настолько активно и позитивно воспринята слушателями, что во время занятия то и дело возникали интеллектуальные прорывы, открытия. Для предотвращения межъязыковой интерференции понадобился принцип опоры не на родной язык, а на два языка.

И даже разноуровневая подготовка студентов оказалась кстати: слушатели постарше, хорошо изучившие русский язык еще в советской школе, с удовольствием узнавали, например, фонетические и грамматические тонкости украинского, а ребята помоложе – начинали разбираться в русской орфографии.

Неожиданно большой интерес вызвала тема об орфоэпической норме русского языка, в частности, о редукции безударных гласных. Поскольку в украинском гласные звуки чаще всего произносятся четко даже в безударном слоге, что отразилось на особенностях говора жителей нашего края, обсуждение этого вопроса привело к дискуссии об истоках «донецкого региолекта», понятия, введенного в научный оборот не так давно группой ученых-лингвистов. На той же волне позитивного воодушевления прошли занятия по акцентологической норме, во время которых студенты самостоятельно выявили множество похожих в написании, но с разным ударением слов (например: *апостр`оф* – *ап`остроф*, *в`ерба* – *верб`а*, *к`ухонный* – *кух`онный*, *стол`яр* – *ст`оляр* и т.д.). Основ-

ное внимание слушателей при изучении лексической нормы русского языка закономерно привлекли украинизмы, многие из которых стали неотъемлемой частью лексикона дончан.

Важно отметить, что системный сравнительный подход активизировал самостоятельную исследовательскую деятельность слушателей, способствовал их живому интересу к учебному процессу. Кроме того, он ярко выявил свои преимущества в том, что касается особенностей обучения взрослых людей самого разного возраста с кардинально отличающейся степенью языковой подготовки.

Анализируя андрагогический аспект проблемы, можно сформулировать некоторые пока только промежуточные выводы.

Особенности восприятия взрослыми-нефилологами обобщенных знаний о системе русского языка в русле нашего методологического подхода повлияли на специфику психолого-педагогических условий для формирования необходимого комплекса компетенций: лингвистической, социолингвистической, социокультурной, стратегической, дискурсивной и социальной.

Сквозным действием педагогического процесса стала осознанная проблематизация теоретического материала. Путем составления разновозрастных поисковых групп достигалось многократное усиление интереса к предмету изучения. При этом использовались способы, интенсифицирующие процесс: приобщение к работе самой старшей группы обучающихся в качестве наставников; включение их в группы с младшими; опора на их знания, но в преломлении новой языковой ситуации.

Важной частью обучения взрослых стала и опора на знания, связанные с системой антистарения. Реально используемое двуязычие создавало дополнительную мотивацию (особенно для взрослых людей старше сорока лет), укрепляющую их позитивный настрой и познавательный потенциал, их нацеленность на развитие когнитивной гибкости, живого восприятия. Для молодых слушателей развитие их билингвальных возможностей сопровождалось формированием умений работать в команде, осуществлять мозговой штурм, искать закономерности, устанавливать причинно-следственные связи, систематизировать материал.

Таким образом, опыт переподготовки на курсах русского языка в условиях его возрождения показал, что в образовательной практике региона, вопреки деструктивным действиям политической

элиты, был создан действенный методологический подход для продуктивного изучения и русского, и украинского языков. Новой основой старого подхода стал важный социальный заказ: изучать оба языка для мира, а не войны. Такое понимание ответственной гражданской позиции может консолидировать и филологическую общественность республики. Носителями осознанного мирного двуязычия должны стать сами филологи, ибо методика преподавания – только плод этого реального билингвизма и нацеленности всего общества на преодоление лингвистического варварства.

Литература

1. Казаку Л. Билингвизм и диглоссия в Республике Молдова / Л. Казаку. // Національний університет «Одеська юридична академія». – Вип.1. – Одеса : Фенікс, 2013. – С. 39–48.
2. Мозговой В. И. Универсальность языка и вариативность русско-украинского языкового пространства / В. И. Мозговой. // Информационный Вестник Форума русистов Украины. Вып.12. – Симферополь: «Арти-ЮК», 2009. – С.29–37.
3. Мозговой В. И. Русская культура в украинском языковом контексте / В. И. Мозговой // Политика и реальность. Вестник Российского университета дружбы народов. Научный журнал // Серия «Русский язык и иностранные языки и методика их преподавания» – 2010, № 3. – С. 163–168.
4. Мозговой В. И. Украинские мифы языковой политики / В. И. Мозговой // Информационный Вестник Форума русистов Украины. Вып. 14. – Симферополь: Крымский центр гуманитарных исследований, 2011. – С. 97–104.
5. Мозговой В. И. Ділова українська мова в державному управлінні. Частина I. Загальний курс. / В. І. Мозговий – Донецьк: Технопарк ДонДТУ «УНІТЕХ», 2005. – 412 с.
6. Мозговой В. И., Вергазова Л. Г. Ділова українська мова в державному управлінні. Частина II. Практичний курс / Мозговий В. І., Вергазова Л. Г. – Донецьк: Технопарк ДонДТУ «УНІТЕХ», 2005. – 158 с.
7. Мозговой В. И. Українська мова у професійному спілкуванні. Навчальний посібник / В. І. Мозговий. – К.: Центр навчальної літератури, 2006. – 592 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА УЧИТЕЛЯ – СЛОВЕСНИКА В XXI ВЕКЕ: ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Г.Б. Вершинина

timoryaz@rambler.ru

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»
Новокузнецкий институт (филиал)
(Новокузнецк)

Социономический характер педагогической деятельности предъявляет высокие требования к главному ее компоненту – коммуникативной культуре учителя. Она традиционно включает: а) совокупность общепринятых законов и правил использования языка (комплекс литературных норм), речевого поведения в целом как высоких духовных достижений человечества в системе взаимоотношений в различных сферах жизнедеятельности (бытовой, профессиональной, художественной); б) степень развития коммуникативной компетенции человека, основанной на умелом, искусном, результативном общении в значимых речевых ситуациях [4, с.81-88].

В свою очередь, коммуникативная компетенция учителя объединяет уместное и успешное использование всех видов речевой деятельности (говорения, слушания; письма, чтения), комплекса профессионально востребованных вербальных, пантомимических, ритмико-интонационных, средств, богатого жанрового репертуара педагогических монологов, диа- и полилогов. Они могут классифицироваться по различным критериям и входить на основе категориальных признаков текста в интенционально-информативное содержание урока как главного педагогического гипержанра — учебно-научного поликодового полилога. При таком подходе в традиционные критерии качества педагогической деятельности включается оценка его речевого воплощения.

Особое место в системе школьного образования занимает учитель русского языка и литературы. Его деятельность относят к одному из самых сложных и трудоемких видов. И дело не только в том, что словесник является школо- и стронообразующим специалистом, в чьи обязанности входит помочь ученикам качественно освоить государственный язык России, обязательный для продолжения образования и успешной профессиональной карьеры. Главное заключается в острой

необходимости такому учителю обладать высокой общей и речевой (риторической) культурой, виртуозно, безукоризненно владеть материалом учебного предмета – русской словесности как посредника между ребенком и миром, быть коммуникативным лидером в процессе обучения, воспитания и развития, уметь качественно использовать сведения из научных, публицистических, искусствоведческих и пр. источников и при высокой физической и эмоциональной загруженности оставаться риторическим идеалом эпохи.

В то же время результаты письменного ЕГЭ как «пропуск» в педагогические вузы не обеспечивают необходимый входной уровень коммуникативной готовности абитуриента, будущего филолога, к публичной государствообразующей профессии.

Так, *основные аспектные проблемы* студентов включают:

1) *Несформированность правильной речи*, которая должна обеспечивать ее понимание адресатами, адекватное замыслу адресанта, что особенно важно для учительских высказываний.

Анализ экзаменационных материалов ЕГЭ по русскому языку свидетельствует, что языковые единицы, которые выпускникам предстоит выбрать из парадигмы «норма» – «речевая ошибка», зачастую не являются частотными, а значит, и актуальными для современной речевой практики. Следовательно, коммуникативная подготовка будущих педагогов-словесников требует разработки и реализации *сквозной ортологической системы* для *всего* процесса обучения, что позволит освоить орфоэпический и лексико-грамматический и правописный *профессиональный минимум*. Он может стать дидактическим (лингвометодическим) элементом модулей дисциплин «Современный русский литературный язык», «Коммуникативная культура педагога», «Педагогическая риторика» и т.п. Основные *виды ортологических заданий* включают анализ нормы в сопоставлении с ошибочным вариантом (ортологическую «разминку») и контрольное задание – ортологический диктант. Методика организации такой работы предусматривает: а) ролевую игру – демонстрацию самими студентами частотного для учителя языкового материала (например, произношения терминов «дефИс», «оксЮморон», «подрОстковый», слов типа «углубИть», «повторИм», «премировАть», «костюмирОванный», «вЕроисповЕдание» и пр.; употребления падежных форм местоимений

«сколько», «столько», порядковых и количественных числительных и пр.); во время ролевой игры студент организует хоровое произнесение языкового материала, его запись с графическим обозначением нормы с помощью, например, прописных букв; б) проверку на следующем занятии освоенного минимума в виде уплотненного письменного (с обязательным графическим обозначением нормы) или устного опросов. *Варианты* проверки: студент – «учитель» называет правильный и ошибочный образцы языковых примеров, «ученики» записывают или произносят один из вариантов или, например, выписывают букву, обозначающую ударный гласный; «ученики» хором или индивидуально озвучивают языковой материал, вынесенный на слайд.

2. *Несформированность качественной речи.* Под такой речью понимают логичную (последовательную), точную, богатую, вербально выразительную, ситуативно уместную и пр. речь, которая обеспечивает не только реализацию комплексной педагогической интенции, но и создает условия для эстетических впечатлений и переживаний адресата [1; 3]. В систему работы над названными свойствами могут включаться задания на *освоение* образцовой и *лексико-грамматическое редактирование* косноязычной речи педагога (бедной, неточной / двусмысленной, неуместной в данной речевой ситуации и пр.). Дидактический материал будет содержать фразы, выявленные в результате включенного наблюдения или приведенные в специальных источниках, типа: «С Пушкиным многие из вас познакомились ещё в детском саду»; «Вот скромный домик. У домика забор. У забора – дерево. На дереве скворечник. Здесь жил Чехов»; «Что такое имя числительное?», «Какое это предложение?», «Мы прошли с вами тему ... Перейдем к новой теме»; «А. Блок принадлежал к тем писателям и поэтам, которые приняли революцию» и т.п. Задания на редактирование таких примеров и сопоставление с образцовым вариантом предупреждает появление речевых недочетов, усовершенствуют весь комплекс коммуникативных качеств речи учителя, облегчит объективный анализ и оценку детских ответов.

3. *Несформированность паралингвистических компонентов коммуникативной культуры учителя словесности.*

Эта проблема целенаправленно не решается ни на одном уровне школьного и высшего педагогического образования.

Оставляя за рамками статьи аргументацию необходимости владеть *пантомимическим* (системой уместных средств выразительности профессионального говорения и слушания учителя: взгляда, мимики, жестов, позы и пр.) и *ритмико-интонационным* комплексом (совокупностью качественных средств звучащей речи: общей тональности голоса, его высоты, силы, тембральной окраски, темпоритмической организации речи, пауз и пр.), охарактеризуем *типологию заданий*, позволяющих сделать названную проблему менее острой, усовершенствовать пантомимическую культуру и осуществить элементарную подготовку педагогического голоса к «горловой» нагрузке, предупредить профессиональные заболевания голосового аппарата учителя. Это т. н. *речевая гимнастика*, которая включает: *дыхательную* (на смешанно-диафрагмальный тип дыхания на стадии вдоха и порционного выдоха); *дикционную* (разучивание и отработку элементов техники речи); *голосовую* (развивающую риторические свойства педагогического голоса: оптимальный запас громкости; широкий силовой, звуковысотный и тембральный диапазоны; полетность; помехоустойчивость; адаптивность к условиям аудитории; гибкость; суггестивность и пр.) [4, с.137-138, 164-166].

Основным *дидактическим средством* формирования паралингвистического компонента коммуникативной культуры учителя – словесника должен стать *видеобразец* (фрагменты аудио- и видеозаписей реальных уроков, в том числе студенческих; эпизоды документальных и художественных фильмов на школьную тему). Он позволит исследовать вербально-невербальные средства педагогической речи в комплексе. Аспектные задания могут проводить в виде ролевой игры сами студенты. Последовательность работы включает: целевую установку на просмотр и комплекс вопросов для анализа; просмотр видеоматериала; его риторический анализ (насколько успешно / нерезультативно была организована учебно-речевая ситуация; какие педагогические, коммуникативные приемы и средства были использованы, их уместность и эффективность; анализ возможных вариантов конструктивного решения учебно-речевой задачи и пр.).

4. *Несформированность (бедность) профессионального жанрового репертуара педагогического говорения и письма.*

Содержание школьной, а затем и вузовской подготовки филологов не учитывает, что использование языка как одного из основных средств обучения, воспитания, развития учащихся, выражения отношения педагога к различным учебно-речевым ситуациям, к личности ребенка реализуется в форме *комплекса педагогических речевых жанров*: устных, письменных, поликодовых (вербальных, вербально-иконических, абстрактно-графических и др.). Они объединяются в макрожанр (гипержанр) речи учителя и учеников – урок, учебно-научный поликодовый полилог. В его основании лежит поурочный конспект, специфический графический текст сценарного плана. Именно в него на докоммуникативном этапе общения учитель закладывает лингвометодический замысел (комплексную интенцию, предметное, воспитательное и развивающее содержание урока, информацию о приемах, средствах обучения), элементы своей коммуникативно-риторической индивидуальности (например, виртуозное владение проблемным способом изложения сведений), профессионального вербального идиостиля, которые реализуются системой жанров и их лексико-грамматическими средствами.

Формируя коммуникативно-жанровую компетенцию будущего словесника, необходимо учитывать специфику учебного предмета. Так, в речи словесника, как правило, востребованы специальные *жанры – повествования* (биографический рассказ, предметные истории – сказка, детектив; алгоритмы лингвистических разборов, правил-инструкций и т.п.), *описания* (портретная, в том числе речевая, характеристика писателя, ученика, литературного персонажа; лингвистическое и литературоведческое определение; пейзажные зарисовки и т.п.); жанры *аргументативной / убеждающей речи* (например, проблемные слово или школьная лекция); *комплексные жанры*: экскурсионная речь; творческий портрет писателя (поэта, прозаика, драматурга); художника – иллюстратора, композитора, театрального и кинорежиссера, актера, танцовщика / танцовщицы как «соавторов» мастера слова (например, в хореографической версии произведения); родословная писателя, героя художественной литературы, включающая родовое древо, поколенную роспись, семейные легенды, предания, историю реликвии, профессии, фамилии / псевдонима, живописного портрета, фотографии и пр.; отзыв, рецензия и т.п.; этикетно-церемониальные

жанры приветствия, благодарности, извинения, поздравления, похвалы, напутствия, речи к подарку и пр.; реалистический / невыдуманный рассказ (о случае из жизни самого учителя, происшествии, свидетелями или участниками которого были ученики, в том числе юмористический, серьезный, нравоучительный и пр.); нравственная беседа, притча; характеристика-инструкция к учебной деятельности (как выполнять задание по учебнику, таблице, схеме; как готовиться к диктанту, сочинению и пр.); жанры документов (классный журнал, школьный дневник, учебно-воспитательный план работы, тематическое и календарное планирование, конспект урока, характеристика ученика, отчет о работе, докладная служебная записка; жанры официальных писем и пр.); многочисленные варианты педагогических требований, замечаний, публичных выступлений (доклад на научно-методическом семинаре, педсовете; творческий портрет коллеги; популярная лекция для родителей; конференс и пр.); литературно-художественные и публицистические жанры, которые изучаются на уроке или используются в воспитательных целях (например, в работе с детской редакцией) и др.

Особое место в процессе формирования культуры речевого поведения будущего словесника, на наш взгляд, должно занять выявление и исследование типологии *приемов, средств и жанров коммуникативной агрессии*: угрозы и ее разновидностей; несправедливого требования; оскорбительной характеристики ученика (в виде отрицательной оценки внешнего вида, умственных способностей, коммуникантов – друзей, родителей и пр.); оскорбительной сравнительной характеристики (например, основанной на зоометафоре); обидной насмешки, жанровых форм невежливого намека; несправедливого обвинения / упрёка и пр.

Отметим, что представление о системе педагогических жанров, их количестве, структурно-композиционном и языковом воплощении, вербально-невербальных приемах популяризации предметных знаний (понятий, фактов, закономерностей), делающих их доступными детским механизмам усвоения информации, в науке пока не сложилось [2].

Подведем итоги. Коммуникативную компетенцию и культуру учителя русского языка и литературы как образцового носи-

теля языка обеспечит освоение специальных сведений, включающих законы, правила, способы, вербально-невербальные средства, жанровые формы успешного общения в профессионально значимых учебно-речевых ситуациях. Эту информацию объединяет педагогическая риторика. Ее основание заложено Т.А. Ладыженской, д.п.н., профессором МПГУ, Лауреатом Государственной премии, и ее последователями. Именно педагогическая риторика должна стать ведущим гуманитарным предметом в новых ФГОС и учебных планах подготовки учителя для будущего. В вузовское обучение педагогов как представителей «человековедения» необходимо включать: а) профессионально значимые сведения об особенностях всех видов и средствах выразительности интеллектуально-речевой (коммуникативной) деятельности педагога и учеников в процессе взаимодействия; б) аспектные материалы о педагогическом голосе и специальные тренинги – задания, связанные с формированием произносительной культуры учителя (его специфической фонации, респирации, артикуляции); г) сведения о частотных педагогических речевых жанрах, в том числе об *уроке* (занятии) как особом комплексном жанре – поликодовом полилоге и его деятельностной основе – *конспекте*.

Качество сформированной коммуникативно-жанровой компетенции и шире – культуры учителя должно проверяться в условиях реальной практики и включаться в критериально-оценочные параметры его квалификации. Только в этом случае педагог – филолог выполнит профессиональную миссию риторического идеала эпохи, чье речевое поведение будет образцом для учеников и коллег.

Литература

1. Введенская Л.А. Культура речи. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – 448 с.
2. Вершинина Г.Б. Проблемы классификации педагогических жанров // Школа профессора Т.А. Ладыженской. Коллективная монография. Выпуск 2. М., 2011. - С.45-51
3. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1988. – 320 с.
4. Педагогическое речеведение. Словарь – справочник./ Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской. М.: Флинта, Наука, 1998. – 312 с.
5. Филиппова О.В. Профессиональная речь учителя. Интонация. М.: Флинта, 2017. – 192 с.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ-БИЛИНГВОВ В КУРСЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»

З.С. Зюкина

z.zyukina@yandex.ru

Российский университет дружбы народов

(Москва)

Профессию педагога традиционно относят к одному из самых сложных и трудоемких видов деятельности. Дело в том, что педагог должен обладать высокой общей и речевой (риторической) культурой, виртуозно владеть материалом учебного предмета – посредника между обучающимся и миром, быть коммуникативным лидером в процессе обучения, воспитания и развития. [1, с. 82]. Педагоги – мастера добиваются высоких достижений прежде всего за счет того, что умеют лучше организовать, использовать возможности педагогического общения благодаря развитию у них коммуникативных качеств и важнейших профессионально значимых свойств, таких, как коммуникативно-речевая активность.

Под коммуникативно-речевой активностью (применительно к говорению) мы будем понимать «свойство личности, проявляющееся в стремлении осуществить разнообразную речевую деятельность на уровне тех коммуникативных возможностей, к которым он готов в смысле владения языком. Коммуникативно-речевая активность – это и проявление волевых усилий, и вместе с тем внутренняя готовность человека действовать соответствующим образом в конкретной коммуникативно-речевой ситуации, это и динамическое интегральное свойство личности, способное изменить под воздействием обучения свой характер от воспроизводящего до творческого» [2, с. 247].

Для выявления уровня коммуникативно-речевой активности личности необходимо установить те критерии, которые отражают суть явления, являются достаточно объективными и убедительными.

Часто активность "замеряется" как объективными критериями (когда оцениваются результаты деятельности), так и достаточно субъективными – такими, как мотив, потребность, интерес

и т. д. При определении критериев активности исследователи зачастую не называют их оснований. Поэтому характеризуют и личность, и характер, и качество деятельности, и направленность личности. Такой калейдоскоп критериев активности определяется сущностью активности как сложного многостороннего явления деятельности. Притом активность – явление, находящееся в постоянном изменении, что также затрудняет его характеристику.

Поэтому, несмотря на множество критериев определения коммуникативно-речевой активности, остановимся только на тех, которые, на наш взгляд, являются более показательными и более объективными. Если коммуникативно-речевая активность проявляется в стремлении осуществлять речевую деятельность, то в учебной ситуации для студентов-билингвов лексический объём высказываний каждого студента и количество учебного времени, реально затраченного на говорение каждого студента, можно подвергнуть элементарному подсчету [2, с. 248].

Выделенные критерии могут показаться формальными. Возможно, они таковыми являются для русской аудитории. Однако для изучения проблемы коммуникативно-речевой активности билингвов эти показатели представляют определенную ценность. Они не только соответствуют деятельности, в которой проявляется активность, но и фиксируют деятельностное состояние субъекта. Кроме того, они могут стать реально работающими в учебных целях. Наша аудитория – достаточно взрослые люди, которые могут при необходимости самостоятельно установить (с помощью хронометра, часов) свою коммуникативно-речевую активность, дать ей оценку, увидеть её в динамике.

Раскрытие сущности понятия критерий определения коммуникативно-речевой активности требует выделения видов активности, что позволит более конкретно говорить о критериях. Активность может характеризовать личность со стороны готовности, стремления к деятельности. Мы называем такую активность потенциальной. Такой же термин встречаем и в работах В.И. Лозовой [3, с. 16]. В учебной деятельности готовность проявляется в осознании цели, поставленной преподавателем или самостоятельно. Стремление к деятельности находит проявление в интересе к деятельности. Но готовность, интерес к деятельности ещё не означает

реализацию потребности в конкретной деятельности. В таких случаях важен механизм воли, который при необходимости переводит потенциальную активность в реальную, т. е. способствует выполнению деятельности. Охарактеризуем именно реализованную активность. В зависимости от характера выполняемой деятельности можно говорить о репродуктивной (исполнительской) и творческой активности. Коммуникативно-речевая активность личности может носить ситуативный, эпизодический характер, а может подниматься до стойкого личностного качества.

«В зависимости от системы отношений личности к деятельности следует говорить о ситуативной активности (проявляется в отдельных видах деятельности, в определённых условиях, ситуациях) и интегральной (как преобладающее качество личности, проявляющееся, несмотря на препятствия, как направленность личности)» [3, с. 18]. Интегральная активность личности свидетельствует о том, что студент не просто может в тех или иных случаях проявлять активность в речи, а по-другому не может поступать, действовать.

Таким образом, при определении критериев, уровней активности необходимо учитывать:

- 1) виды деятельности, а, следовательно, виды активности;
- 2) волевые усилия личности в достижении целей;
- 3) характер деятельности субъекта;
- 4) устойчивость, длительность, динамику проявления активности.

Человек подсознательно стремится к общению на том языке, которым лучше владеет. Студенты-билингвы в течение дня преимущественно говорят на родном языке. При этом «выявлена тенденция речевого поведения – сохранение сформированного типа коммуникативно-речевой активности при изменениях языкового кода. Это даёт возможность говорить об относительной стабильности феномена коммуникативно-речевой активности независимо от языковой системы, средствами которой решаются вербальные задачи [2, с. 252].

Известно, что коммуникативно-речевая активность студентов-билингвов на занятиях очень низка: в среднем – 6% лексического объёма всех высказываний на одного студента и три минуты учебного времени [2, с. 250]. Типичная картина на занятиях – это

"принуждение" к речевой активности, а не побуждение к ней. Обычно кто говорит, тот и говорит.

Формирование такого личностного свойства, как коммуникативно-речевая активность, возможно. Эта возможность связана с тем, что активность–пассивность не всегда являются стабильными. В онтогенезе они могут сменить друг друга в связи с возрастными периодами развития личности.

Коммуникативно-речевая активность личности может изменяться в связи с изменениями социальной среды, в которой личность развивается, и под воздействием обучения, в ходе которой личность формируется.

Нам представляется творческим подход, основанный на коллективных, групповых формах обучения. Для такого учебного взаимодействия характерна неофициальность, непринужденность, доверительность общения; наличие комфортного фактора «вместе», способствующего преодолению в себе неуверенности. Часть заданий носит психологический характер и направлена на снятие психологических зажимов в ситуации речи без подготовки [4, с.175].

Коммуникативно-речевая активность целенаправленно формируется в процессе реализации определенной последовательности различных по своему функциональному назначению следующих этапов:

- индивидуальная работа, подготовка к общению;
- работа в учебных парах (обмен монологами);
- работа в малых группах (полилог, элементы дискуссии);
- коллективная работа группы (реплики, монологи разной величины, элементы дискуссии).

Такая организация занятий увеличивает время, отведенное под говорение, лексический объем высказываний, почти в два раза [2, с. 253].

Характерной особенностью подобных занятий является также то, что все обучающиеся без исключения находятся в ситуации, в которой не говорить нельзя.

Несомненно, что организация коллективного учебного взаимодействия в различного типа группах, в которых происходит интенсивное общение, способствуют повышению (формированию) коммуникативно-речевой активности.

Литература

1. Вершинина Г.Б. Творческий портрет режиссера драматического театра в профессиональной речи педагога-словесника // Научная школа профессора Т.А. Ладыженской: Коллективная монография: выпуск 3; под ред. Н.А. Ипполитовой. – М.: Издательство «Экзамен», 2015. – 239с.

2. Зюкина З.С. Коммуникативно-речевая активность учителя // Риторика: учеб. / З.С. Смелкова, Н.А. Ипполитова, Т.А. Ладыженская (и др.); под ред. Н.А. Ипполитовой. – Москва: Проспект, 2015. – 450с.

3. Лозовая В.И. Целостный подход к формированию познавательной активности школьников: Автореферат диссертации доктора психологических наук. – Тбилиси, 2000. – 47с.

4. Овсянникова Т.Г. «Священное умение говорить», или Подготовка будущего учителя к созданию спонтанного высказывания // Научная школа профессора Т.А.Ладыженской: Коллективная монография: выпуск 3; под ред. Н.А.Ипполитовой. – М.: Издательство «Экзамен», 2015. – 239 с.

СТРУКТУРНАЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ВТОРИЧНОСТЬ ТЕКСТА ВЫПУСКНОГО СОЧИНЕНИЯ

Л.А. Исаева

vlisaev@rambler.ru

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Краснодар)

При рассмотрении вторичного текста как объекта исследования целесообразно учитывать ряд аспектов: гносеологический, онтологический, психологический, собственно лингвистический. Именно последний и будет реализован в наших дальнейших рассуждениях.

В определении понятия вторичный текст опираемся на понимание этого термина, предложенное Н.А. Ипполитовой: «Вторичные тексты представляют собой результат переработки исходного (первичного) текста и являются в определенной степени реакцией на сказанное и в конечном счете результатом процесса восприятия и интерпретации первичного текста [1, с. 4].

Изучение текста ученического сочинения ЕГЭ как вторичного текстового образования имеет в русистике относительно короткую историю [1, 4, 3, 2]. Структурно-семантическое описание ученического сочинения как вторичного текста впервые дается в

диссертационном исследовании И.В. Лавровой, в котором рассматривается текст ученического сочинения «в качестве интертекстуального явления парадигматического типа, созданного на базе другого текста путем преобразования его содержательной структуры» [4, с. 7]. И.В. Лаврова относит тексты ученических сочинений-рассуждений к вторичным текстам учебного дискурса наряду с изложениями, рефератами, литературно-критическими статьями, сносками, примечаниями, текстами контрольных и обучающих заданий, аннотациями и др. Степень свободы создателя вторичного текста зависит от задания, но общими у первичного и созданных на его основе вторичных текстов будут тема и главная мысль автора по поводу поставленных проблем.

Очевидно, что первичный текст, предложенный для анализа, являет собой результат отражения некоторой ситуации, имеющей место в реальном или воображаемом мире. Тогда как вторичный текст сочинения есть отражение информационной структуры уже не ситуации, а первичного текста. Из этого вытекает специфика порождения и декодирования вторичного текста, которая состоит в том, что и та, и другая операции несвободны от первичного текста: в первом случае он присутствует реально, во втором – в виде образа или адреса доступа к содержащейся в первичном тексте информации. Коммуникативная и информационная структура вторичного текста сочинения, а также его функции претерпевают существенную трансформацию по сравнению с соответствующей структурой и функциями первичного текста.

Установки для написания вторичного текста ученического сочинения таковы, что композиционные характеристики вторичного текста ученического сочинения не зависят от композиции исходного текста. При этом композиция текста сочинения не ограничена рамками определенного жанра, но она является производной от требований самого задания с развернутым ответом, а также от «Критериев оценки сочинения».

Формальная структура производного текста выпускного сочинения практически всегда одинакова и включает в себя обязательные компоненты, наличие которых не зависит от характера первичного текста, тогда как содержательное наполнение этих компонентов (проблема, комментарий, позиция автора, частично - позиция

учащегося) базируется на содержательных и/или смысловых структурах исходного текста.

Анализ особенностей выпускного сочинения, существующего в жестко фиксированной (государственный экзамен) дискурсивной ситуации, где все действия **адресанта** (-ов), **адресатов** (всегда не менее двух) и **обстановки написания и проверки** жестко регламентированы, позволяет до некоторой степени прояснить для круга дискутирующих по вопросу необходимости/вредности этого вида коммуникативной деятельности ряд факторов, которые могут сделать обсуждение данной проблемы более предметным и научно обоснованным.

Адресант текста выпускного сочинения – это ученик 11 класса, цель коммуникативной деятельности которого – продемонстрировать сформированность ряда навыков, подтверждающих его право на получение аттестата о среднем образовании (универсальная цель) и на поступление в высшее или среднее учебное заведение (цель неуниверсальная, однако достаточно широко распространенная). Кроме вышеуказанных, нельзя исключать и частные цели, например самовыражения, самопрезентации.

Адресатами данного текста по правилам проведения ЕГЭ являются минимум два случайно выбранных из числа назначенных государственным приказом проверяющих – учителя русского языка (в случае расхождения их оценки назначается третий, с особыми полномочиями разрешения заочного конфликта), а также другие статусно закрепленные лица (члены конфликтной комиссии, проверяющие более высокого «центрального» уровня и т.д.). Особенность деятельности перечисленных адресатов заключается в том, что все они обязаны проверить соответствие текста официально утвержденным положениям и выставить оценки, с опорой на утвержденные «Критерии оценивания сочинения», минимизируя субъективную составляющую. Последнее специально оговаривается во время подготовки проверяющих (экспертов), и любой субъективизм рассматривается как понижение качества проверки. Очевидно, что названные частные коммуникативные цели ученика (самовыражение и самопрезентация) не находят в этом случае адекватных форм оценки. Впрочем, недопустима и комплексная оценка того, что можно назвать «тип языковой личности автора».

Специально оговаривается, что оценка по одному из критериев не должна влиять на оценку по-другому.

Обстановка написания сочинения включает две группы факторов:

1) фиксированные время и место создания текста (они жестко регламентированы, как и самостоятельность деятельности учеников);

2) разработанная и заранее известная ученику форма создания текста, которая включает опору на предложенный авторский текст, при работе с которым должны быть произведены определенные действия: вычленение одной из проблем, комментариев этой проблемы с опорой на исходный текст, установление авторской позиции по избранной проблеме, диалог с автором анализируемого текста (согласие/несогласие), а также аргументация позиции ученика с опорой на иные прочитанные тексты и/или жизненный опыт.

Следовательно, налицо появление второй искусственно смоделированной дискурсивной диалогической ситуации, в которой появляется новый адресант – автор анализируемого текста, выступающий в невольной роли адресата, то есть «собеседника», к которому апеллирует ученик, соглашаясь или не соглашаясь с ним.

Если первая группа факторов вряд ли может быть проанализирована с лингвистических позиций, то вторая вполне «филологична», и для исследования этих компонентов дискурсивной ситуации вполне подходит инструментарий таких наук, как теория дискурса и теория текста.

Привлечение «аргументов» (условность применения данного термина к примерам из других текстов понятна всем, однако лучшей номинации у разработчиков критериев оценки, да и всей концепции выпускного сочинения не нашлось) создает «вторичность» иного плана, которую можно назвать «отсылочностью», «цитацией», «аллюзивностью», своеобразной реализацией функции «текста в тексте». Уместность/неуместность, а также фактическая правильность использования «чужих текстов» – один из имеющихся в распоряжении адресатов-экспертов критериев оценки текста ученического сочинения. «Читательский опыт» учащегося, как он назван в критериях оценки сочинения, представляет собой сво-

его рода «вертикальный контекст» (О.С. Ахманова и И.В. Гюббенет), который должен содержать, по мнению авторов концепции ЕГЭ, «ядро», в которое включены тексты программного характера (изучаемые в школе), а также самостоятельно прочитанные тексты – «периферию». Предлагаемый для анализа текст по своей проблематике должен быть таким, чтобы «программный» читательский опыт позволял найти в нем «аргументы», а точнее – примеры ситуаций, в которых была бы актуальна проблематика исходного текста.

Кроме того, надо учесть и тот факт, что ученик должен показать не только умение работать с одним конкретным текстом (понимание его содержания и смысла, вычленение главной фактуальной и концептуальной информации), но и владение навыками построения «нового» текста, то есть продемонстрировать знание законов универсальной «производности», норм создания «правильных» текстов, которые сформировались в процессе многовекового текстопостроения. Такой сложный набор факторов, обеспечивающих нормативное (а значит, высоко оцениваемое) текстопроизводство выпускного сочинения, делает данную дискурсивную ситуацию уникальной и максимально сложной для ее основного адресанта – ученика.

Таким образом, выпускное сочинение по русскому языку в структуре ЕГЭ – это системно-структурное вторичное образование, которое не повторяет существенных признаков первичного текста и характеризуется самостоятельными способами осуществления связности, цельности. Композиционная структура выпускного сочинения уникальна, разработана именно для данного вида вторичных текстов и обеспечивает реализацию целеполагания (проверка сформированности коммуникативных компетенций выпускников). В прагматическом аспекте выпускное сочинение – это компонент сложной дискурсивной ситуации, включающей в себя несколько уровней:

- адресант-учащийся, адресаты-проверяющие (эксперты), ситуация выпускного экзамена, включающая собственно организационные составляющие, а также условия работы над исходным текстом (для учащихся) и критерии проверки и оценивания сочинения (для проверяющих);

-адресант-автор исходного текста, адресат – учащийся, ситуация восприятия и понимания текста учащимся с опорой на полученные знания и жизненный опыт;

-адресант-учащийся, адресат-автор исходного текста, ситуация – «виртуальной коммуникации»;

-адресант (ы) – автор(ы) привлекаемых для «аргументации» текстов, адресат – ученик, ситуация «извлечения» текста из «вертикального контекста» учащегося и трансформация его содержания (при сохранении смысловой адекватности) для доказательства правильности /неправильности позиции автора анализируемого текста;

-адресанты – авторы концепции выпускного сочинения ЕГЭ (критериев оценки сочинения), адресаты – учащиеся и проверяющие, ситуация написания и проверки сочинения.

Выпускное сочинение представляет собой «вторичный текст», аккумулирующий следующие типы «производности»:

- «производность» от конкретного текста, предложенного для анализа;

- аллюзивная отсылка к тексту(-ам) – источникам «аргументов»;

- «универсальная производность», основанная на текстовой традиции, то есть нормах построения «правильных текстов»;

- «структурно-семантическая производность» от текста «Критериев оценки сочинения», поскольку именно точное соблюдение их требований позволяет пишущему достичь основной цели данного речевого акта – получения высокой оценки, гарантирующей реализацию его жизненных планов.

Литература

1. Ипполитова Н.А. Вторичные тексты в учебной деятельности школьников // Русский язык в школе. 2010. № 6. – С. 3-9.

2. Исаева Л.А. Выпускное сочинение: дискурсивный аспект исследования // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы V Международной научной конференции. 2015. – С.11-13.

3. Исаева Л.А., Лаврова И.В. Вторичный текст сочинения как способ репрезентации картины мира // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 4-2 (28). – С. 175-179.

4. Лаврова И.В. Сочинение-рассуждение как разновидность вторичного текста: базовые характеристики (на материале письменных работ учащихся средней школы): автореф. дис. ... канд. филол. 2011. – 26 с.

**«ПУШКИН, ЛЕРМОНТОВ
И ГРАФ ТОЛСТОЙ ИГРАЛИ В КАРТЫ...»
ИЗУЧЕНИЕ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ
ТРАГИКОМЕДИЯ**

*Колтухова И.М., Соколова И.Г.
sokolovaira00@mail.ru*

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
«Крымский республиканский институт
постдипломного педагогического образования»
(Симферополь)

Изучение биографии писателя на уроках литературы, казалось бы, давным-давно рассмотрено в самых разных учебниках и учебных пособиях по методике преподавания литературы. И естественно, ни у кого не должно вызывать сомнения, что личность автора необходимо изучать в связи с творчеством, без «хрестоматийного глянца», но и без проявлений фамильярности и пошлого любопытства к интимным подробностям.

Однако не тут-то было. Обвал в нашем школьном, а вслед за тем и вузовском образовании привел к тому, что культурный слой, который наращивался с таким большим трудом, оказался меньше чем за два десятилетия вытоптаным.

Традиции, сложившиеся в отечественной методике, неразрывно связаны с биографическим методом в литературоведении, предполагающим такой способ восприятия, анализа и оценки художественной литературы, при котором осмысление художественного произведения в связи с фактами биографии его автора помогает ученику понять состояние души художника. Важная научная проблема литературоведения и эстетики – проблема изучения биографии писателя – основательно рассмотрена в работах Г.А. Винокура, В.М. Жирмунского, Ю. Лотмана, Б. В. Томашевского, Ю. Тынянова и др. [1; 3; 7; 11; 12].

Изучение связи биографического и творческого пространства, формирование культурологического контекста и является одной из задач школьной методики.

Именно в таких аспектах (нравственно-эстетическом, историко-культурном) разрабатывали проблему изучения биографии

писателя в школе известные методисты М.А. Рыбникова, Н.В. Колокольцев, А.А. Липаев, В.А. Никольский и др. [2; 4; 5; 6; 8; 9].

Еще в середине прошлого века обоснованы методы изучения биографии писателя на уроке литературы: лекционный (рассказ учителя с элементами беседы, с использованием такой формы, как заочная экскурсия); метод самостоятельной работы, завершающийся устными сообщениями, докладами, рефератами (а в наши дни и ставшими весьма популярными презентациями).

В трудах известных методистов большое внимание уделяется учету возрастных особенностей учащихся [4; 8; 9].

Учтены психологические особенности каждого возрастного периода: «наивный реализм» (5–6 класс), период «морального самоуглубления» (7–8 классы), критическая оценка себя и окружающих (8–9 классы), оценка социальных, нравственных и эстетических сторон эволюции личности автора, осознание причинно-следственных связей в жизни личности и общества (10–11 классы).

Если в младших и средних классах учитель ориентируется на отдельные яркие эпизоды биографии писателя, то в старших биографический материал дается в системе и дополняется и расширяется за счет мемуарной литературы, воспоминаний современников, эссе, литературных портретов и т.п.

Представление о духовном облике писателя формируется как осмысление учащимися жизненного опыта художника, знакомство с чертами его неповторимой личности.

Н.П. Терентьева так объясняет принцип экзистенциальности: «Поменьше дат, названий, второстепенной информации, а больше интересных эпизодов из жизни писателя, к тому же эпизодов с подтекстным обращением к чувствам учеников. Ученики часто спрашивают, каким писатель был в повседневной жизни как сын, муж, отец, с кем дружил, как проводил досуг, чем увлекался – вплоть до того, какую одежду любил. Для их воспитания очень важно знать: щедрым душой или черствым, чутким или эгоистическим был данный художник?» [10, с.23].

Казалось бы, ни к чему напоминать эти общеизвестные истины. Однако в современной школьной реальности чаще всего приходится наблюдать совершенно иную картину.

В крымских русскоязычных школах за время пребывания в составе Украины целенаправленно были разрушены межпредметные связи. Если программа советской школы, при всех ее недостатках и несовершенствах, учитывала соответствие материала, изучаемого на уроках истории, материалу уроков литературы, то начиная с середины 90-х годов, программы и учебники издавались с установкой на уничтожение «проклятого советского прошлого».

В результате пятиклассники после изучения «Муму» Тургенева отвечали, что это «история про «злую тётку», которая зачем-то «приказала убить собачку». Почему же хозяин послушался «злую тётку», они искренне не понимали. А стихотворение Пушкина «В Сибирь» у них никак не связывалось с историческими событиями и биографией автора, поскольку в учебниках истории не было никакой информации о декабристах.

После того, как предмет литературы из одного из основных стал десятистепенным и необязательным, резко снизился профессиональный и общекультурный уровень учителя и, соответственно, ученика. Упования на то, что дети, обученные искать информацию в интернете, проявят здоровую любознательность и, имея доступ к самым разным источникам информации, вырастут высокообразованными, свободными от «совковых» предрассудков и идеологического давления, не оправдались.

При наличии в интернете сайта «Первое сентября» и ряда других, заслуживающих уважения, зачастую учитель, особенно начинающий, предпочитает черпать информацию из социальных сетей.

В статье Т.Ф. Курдюмовой «Как рассказать о биографии писателя» приводится «последовательно расширяющийся перечень сведений в памяти учеников»:

- Знакомо только имя.
- Знакомо имя и названия нескольких произведений.
- Есть представление о человеке, который создал знакомые произведения.
- Знакомо несколько фактов жизненного и творческого пути писателя, связанных с изучаемым произведением.
- В общих чертах знакома творческая биография, знакомы важнейшие факты жизни и творчества.
- Освоена относительно полная и связная картина жизни и творчества писателя.

- В сознании юного читателя сформировалась картина жизни и творчества хорошо знакомого и духовно близкого человека [5, с. 37].

Анкетирование старшеклассников, которых учитель на уроках литературы натаскивает к ЕГЭ по русскому языку, поскольку литературу сдают единицы, показывает, что из приведенного перечня в лучшем случае им знакомы не больше двух-трех пунктов.

И студенты, которые поступают на гуманитарные отделения вузов, начинают свое литературное образование «с чистого листа». Однако при этом они уже находятся не один год под влиянием сложившихся стереотипов, навязанных масскультом.

Плохо подготовленный учитель идет по линии наименьшего сопротивления. Чтобы хоть как-то привлечь внимание учеников на уроке (все равно ведь не читают), старается познакомить их с «интересными фактами», даже не понимая, что имеет дело с фейками.

Среди презентаций в интернете, созданных учителями и старшеклассниками и предназначенных для уроков литературы, стремительно набирает популярность заголовков «Интересные факты из жизни...». Сплетни, не подтвержденные никакими ссылками на источники, уверенно преподносятся школьникам («говорят», «рассказывают», «известно, что...»).

Как правило, «факты» подбираются в полном соответствии со знаменитым высказыванием А.С. Пушкина. Как известно, он с одобрением отнесся к известию о том, что секретарь Байрона отказался после смерти поэта опубликовать его личные дневники. "Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. Толпа жадно читает исповеди, записки, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабости могущего. При обнаружении всякой мерзости она в восхищении: "Он мал, как мы! Он мерзок, как мы!" — "Врете, подлецы! Он мерзок, но не так, как вы — иначе!" (из письма П. Вяземскому, ноябрь 1825 г.).

Смена культурных ориентиров происходит, увы, и вне школы, и внутри нее. Агрессивное навязывание клеветнических глупостей стало возможным только при полном отсутствии знаний, при глобальном невежестве.

Молодая учительница на уроке в девятом классе при изучении лирики Лермонтова включила в презентацию «фотографию

семьи поэта». На этой не без юмора созданной подделке отец Лермонтова красовался в форме советского офицера, мать — в платье по моде пятидесятых годов XX века, а малыш Лермонтов — в матроске. Бабушку Елизавету Алексеевну отчасти пощадили, изобразив довольно условно, в наряде «вне времени».

Оказалось, что учительница (литературы!) не имеет представления о событиях XIX и XX веков, они от нее так же далеки, как эпоха динозавров.

Биография автора «изучается» не для того, чтобы лучше понять его творчество, его внутренний мир, духовную эволюцию, проблемы эпохи, в которую он жил. Две-три строчки из стихотворений Есенина с трудом припоминаются на уроке, тема которого не «Лирика Сергея Есенина», а почему-то «Женщины Есенина».

Название нашей статьи всего-навсего цитата, начало анекдота. К сожалению, подобных анекдотических случаев в школьной практике становится с каждым годом больше.

Влияние лжебиографов усиливается еще и потому, что в нашей системе образования возобладала ложная тенденция – противопоставлять знания и практические умения. Благая идея «научить самостоятельно добывать знания» трансформировалась в умение двумя-тремя кликами подхватывать какую попало, чаще всего сомнительную информацию, поскольку она меньше всего требует осмысления и серьезного анализа. Установка на преобладание визуализации ведет к нарушению когнитивных навыков. Сложившаяся ситуация еще раз доказывает, что настоящие учителя-словесники не должны оставаться в современном обществе невостребованными, и от уровня их подготовки зависит общий уровень культуры подрастающего поколения. Слова Дмитрия Сергеевича Лихачева о том, что филология лежит в основе любой культуры, никогда не устареют.

Литература

1. Винокур Г.А. Биография и культура. ЛКИ, 2007. – 96 с.
2. Громов Н.И. Художественная литература как искусство слова. Об-во по распространению полит.и науч. знаний РСФСР, 1959. – 45с.
3. Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. Л., Наука. 1973. – 184 с.

4. Колокольцев Е.Н. Межпредметные связи при изучении литературы в школе / Е.Н.Колокольцев, А.В. Дановский, М.А. Дмитриева и др.; под ред. Е.Н. Колокольцева. М.: Просвещение. 1990. – 365с.
5. Курдюмова Т.Ф. Как рассказать о биографии писателя / Т.Ф. Курдюмова // Литература. Издательский дом «Первое сентября» – 2006 – №3 – С.35 – 39.
6. Липаев А.А. Методика литературного чтения. Учпедгиз. 1954 – 278с.
7. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: пособие для учащихся. Ленинград: Просвещение, 1982. – 256с.
8. Никольский В.А. Методика преподавания литературы в средней школе. М.: Просвещение. 1971 – 256 с.
9. Рыбникова М.А. Очерки по методике литературного чтения. М.: Просвещение, 1963. – 315с.
10. Терентьева Н.П. Ценностное самоопределение школьников при освоении биографии писателя / Н.П. Терентьева // Литература в школе. – 2011. – №10. – С. 22–24.
11. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. Пособие. М.: Аспект Пресс, 1999.– 334с.
12. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М.: 1968 – 427с.

В.И. ДАЛЬ НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Д.В. Котовец

ivanovskaya.os@mail.ru

МБОУ «Ивановская СОШ»

Нижнегорск, Республика Крым

В процессе изучения русского языка в средней школе учителя нередко используют ценные с методической точки зрения материалы, которые тем или иным образом связаны с жизнью и трудами выдающихся отечественных языковедов. В школьных учебниках по русскому языку мы встречаем интересные выражения ученых-лингвистов об истории языка, полезные цитаты о грамоте, о важности орфографической и пунктуационной обученности современного человека. Среди знаменитых языковедов в учебниках часто упоминаются имена В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, Д.С. Лихачёва, В.Г. Костомарова, Л.П. Крысина и других. Особое место в развитии и становлении русского языка, несомненно, занимает и

Владимир Иванович Даль. Его имя мы также встречаем в учебниках с 5 по 11 класс. Отметим, что этот легендарный лексикограф, фольклорист, этнограф не был филологом по образованию. Свой знаменитый на весь мир «Толковый словарь живого великорусского языка» он составлял как любитель, обладающий особой любовью к живому русскому слову. Слова собирал сам, в одиночку. С чувством большой ответственности и скрупулезности давал толкование каждой лексической единице, услышанной и записанной им в дорожную тетрадь. Именно этот неоспоримый факт, что человек увлеченный, талантливый, филологически одарённый посвятил всю сознательную жизнь этому удивительному труду, вызывает восхищение и гордость, желание показывать и популяризировать его творческое наследие в школе как можно чаще. В нашей статье проанализируем линейку учебников по русскому языку [1, 3, 4, 5, 6, 7, 8] и покажем, каким образом в них подается дидактический материал, связанный с жизнью и творчеством В.И. Даля. Также предложим авторское видение возможности расширения информации о В.И. Дале в учебниках по русскому языку и в формате внеурочной деятельности.

Рассматривая учебники по русскому языку, мы установили, что тематическую информацию, касающуюся В.И. Даля, можно разделить на такие рубрики:

- 1) В.И. Даль в упражнениях учебников;
- 2) В.И. Даль в тематических рубриках учебников;
- 3) информация о В.И. Дале при изложении теоретических сведений в параграфах учебников.

В учебнике для V класса [3, 4] имя выдающегося лексикографа встречается пять раз. В §19 «Толковые словари» в ходе изложения теоретических сведений о толковых словарях приводится изображение «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, а также портрет лексикографа, указаны годы его жизни и основные виды деятельности. Считаем, что материал полезно расширить сведениями о том, что понятие «**толковый** словарь» ввёл в филологическую терминологию именно В.И. Даль. Автор назвал свой словарь *толковым* потому, что *«он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчинённых»* (примечание автора к из-

данию словаря 1880 года). В этом же параграфе, в рубрике «Советы помощника», мы читаем: «Если вы не понимаете или не знаете значения слова, обратитесь к словарям: В.И. Даль. Словарь живого великорусского языка (и к другим словарям). Следует заметить, что авторами приведено неполное название словаря. «Толковый словарь живого великорусского языка» – именно так называется знаменитый лексикографический труд В.И. Даля. И учителю на уроке следует сделать акцент на том, что в каждое слово, входящее в название словаря, автор вкладывал глубокий смысл.

Во II части учебника для V класса [4] В.И. Даль упомянут трижды. В §42 «Правописание НЕ с именами существительными» в рубрике «Лингвистические игры, задачки» приведена довольно интересная этимологическая задача: «В словаре В.И. Даля значение слова *наст* определяется так: «Осевший после оттепелей, отвердевший после морозов снег, поднимающий человека, а иногда и лошадь. Хороший наст бывает к концу зимы». *Поднимающий* значит то, что наст выдерживает человека или лошадь, не проваливается, поэтому по нему можно идти, ехать. А вот как называли дни, когда наста не было, когда невозможно было проехать по дороге? Догадайтесь, это слово имеет тот же корень, что и слово *наст*. Определите, каково его нынешнее значение» [4, с. 27]. В §60 «Собобщение, вопрос, побуждение к действию. Как они выражаются в предложении?» на странице с упражнением № 468, связанным с пословицами, уместно размещена рубрика «Это интересно», в которой авторы оправданно приводят определение пословицы, сформулированное В.И. Далем: «Пословица – коротенькая притча; сама же она говорит, что «голая речь не пословица». Это – суждение, поучение, высказанное обиняком (намёком со скрытым смыслом) и пущенное в оборот» [4, с. 100]. В разделе «Энциклопедия советов» этого же учебника авторы рекомендуют обучающимся при объяснении значения слова обращаться к словарям. В том числе, к словарю В.И. Даля.

В учебнике для VI класса [5] с В.И. Далем школьники встречаются всего один раз в § 21 «Общеупотребительные слова. Диалектизмы». В рубрике «Это интересно» читаем такую полезную информацию: «Большое количество диалектных слов включено в «Толковый словарь живого великорусского языка», составленный Владимиром Ивановичем Далем во второй половине XIX века.

В.И. Даль писал, что один и тот же предмет в разных местах зовётся по-разному, поэтому некоторые слова может понять не всякий человек, а только жители какого-то одного края» [5, с. 87].

В VII классе учебник предлагает информацию, связанную с В.И. Далем, два раза. В §8 «Признаки глагола и прилагательного у причастия» рубрика «Это интересно» даёт обучающимся следующую актуальную информацию: В.И. Даль в «Словаре живого великорусского языка» определил причастие так: «Часть речи, причастная глаголу в образе прилагательного» [6, с. 30]. И еще одна встреча с В.И. Далем происходит в §48. Рубрика «Лингвистические игры, задачки» предлагает школьникам следующее задание: «Сравните толкование слова *молния* в словаре В. Даля (составлен в конце XIX в.) и в современном толковом словаре. Какое определение кажется вам более точным? Считаете ли вы, что определение, данное В. Далем, устарело?» [6; 161].

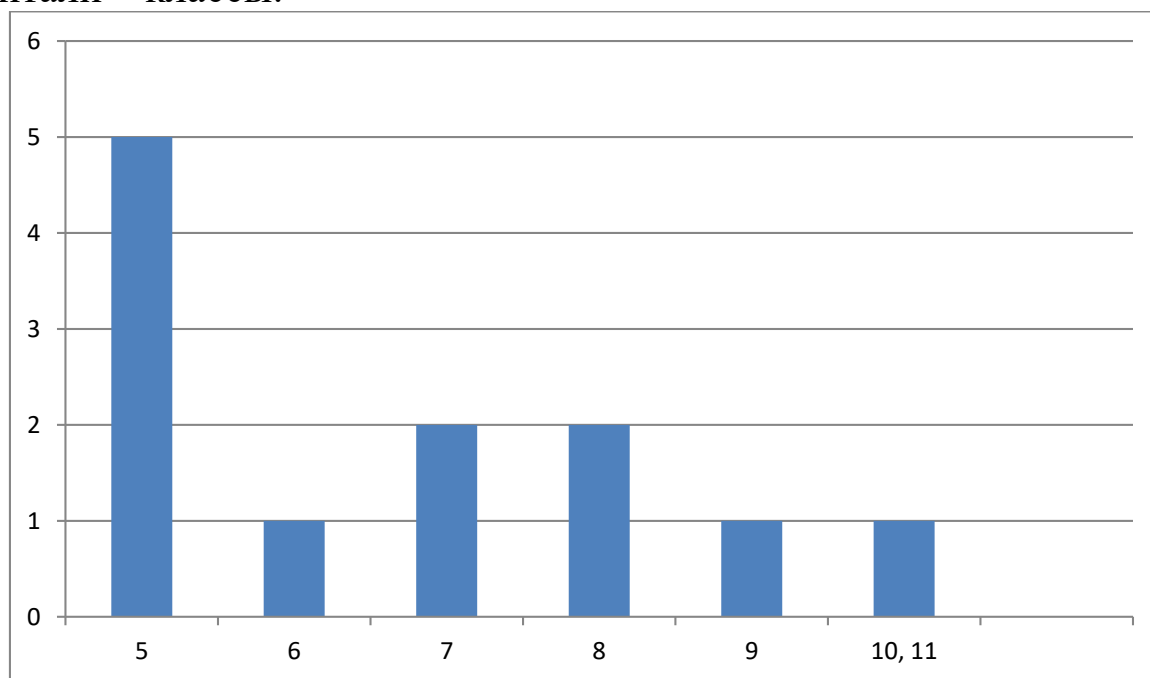
Учебник для VIII класса [7] упоминает о В.И. Дале два раза: в контексте упражнения 94 (§14) и упражнения 318 (§45). В первом случае приведено предложение о В.И. Дале, во втором – пример толкования словарной статьи из его толкового словаря.

В учебнике для IX класса [8] в §9 приводятся образцы устного и письменного разборов предложения, в котором речь идет о В.И. Дале: *В.И. Даль, по свидетельству современников, был добрым, приветливым, общительным человеком, и эти свойства характера притягивали к нему людей* [8, с. 42].

Завершающая встреча с великим лексикографом происходит в статье «Словари русского языка» учебника для X – XI классов [1]. Информация о «Толковом словаре живого великорусского языка» ограничена одним небольшим абзацем, в котором содержится краткая информация о годах издания словаря, количестве слов и пословиц, входящих в него. Также отмечено, что словарь не является нормативным.

Следует подчеркнуть, что в старших классах необходимо приводить более объёмные сведения о В.И. Дале и его трудах. Так, интересной для школьников будет информация об истории создания «Толкового словаря живого великорусского словаря», основных принципах, которыми руководствовался автор при составлении легендарного труда. Материала, который встречается в указанных выше учебниках, безусловно, недостаточно. Его нужно

расширять дополнительными сведениями о великом лексикографе. Мы посчитали количество упоминаний о В.И. Даля в каждом классе и составили диаграмму частоты использования сведений о нем, где по вертикали указано, сколько раз в учебнике использованы данные, связанные с творчеством В.И. Даля, а по горизонтали – классы.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что использование полезной информации о великом лексикографе В.И. Даля в действующих учебниках по русскому языку недостаточно. Считаем, что её необходимо расширить, включая в материалы параграфа отдельные упражнения с использованием текстов о В.И. Даля и его словаре. При раскрытии темы о словарях русского языка в V и X классах следует делать акцент на «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Эта информация позволит не только более глубоко изучить теоретический материал о словаре, но и вызовет неподдельный интерес, уважение к труду и личности В.И. Даля.

Кроме использования интересных дидактических материалов о В.И. Даля, размещенных в учебниках, следует активно использовать его труды в качестве наглядности на уроках. Интересным филологическим вкраплением в урок будет систематическая работа со словарем В.И. Даля с целью толкования неизвестных слов. Живое общение со словарями, сборниками пословиц на уроках внесет оправданное методическое разнообразие в содержание учебной

встречи, поможет наглядно продемонстрировать величие труда и увлеченности В.И. Даля русским языком.

Толковый словарь живого великорусского языка, а также сборник «Пословицы русского народа» – ценные дидактические пособия при изучении русского языка в школе, а личность легендарного лексикографа – мощный мотиватор к изучению тонкостей русского языка, русской речи, всего, что касается русского и русских. Активизация методической работы учителей-русистов в этом направлении, а также учёных-методистов, разрабатывающих современные учебники по русскому языку для школы, позволит добиться высоких результатов в обучении школьников.

Творческое наследие В.И. Даля, его масштабные лингвистические труды следует активно применять и во внеурочной деятельности. Например, организовывать выставки книг о В.И. Дале в день его рождения, проводить единые уроки не только в юбилейные даты его памяти, но и ежегодно. Отдельный интерес для учеников может представлять проектная деятельность по творчеству В.И. Даля.

В настоящее время в МБОУ «Ивановская СОШ» создаётся Центр изучения творческого наследия В.И. Даля. Разработан и внедряется курс внеурочной деятельности «Основы далеведения» для обучающихся старших классов. Собрана обширная коллекция библиографических источников, посвященных В.И. Далю. Среди них различные издания Толкового словаря живого великорусского языка, сборники пословиц русского народа, сборники сказок и биографические издания о великом лексикографе. Всего – свыше 100 томов.

Жизнь и творчество В.И. Даля – увлекательное, безграничное поле для изучения в средней школе. Организовать эту научно-исследовательскую деятельность на достойном методическом уровне – задача не только подготовленного учителя, но и учёных-методистов, которые разрабатывают современные учебники по русскому языку.

Литература

1. Власенков А.И. Русский язык. 10 – 11 классы: учеб. для общеобразоват. организаций: базовый уровень / А.И. Власенков, Л.М. Рыбченкова. – М.: Просвещение, 2014. – С. 41.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 – 4. – М.: Русский язык, 1978. – Т.1. А – З. – С. 11.

3. Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / [Л.М. Рыбченкова, О.М. Александрова, А.В. Глазков, А.Г. Лисицын]. – 4-е изд., испр. – М.: Просвещение, 2014. – С. 66, 69.
4. Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 2 / [Л.М. Рыбченкова, О.М. Александрова, А.В. Глазков, А.Г. Лисицын]. – 4-е изд., испр. – М.: Просвещение, 2014. – С. 27, 100, 154.
5. Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / [Л.М. Рыбченкова, О.М. Александрова, О.В. Загоровская, А.Г. Нарушевич]. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2014. – С. 87.
6. Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. организаций. / [Л.М. Рыбченкова, О.М. Александрова, О.В. Загоровская и др.]. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2014. – С. 30, 161.
7. Русский язык. 8 класс: учеб. для общеобразоват. организаций. / [Л.М. Рыбченкова, О.М. Александрова, О.В. Загоровская, А.Г. Нарушевич]. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2014. – С. 62, 205.
8. Русский язык. 9 класс: учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / [Л.М. Рыбченкова, О.М. Александрова, О.В. Загоровская, А.Г. Нарушевич]. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2014. – С. 42.

ПУТИ УСИЛЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ВУЗАХ В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Т. Ф. Крушинская

krushinskaya_tf@mail.ru

*ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России
(Химки)*

Преподавание дисциплин «Русский язык и культура речи», «Русский язык и культура делового общения» в нефилологических вузах в настоящее время требует поиска путей усиления познавательной мотивации обучающихся, так как необходимо актуализировать потребность студентов, курсантов совершенствовать уже сформированные, по их мнению, знания, а потом многократно и систематически упражняться, то есть формировать умения и навыки.

Для формирования установки как ценностной диспозиции по отношению к тому или иному объекту [2, с. 46] для первой же лекции по данным дисциплинам в АГЗ МЧС России подобран учебный материал, направленный на убеждение курсантов в важности

совершенствования культуры речи. Необходимо доказать каждому курсанту, что без этого он не сможет реализовать себя как личность, не достигнет высот профессионального мастерства, будет чувствовать себя неуверенно в профессионально важных ситуациях общения, не сможет свободно вести беседу на многие актуальные темы. Эпиграфами лекции могут быть высказывания древних философов: «Речь – это показатель ума» (Сенека); «Каков человек, такова его и речь» (Сократ).

Первая лекция призвана положить начало формированию аттитюда, направленного на уважительное отношение к русскому языку, требовательное отношение к собственной речи, речи окружающих, подчинённых. Аттитюд выступает как «ценностная диспозиция, устойчивая предрасположенность к определенной оценке, основанная на когнициях, аффективных реакциях, сложившихся поведенческих намерениях (интенциях) и предшествующем поведении, способная в свою очередь влиять на познавательные процессы, на аффективные реакции, на складывание интенций и на будущее поведение» [2, с. 46].

Так как аттитюд имеет несколько основных составляющих: когнитивную, аффективную и поведенческую, то необходимо вести работу с курсантами в этих направлениях одновременно и гармонично. Когнитивная составляющая включает убеждения, представления, мнения, образованные в результате познания объекта. Аффективная составляющая проявляется в различных эмоциях, чувствах и переживаниях, связанных с объектом установки. Поведенческие интенции – это замыслы, стремления, планы действий, то есть то, что намеревается и будет делать человек.

Предметом деятельности обучающегося в процессе формирования компетенций являются действия, выполняемые им для достижения определённой цели, то есть предполагаемого результата деятельности, побуждаемой тем или иным мотивом. К. Д. Ушинский, раскрывая движущие силы процесса обучения, писал, что «деятельность по самой сущности этого понятия... есть непременно борьба и преодоление препятствий... никакая деятельность немислима – а) без препятствий, б) без стремления преодолевать эти препятствия и в) без действительного преодоления их» [3, с. 566].

Что можно понимать под препятствием? Это нарушение равновесия между организмом и окружающим миром. Человек испытывает нужду в чем-то. Актуализация потребности побуждает субъект к деятельности, то есть именно потребность является источником активности.

Обратимся к примеру. Тему «Имя числительное» изучают в 6 классе, но, к сожалению, большинство обучающихся в вузах не может безошибочно справиться с таким заданием: «Прочтите вслух следующие предложения из различных источников:

1. В 1997 г., по данным международных источников, США располагали 3264 ядерными боеголовками, Россия – 2272, Франция – 340, Китай – 275, Великобритания – 260.

2. В нашей стране в 90-х гг. насчитывалось 75 заповедников (1,25 % территории России), более 1,5 тыс. заказников (3 % территории), несколько тысяч памятников природы и 22 национальных парка.

3. В настоящее время описано почти 2 млн видов живых существ нашей планеты, из них более 1,5 млн видов животных, свыше 300 тыс. видов растений, 40 тыс. видов грибов и более 3 тыс. видов бактерий и цианобактерий.

4. Население Европы с 1500 по 1600 г. возросло почти вдвое – с 80–100 млн до 180 млн человек. Особенно быстро развивались города».

Учебные пособия по военным, естественно-научным, техническим, гуманитарным дисциплинам изобилуют цифрами, дают прекрасный материал для работы на занятиях по русскому языку и культуре речи.

Понятно, что цифры преобладают в учебниках, дидактических материалах по химии, математике. Приведём несколько примеров заданий, которые требуют для правильного прочтения знаний по грамматике.

1. При 300°C оксид серебра разлагается. Укажите, какой элемент при этом окисляется и какой восстанавливается.

2. Выразите $\sin 763^{\circ}$ через синус угла, заключенного в промежутке от 0° до 360° .

3. Найдите радианную меру угла, равного:

а) 120° ; б) 270° ; в) -180° ; г) -150° .

Столкнувшись с трудностью, на которой акцентирует внимание преподаватель-филолог, курсант понимает, что знание парадигмы склонения числительных, знание акцентологических норм, норм словоупотребления являются важным условием культуры речи, без которой нельзя назвать себя образованным человеком, нельзя стать настоящим профессионалом, так как без грамотной устной и письменной речи не обходится ни одна наука, ни один вид деятельности. Математика или, по меньшей мере, элементарные математические подсчёты необходимы во многих сферах жизни.

Существует множество объективных и субъективных причин затруднений, возникающих при употреблении числительных в речи. Во-первых, имена существительные и прилагательные имеют стройную систему склонений, охватывающую всё многообразие этих морфологических групп, тогда как числительные, по словам академика В.В. Виноградова, при наличии явных признаков самостоятельной грамматической категории представляют довольно пёструю морфологическую картину. В.В. Виноградов подчеркивает: «В грамматических формах числительных – при господстве синтетизма – наблюдаются явления аналитического строя и обозначаются своеобразные приемы агглютинации компонентов...» [1, с. 242]. Во-вторых, числительные находятся в более неблагоприятных условиях по сравнению с другими частями речи, в связи с тем что при чтении художественной, учебной, научно-популярной литературы, публицистики обучающиеся, фиксируя внимание на образе слов (существительных, прилагательных, глаголов, наречий и т. д.), не находят слов-числительных, а видят лишь цифры. Таким образом, чтение литературы не оказывает должного влияния на формирование навыков склонения числительных. В-третьих, к сожалению, в учебных заведениях далеко не всегда удовлетворительно выполняется требование соблюдения единого орфографического и речевого режима.

Преподавателям русского языка необходимо показать сложность речевой ситуации, в которой фигурируют числительные. У курсантов в условиях затруднения, неопределенности возникнет ситуативный познавательный интерес, который после аргументированного рассуждения о том, что соблюдение произносительных, грамматических норм является важнейшим признаком культуры

речи, перерастёт в интерес к предметному содержанию деятельности, важной для реализации жизненных целей и планов.

Сформированные внутренние познавательные мотивы превращают учебную деятельность в удовольствие, так как личность осознаёт значимость непосредственного результата деятельности для своего развития, повышения культурного, коммуникативного, а впоследствии и профессионального уровня.

Далее благодаря использованию активных методов и приёмов обучения (например: изучение нового материала индуктивным путём, дидактические игры, составление текстов-диалогов, чтение вслух газетных статей с чётким проговариванием числительных, упражнения, содержащие интересный, расширяющий кругозор материал) и эффективных средств обучения (компьютер) преподаватель укажет путь к достижению целей обучения: формированию знаний, умений, устойчивых навыков, развитию личности.

Стремление повысить познавательную мотивацию курсантов, сделать дисциплину важной, способствующей личностному и профессиональному росту будущих офицеров потребовало создания новых средств обучения на бумажной основе и в электронном виде.

Приведём примеры упражнений из компьютерных программ по теме «Имя числительное», разработанных в АГЗ МЧС России.

I. Замените цифры словами. Дробные числительные **полтора, полтора** в нужной форме введите с клавиатуры.

Образец

Современники были потрясены размером армии, которую Ксеркс набрал в персидских сатрапиях, называя цифры от 5 до 1,5 млн человек.

Современники были потрясены размером армии, которую Ксеркс набрал в персидских сатрапиях, называя цифры от пяти до полутора млн человек.

1. Население Вены – 1,5 миллиона жителей.
2. В Париже более 150 автобусных линий.
3. Университетская библиотека в Вене насчитывает до 1,5 миллионов томов.
4. В 1995 году численность населения Эстонии приблизилась к 1,5 миллионам человек.

5. Площадь бассейна реки Одер в Германии – около 150 тысяч километров.

6. В России обитает 150 тысяч видов животных.

7. Ока с 1,5 тысячами километров длины входит в одну из ветвей густой речной сети России.

8. На территории России в среднем с одного гектара леса можно собрать от 150 до двухсот пятидесяти килограммов грибов.

9. Ширина тайги восточнее Енисея достигает 1,5 тысяч километров.

II. Поставьте числительные в нужной форме. Заполните таблицу.

Специализированный госпиталь находится в	(40)		километрах от места аварии
	(60)		
	(80)		
	(90)		
	(100)		
	(150)		
	(200)		

Компьютер оптимизирует учебный процесс, так как позволяет организовать и направить восприятие обучающихся, индивидуализировать обучение, экономить учебное время. Ускорение формирования навыков в ходе работы с дидактическим материалом интерактивного пособия обуславливается динамикой мыслительной деятельности обучающихся. Применение компьютера на занятиях по русскому языку и культуре речи позитивно влияет на учебный процесс на всех этапах полного цикла учебной деятельности: курсант идёт от осознания проблемы и освоения теоретического материала до уяснения степени сформированности навыка.

После выполнения упражнений на компьютере, различных творческих заданий полезно на занятии вернуться к тем примерам, написание или произношение которых раньше вызывало затруднения, чтобы и педагог, и обучающиеся увидели, насколько успешной была деятельность, способствующая развитию речи.

Итак, развитие познавательной мотивации является основой успешного формирования культуры речи, столь необходимой для личностного развития обучающихся в нефилологических учебных заведениях.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. – 601 с.
2. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2001. – 448 с.
3. Ушинский К.Д. Собрание сочинений: в 11 т. М.–Л.: АПН, 1950. – Т. 10. – 668 с.

АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОПОРНЫХ КОНСПЕКТОВ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНЖЕНЕРНОМ ВУЗЕ

И. Н. Литвинчук

irinlitvi@gmail.com

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
(Симферополь)

Развитие полноценных речевых и языковых навыков в профессиональной деятельности является одним из основных требований, предъявляемых к процессу подготовки современных специалистов в рамках компетентностного подхода. В этих условиях чрезвычайно актуальным становится поиск методов, которые максимально соответствовали бы интересам и потребностям обучающихся и которые можно было бы применять «в качестве универсального педагогического инструмента... при экономии аудиторного времени для интенсификации и оптимизации учебного процесса» [1].

В соответствии с принципом политехнического образования, по мнению К. Маркса, подготовка квалифицированных специалистов с необходимостью подразумевает формирование навыков обращения с элементарными орудиями производства и ознакомление с основными принципами ключевых этапов процесса производства и его содержания [2]. Прикладной, или, по определению К. Маркса, технологический принцип, объединяющий обучение с производительным трудом, лежит в основе инженерного образования, оптимально соответствует стилям познавательной деятельности обучающихся высших учебных заведений инженерно-технической направленности. Язык и схема являются основными орудиями производства в инженерных профессиях. Таким образом, представление языковых, и в частности грамматических, реалий

посредством схемы, опорного конспекта, наглядно-образно оформленного алгоритма является действенным средством освоения будущими специалистами речевой среды в профессиональной и межличностной коммуникации.

Практика использования опорных конспектов по русскому языку [4] осуществляется автором в рамках преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» в Академии строительства и архитектуры ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского». Особенность подхода заключается в том, что опорные конспекты представляют на практических занятиях именно обучающиеся. Алгоритм работы каждого обучающегося с опорным конспектом отражает логику изучения тем по грамматике русского языка и представляет собой методически обусловленную последовательность действий.

Прежде всего обучающиеся выбирают тему – орфограммы из списка, приведенного в плане проведения практических занятий в соответствии с утвержденной рабочей учебной программой. По нашим наблюдениям, выбор орфограммы, как правило, детерминирован в каждом конкретном случае различной мотивацией: а) закрепление в «зоне комфорта» (данный орфографический случай был хорошо освоен обучающимся в рамках школьной программы и рассматривается им как понятный, не требующий чрезмерных усилий для освоения учебного материала и поэтому не несущий в себе риска психоэмоционального напряжения); б) стимуляция «зоны ближайшего развития» (орфограмма вызывает интерес обучающегося как частично освоенный материал, однако вызывающий вопросы и требующий дополнительной разработки в процессе подготовки опорного конспекта и сотрудничества с преподавателем); в) реализация компенсаторного механизма: обучающийся выбирает данную тему-орфограмму, которая вызывала у него большие затруднения в курсе школьной грамматики или была и вовсе непонятной, в надежде освоить это трудное правило, избавиться от болезненного ощущения неудачи, свести когнитивный диссонанс к минимуму. В любом из этих случаев наиболее важным аспектом процесса овладения языком является стремление обучающихся преодолеть дефицит своих знаний в аспекте языко-

вой нормы и способов ее незатруднительного соблюдения и в естественной речевой коммуникации, и в научном дискурсе учебной деятельности [6].

Выбор конкретного опорного конспекта по данной теме из ассортимента, представленного в интернет-источниках, осуществляется обучающимися под руководством преподавателя (рамки статьи не позволяют дать развернутый обзор типов опорных схем). Наибольшей популярностью у обучающихся пользуются опорные конспекты, разработанные Ю. С. Меженко и Т.Н. Ситниковой [3]: авторами представлен комплекс опорных конспектов по основным темам лексики, орфографии и пунктуации русского языка, который успешно апробирован не одним поколением преподавателей. По отзывам обучающихся, ими востребованы такие методические материалы к каждому опорному конспекту, как сопроводительный текст и видео-комментарии. Опыт применения этой методики в инженерно-строительной академии показывает, что специализация обучающихся коррелирует с характером выбора ими вида опорных конспектов. Так, будущие архитекторы, обладающие «тригонометрическим» восприятием, выбирают для представления «многослойные», полиуровневые конспекты, обучающиеся по специальности «Природообустройство и водопользование» – конспекты с наиболее вербализованной структурой, которые преимущественно состоят из текстовых фрагментов, а будущие инженеры-строители разных специализаций – максимально лаконичные опорные конспекты с четкой алгоритмической структурой.

В целом эффективность применения данной методики обусловлена спецификой будущей профессии обучающихся. Большинство студентов, изначально склонные к рисованию и проектированию, более оптимально воспринимают и эффективно представляют информацию в наглядном виде (схемы, рисунки, диаграммы и пр.).

Применение опорных конспектов в рамках изучения курса дисциплины «Русский язык и культура речи» в высшем учебном заведении технического профиля способствует более эффективному решению нескольких учебных задач.

В первую очередь это активное развитие устной речи обучающихся: применение опорных конспектов позволяет значительно увеличить количество времени, посвященного развитию речевых

навыков обучающихся. Во-первых, это развитие речи обучающегося, который представляет конспект (среднее время – 3–5 минут) и дает словарный диктант (10–15 слов), адресованный группе: обучающиеся записывают предложенные слова и комментируют написание орфограмм. Во-вторых, активно говорят другие обучающиеся, которые объясняют написание случаев словарного диктанта в соответствии с материалом предъявленного опорного конспекта: толкование написания конкретных случаев орфограммы, которые представлены в словарном диктанте, в среднем занимает от десяти секунд до полутора минут в зависимости от сложности случая и уровня подготовки обучающегося, который объясняет конкретный случай орфограммы.

Словарный диктант проходит активно и живо. Обучающиеся энергично интересуются тем, что представляет товарищ: задают вопросы, спорят, конструктивно критикуют оформление опорного конспекта в условиях максимально открытой, позитивной атмосферы на практическом занятии.

Таким образом, применение опорных конспектов на практических занятиях по русскому языку в группах обучающихся негуманитарного профиля может быть использовано как психоэнергосберегающая и комфортная технология: уменьшаются временные затраты и на повторение грамматического материала для обучающихся, которые хорошо овладели им в рамках школьной программы, и на итерационное прохождение спорных орфографических случаев обучающимися, которым не удалось их освоить на довузовском этапе обучения. Как следствие, сэкономленные временные и энергетические ресурсы используются для выполнения тренировочных упражнений, направленных на закрепление и систематизацию грамматического материала.

Применение методики опорных конспектов – гарантированный, стабильный ресурс оценивания знаний обучающихся: оценку на практическом занятии получают не только те студенты, которые представляют опорные конспекты, но и те, которые активно включаются в комментирование случаев словарного диктанта, обсуждение сложных случаев написания. Отдельная сфера оценивания – работа дискутантов, т. е. обучающихся, которые обсуждают качество каждого опорного конспекта, его достоинства и недостатки по основным критериям: 1) соответствие структуры и

формы опорного конспекта содержанию соответствующей орфограммы русского языка; 2) степень доступности представленного материала пониманию группы; 3) достоинства и недостатки оформления опорного конспекта; 4) возможность применить этот опорный конспект в дальнейших практических занятиях группы; 4) манера презентации опорного конспекта обучающимся (стили представления опорных конспектов в соответствии с разнообразием форм работ на практическом занятии, которые предлагают презентанты, можно условно обозначить как «докладчик», «аниматор» и «промоутер»). Опыт применения данного подхода позволяет утверждать, что ни один обучающийся не остается равнодушным к такому интерактивному способу предъявления актуального грамматического материала: этот своеобразный лексико-грамматический перформанс стимулирует соревновательный и познавательный потенциал обучающихся, позволяя им проявить свой лидерский и творческий потенциал. Развитие понятийного мышления и различных видов памяти обучающихся, в особенности словесно-логической и образной, что является важнейшей задачей учебной деятельности [7; 9], также относится к преимуществам использования данной методики.

Характер и содержание различных этапов работы с опорными конспектами позволяют задействовать все репрезентативные системы, что является значимым аргументом в пользу применения этой методики. Активизация различных каналов воздействия и восприятия позволяет максимально эффективно проявить свои знания высоко мотивированным в достижении успеха обучающимся, интенсифицировать интерес к предмету у обучающихся со средним уровнем успеваемости и снять психоэмоциональное напряжение у обучающихся, чью языковую компетенцию, по результатам вводного диагностического тестирования, можно характеризовать как низкую. Применение этой методики помогает студентам вне зависимости от уровня их базовой языковой подготовки понять содержание орфограмм, разобраться в наиболее распространенных случаях их применения, осознанно комментировать выбор того или иного написания и, таким образом, сформировать устойчивую зону индивидуального психологического комфорта в работе с учебным языковым материалом.

Обучающиеся с различными видами доминирующих репрезентативных систем [5; 10] осваивают в процессе работы с опорными конспектами оптимальные способы ознакомления и применения правил. Обучающиеся-визуалы, как правило, с благодарностью принимают все обилие вариантов представления фактического материала, будь то конспект-схема, конспект-таблица или конспект-алгоритм. Как показывает практика, обучающиеся с доминирующей аудиальной репрезентативной системой максимально активизируются на занятии во время представления опорного конспекта своими товарищами и объяснения орфографических случаев словарного диктанта.

Кинестетики, по их признанию, испытывают особенный интерес во время работы по проектированию «своего» опорного конспекта, тщательного графического воспроизведения его деталей на листе ватмана (как правило, обучающиеся воспроизводят опорные конспекты на листе формата А1, однако в нашей практике были случаи презентации и на нескольких листах такого формата) подбора подходящей цветовой гаммы и фона всей композиции конспекта. Обучающиеся из этой группы отмечали в беседе с преподавателем, что они стали «лучше понимать правила, когда рисовали их фломастерами и красками». В качестве особого творческого подхода обучающиеся воспринимают возможность детализировать конспект изображениями популярных персонажей мультипликационных фильмов или оригинальными объемными изображениями, выполненными специальными средствами вроде 3D-ручки. Обучающиеся используют эти «иконки» как маркер ключевых, особенно значимых пунктов орфограммы: условия ее выбора, наиболее трудные случаи, исключения и пр. Все эти средства создают впечатляющий визуальный ряд, который, будучи подкрепленным экспрессивными, а иногда и юмористическими комментариями, способствует значительному повышению качества усвоения грамматического материала обучающимися.

Студенты с доминирующей дискретной репрезентативной системой представляют немногочисленную группу и проявляют интегрированный подход к воспроизведению качественного опорного конспекта, интерпретации его материала и применения на практике. Эти обучающиеся способны самостоятельно выделить

главную информацию в любом опорном конспекте вне зависимости от его вида и формы, и опорный конспект является для них своеобразной интеллект-картой, посредством которой можно оптимально освоить пространство русской грамматики, которое далеко не всегда является зоной комфорта для человека с техническим типом мышления [8].

Комментарий преподавателя к каждому опорному конспекту включает в себя несколько критериев представления его обучающимися: а) качество отображения опорного конспекта, его аутентичность, степень соответствия оригиналу; 2) качество воспроизведения сопутствующего текста; 3) культура речи обучающегося, представляющего опорный конспект; 4) качество языкового материала, вынесенного в словарный диктант; 5) умение работать с группой в аспекте ведения обучающего диалога и др. Как показывает опыт применения данной методики в аудитории обучающихся инженерно-технического направления подготовки, такой интерактивный подход на занятиях по русскому языку востребован студентами. По данным опроса, проведенного автором, обучающиеся 1–3 курсов (всего было опрошено 582 человека) с интересом относятся к этому виду работы, зачастую воспринимая его как возможность представить свой индивидуальный мини-проект, который нужно подать «с изюминкой», чтобы заинтересовать и понравиться, быть понятным и понятым, логичным и ярким автором выступления.

Рамки статьи не позволяют представить подробную интерпретацию результатов опроса и являются материалом последующих публикаций.

Литература

1. Евстигнеева И. А., Федорова С. А. Развитие компенсаторных умений в процессе обучения иностранному языку в рамках интернет-дискурса на примере социальных статей // Социально-экономические явления и процессы. – Т. 9. № 12, 2014. – С. 294–289.
2. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения (2-е издание). Том 42. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1974. – 570 с.
3. Меженко Ю. С., Ситникова Т. Н. Школьный курс русского языка в опорных конспектах: учебное пособие. – Житомир, 2010. – 128 с.
4. Шаталов В. Точка опоры. Организационные основы экспериментальных исследований. – Минск: «Университетское», 1990. – 223 с.

5. Dilts, Robert B., De Lozier, Judith A. Encyclopedia of Systemic Neuro-Linguistic Programming and NLP New Coding. NLP University Press. 2000. – pp. 938–943.
6. Driver, R. Students' Conceptions and the Learning of Science // International Journal of Science Education. 1989, no. 11. – pp. 481–490.
7. Eisner, E. Forms of Understanding and the Future of Educational Research// Ciaran Sugrue (Ed.). Teaching, Curriculum, and Educational Research. – Dublin: St. Patrick's College. 1998. – pp. 161–169.
8. Hansen R. The Roots of Technical Learning and Thinking: Situating TLT in Schools // Journal of Technology Education, 2008, vol. 20, no. 1. – p. 12.
9. Jiri Semrad, Milan Skrabal. Polytechnic Education Today and the Dual System // International Journal of Teaching and Education, 2017, vol. 5, no. 1. – pp. 54–66.
10. Sharpley, C. F. Research Finding of Neurolinguistic Programming: Non Supportive Data or an Untestable Theory? // Journal of Counseling Psychology, 1987, vol. 34, no. 1. – pp. 103–107.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ОСОЗНАННОМУ ЧТЕНИЮ (ЧТО ЧИТАТЬ, КАК ЧИТАТЬ В ВЫШЕЙ ШКОЛЕ)

Т.Е.Милевская

Tatiana Milevska@mail.ru

ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет
(Санкт-Петербург)

Дидактическую роль текста, независимо от его функциональной и жанровой принадлежности, невозможно переоценить. При обучении иностранному языку текст выполняет целый ряд функций: он служит содержательной базой для продуцирования речи, стимулирует высказывание, являясь его образцом, формирует коммуникативные умения, создает условия для активизации мыслительной деятельности и т.п.

Современная ситуация, детерминированная изменившимися задачами обучения, а также серьезным снижением уровня гуманитарного образования выпускников школы и студентов младших курсов, требует вдумчивой коррекции номенклатуры учебных материалов. В частности, это относится к типам текстов, используемых на занятиях по русскому языку, в том числе и как иностранному, в высшей школе.

Необходимо также заметить, что этого требует и принципиальное изменение типа мышления в современный период развития информационных технологий, в частности, преобладания клипового мышления над понятийным.

Остановимся на текстах, традиционно используемых на занятиях по РКИ, в частности, на текстах публицистического стиля и текстах художественных произведений.

Серьезная проблема качества газетных и журнальных текстов, ранее служивших материалом для обсуждения проблем культурного, морального или политического характера, начиная с 90-х годов прошлого века с появлением так называемой «свободы слова», которую многие журналисты понимали и понимают как языковую вседозволенность, сильно затрудняет подбор текстов для занятий. Их приходится сокращать, редактировать, а часто даже подвергать цензуре, что разрушает их стилевую и индивидуальную идентичность и, соответственно, сильно снижает их дидактическую ценность. В связи с этим позволим себе дать некоторые рекомендации практического характера

В Петербурге эту проблему можно решить, используя материалы газеты «Санкт-Петербургские ведомости», которая существует с 1728 года и даже будучи на протяжении почти полувека «Ленинградской правдой» сумела сохранить консервативность, в хорошем смысле слова, анализа материала и формы выражения. Так, например, в газете на протяжении многих лет существует рубрика «Язык наш», где еженедельно публикуются статьи, посвященные проблемам русского языка, включающие как грамматические и семантические трудности, так и исторические факты развития языка и многое, многое другое. Чрезвычайно интересным и полезным является материал рубрики «Наследие», имеющей краеведческую направленность. О серьезных дидактических потенциалах текстов краеведческой направленности мы говорили на нескольких конференциях [2, 1051].

Использование этого типа текстов серьезно расширяет культурологическую компетенцию учащихся, так как «из всех гуманитарных наук только краеведение совмещает в себе все возможные направления исследований, от географии и ботаники до истории, литературы и культурологии, поскольку лишь в комплексе воз-

можно истинное «ведение» своего края. По сути своей краеведение представляет собой сущностную, квинтэссентную часть наук о культуре» [4].

Серьезной проблемой становится и выбор художественных текстов. Мы поддерживаем ориентацию на использование неадаптированных художественных текстов, поскольку «заложенная в художественном тексте информация формирует у учащегося представление о национальном характере, активизирует как мыслительную, так и чувственную сферу, мотивирует развитие внутренней речи, обуславливает в процессе чтения логическое упорядочение воспринимаемых данных. Кроме того, художественный текст является важнейшим источником расширения как активного, так и пассивного словарного запаса» [3, 15]. Вынуждены констатировать, что в настоящее время на практике все вышесказанное превращается в фикцию, поскольку текст, непонятный на лексическом уровне и неинтересный на содержательном, ни одну из этих задач выполнить не может.

Работа с классическими текстами русской литературы демонстрирует катастрофический рост агнонимов, то есть слов с непонятным значением, что ведет «к многочисленным коммуникативным неудачам как при продуцировании, так и при восприятии речи» [5, 296]. И здесь важно отметить, что даже при серьезной предварительной лексической и культурологической работе с этой лексикой она пополняет лишь пассивный словарный запас.

Возникает сложный вопрос, что же читать и как читать?

При выборе художественного произведения для чтения на занятиях по русскому языку необходимо учитывать некоторые факторы психологии современного молодого человека. Прежде всего, это уже упомянутое нами преобладание клипового мышления, выражающееся в неумении сосредоточиться на чем-то более, чем на несколько секунд, реже минут, что требует частой смены тем, акцентов, активного привлечения внимания к тому, что вы читаете.

Анализ литературных предпочтений молодежи показывает активное «расчеловечивание» литературы. Персонажами книг и фильмов все чаще становятся всевозможные фантастические существа. Самыми популярными жанрами становятся жанры «фэнтези», реже «фантастики».

Исходя из этих наблюдений, для возвращения интереса к чтению надо выбирать произведения, с одной стороны, содержательно привлекательные для современного молодого человека, с другой стороны, затрагивающие проблемы, которые могут заставить его задуматься о серьезных моральных, социальных, культурных вопросах современного общества.

В этом плане мы рекомендуем обратить внимание на произведения русскоязычного писателя Майка Гелприна. Он родился в 1961 году в Ленинграде и считает себя учеником братьев Стругацких. Пишет, как и его учителя, в жанре философской фантастики, но даже в вызывающих пессимизм современных условиях с их глобальными гуманитарными проблемами сохраняет светлую, хотя и своеобразную картину будущего.

Своим самым главным произведением Гелприн считает рассказ «Свеча горела», где рисует апокалиптическую ситуацию, начало которой мы можем наблюдать уже сейчас: *«Понимаете, в конце двадцатого века начался кризис. Читать стало некогда. Сначала детям, затем дети повзрослели, и читать стало некогда их детям. Ещё более некогда, чем родителям. Появились другие удовольствия – в основном, виртуальные. Игры. Всякие тесты, квесты... - Андрей Петрович махнул рукой. - Ну, и конечно, техника. Технические дисциплины стали вытеснять гуманитарные. Кибернетика, квантовая механика и электродинамика, физика высоких энергий. А литература, история, география отошли на задний план. Особенно литература<...> - В двадцать первом веке перестали печатать книги, бумагу сменила электроника. Но и в электронном варианте спрос на литературу падал - стремительно, в несколько раз в каждом новом поколении по сравнению с предыдущим. Как следствие, уменьшилось количество литераторов, потом их не стало совсем – люди перестали писать. Филологи продержались на сотню лет дольше – за счёт написанного за двадцать предыдущих веков.<...>- Я осознаю, что процесс закономерный. Литература умерла потому, что не ужилась с прогрессом. Но вот дети, вы понимаете... Дети! Литература была тем, что формировало умы. Особенно поэзия. Тем, что определяло внутренний мир человека, его духовность. Дети растут без-*

духовными, вот что страшно, вот что ужасно...» [1, 36]. Оптимизм этому рассказу придает оригинальный поворот сюжета, где роботы оказываются человечнее и дальновиднее людей.

В этом же ключе решены и сюжеты рассказов «Устаревшая модель. Одна штука» [1, 74-94] и «Каждый цивилизованный человек» [1, 366-379]. Важно отметить, что построение рассказов дает возможность организовать процесс чтения, как квест, удерживая, таким образом, внимание современного молодого человека.

Опыт работы в аудитории с рассказами М.Гелприна позволяет утверждать, что такие произведения, написанные современным, динамичным, понятным языком, вызывают активный интерес учащихся, позволяют обсуждать актуальные проблемы, заставляют задуматься над ними.

В качестве эффективной методики можно использовать аудиторное медленное комментированное чтение. Современность языка рекомендуемых произведений не снимает необходимость лексической работы, связанной со словообразованием, использованием фразеологизмов и целым рядом традиционных заданий, но позволяет активно использовать задания деятельностного типа. В предтекстовых заданиях рекомендуется использование Интернета в качестве информационного ресурса.

В рассматриваемой нами ситуации работу с текстом можно разделить на несколько этапов:

1. Предтекстовая работа включает в себя выяснение значений всех слов, которые, по мнению преподавателя, могут вызвать затруднение, при этом недостаточно спросить, понимают ли студенты значение этих слов, так как очень часто они только думают, что понимают. В разных аудиториях такого рода семантизация может осуществляться разными методами. Лексическая работа может проводиться как дома при подготовке к чтению (при этом список слов дается заранее в качестве домашнего задания), либо непосредственно на занятии с помощью словарей. В эту часть подготовительной работы необходимо включить и лингво-культурологическую составляющую, когда с помощью Интернета студенты выясняют информацию о различного рода явлениях, исторических лицах, событиях, местах и т.п.

2. Непосредственное чтение вслух с остановками и возвращениями. На этом этапе преподаватель должен постоянно стимулировать студентов обращаться к составленным ими самими словарикам, объяснениям и определениям. В это время вполне уместны дискуссии о более точном понимании читаемого предложения или фрагмента текста. В это же время спонтанно происходит обучение ведению дискуссии, представлению аргументов, отстаиванию своей точки зрения, которая в процессе обсуждения и рождается.

3. В качестве закрепления впечатлений очень продуктивны отсылки к уже просмотренным современным фильмам близкой тематики с последующим обсуждением.

4. Выход в другие типы речевой деятельности происходит как в процессе работы над текстом, так и на заключительном этапе работы с ним:

А) Каждый студент должен пересказать небольшой фрагмент текста с использованием тех слов, которые он из этого фрагмента узнал.

Б) Выбрать наиболее понравившийся отрывок и аргументировать свой выбор.

В) Написать о своих впечатлениях от прочитанного. Здесь важно точно сформулировать задачу, чтобы студенты не «сползли» в рецензию из ЕГЭ, а действительно описали свои впечатления.

Таким образом, современные художественные произведения в определенной степени стимулируют интерес к чтению вообще, расширяют активный словарный запас, заставляют задуматься над серьезными современными проблемами, учат культуре дискуссии.

Литература

1. Гелприн Майк Миротворец 45-го калибра. – Москва: АСТ, 2014. - 474 с.

2. Милевская Т.Е. Новые цели «медленного чтения» на занятиях по русскому языку в высшей школе. Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. — Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). — СПб.: РОПРЯЛ, 2016. — 1 электрон.опт. диск (CD-R).

3. Потемкина Е.В. Комментированное чтение художественного текста в иностранной аудитории как метод формирования билингвальной личности. – АКД. - М. 2015 г., - 26 с.

4. Сорокин А.П. Краеведение в научной библиотеке как форма консолидации регионального сообщества. IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры», Санкт-Петербург, 29–31 октября 2013 года. Тезисы и выступления участников. — СПб: Эйдос, 2013. — Режим доступа: http://culturalnet.ru/main/congress_person/

5. Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач. // Русский язык сегодня. Вып.2. Сб. статей / РАН, - М.: Азбуковник, 2003. – с. 293-304

**ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ
К УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВУЗЕ
(НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ
«РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»)**

Т.А.Налимова

t.a.nalimova@mail.ru

Санкт-Петербургский университет промышленных технологий и дизайна
Санкт-Петербург

Проблема адаптации разных категорий учащихся к различным условиям не является новой для методики. В педагогической литературе особенно активно она обсуждается применительно к иностранным учащимся, изучающим русский язык на подготовительных факультетах [2;3]. Вопросы, связанные с адаптацией российских студентов к системе высшего образования, также постоянно находятся в центре внимания педагогов [см., напр., 1; 4]. Считается, что чем быстрее произойдет адаптация учащихся к новым условиям обучения и проживания, тем эффективнее будут результаты обучения. Однако заметим, что условия обучения и в целом вся система высшего образования в последние годы претерпевают значительные изменения. Прежде всего изменилась сама парадигма образования: на смену знаниевому подходу к обучению пришел практико-ориентированный (компетентностный) подход, что нашло отражение в программах нового поколения и соответствующих им ФОСах. Соответственно изменилась вся образовательная среда вуза, в которой прочное положение заняли современные образовательные технологии, базирующиеся на интерактивных методах обучения, которые требуют изменения самого формата общения обучающихся как с преподавателем, так и друг с другом.

Новациями оказался пронизанным не только образовательный процесс, но и другие направления деятельности вуза. Тем не менее, образовательный процесс по-прежнему остается в приоритете, а роль каждой дисциплины, преподаваемой на 1 курсе, может оказаться очень существенной в процессе адаптации студентов к новым условиям. Поэтому с этой позиции попытаемся оценить возможности дисциплины «Русский язык и культура речи».

В педагогической литературе адаптация в широком смысле понимается как сложный поэтапный процесс приспособления организма к изменившимся, качественно иным условиям среды, в ходе которого человек формирует новые векторы поведения, умения и навыки, пронизывающие все сферы его жизнедеятельности. Рассматриваются различные виды адаптации: психологическая, социальная, медико-биологическая, дидактическая, социокультурная и др. В реальном образовательном процессе все виды адаптации тесно переплетаются. Считается, что от успешности протекания этого процесса во многом зависит личностное развитие будущего специалиста, его профессиональный рост. Как известно, в настоящее время ощущается острая потребность государства в мобильных, конкурентоспособных кадрах. Обществу нужны специалисты, способные достигать высоких результатов в сложных ситуациях, умеющие как самостоятельно, так и в сотрудничестве с другими решать нестандартные задачи. Тесное взаимодействие с другими специалистами требует также высокого уровня коммуникативной компетенции – умения общаться в самых разнообразных ситуациях: повседневных, учебно-деловых, профессиональных. Следовательно, речь может идти и о коммуникативной адаптации. Чем эффективнее пройдет первокурсник все стадии адаптации, тем увереннее во всех смыслах (психологическом, социальном и т.д.) он будет чувствовать себя на следующих этапах обучения. Более того, успешная адаптация может рассматриваться в качестве своеобразного гаранта будущего карьерного роста.

Чем же на практике может помочь студенту-первокурснику преподаватель одной из дисциплин?

На наш взгляд, вся система обучения, начиная от задач, которые стоят перед любой преподаваемой дисциплиной, и заканчивая заданиями, которые выполняются студентами на практических занятиях, а также в режиме самостоятельной работы, «работают» не

только на усвоение определенной системы «знаний, умений, владений», но и на постепенную адаптацию, которая не может проходить без трудностей. Эти трудности студент преодолевает с помощью преподавателя.

Остановимся на некоторых из них, и прежде всего на академических трудностях. Практика показывает, что современный студент (а в недавнем прошлом школьник) постепенно утрачивает (или даже утратил!) способность писать вообще, и в частности, составлять тексты, конспектировать лекции и рекомендуемую литературу и др. Он еще в школе нацелился главным образом на выполнение тестовых заданий и скачивание готовых текстов из Интернета, постепенно становясь исключительно потребителем чужой продукции. Преподаватель с первого занятия пытается приучить каждого студента составлению конспектов лекций, однако не всегда в этом преуспевает. Нежелание приложить усилия или, скорее всего, неумение перерабатывать звучащую на лекции информацию оборачивается для студента в конечном итоге большой потерей академического времени. Конечно, проблемные вопросы, которые ставит лектор перед аудиторией, способны на какое-то время отвлечь студентов от других занятий, но в течение двух часов удерживать внимание аудитории не всегда и не всем удается, поскольку студенты в это время могут быть заняты чем-то другим (телефон; музыка, идущая из наушников; планшет; общение с соседом по парте и др.). На самом деле слушать и одновременно конспектировать лекции для первокурсника – задача непосильная, даже в чисто техническом отношении.

Навыки работы с учебником (чтение и конспектирование с листа) тоже далеко не у всех сформированы, поэтому, предъявляя конспекты преподавателю для проверки, некоторые студенты недоумевают, почему выполненное задание не отвечает требованиям, заявленным преподавателем.

На практических занятиях психологический контакт установить проще, прибегая к использованию творческих заданий, при выполнении которых каждый студент хочет показать себя с лучшей стороны. На одном из первых занятий студентам предлагаются письменные работы, которые выполняются ими в свободном формате (например, эссе на тему «Что я могу рассказать о себе»), презентации по одной из тем курса (по выбору студента) и др. В

эссе, например, студент, раскрывая перед преподавателем свой внутренний мир, свои мироощущения, проблемы личного характера, делясь планами на будущее, мотивируя свой выбор той или иной профессии, выражая сомнения в правильности данного выбора, оказывает доверие преподавателю, что способствует установлению психологического контакта с ним. Интересный факт: в 1 семестре некоторые студенты интересуются, будет ли преподаватель зачитывать перед группой их сочинения, а у студентов, изучающих дисциплину со 2 семестра, такой вопрос уже не возникает. Это говорит о том, что степень доверия студентов друг к другу ко 2 семестру изменилась, что говорит о более высоком уровне их социальной адаптации по сравнению с адаптацией студентов в 1 семестре. Одни студенты выполняют такие работы с опорой на личный опыт, другие дают простор своей фантазии и пишут от вымышленного «я», а некоторые выражают свое «я» в стихах собственного сочинения. Эти работы представляют для преподавателя большую ценность, так как в них содержится важная информация о студенте (его семье, воспитании, интересах, проблемах, сомнениях и т.д.), которая позволит ему выбрать правильную стратегию поведения в отношениях с каждым студентом. При выполнении, а затем обсуждении других творческих заданий, например, презентаций, каждый может продемонстрировать свою «внепрограммную» начитанность в том или ином вопросе, оценить работу товарищей в соответствии с теми критериями, которые объявляются заранее, высказать критические замечания и пожелания. Наиболее активным студентам, подготовившим интересные сообщения (с презентацией или без нее), предлагается принять участие в университетской научной студенческой конференции. Преподаватель разъясняет перспективы этой работы, помогает составить тезисы для публикации в научном сборнике. Таким образом через учебную деятельность первокурсники постепенно приобщаются к серьезной научной работе, осознают ее перспективы.

Выполняя практико-ориентированные задания, направленные на формирование коммуникативной компетенции, студенты учатся речевому поведению и общению в жизненно важных ситуациях повседневного, делового и учебно-научного общения, близких к реальным. Таким образом, привлекая студента к разнообраз-

ным видам учебной деятельности, преподаватель помогает первокурснику приспособиться к новым условиям обучения и к новым формам поведения, которые необходимо освоить, чтобы преодолеть дискомфорт, который может возникнуть в общении с преподавателями или друг с другом в группе. Студент должен понять и принять стиль поведения и преподавания педагога, вступить с ним в психологический контакт, в противном случае познавательный процесс будет затруднен либо окажется вовсе невозможным [4, с.355]. Например, бывшие школьники иногда с удивлением узнают, что в университете есть «преподаватели» («доценты», «профессора»), а не «учителя», есть «кафедра», а не «учительская» и т.д., что между студентами и преподавателями приветствуется официальный, но в то же время доброжелательный стиль общения.

Адаптации первокурсников способствует также использование современных каналов и форм общения с преподавателем: наряду с непосредственным (аудиторным) общением, студентам разрешается прибегать и к опосредованному общению (электронная почта, личный кабинет, смс-общение, Интернет-сайты). При этом этими формами общения с преподавателем пользуются не только студенты заочной формы обучения, но и дневной (например, студент, занимающийся по индивидуальному плану, может уточнить домашнее задание, прислать контрольную работу, реферат, результаты интернет-тестирования и др.).

Одной из важнейших форм учебной деятельности студента является внеаудиторная самостоятельная работа, предполагающая осмысление изученного, выполнение домашних заданий, проектов. Именно в умении работать самостоятельно студент в полной мере может проявить себя как субъект учебной деятельности. Однако значительная часть начинающих студентов подменяет регулярную работу эпизодической. Вчерашние школьники, привыкшие находиться под постоянным контролем со стороны учителей, с трудом перестраиваются в вузе, где больше половины предусмотренного программой времени необходимо посвящать самостоятельной работе. Важно вовремя донести до сознания студентов мысль о том, что если не начать заниматься самостоятельно в начале семестра, то к концу семестра накопится «снежный ком», который может привести к низким результатам во время сдачи

дифференцированного зачета или даже к отчислению. Преподаватели, читающие дисциплину, с первых занятий стараются приобщить первокурсников к самостоятельной работе с учебной литературой, в том числе со словарями. Для этого создаются специальные пособия, которые могут помочь в самостоятельной работе. Так, при изучении темы, посвященной нормативному аспекту культуры речи, необходимо убедить студентов, что умение работать со словарями и другой научной литературой является важнейшим условием повышения общего культурного уровня любого человека, в том числе уровня профессиональной культуры будущего специалиста. Поэтому на одном из первых практических занятий считаем важным познакомить первокурсников с разными типами словарей: энциклопедическими, филологическими и т.д., объяснить, как нужно ими пользоваться, чтобы извлечь из них максимально полную информацию. Чтобы закрепить этот навык, каждый студент получает задание подготовить самостоятельно мини-презентацию одного словаря, в которой он должен отразить его специфику, а также проиллюстрировать информацию о словаре удачными примерами. В течение семестра предусмотрен контроль выполнения самостоятельных заданий: 1-2 раза в семестр студенты сдают преподавателям на проверку свои рабочие тетради с конспектами лекций, домашними заданиями, результатами выполнения интернет-тестов и др.

Кроме адаптации к учебной деятельности, для первокурсника важно понять, как он будет в новой среде развивать свои способности, реализовывать свои культурные потребности. Поэтому необходимо помочь первокурснику сориентироваться в структурах университета, показать ему возможности самореализации в других областях жизни, важные для него каналы общения не только в стенах университета (например, участие в конкурсах – поэтических, музыкальных, спортивных, профессиональных («Адмиралтейская игла»), посещение студенческого клуба («Тоника»), концертов («Студенческая филармония»), конференций, посвященных современным проблемам развития языка и речи, общественным проблемам и др., но и за его пределами (музеи, выставки, экскурсии, волонтерская работа и др.).

Мы рассмотрели лишь некоторые аспекты, связанные с адаптацией первокурсников к образовательной среде вуза, тем не менее считаем, что от каждого участника образовательного процесса (как от преподавателя, так и от студента) зависит, насколько комфортной для обучения и профессионального становления окажется университетская среда.

Литература

1. Адаптационные возможности молодежи в современном российском обществе // Материалы Всерос. научно-практ. конф. (17 ноября 2009 г.) /СПГУТД [и др.] ; ред. Ю.В. Манько. – СПб.:СПГУТД, 2009. – 371 с.

2. Веракса Т.В. Реализация адаптационного компонента в процессе преподавания русского языка иностранцам // Современные тенденции в изучении и преподавании русского языка: матер. докл. и сообщ. XXII междунар. науч.-метод. конф.. СПб., СПбГУПТД, 2017. – С.319-325.

3. Погукаева А.В., Коберник Л.Н., Омелянчук Е.Л. Адаптация иностранных студентов в российском вузе // Современные проблемы науки и образования, 2016, № 3; [URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=24651](http://science-education.ru/ru/article/view?id=24651).

4. Разумнова Е.А., Заикин В.К. Адаптация первокурсников к обучению в вузе // Педагогика высшей школы: диалог эпох: материалы междунар. практ. конф. /под ред. И.Ю. Лапиной, С.Ю. Каргапольцева. - СПбГАСУ.- СПб, 2013. – С.353-356.

АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ «ТОСКА ПО РОДИНЕ! ДАВНО...» (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Е. С. Романова

romanovae1996@mail.ru

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Вопросы эстетического анализа лирического произведения на школьном уроке литературы в течение многих десятилетий продолжают сохранять свою актуальность. Художественный смысл текста можно понять только в единстве рассмотрения формы и содержания. В течение длительного времени литературоведческая поэтика изучала преимущественно содержательный план текста, а

форма была объектом внимания лингвистической поэтики. Каждый из видов вид анализа художественного текста играет свою важную роль, вносит определенный вклад в постижение его эстетического содержания.

В школьной практике учитель в каждом отдельном случае занимается поисками такого сочетания элементов литературоведческого и лингвистического анализа, которое позволило бы, не «убивая» эмоциональное восприятие, углубить и усилить его.

Цель данной статьи – предложить возможный вариант анализа стихотворения «Тоска по родине! Давно...» на уроке литературы в 11 классе.

Марина Ивановна Цветаева – поэтесса трагического склада, трагической судьбы. Романтик по строю души, она не принимала «организованного насилия» поэтических школ. Отвергая любую структуру, она признавала любую стихию: природу, язык... Темперамент, бунтарский дух, принципиальная независимость, открытая страсть и стилистическое своеобразие делают поэзию Цветаевой масштабным явлением в истории русской литературы.

Учитель обязательно должен лаконично и выразительно рассказать об истории создания стихотворения.

В 1922 году Цветаева эмигрировала, но тоска по родине заставила вернуться её в Россию (1939).

Стихотворение написано в 1934 году, Цветаева живёт с семьёй на окраине Парижа, семья очень нуждается, Марина Ивановна вынуждена ходить на рынок за продуктами, готовить, стирать, штопать... а ночью писать. В тетради, где оно было записано, пометка над текстом рукой Цветаевой: «Эти стихи могли бы быть моими последними...»

Первый раз стихотворение читает учитель. Какое впечатление производит стихотворение? Как правило, стихи Цветаевой вызывают у школьников сильную эмоциональную реакцию. И очень важно так провести беседу, чтобы переход от разговора о непосредственных впечатлениях к анализу текста был ее совершенно естественным продолжением.

По ходу беседы важно проводить словарную работу, которая, согласно методике Б. С. Дыхановой [1], носит активизирующий, развивающий характер, поскольку выполняет множество функ-

ций. Вместо пассивного усвоения (и частого после этого забывания) значений незнакомых слов ученики выполняют задания, благодаря которым происходит не только расширение и обогащение словарного запаса, но и осмысление контекстуальных значений слов, восстановление во многом утраченных межпредметных связей между языком, литературой и историей.

Первая строка содержит категорическое утверждение лирической героини: тоски по родине не существует, это миф, «давно разоблачённая морока» [3, с. 644].

Подберите устойчивое выражение, связанное с этим словом («морочить голову»). Что оно означает? Вводит в заблуждение, путать, утомлять. Сделаем вывод, что означает слово? – Нечто утомительное, неприятное, суета. А ещё, Морок – это языческий бог лжи и обмана, тумана, невежества и заблуждений. Но помимо этого, он хранитель путей к правде.

Какой видит и ощущает себя лирическая героиня в окружающем ее мире? (Усталой: она не идет, а «бредет» с кошелкой). Кошелка – с каким словом ассоциируется? – кошелёк. Это плетёная сумка или корзина, произошло от слова «кошель». Случайно ли упоминание об этой бытовой детали? – Она подчеркивает бедность, почти нищету героини. Какой мотив получает дальнейшее развитие? – Это мотив одиночества.

Единоличье – из каких двух слов состоит это слово? Единый + лицо. Как соотносятся одиночество и «единоличье чувств»? «И не тщусь» [3, с. 644]– подберите однокоренные слова: тщетный, тщетно. Тщиться – прилагать большие усилия (часто напрасные, бесплодные), стремясь к чему-либо. Героиня отрицает свое стремление «ужиться» с враждебным ей миром, но само слово «тщусь» отличается сильной экспрессией и усиливает эмоциональную напряженность.

Какие слова в той или иной вариации повторяются в стихотворении? Сколько раз употребляется конструкция «всё равно» и синонимичные ей? Оказывается, десять раз – по разу в каждой строфе. Зачем автор так настойчиво повторяет, что ей «всё равно»? Для лирической героини все одинаково чужды, ни с кем нет кровной связи, душевного родства, ни к чему нет привязанности, нет веры: «Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст» [3, с. 645].

«Родной язык, с его призывом млечным...» [3, с. 644]. «Млечный путь» – Галактика, скопление звезд. И в то же время здесь присутствует и прямое значение – «молочный». В контексте стихотворения возникают сложные ассоциации, связанные с различными семами: родной язык нечто огромное и прекрасное, подобное звездам, и одновременно что-то близкое, связанное с ранним детством, с младенчеством.

Найдите в стихотворении однокоренные слова к слову «родной». Для чего в стихотворении создано целое родовое гнездо? Сколько раз повторяется слово «родной» и родственные ему слова? (5 раз). Мы видим в тексте родовое гнездо однокоренных слов: «родина», «роднее» – сравнительная форма прилагательного «родной»), «родившаяся» (душа), «родимого» (пятна). Да, *родное* чрезвычайно важно для героини. Однако она отрицает это.

В тексте всё «родное» имеет антитезу – «чужое», «чуждое». Стихотворение изобилует метафорами, найдите их.

Какую роль играют контекстуальные антонимы? – Родина – «госпиталь или казарма» [3, с. 644] (то, что априори не может стать родным человеку). Лев – символ свободы и царственности – пленный. Северный медведь – без льдины, то есть в чуждом, несвободном для себя мире. Аллея – без деревьев, только с оставшимся от них бревном. Родной язык – безразличие («безразлично – на каком непонимаемой быть встречным!» [3, с. 644]), «роднее бывшее – всего» [3, с. 644] – «всего равнее» [3, с. 644].

Здесь допущена грамматическая неточность, какая? – наречие, не имеющее степеней сравнения, употреблено в сравнительной степени. Является ли это случайной ошибкой? – Нет, это знак сильнейшей экспрессии и своеобразной самоиронии. Обратим внимание на строку «душа, родившаяся где-то» [3, с. 644]. Что героиня хочет показать этой отстранённостью от родных мест? В этой строке выражена глобальная отстранённость от конкретного времени и пространства. От связи с родной землёй, казалось, вовсе не осталось следа. Прочтём предпоследнюю строфу:

Так край меня не уберёт
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперёк!
Родимого пятна не сыщет! [3, с. 644].

В процессе работы над стихами Марины Цветаевой очень важно обращать внимание на синтаксис. Какие пунктуационные знаки используются чаще всего? Каково их назначение? – Родина живёт в сердце лирической героини, именно поэтому так много эмоций вложено в стихотворение. Семь восклицательных знаков – свидетельство экспрессивности речи. В стихотворении на десять четверостиший – семнадцать тире. Их постановка связана со смысловым выделением слов и словосочетаний, эти знаки по-своему связаны с экспрессивностью поэтического монолога. Тире – любимый знак М. И. Цветаевой. В смысловом отношении значимо и многоточие. Особенно ощутима его роль в конце стихотворения.

Но если по дороге – куст
Встаёт, особенно – рябина... [3, с. 645]

Как изменяется интонация в стихотворении? От напевной интонации, полной безразличия, поэтесса переходит к ораторской, срывающейся на крик.

Двадцатого столетья – он,
А я – до всякого столетья! [3, с. 644]

Давайте проследим за рифмой и стихотворным ритмом, ведь это тоже имеет значение для раскрытия смысла. Есть ли в них какое-то своеобразие? Биение горячего, страстного сердца передаётся и ритмом стихотворения. В нём нет чёткой последовательности ударных и безударных слогов, здесь особый цветаевский ритм, которому не свойственна мерность. Прочтём такие строки:

...Где – совершенно одинокой
Быть... [3, с. 644]

...Быть вытесненной – непременно –
В себя... [3, с. 644]

Это особый цветаевский приём – использование эмфатической паузы, требуемой не синтаксисом, а напором чувств. В строке не умещается неделимое в смысловом отношении словосочетание, синтаксическая конструкция.

Интересна рифмовка поэтического текста: нет выверенности, точности в рифме. Вспомним, что такое клаузула? – Ритмические окончания. Итак, проследим за клаузулами второй и третьей строфы. Если клаузулы 1-й и 3-й строк – точная рифма, то во 2-й и 4-й строках рифма неточная: «домой – базарной – мой – ка-

зарма»; «среди – пленным – среды – непременно». Попробуем понять, какую роль играет такое сочетание? – «Неотточенность», нарочитая шероховатость создает впечатление искренности, непосредственности, «сиюминутности» речи.

Без каких строк стихотворение приобрело бы совсем иной смысл? Прочтём стихотворение без последней строфы. С. Рассадин отмечает, что стихотворение «Тоска по родине!..», возможно, не самое знаменитое произведение М. И. Цветаевой, но оно хватает за душу, как немногие. Особое значение исследователь придаёт двум последним строкам. На протяжении 38 строк страстно утверждался разрыв с Родиной, отказ от всего родного, а последние 2 строки полностью «перевернули» стихотворение. Тоска по родине, объявленная фикцией, «разоблачённой морокой», становится живой неизбывной болью. С. Рассадин пишет: «Приходит в голову мысль – странная, если не выразиться резче: а если, не приведи Бог, сердце остановилось на 38-й строке... что тогда мы сказали бы об этих стихах?» [2, с. 118].

Последняя строфа в корне меняет смысл стихотворения. Мотив дороги, который связан с бесконечной усталостью и одиночеством лирической героини, приобретает новые оттенки смысла. Что остаётся лирической героине? – Дорога, неизвестность. Что заставляет идти по ней? – Куст рябины. Вспомните, в каких стихотворениях Цветаевой упоминается рябина.

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.[3, с. 188].

Рябина – это новый круг пути, точка нового отсчёта.

С каким понятием мы можем связать «рябину»? Что позволяет утверждать, что для М. И. Цветаевой «родина» и «рябина» – семантически близкие понятия? Во многих произведениях М. И. Цветаевой понятия «родина» и «рябина» слиты воедино. Аллегорическая связь обозначена в стихотворении «Рябину рубили...», в нём есть поэтические строки, также скрепляющие это единство:

Сивилла! Зачем моему
Ребёнку – такая судьбина?
Ведь русская доля ему...
И век ей: Россия, рябина...[3, с. 296-297]

Мы понимаем, что нет темы больнее, чем тема России, нет единства прочнее, чем единство с духовностью, культурой своего народа.

Попытка издевательства над тоской по родине внезапно и беспомощно обрывается, заканчиваясь гениальным по своей глубине финалом, раскрывающим душераздирающую трагедию любви к родине:

Но если по дороге – куст
Встает, особенно рябина... [3, с. 645].

И все. Только многоточие. Но что кроется в нём? В этих точках мощное, бесконечно продолжающееся во времени, немое признание в такой сильной любви, на которую не способны тысячи вместе взятых стихотворцев. У М. И. Цветаевой есть такая строка: «Я любовь узнаю по боли...» [3, с. 590]. Да, болит, да, трудно, и кажется, что больше не выдержишь, но рябина – символ родины, даёт надежду. В финале стихотворения возможно воскресение лирической героини, и она в это верит.

Стихотворение «Тоска по родине! Давно...» наполнено глубочайшим смыслом, именно поэтому нам видится важным на примере его анализа обучать старшеклассников вниманию к поэтическому слову, показывать содержательность элементов художественной формы. Такой подход помогает педагогу раскрыть особенности характера лирической героини с помощью обращения к композиции стихотворения, своеобразию синтаксиса и пейзажным зарисовкам.

Литература

1. Дыханова, Б. С. Книга для учителя-словесника. 5 класс средней общеобразовательной школы / Б. С. Дыханова. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2000. – 199 с.
2. Рассадин, С. Б. Предположения о поэзии / С. Б. Рассадин. – М. : Советский писатель, 1988. – 261 с.
3. Цветаева, М. И. Полное собрание стихотворений / М. И. Цветаева. – М. : Эксмо, 2006. – 683 с.

О ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩЕМ ПРИНЦИПЕ РУССКОГО ПИСЬМА И ПРОИЗНОШЕНИЯ И О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

С.В.Русанова

rusanowa_7@mail.ru

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»
(Новосибирск)

Интерес к вариативности, оказывающейся в центре внимания ученых уже в самых первых научных разработках русского литературного языка, особенно повышается в периоды наибольшей мобильности языковых единиц, обусловленной политическими, социально-экономическими и культурно-идеологическими преобразованиями в обществе. Объектом повышенного внимания, причем не только ученых и преподавателей русского языка, но и непрофессионального общества, становятся в первую очередь варианты произношения, правописания и пунктуации, их отношение к норме. В качестве примера можно привести весьма распространенный алгоритм общения в интернет-чатах, когда обсуждение какой-либо экстралингвистической проблемы часто переходит на обсуждение правильности / неправильности написания слов. Показательным является также набирающий темпы Тотальный диктант и тенденция к расширению границ допустимых орфографических и пунктуационных вариантов при комментировании экспертами текстов.

Представляя собой результат взаимодействия узуса и кодифицированной нормы, живых языковых процессов и сложившейся традиции, варианты форм актуализируют проблему выбора, который, как известно, выполняет маркирующую функцию в коммуникации, благоприятствуя ей или создавая дополнительные помехи. Немаловажным при этом оказываются стереотипы в оценке вариантов.

Рассуждая о политике орфографистов и ее влиянии на письмо, Е.В. Бешенкова отмечает, что современное «либеральное» отношение к кодификации пришло на смену периоду «орфографической диктатуры», начало которому положила реформа письма 1956 г., утвердившая общеобразовательные правила [1, с. 166].

Разногласия среди пишущих и даже среди кодификаторов, по мнению ученой, во многом обусловлены не только изменением языка и изменением письма, но и внутренними дихотомиями и языка, и письма [1, с. 168]. В связи с этим возможны оказываются два типа отношения к нормированию письма: предписывающий, с его системной кодификацией, и фиксирующий (дескриптивный), при котором системная кодификация отсутствует, а вариативное написание реагирует на сиюминутную моду. Подытоживает свои размышления Е.В.Бешенкова следующим заключением: политика орфографистов сегодня во многом определяется внешними условиями (социальной стабильностью или нестабильностью, степенью кодифицированности и отношением общества к кодификации) и во многих случаях работает против системности [1, с. 178].

Рассуждения о влиянии политики орфографистов на письмо актуализируют еще одну проблему, связанную с особенностями обучения русской орфографии и пунктуации, с характером подачи ортологического материала в учебно-методических пособиях и справочниках, с пониманием и преподаванием базовых принципов русского письма и их роли в процессе освоения орфограмм.

Как известно, современная русская орфография базируется на четырех основных, сформировавшихся в результате длительной и сложной истории русского письма принципах: морфологическом (фонематическом), фонетическом, историческом (традиционном) и дифференцирующем (принципе дифференцированного написания).

В рамках настоящей статьи речь пойдет о дифференцирующем принципе русской орфографии, который, как известно, реализуется в ситуациях, когда средствами орфографии необходимо разграничить одинаково звучащие слова. Обычно данный принцип связывается в системе образования со случаями типа *балл* (оценка) и *бал* (танцевальный вечер), *ожёг* (глагол) и *ожог* (существительное), *плачь* (глагол) и *плач* (существительное), *туш* (существительное мужского рода) и *тушь* (существительное женского рода), *орёл* (птица) и *Орёл* (город) и подобные. По сути, мы имеем дело с разграничением на письме лексической и грамматической омонимии.

На наш взгляд, принцип дифференциации лексической и грамматической семантики орфографическими средствами охватывает более широкий круг слов и форм и заслуживает большего внимания с методико-дидактической точки зрения. Умение видеть дифференцирующую функцию средств русской орфографии делает осмысленным соблюдение норм русского письма, переносит акценты со словарной работы на понимание системных отношений в языке и культурно-исторической его обусловленности.

Причем дифференцирующий принцип орфографии не противоречит другим принципам, а часто согласуется с ними. Так, отдельные правила написания слов с чередующимися в корнях гласными, объединенные традиционным (или историческим) принципом, в действительности подчиняются и дифференцирующему принципу, графически маркирующему различие либо в лексическом значении слов, как в случае с корнями *мак-/мок-*, *равн-/ровн-*, либо в грамматическом, как в случае с корнями *лаг-/лож-*, *бер-/бир-* и подобными. Рассмотрим правописание корня *лаг-/лож-*, которое в орфографических справочниках и учебных пособиях определяется наличием или отсутствием суффикса *-а-* после корня и конечным согласным корня *г/ж*: «В корне *лаг-* (перед *г*) пишется *а* (далее следует суффикс *а*), в корне *лож-* (перед *ж*) пишется *о*: *предлагать – предложить*» [4, с. 25; 3]. Подобный подход к написанию данных корней вырабатывает отношение к орфограмме как изолированному правилу, обусловленному традицией и не связанному с лексической и грамматической семантикой слов, однако анализ иллюстрирующих правило примеров свидетельствует, что слова с корнем *лаг-/лож-* представляют собой глаголы и производные от них имена. Кроме того, глаголы, противопоставленные корнями *лаг-* и *лож-*, оказываются противопоставленными по виду. Ср.: *излагать – изложить*, *предлагать – предложить*, *располагать – расположить*; *изложение* (от *изложить*), *предложение* (от *предложить*) *положение* (от *положить*) и т.д. Следовательно, чередование корневой гласной совместно с суффиксом *-а-*, имперфективным по значению, или его отсутствием выступает показателем видовой принадлежности глагольной формы. Глаголы с корнем *лаг-* и суффиксом *-а-* относятся к несовершенному виду и обозначают длительное или повторяющееся действие, глаголы с ко-

нем *лож-* и суффиксом *-и-* всегда совершенного вида и представляют действие как законченное. Кстати, именно видовой спецификой корня *лож-*, его связанностью с перфективной основой (т.е. совершенного вида) определяется недопустимость в современном русском литературном языке употребления весьма распространенной просторечной бесприставочной формы *ложить* (несов. вид, что делать?). Подобная картина обнаруживается и в правописании корней *бер-/бир-*, *дер-/дир-*, *мер-/мир-* и др. с чередующимися гласными *и-е*. Гласная *и* в корне совместно с суффиксом *-а-* маркирует значение несовершенного вида у приставочных глаголов (убирать, задирать, замирать), в то время как корни с гласной *е* и, соответственно, без суффикса *-а-* выступают в глагольных формах совершенного вида (уберу, задеру, замереть). Употребление бесприставочных глаголов несовершенного вида с гласной *е* в корне единичны (беру, деру).

Дифференцирующий характер имеет написание одного или двух *н* в страдательных причастиях прошедшего времени и образованных от них морфолого-синтаксическим способом прилагательных. Процесс адъективации причастий имеет глубокие корни, именно с ним связано появление у полных страдательных причастий прошедшего времени отсутствующего первоначально второго *н*. Вот как объясняют историки русского языка данное явление: «...приблизительно с XVII в. причастия с суффиксом *-н-*, выступая в роли определений, становились прилагательными и совпадали с соответствующими отглагольными прилагательными, образованными некогда с помощью суффикса *-ьн-* > *-н-*, т.е. такие причастия, как *кошеное* (сено), *розореные* (города), совпали с такими прилагательными, как *указный* (срок), *отсрочная* (челобитная) и т.п. В силу этого в языке должно было выработаться и выработалось новое средство отличия причастий от прилагательных – этим средством явился вторичный суффикс *-ьн->-н-* в причастных формах: *повелънная, неписаньный>повеленная, неписанный* и т.д.» [2, с. 362]. Параллельно закреплению графического разграничения страдательных причастий и прилагательных оформлялась их видовременная, лексико-семантическая, синтагматическая, а в отдельных случаях и акцентологическая дифференциация, в результате которой сложилась современная, не простая, но закрепленная традицией система соотносительных правописных форм. Ср.,

классические школьные примеры: причастия *пожаренная* (рыба), *жаренная* мамой/на сковороде (рыба) и противопоставленное им прилагательное *жареная* (рыба), в семантике которого актуализируется значение постоянного, качественного признака (жареная / варёная / сырая); *воспитанный* отцом сын (сын, которого воспитал отец) и *воспитанный* человек (т.е. получивший хорошее воспитание, умеющий вести себя, учтивый, вежливый); поса□женный цветок – посажённный отец; со□ленный – солёный и др.

Написание одного или двух *н* в страдательных причастиях прошедшего времени и соотносительных с ними прилагательных признается носителями русского языка одним из самых трудных. Однако попытка кодификаторов внести изменение в наиболее спорное с их точки зрения правило орфографического разграничения причастий и прилагательных, образованных от глаголов несовершенного вида, не была принята обществом. Суть предлагаемого изменения – отказаться от подобного разграничения и принять для тех и других написание с одним *н*: *жареная на масле картошка* и *жареная картошка*, *коротко стриженные волосы* и *стриженные волосы* и т.д. [5]. Новое правило, по мнению авторов, отменяет основную трудность действующего правила – необходимость синтаксического анализа для установления написания слов, благодаря чему начинает действовать важный фактор – запоминание буквенных обликов слов [5]. Таким образом, за внешним, полезным, казалось бы, для пишущего, новшеством лежит замена семантико-синтаксического принципа написания формально-грамматическим.

Анализируя возможные перспективы подобной замены принципов, можно предположить, что за отказом от орфографической дифференциации страдательного причастия и отглагольного прилагательного, по всей видимости, последует постепенное стирание семантико-смыслового различия указанных омонимичных слов в силу их близости.

Представляется актуальным вспомнить, что дифференцирующий принцип реализуется также в акцентологической и пунктуационной системах русского языка. Остановимся в рамках настоящей статьи на акцентологических случаях, когда с помощью ударения различаются значения слов и форм. На этом принципе основано, как известно, различение омофонов: *замок–замок*, *мука–*

мука; страны – страны и т.д. Учет дифференцирующей функции ударения может помочь, например, в решении вопроса о нормативной допустимости/недопустимости широко распространенных в речи произносительных вариантов *каталог–каталог*.

Будучи греческим по происхождению, *каталог* включается в ряд слов, содержащих в своем составе аналогичный ударный элемент *-лог* (<греч. *logos* – слово; понятие, учение; мысль; определение; отношение [6, с. 282]): *монолог, диалог, полилог*. Однако данному ряду в русском языке противопоставлен другой, также содержащий элемент *-лог*, но уже безударный: *филолог, биолог, геолог, физиолог, археолог, стоматолог* и т.д. Слова второго ряда обозначают лицо, занимающееся наукой, указанной в первой части сложения, и образованы бессуффиксным способом от наименований соответствующих наук, содержащих все тот же, что и в словах первого ряда, ударный *-лог*: *филология, биология, геология* и др. Следовательно, в данном случае ударение является средством различения слов, объединенных общностью семантики. С учетом грамматической характеристики рассматриваемых слов можно сказать, что безударный *-лог* маркирует имена неодушевленные, а ударный *-лог* – имена одушевленные.

Разговор о дифференцирующем принципе позволяет акцентировать внимание на следующих аспектах. Уточнять и упорядочивать правила русского письма и произношения с учетом меняющегося узуса, безусловно, необходимо. Говоря, в частности, об орфографии, следует помнить, что существующие правила не равнозначны с точки зрения разработанности, охвата языковых единиц, учета лежащих в их основе закономерностей, степени освоенности и закреплённости традицией. Четыре принципа орфографии, которые получили статус основных, формировались в течение длительной истории. Так сложилось, что с момента своего появления русское письмо обнаруживает тенденции к графической специализации значений и их нюансов, к семантико-синтаксической мотивированности написания слов и форм, к маркированности культурно значимых смыслов и коннотаций. Поэтому такая прикладная сфера языка, как орфография, призванная облегчать коммуникацию в ее письменной форме, является одним из выразителей богатой русской культуры. И следовательно, параллельно с работой

кодификаторов, пытающихся упорядочить нормы с учетом современной практики письма, необходимо совершенствовать методику обучения орфографическим нормам русского литературного языка – переходить с констатирующей подачи языкового материала, основанного на запоминании, на мотивирующую, объясняющую, направленную на понимание внутренних закономерностей и системных отношений в языке.

Литература

1. Бешенкова Е.В. Политика орфографистов и ее влияние на письмо // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). – С. 166–180.
2. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. – 400 с.
3. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М.: Эксмо, 2009. – 480 с.
4. Розенталь Д.Э. Русский язык для школьников старших классов и поступающих в вузы. М.: Дрофа, 1997. – 368 с.
5. Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. Проект. – М., 2000. URL: <http://gramma.ru/KOL/?id=2.27> (дата обращения: 25.02.2018).
6. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1985. – 608 с.

О ГРАНИЦАХ И НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В.П. Сидельников

vokinledis37@gmail.com

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Проблема определения границы любой науки, в том числе и лингвистики, всегда была и остается актуальной. В 90-е годы XX века О. Н. Трубачев, делая обзор XII Международного съезда славистов, отметил необъятность лингвистики как науки (или наук), а представленная на конгрессе, по его словам, добрая тысяча докладов и сообщений со своими темами и проблемами могла быть о другом, и это при том, что была затронута лишь малая часть огромного лингвистического знания [10, с. 3].

В информации о XIX Международном конгрессе лингвистов, который состоялся в Женеве (июль, 2013 г.), отмечается, что тематика включенных в программу конгресса докладов и сообщений отражает быстрый рост лингвистики как науки в ее многообразии связей с нейрологией, антропологией, математикой, теорией информации, философией и многими другими науками и что ни один ученый не может утверждать, что он знаком со всей литературой, посвященной проблемам современной лингвистики.

Джон Лайонз в вступительном курсе «Язык и лингвистика» сетует на то, что «мы не располагаем теорией, в рамках которой можно было бы заниматься макролингвистикой, т.е. изучать язык в разных, одинаково интересных аспектах: социальном, культурном, биологическом и т.д.» [5: 238].

Определить границы современной лингвистики очень сложно в силу того, что лингвистика как «наука не представляет собой закрытой системы, где все раз и навсегда расставлено по своим полочкам, а, наоборот, находится в постоянном движении, изменении, то следует признать, что установление жестких границ любой науки невозможно» [2: 5].

На наш взгляд, границы лингвистики определяются с учетом двух факторов: объективного и субъективного. Объективный фактор заключен в самом языке как природном образовании, то есть в его онтологии. Субъективный фактор заключен в самом человеке, исследователе, объектом деятельности которого становится язык как сущность, то есть в поле зрения исследователя попадает то, что озарено его интеллектом, и то, что открыто другими, но видится ему в иных научных координатах. Язык как природный объект бесконечно многообразен в своем проявлении, но известно, что человеку никогда не удастся сразу познать всякую суть. Сложность и многосторонность языка как природного явления объективно определяет и многообразие взглядов на него.

Представленная на различных международных форумах лингвистика еще раз подтверждает правоту высказанного выше тезиса. Так, на проведенной в январе 1995 г. в МГУ Международной конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы» работали 19 секций: 1) Лингвистическая историография; 2) Общие проблемы языкознания; 3) Лингвистика XXI века; 4) Фонетика и фонология; 5) Морфология; 6) Словообразование и

морфемика; 7) Синтаксис; 8) Семантика; 9) Лексикология и лексикография; 10) Лингвистика текста и структура дискурса; 11) Прагматика; 12) Когнитивная лингвистика; 13) Компаративистика и типология; 14) Психолингвистика; 15) Социолингвистика; 16) Этнолингвистика; 17) «Малые» языки; 18) Компьютерная лингвистика; 19) Лингводидактика. Программа XIX Международного конгресса лингвистов, который состоялся в июле 2013 года в Женеве, тоже не отражает современную лингвистику во всей ее масштабности. Так, на пленарное заседание были вынесены доклады традиционной тематики (фонология и морфология, синтаксис, семантика, прагматика, дискурс, язык и мышление). Не столь оригинальна была и тематика докладов, причисленных к числу основных: история языкознания, социолингвистика, синтаксис, семантика, происхождение и эволюция языка, компьютерная лингвистика, и особняком стоит лишь доклад о нейролингвистике. Справедливости ради следует заметить, что оригинальные доклады были представлены в семинарах: современное состояние лингвистической киберинфраструктуры, лингвистика бизнеса и управления, семантика компаундирования, язык и мышление (аутизм), модальность как окно в познание и др.

Современная лингвистика, даже на взгляд просвещенного человека, выглядит очень сложной и запутанной, нет ощущения ее цельности. Так, профессор Пермского университета А. Углова задается вопросом, существует ли «мейнстрим» (главное направление, господствующие тенденции) в современной лингвистике. И на ее взгляд, современную лингвистику характеризуют: либо 1) через основные доминирующие теории (концепции), 2) через описание черт, присущих современным лингвистическим исследованиям, 3) через специфику проблематики или же сразу позиционируют ее как развивающуюся в рамках определенной парадигмы [11]. А потому границы современной лингвистики в какой-то мере определяют значимые, доминирующие теории. К числу таковых Демьянков В.З. относит: 1) генеративную теорию; 2) интерпретационизм (или интерпретирующий подход); 3) категориальные грамматики; 4) функционализм; 5) теорию прототипов; 6) лингвистику текста; 7) теории речевого действия; 8) принцип кооперированности; 9) когнитивную лингвистику [1].

Понимая, что выделение некоторых теорий не очень убедительно, Демьянков В. З. замечает, что «эти и подобные идеи сочетаются между собой в различных конкретных теориях аналогично пучку дифференциальных признаков» [1: 245].

Что же собой представляют значимые теории современной лингвистики? По мнению Демьянкова, в генеративной лингвистике грамматика языка задается как формальная автономная система, реконструируемая лингвистом и обладающая «психологической реальностью» в жизни человека; интерпретационный принцип лингвистики заключается в том, что «значение вычисляется интерпретатором, а не содержится в языковой форме»; категориальные или логические грамматики связаны с типизацией; с позиции функционализма для лингвистического анализа существенны функции элементов выражения, а не сами элементы; в основе теории прототипов лежит представление о недискретности, размытости границ, и категории формируются на пересечении некоторого числа «характерных», или «типичных свойств признаков»; в основании лингвистики текста лежит представление о том, что грамматика текста организована не так, как грамматика предложения; в теории речевого действия предпринята попытка взглянуть на речь и на язык через призму действия носителя языка и определить, как употребить значение предложения в конкретных обстоятельствах; принцип кооперированности, сформулированный Грайсом, состоит в том, что нужно говорить в соответствии со стадией разговора, общей для (собеседников) целью и направлением в обмене репликами [1: 245-298]. Собственно, из семи определяемых исследователем значимых направлений, последние три: лингвистика текста, теория речевого воздействия и принцип кооперированности, - по своей сути относятся к направлению лингвистики, именуемому как функционально-коммуникативное. Вот почему, на взгляд других лингвистов, круг доминирующих теорий может быть ограничен тремя: генеративной, функциональной и когнитивной. В какой-то мере такой взгляд подтверждает и структура книги «Современная американская лингвистика: фундаментальные направления»: Часть I. Генеративная грамматика. Часть II. Другие генеративные теории: фонология, семантика, психолингвистика и усвоение языка; Часть III. Функциональные и когнитивные теории [9].

Толкование значимых теорий современной лингвистики зачастую носит общий, неконкретный характер, а потому обладает малой познавательной силой. Чтобы убедиться в справедливости такого утверждения, следует обратиться к определению сущности этих теорий теми лингвистами, которые географически и интеллектуально ближе к тому, где родились и развиваются особенно интенсивно эти теории.

Для Джона Бейлина, получившего образование на отделении лингвистики Гарвардского университета, «теория генеративной грамматики ищет ответ на один центральный вопрос: из чего состоит это знание [лингвистическое. – С.В.], каким образом оно так совершенно и быстро усваивается в раннем детстве, почему глобальные типологические различия между языками не препятствуют их усвоению» [9], и далее этот лингвист образно сравнивает генеративизм и функционализм, собственно определяя их сущность:

«Полезной аналогией является способность птиц летать. Физики (как и изобретатели самолетов) исследуют вопросы самого процесса полета – как он возможен у птиц, откуда птицы приобретают это умение, какие особенности их физиологии дают им такую возможность. Другие ученые интересуются иными вопросами: сколько птицы могут летать без перерыва, на какой высоте они летают и при какой погоде, как и когда они организуют свои сезонные перелеты, как старость влияет на способность находиться в воздухе и т.д. И то, и другое являются нужными областями общей науки о птицах, тем более, что во всех вопросах второго типа подразумевается существование ответов на вопросы первого типа. Данная аналогия позволяет правильно понять разницу между генеративными и функциональными лингвистами.

Генеративная грамматика занимается изучением языкового аппарата человека, который позволяет ребенку к пяти годам усвоить родной язык. Функциональная лингвистика изучает использование этого аппарата: почему мы выбираем те или иные существующие языковые формы и как мы понимаем или создаем сообщения разных уровней и стилистических регистров. Эти направления в лингвистике отнюдь не являются взаимоисключающими, а наоборот, они являются взаимодополняющими теориями, которые изучают одно явление с разных сторон» [9].

Сравним с этим образным представлением генеративизма и функционализма Дж. Бейлина определение, которое дается на страницах той же книги, функционализма российскими лингвистами Кибриком и Плунгяном:

«Лингвистическим функционализмом называется подход к языку, утверждающий, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без апелляции к функциям языка. Основной пафос функционализма – объяснение языковой формы ее функциями. Очевидно, что этот пафос диаметрально противоположен основной идее Хомского, пережившей все этапы развития генеративной грамматики – идее о том, что универсальная грамматика (компетенция) врожденна, и поэтому не нуждается в объяснении функциями (употреблением)» [9].

Обращает на себя внимание категоричность утверждения о диаметральной противоположности генеративизма и функционализма. В данном случае нелогично разные подходы к одному и тому же объекту считать диаметрально противоположными. Разные аспекты одного и того же явления являются органически связанными и не противоречат друг другу, что хорошо объяснено Джоном Бейлином в его образном сравнении изучения птицы в ее природной способности летать, как врожденном качестве, в этой природной компетенции и врожденной способности человека владеть языком.

К числу ныне доминирующих лингвистических теорий естественно относят и когнитивизм. Американский лингвист Ален Ченки, в сферу научных интересов которого входит когнитивная лингвистика, теория семантики, семантика и сравнительный анализ славянских языков, так определяет это направление в лингвистике: «Под термином «когнитивная лингвистика» понимается группа теоретических подходов, которые в целом совместимы друг с другом и разделяет некоторые основные принципы: 1) язык как плод человеческого ума, его структура в известной степени показывают, как работает ум; 2) язык является орудием коммуникации; 3) как средство коммуникации язык является порождением двух факторов: один – внутренний (то есть, ум индивидуально говорящего), другой – внешний (культура, общая с другими говорящими на этом языке)»; и заключает характеристику принципов ко-

гнитивизма выводом о том, что языкознание оказывается неотъемлемой частью когнитивной науки и непосредственно связано с психологией, нейронаукой, антропологией и философией [9].

Вот эту связь языкознания с другими науками почему-то называют экспансионизмом. На наш взгляд, он не только некорректен, но абсолютно неточен, ибо ни психология, ни социология, ни антропология, ни философия не являются чужой территорией, территорией других наук, на которую якобы покушается лингвистика, ибо все они «кровные родственники», и «проживают» на одной территории, которая зовется человеком.

Так называемые значимые теории часто являют собой своеобразную волну, которая захлестывает огромные площади современной лингвистики, накрывает и многие традиционные классические направления языкознания: сравнительно-историческое, формально-грамматическое, структурное.

Олег Николаевич Трубачев в ранее упоминавшейся его работе, цитируя следующие строчки из «Коммуникативной грамматики русского языка» [3]: «Пережитые лингвистикой последних десятилетий поиски и метания – от устремлений к «чистой форме» до всеобщего поворота к семантике с доминирующим интересом, наконец, к тексту как результату смысловых и коммуникативных интенций... раздвигает традиционные рамки грамматики», – заключает: «Не будет преувеличением сказать, что эта идеология вполне проявила себя на минувшем съезде [IX съезд славистов. – С.В.], причем выступающие возвращаются мысленно к началу 80-х годов, «когда большинство ученых стало поддерживать определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникации» » [10: 18-19]. Кубрякова Е. С., слова которой процитировал О. Н. Трубачев, относит когнитивизм к новым парадигмам, и, в свою очередь, говорит о формировании «языковой картины мира», относя зарождение этой идеи к 80-м годам XX столетия. Однако О. Н. Трубачев, признавая правильность таких рассуждений Е. С. Кубряковой, тут же замечает: «Можно, конечно, попытаться поправить хронологию – не начало 80-х годов, а раньше; я припоминаю, что присутствовал лично на докладе Э. Косериу «Weltbild der Sprache» в Фрайбурге (Германия) весной 1977 года. Но дело также не в этом. Исторически неглубокий дескриптивизм оказался в ситуации, о которой лучше всего сказано

в Библии: «Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл., 1, 10). И вновь вспоминается метафора из работ одного русского лингвиста, живущего и работающего в Чехии: «Языкознание – это наука возвратов». Один из таких возвратов, не вполне осознанных нами именно как возврат, мы имеем перед собой в наблюдаемом триумфе семантики в форме когнитивизма, этой, в целом полезной, концепции языковой картины мира, собственно – плата за долгие годы формализма». И как бы подводя итог сказанному, ученый замечает, что нынешний бурный поворот лингвистики к когнитивизму, «оснащенному новой терминологией, – феномен понятный, но заслуживающий трезвой оценки» [10: 19].

И все-таки, какой в целом предстает современная лингвистика? Е. С. Кубрякова, характеризуя антропологический принцип как основу для объединения лингвистики комплексом смежных наук, в этой связи приводит высказывание Яна Ньютса: «Сегодня область науки о языке вряд ли можно охарактеризовать как нечто связанное, это скорее конгломерат различных сфер познания языка со своими собственными объектами анализа. Возникает вопрос, под эгидой какой науки можно было бы собрать все это и подчинить исследование языка более цельной программе. Ответ на этот вопрос все чаще формулируется так: исследование языка – это в основе своей исследование когнитивное» [цит. по: 5: 215-216].

Так называемый экспансионизм современной лингвистики может создавать впечатление, что эта наука представляет грудку разнородных, не связанных между собою явлений, уводящих нас от самого объекта. Выход в междисциплинарье – вполне закономерное явление. Справедливости ради следует заметить, что лингвист, идущий в социологию, психологию, биологию, нейробиологию, кибернетику, экологию, антропологию, становится дилетантом в части знания и видения этих наук. Но все они (науки) вышли из человека и обращены к нему. В этой связи нельзя не упомянуть имя донецкого профессора В. В. Федорова, который назвал язык внутренней формой всех наук. И не случайно, что в современном мире обозначился очень живой и не беспредметный интерес к языку, и как заметил Лиотар: «... передовые науки и техники имеют дело с языком: фонология и лингвистические теории, про-

блемы коммуникации, кибернетика, современные алгебры и информатика, вычислительные машины и их языки, проблемы языковых переводов и исследования совместимости машинных языков, проблемы сохранения в памяти и банки данных, телематика и разработка «мыслящих» терминалов... – список этот не исчерпан» [7: 15-16].

Эволюцию лингвистической теории ученые рассматривают по-разному: для одних – это последовательная смена основных научных парадигм: сравнительно-исторической, системно-структурной, коммуникативно-функциональной и когнитивной, другие представляют переход от одной парадигмы к другой как колебание маятника, третьи – как круговое движение, четвертые – как последовательную смену, пятые – как движение по спирали, шестые – как существование нескольких парадигм. И все-таки, реальным является представление процесса развития лингвистики как сосуществования именно нескольких парадигм. Только в разные эпохи та или иная парадигма существует в виде нахлынувшей волны, которая захватывает и погружает в свою пучину другие направления в лингвистике. Мы знаем, как в свое время накатился вал сравнительно-исторического языкознания, после которого пришел вал системно-структурного языкознания, на смену которому пришел вал функционализма, и в наше время мы находимся на самом гребне волны, называемой когнитивизмом.

Когда говорят о революционности той или иной лингвистической идеи, следует прислушаться к мнению Дж. Лайонза, который заметил, что «хомскианская революция, как и все другие революции, сохраняет гораздо более существенную часть достижений предшествующих эпох, чем это представляется самим революционерам и их современникам. Философии Аристотеля невозможно понять вне связи с платонизмом, а Декарта – без понимания средневековой схоластики. Все это в равной мере можно отнести к Хомскому. Его теория, безусловно, опирается на те идеи, с которыми он познакомился, изучая лингвистику, психологию, философию» [6: 103]. Введение в научный обиход Хомским понятий «языковая компетенция» и «речевая компетенция» (употребление языка) является логическим развитием соссорианских понятий «язык» и «речь».

Одной из особенностей современной лингвистики является ее прагматичность, а более точно, технологичность. Может быть, это и знамение нашего века: если русская культура в эпоху «золотого века» была литературоцентричной, то мировая культура нашей эпохи является техноцентричной и прагматичной. Примечательно в этом отношении высказывание российской актрисы Максаковой о своем отце: крупный физик-теоретик, по учебнику о плазменной физике которого учились немецкие студенты, оставил теорию, когда наступил век технологий, и ушел в коммерцию. Вполне закономерным является и появление книг с выразительным названием «Коммуникативные технологии XX века» [8], в которой дается характеристика таких профессий, как менеджер публик рилейшнз, имиджмейкер, спиндоктор, переговорщик, спичрайтер, рекламист, психотерапевт, специалист по слухам. В основе всех этих коммуникативных технологий лежит язык как орудие коммуникации и орудие познания, хранения и передачи познанный.

На огромном поле деятельности лингвистов философы и историки науки пытаются выделить отдельные фрагменты научного знания, скорее, научные сообщества, которые объединены в представлении концептуальных моделей общими утверждениями, ценностными установками, образцами решения конкретных задач и проблем [12]. Круг научных идей, над которыми работает то или иное научное сообщество, может объединяться названием «парадигма» или «дисциплинарная матрица» (Т.Кун); «эпистема» как дискурс-формирование, определяющий способ видения мира в тот или иной исторический период (М.Фуко); стиль мышления, под которым М. Борн понимает общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке; «научно-исследовательская программа, содержащая жесткое ядро, которое признается непровержимым, и в состав которого входят философские принципы, рассматриваемые в качестве эвристического основания» (И. Лакатос). Следует заметить, что такую классификацию научных сообществ, научных направлений дают, собственно, не лингвисты: Т. Кун (философ), М. Фуко (историк, психолог), М. Борн (физик), И. Лакатос (философ).

Даже беглый взгляд на название современных лингвистик: формально-грамматическая, системно-структурная, генеративная, функционально-коммуникативная, когнитивная, психолингвистика, этнолингвистика, биолингвистика, социолингвистика, нейролингвистика, эколлингвистика и другие, причины появления которых различны (глобализация научного знания, его интеграция, облегченные формы доступа к информации, переформулирование в новых терминах старых проблем, которые частично связаны с использованием иногда заимствованных из других наук методов, возникновением новых областей исследования, новых наук) создает впечатление, что эта наука вышла из берегов и заливаает поле умственной деятельности, но мы знаем – когда реки выходят из берегов, они что-то разрушают, что-то заливают, а что-то оставляют в виде плодородного ила, на котором затем в благоприятных условиях прорастают новые и весьма полезные растения, а на поле умственной деятельности прорастают новые идеи, которые будут расширять и углублять лингвистическое знание. Естественно, что всякая наука в какой-то мере является наукой повторов, поворотов к одному и тому же объекту исследования, возвращения к нему на новом витке человеческого познания.

Литература

1. Демьянков В.В. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. - М.: Институт языкознания РАН, 1995. - с. 239-320.
2. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 248 с.
3. Золотова Г., Онипенко Н., Сидорова М. Коммуникативная грамматика русского языка. - Москва: ИРЯ РАН, 1998.
4. Компанцева Л.Ф. От классического языкознания – к Интернет-лингвистике // *Studia Linguistica*. Збірник наукових праць. – К.: Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет", 2010. - Випуск 4. – 360 с.
5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука XX века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – с. 144-238
6. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 302 с.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 160 с.
8. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. – М.: Рефл-бук, 2001. – 352 с.

9. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, И.А. Секерина и др. – М.: Эдиториал, 2002. – 480 с.

10. Трубачев О.Н. Славистика на XII Международном съезде славистов (краткий обзор) / Рукопись. – М., 1998.

11. Угланова И.А. Существует ли мейнстрим в современной лингвистике? [Электронный ресурс] – Электрон. данные. – 2013. – Режим доступа: <http://psychosocling.narod.ru/uglMAIN.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., дата обращения 20.11.12

12. Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. - 2009, Вып. 37. – С. 142 - 151.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АКТУАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»

А.А. Талицкая, М.В. Шаманова

cliver_08@bk.ru, mshamanova@mail.ru

ФГБОУВО «Ярославский государственный университет

им. П.Г. Демидова»

(Ярославль)

Умение находить речевые и грамматические ошибки и устранять их – одна из задач преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» по различным направлениям подготовки высшего образования. Без формирования навыков правильной речи не может быть сформирована даже на пороговом уровне компетенция ОК-4 (ОК-5): «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия» [2; 3; 4 и др.]

Представление о правильной речи формируется прежде всего на основе того речевого материала, который содержит отрицательный опыт – нарушение норм письменной речи. На наш взгляд, интерес для студента и преподавателя в данном случае представляют работы, написанные студентами (аннотации, рефераты, эссе), которые содержат грамматические ошибки и которые могут быть использованы как «вторичный материал» для формирования навыков правильной речи.

В современной лингвистической и методической литературе существуют различные классификации ошибок с учетом разных оснований классификации.

С точки зрения «работы над ошибками», ошибками, допущенными в процессе создания собственных высказываний (прежде всего письменных), интересен психологический подход к классификации ошибок, представленный в исследованиях В. Е. Мамушина: ошибка – это неверное действие, результат которого автор может самостоятельно обнаружить и устранить [1]. В связи с этим В. Е. Мамушин выделяет два типа ошибок:

1) ошибки, допущенные учащимися в процессе усвоения кодифицированного варианта языка (причиной ошибки является незнание литературной нормы);

2) ошибки, появившиеся в процессе развертывания высказывания при переходе внутренней речи в развернутую внешнюю речь (причина ошибки заключается в несформированности речевого самоконтроля).

В результате анализа письменных работ студентов по дисциплине «Русский язык и культура речи» нами были выделены следующие типичные грамматические ошибки (проанализированный нами языковой материал составляет 116 контекстов).

Наиболее распространенным типом морфологических ошибок является нарушение правил построения словосочетания: 54 контекста (47 % от общего числа ошибок).

Нарушение норм управления представлено следующими подтипами:

1. Употребление предложной конструкции вместо беспредложной (14 контекстов): *Способствовать к приобретению привычки. Он заинтересуется в истории диалекта. Что представляют из себя жаргонизмы. Убедительно доказано о пользе менеджмента в организации. Рассматриваются доказательства о том, правда ли, что животные... Автор поднимает проблему о том, что современному обществу необходим особый язык. Внимание обращается на предпосылки к сражению. Представлял из себя. Особое внимание уделяется о функциях и свойствах языка. Эта фамилия также нередко встречается в романе и неоднократно подчеркивает приверженность Медеи к традициям. Молодежь*

бороздит по просторам интернета. Молодежь *штудирует на просторах* интернета. Разберемся, что же *из себя представляет* просторечие. В заключение *констатируется о взаимодействии* цвета разных стилей и формы.

2. Неправильный выбор предлога (16 контекстов): Рассчитан для большой аудитории. Тенденция *на* заимствование слов. *На* эти вопросы стоит порассуждать. Рассуждая *над* ней. Заимствованиям *от* европейских языков. Приписывать функции *на* всей территории страны и ее отдельных регионах. Выделяться *от* окружающих. Обратит внимание читателя *к* проблеме. *На* другой местности диалект будет другим. Справится ли человек с нависшей *на* него проблемой. Как влияют средства, используемые автором, для привлечения внимания читателя. Ведется рассуждение *над* проблемой понимания. Любое слово отражается *на* нашем сознании. *Из* любого слова мы ищем что-то важное. Происходит обмен словами у людей *с* разных местностей. Жаргон нужен для более простого общения *между* друг другом.

3. Неверный выбор падежа зависимого слова (10 контекстов): Что впоследствии пагубно *сказалось бы на всю историю* страны. Характеризуется нестрогим и неполным *владением* языковых норм. Не *вызывает сомнение*. *Причиной* этому увлечению воровской лексикой может служить. Будем *придерживаться нормам* литературного языка. Говорится об умелом *манипулировании сознанием* зрителей. Диалекты могут использоваться писателями для *придания* речи героев произведения определенную окраску. Показана проблема, связанная с *манипулированием сознанием* читателя. Я постараюсь ответить на главный вопрос, *основываясь на молодежный жаргон*. Ярким *примером* этому явлению служит жаргон офеней.

4. Смешение двух моделей управления – характерно для... и свойственно/присуще (кому/чему)... (10 контекстов): *Характерную* той или иной местности. Различным жизненным ситуациям *характерны* те или иные проявления языка. *Представителям* просторечия *характерна* расплывчатость нравственных ориентиров. *Ему* характерны черты. *Свойственные для* каких-либо областей. *Этому стилю* характерны черты. *Для них* свойственно просторе-

чие. *Для нерехтчан присуще оканье... Представителям просторечной речевой культуры характерно. Просторечие характерно не только разговорно-бытовой сфере.*

5. Употребление беспредложной конструкции вместо конструкции с предлогом (4): *Заявляет себя научно-технический прогресс. Рассказывается ход процесса образования такого вещества. В основной части повествуется проблема данной статьи. По причине малой осведомленности расположения учебных кабинетов.*

Особые сложности у студентов вызывает также построение предложений с причастными и деепричастными оборотами (16 и 19 контекстов соответственно: 14 % и 16 %).

Приведем примеры предложений с неправильным употреблением деепричастного оборота: *Попросив кипятка, тебе принесут холодную воду. Рассматривая такую форму существования языка, как жаргон, с первого взгляда кажется. Говоря это слово, лично мне приходят на ум два понятия. Оценивая все последствия, возникает вопрос. Говоря литературным языком, нам не удастся адаптироваться в социуме. Жаргоны помогают сделать нашу речь более емкой, при этом не потеряв смысла слов. Слова буквально вылетают из их уст, не допуская при этом никакой тавтологии. Отвечая на вопрос, становится очевидным, что литературный язык сильнее просторечия. Вряд ли у Солженицына получилось бы передать атмосферу этого рассказа, используя только литературный язык. Будучи более взрослой, мне стали резать слух эти слова. Живя в обществе и контактируя с другими людьми, нам крайне сложно общаться с помощью литературного языка. Задаваясь вопросом, нужен ли жаргон, мне сразу приходит в голову, что он искажает язык. Жаргон позволяет молодежи отличаться от взрослых, но, став последними, эти слова забудутся. Получая информацию из газет, интернета, жаргонные слова встречаются довольно часто. Прибегая к этой технике, обычно возникает стремление произвести впечатление на окружающих. Зная литературный язык, наша речь становится чистой. Спрашивая подростка, почему он употребляет жаргон, ответ будет таким. Это три компонента, придерживаясь которых тебя непременно ждёт успех. Использование ссылок позволяет устанавливать интертекстуальные связи, обращаясь к другому тексту как информационному или аргументационному источнику.*

Ошибки, связанные с образованием и употреблением причастий, можно разделить на несколько групп:

1. Употребление действительного причастия вместо страдательного (4 контекста): Глухарь в жаргоне сотрудников милиции – это *нераскрывшееся* преступление. Отношение терминов к *обозначающим* понятиям. Письменный древнерусский язык, *создавший* на почве слияния книжной и народной речевых стихий. Достигла целей, *ставящихся* в начале работы.

2. Неверное согласование причастия с определяемым словом в составе причастного оборота (7 контекстов): Это условный язык социальной группы, *отличающейся* от общенародного языка лексикой. Язык какой-либо *группы* лиц, *характеризующихся* специфичностью используемой лексики. Между *людьми*, *связанных* между собой определенной территорией. Он используется *лицами*, *отслуживших* в рядах Вооруженных Сил РФ. Язык не будет развиваться по *пути*, *указанным* пятьюдесятью министрами. Диалект – средство общения между *людьми*, *связанных* между собой одной территорией. Жаргон – *разновидность* социального диалекта, *отличающийся* от общеразговорного языка фразеологией и специфической лексикой.

3. Употребление страдательного причастия вместо действительного (1 контекст): Одной из профессиональных групп, *используемых* профессиональный жаргон, является.

4. Причастный оборот оторван от определяемого слова (1 контекст): Авторы указывают на недостаточный уровень развития *навыков* у молодежи, *необходимых для работы с информацией*.

5. Определяемое слово помещается внутрь причастного оборота (3 контекста): Как расходятся требования рынка труда и *выбираемые профессии* молодым поколением. Оценивая *складывающуюся* ситуацию на мировых финансовых рынках, нужно отметить такую перспективу, как возврат мировой экономики к золоту как единой мере стоимости. Рассмотрим *представленные имена собственные* в рассказе с точки зрения функций.

В проанализированных нами письменных работах студентов встречаются также следующие типы грамматических ошибок:

1. Ошибки в употреблении однородных членов предложения (8 контекстов, 7%): От сокращения слов, которые часто *встречаются* в нашей речи или сложно *выговариваемые*. Они *связаны* с

сельским хозяйством, но *вышедшие* из употребления. Мы можем узнать *интересы* человека или *к какой группе социума он относится*. Употреблять жаргоны можно, только *соблюдая* рамки разговорной лексики и только *когда они будут уместны*. Статья посвящена теме *организации и управления социальной работой*. Понимают те люди, которые как-то *причастны или связаны с этой профессией*. Владельцам необходимо *осматривать и следить за состоянием* зданий. Люди невольно *запоминают и подражают* тому, что видят на экранах телевизоров.

2. Ошибки в построении сложного предложения (5 контекстов, 5%): Сплочение семьи Синопли является поистине интернациональным, в центре которого находится гречанка Медея, опровергающая привычное значение этого имени. Жаргонные слова встречаются довольно часто, которые указывают на отношение к какой-либо ситуации в мире, позволяют дать оценку. Люди пожилого возраста, которые привыкли к тому, что было раньше, им трудно переучить себя говорить иначе. Учитывая, что Россия является федеративным государством, то следует, что в ее состав входят различные субъекты. Для некоторых диалект облегчает общение, то людям, использующим разный диалект, будет сложно понять друг друга.

3. Ошибки в употреблении местоимений (4 контекста, 3%): Большинство развитых стран учитывает, что в *ней* проживает... С помощью *их* мы можем... С помощью *его* можно передать... С помощью *его* человек может...

4. Ошибки в образовании степеней сравнения имен прилагательных (4 контекста, 3%): Можно *наиболее эмоциональнее* выразить свои чувства. Русский язык является одним из *самых красивейших и богатейших* языков мира. Литературный язык *наиболее изящней*. Эта фраза *более грубее* обычного жаргона.

5. Ошибки в грамматических категориях имени существительного (3 контекста, 2,5%): *Наше СМИ*. Необходимо меньше слушать *СМИ*, в *котором* не скажут на наречии. Передача логических *информаций*.

6. Ошибки при согласовании подлежащего и сказуемого (3 контекста, 2,5%): Молодежный *жаргон*, школьный и студенческий, *востребованы* в соответствующей сфере. Тем, *кто* зачастую используют просторечие в своей речи, так выразиться удобней.

Каждому региону *присуще* своя культура, свои традиции, свой образ жизни.

Таким образом, анализ письменных работ студентов и ошибок в них предваряет и направляет дальнейшую работу по ознакомлению с нормами русского литературного языка и по формированию умений и навыков осуществления речевого контроля студентами.

Литература

1. Мамушин В. Е. О характере и причинах речевых ошибок и об «ошибках контроля» // РЯШ. – 1990. – № 1. – С. 45–49.
2. Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 № 944 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 06.03.01 Биология (уровень бакалавриата)». – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/060301_Biologia.pdf.
3. Приказ Минобрнауки России от 12.11.2015 № 1327 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.01 Экономика (уровень бакалавриата). – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/380301.pdf>.
4. Приказ Минобрнауки России от 12.01.2016 № 1327 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.02 Менеджмент (уровень бакалавриата). – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/380302.pdf>.

«ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ СЛОВО» В СИСТЕМЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ

С.С. Хромов

chelovek653@mail.ru

ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет»
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва)

ФИЛОЛОГИЯ (от греч. *phileo* – люблю + ...*логия*). Совокупность гуманитарных наук, изучающих культуру какого-л. народа, выраженную в языке и литературном творчестве. Содержание филологического образования описывается в государственных образовательных стандартах.

Новый словарь методических терминов и понятий

Свою статью я намеренно начал с дефиниции термина «филология», представленного в аспекте дидактики и методики в Новом словаре методических терминов и понятий Э.Г.Азимова и А.Н.Щукина [1]. Именно такой комплексный, культурологический подход выбран нами для анализа проблемы филологизации современного гуманитарного образования в образовательных программах бакалавриата. Как известно, филологические дисциплины, особенно русский язык, занимают особое место в гуманитарном университетском образовании современной России, что обусловлено целым рядом факторов. К ним относятся следующие:

во-первых, филология, наряду с философией, является одной из древнейших отраслей гуманитарного знания, зародившихся еще в античные времена. Как известно, академик Д.С.Лихачев определил филологию как высшую форму гуманитарного образования [3];

во-вторых, филологическая компетентность формирует ценностно-целевые установки, определяющие совокупность общекультурных, прикладных и научно-теоретических знаний, умений и навыков, которые являются основой для дальнейшего интеллектуального и нравственного развития языковой личности будущего специалиста любого направления и профиля подготовки, но в первую очередь это касается гуманитариев. «Поэтому образовательной целью преподавателя является формирование и развитие духовно-нравственной, ответственной, компетентной филологической личности, характеризующейся способностью самостоятельно решать задачи познавательной, ценностно-ориентированной, коммуникативной и преобразовательской деятельности с опорой на социальный опыт; свободной в выборе профессиональной, общественной и семейной карьеры» [2];

в-третьих, в современном образовательном процессе актуальность межпредметных, междисциплинарных связей определяется интеграцией научных знаний, а также новыми требованиями Федерального государственного образовательного стандарта, а в конечном счете требованиями самой жизни;

в-четвертых, в современном социуме устное, письменное или виртуальное слово остается важным каналом и инструментом ком-

муникации; наряду с коммуникативной функцией языка, эволюционируют и выдвигаются на первый план другие его функции: прагматическая, когнитивная, фатическая, функция манифестации власти и административных полномочий, утверждения социального статуса личности.

Особенно велика роль слова в современной межкультурной, международной, политической, профессиональной и деловой коммуникации. Учитывая специфику филологии как совокупности наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве, можно считать, что одна из целей филологической составляющей для нефилологов в бакалавриате является вооружение будущих бакалавров систематическими специальными знаниями, практическими навыками и первоначальными умения в этой области [4]. Прежде всего, это работа над профессионально ориентированным текстом и дискурсом в письменной и устной формах, так они составляют инструментарий профессиональной деятельности;

в-пятых, серьезной филологической подготовки сегодня требуют профессии, которые предполагают активное общение с людьми: журналисты, медиаменеджеры, специалисты по связям с общественностью, управленцы, политические и общественные деятели.

С точки зрения К. Ф. Седова, лингвистика, а если более широко – филология – сейчас из «кабинетной» науки постепенно превращается в науку, которая все более решительно устремляется в жизнь, возвращая себе статус гуманитарной области знаний, которая, отзываясь на запросы современного общества, переключает внимание с языка как системного образования, на «человека говорящего», на изучение его способности говорить и мыслить, а также на процесс и результат коммуникации [5].

Автором статьи давно разрабатывается концепция филологизации [6] и междисциплинарности современного гуманитарного нефилологического образования в российской магистратуре и бакалавриате как необходимого условия его обновления на примере Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ) [7, 8], Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (МГУ), Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического универ-

ситета. В 2011-2015 гг. в МЭСИ была апробирована междисциплинарная магистерская программа «Теория массовой коммуникации и международные связи с общественностью». В настоящее время на политологическом факультете МГУ имени М.В.Ломоносова в рамках магистерских программ «Евразийская интеграция» и «Международная коммуникация» включен цикл филологических дисциплин на стыке филологии, культурологии и политологии: «Политическая лингвистика», «Политический дискурс», «Кросс-культурные коммуникации в системе международных отношений», «Русский мир в евразийском измерении», «Межъязыковые коммуникации в системе международных отношений», «Русский мир в международном измерении».

Кафедра русского языка и истории литературы (бывшая кафедра русского языка и стилистики) Московского политеха обеспечивает филологическое сопровождение бакалавров и магистров всех направлений подготовки Высшей школы печати и медиаиндустрии [9]. Перечислим список филологических дисциплин кафедры, который красноречиво свидетельствует о разностороннем характере филологической подготовки будущих бакалавров и магистров:

- Аксиология языка и речи
- Активные процессы в современном русском языке
- Бизнес-риторика медиаменеджера
- Введение в языкознание
- Деловая риторика и научный стиль речи медиаменеджера
- Деловое общение и культура речи
- Деловое общение медиаменеджера
- Деловые коммуникации в медиаиндустрии
- Искусство публичного выступления медиаменеджера
- Копирайтинг
- Лингвокультурологические проблемы дискурсов разного типа
- Методология научных исследований
- Методология филологического знания
- Методы развития современной лингвистики
- Основы копирайтинга
- Основы речевого воздействия в медиасфере
- Особенности языка и стиля научной журналистики

Прагматические аспекты использования языковых средств
Практическая и функциональная стилистика русского языка
Речевая культура медиабизнеса
Речевой портрет медиаменеджера
Риторика
Русский язык и культура речи
Русский язык и культура речи медиаспециалиста
Семиотика и основы словесного искусства
СМИ и современный литературный процесс
Современный литературный процесс
Современный русский язык
Способы речевого воздействия в печатных и электронных
СМИ (радио, телевидение, Интернет)
Стилистика и литературное редактирование
Теория текста
Филологический анализ текстов разных жанров
Язык и стиль современных СМИ
Язык и стиль учебной литературы
Язык печатных СМИ

В качестве примера разберем основные характеристики дисциплины «Бизнес-риторика медиаменеджера», реализуемой по направлению подготовки «Менеджмент» по профилю «Медиаменеджмент». Изучение этой дисциплины позволит будущим бакалаврам медиаменеджерам не только успешно овладеть общекультурными, но общепрофессиональными и профессионально ориентированными компетенциями. Среди общекультурных компетенций следует особо выделить способность к коммуникации в устной и письменной форме на русском языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия, которые реализуются в знании законов, принципов и правил успешного общения, правил выбора слов в устной и письменной коммуникации в условиях адекватного восприятия речи, в умении преодолевать коммуникативные барьеры, избегать коммуникативных неудач и во владении навыками бесконфликтного взаимодействия и культурой ведения спора, дискуссии, полемики в медиасфере.

Следует подчеркнуть, что традиционно включение в образовательные нефилологические программы дисциплин филологиче-

ского междисциплинарного цикла рассматривается в сфере универсальных инструментальных компетенций, носящих сопровождающий характер, и общекультурных компетенций, однако мы считаем, что их вес и значимость гораздо больше: в современных условиях формирование и развитие профессиональных компетенций в сфере экспертно-аналитической и коммуникативной деятельности будет неполным без филологизации неязыковых гуманитарных программ. К общепрофессиональным компетенциям относится, например, способность осуществлять деловые и публичные выступления, вести переговоры, совещания, осуществлять деловую переписку и поддерживать электронные коммуникации, а также способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникационных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности.

Изучение этих дисциплин позволит будущим бакалаврам не только успешно овладеть общекультурными, общепрофессиональными, к которым относится умение организовать и поддерживать связи с деловыми партнерами, используя системы сбора необходимой информации для расширения внешних связей и обмена опытом при реализации проектов, направленных на развитие организации, которые выражаются в знании методов установления контактов и сбора информации в деловой среде, способов эффективной аргументации и видов манипуляций в деловом общении; в умении доказательно выстраивать систему убеждения в разных ситуациях делового общения, строить речь на презентации, в прениях, речь-критику, обращение; во владении навыками проведения деловых встреч, переговоров, совещаний, а также различными жанрами убеждающей и эпидейктической речи.

При этом филологическая составляющая подготовки по этим образовательным программам не фокусируется только на языковой парадигме, она гораздо шире: включает в себя культурологический и риторический аспекты, что соответствует основным целям изучения дисциплины, к которым относится:

- изучение основных риторических принципов и правил построения, словесного выражения и произнесения публичной речи;

- изучение системы логической и психологической аргументации, используемой в деловом общении;
- углубление знаний о профессионально значимых формах делового общения (деловых встречах, беседах, переговорах, совещаниях, спорах, дискуссиях, публичных выступлениях в медиасфере);
- анализ различных видов речи (информационной, убеждающей, дискусивно-полемиической, эпидейктической, агитационной) и основных риторических жанров;
- формирование и развитие навыков общения в различных ситуациях и формах деловой коммуникации;
- ознакомление с русским и национально-обусловленным речевым этикетом делового человека и основами межкультурных отношений;
- изучение стратегий поведения в конфликтных ситуациях, методов преодоления конфликтов и основ бесконфликтного общения;
- формирование навыков составления всех видов деловых писем, эффективного ведения деловой переписки и электронных коммуникаций.

Итак, язык, речь, речевая деятельность, речевое поведение занимают особое место в профессиональной деятельности будущих бакалавров-гуманитариев, подготовку которых осуществляет Высшая школа печати и медиаиндустрии Московского политеха. Дисциплины филологического междисциплинарного цикла, преподавание которых осуществляет кафедра русского языка и истории литературы, относятся к числу **лингвоинтенсивных** дисциплин, так как владение устным и письменным словом, прежде всего на родном языке, является одним из профессионально образующих компонентов будущего специалиста. В связи с этим актуальной становится проблема не только расширения базы речевой деятельности, повышения речевой культуры, формирования навыков и умений мотивированного речевого поведения в различных сферах будущей профессиональной деятельности, но и проблема риторического образования, а также постижения основ речеведения, межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Можно уверенно сказать, что наметившаяся устойчивая тенденция к филологизации современного гуманитарного неязыко-

вого университетского образования в России является позитивным, необходимым условием формирования профессиональных компетенций будущих бакалавров и магистров.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009.
2. Егина Е.Н. Филологическая компетентность личности в аспекте современного образования. URL: http://www.vspc34.ru/index.php?option=com_content&view=article@id=844
3. Лихачев Д.С. О филологии. – М.: Высшая школа, 1989.
4. Мельничук О.А. Профессиональное гуманитарно-филологическое образование в современных условиях // Вестник СВФУ, 2013, том 10, № 294. – С. 92-96.
5. Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Вопросы психолингвистики. – 2012. – 1(15). – С. 210-221.
6. Хромов С.С., Зверева Е.Н. Филологизация университетских образовательных программ по юриспруденции как необходимое условие обновления высшего образования в России // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – СПб: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2014. – С. 161-166.
7. Хромов С.С. Смарт-технологии в преподавании русского языка как иностранного // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. - № 3. С. 149-157.
8. Хромов С.С., Скорикова Т.П., Днепровская Н.В. Методология и методика дистанционного обучения в научно-профессиональной коммуникации на примере разработки дистанционного магистерского курса по лингвистике // Открытое образование. 2016. Т. 20. – С. 68-76.
9. Хромов С.С. Филологизация и междисциплинарность как инновационные характеристики современных магистерских программ на примере магистерских программ политологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова // Русский язык в поликультурном мире. Материалы 1 Международного симпозиума. Ялта, 2017. – С. 317-321.

ГИБРИДНЫЕ СЛОВА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

А.Л. Шарандин

sharandin@list.ru

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет

имени Г.Р. Державина»

(Тамбов)

Понятие гибридности по отношению к словам получило обоснование, прежде всего, в грамматических трудах В.В. Виноградова. Наиболее полно это обоснование было представлено в осмыслении и описании связки *быть*. По его мнению, «связка *быть* – не глагол, хотя и имеет глагольные формы. Ей чуждо значение действия (*быть* в значении глагола существования – лишь омоним связки). Она мыслится вне категорий вида и залога. Все остальные связки в русском языке (*стать, становиться, делаться* и т. п.) представляют собою гибридный тип слов, совмещающих функции глагола и связки» [1, с. 529].

Таким образом, в этом высказывании связка *быть* осмысливается как самостоятельный структурно-семантический тип слов – связочных, противопоставленный другому самостоятельному типу – назывных слов, в состав которых входит глагол.

При этом В.В. Виноградов считает, что определение основных структурно-семантических типов слов должно предшествовать выделению частей речи [1, с. 31]. Это означает, что *классификация частей речи не является всеобъемлющей* в отношении всех типов слов, а охватывает только определенный круг слов, входящих в эти структурно-семантические типы, учитывая, прежде всего, их «лексические и грамматические критерии» (В.В.Виноградов). Вследствие этого, мы и находим в его грамматической концепции о слове исследовательскую позицию, согласно которой «к частям речи не принадлежат ни модальные слова, ни междометия, ни связочные слова или частицы речи» [1, с. 40]. Таким образом, связка *быть* оказывается не одной из частей речи в рамках их системы, а, в принципе, представителем другой системы – частиц речи. И в этом противопоставлении частей речи и частиц речи – как разных структурно-семантических типов слов – такие их представители, как глагол и «частица-связка *быть*» [1, с. 529] оказываются взаимодействующими, в результате чего мы имеем, по определению В.В.Виноградова, «гибридный тип слов, совмещающий функции глагола и связки» [1, с.

529]. Но при этом слова *стать, становиться, делаться* он определяет как связки, хотя более логичным было бы считать их связочными глаголами, т.е. они являются по содержанию глагольными, а по функции – связочными словами.

В. В. Виноградов выделил также и ряд других гибридных типов слов, которые реализуют совмещение разных функций. В частности, наиболее наглядно это демонстрируют причастия и деепричастия. В.В.Виноградов писал: «Те причастия и деепричастия, которые сохраняют свою глагольную силу и глагольные свойства, остаются гибридными формами-словами: они лежат в смешанной глагольно-именной или глагольно-наречной зоне» [1, с. 342]. Однако при этом, определяя их частеречный статус, В.В. Виноградов относил причастие и деепричастие все же к формам глагольного слова, хотя и тяготеющими к отрыву от него [1, с. 342]. Впоследствии это «тяготение» некоторыми исследователями было расценено как разрыв не только с глаголом, но и с именем и наречием, что, в конечном счете, позволило им рассматривать причастие и деепричастие как самостоятельные гибридные части речи. В настоящее время число таких смешанных частей речи, имеющих самостоятельный частеречный статус, расширяется. Так, например, П.А.Лекант выделяет в качестве такой самостоятельной части речи «предикатив» [3, с. 29].

Чем обусловлена трудность изучения гибридных слов в вузе? Прежде всего, отношением к языку как объекту обучения в связи с произошедшей сменой научных парадигм в его описании – системно-центрической на антропоцентрическую парадигму. В результате произошло переключение внимания исследователей со статических результатов структурно-семантического (системно-структурного) описания языка на результаты, которые являются следствием динамического описания языковых процессов, которые в большей степени сориентированы на функциональные и коммуникативные аспекты их изучения.

Как уже отмечалось в наших работах, это не означает отмену результатов поуровневого описания языка, лежащего в основе системно-структурного подхода к нему и определившего описание ядерных языковых средств. Однако при антропоцентрическом подходе на первый план выдвигается изучение языковых способностей носителя языка, его знаний, зафиксированных в языке и обуславливающих социально-культурные и коммуникативно-дискурсивные

компетенции человека. Если раньше язык рассматривался просто как средство коммуникации и выражения мыслей, то теперь сами коммуникация и сознание (мышление) становятся самостоятельными объектами познания и погружаются в структуры языка, рассматриваются как концептуальные пространства, в которых разворачиваются те или иные языковые формы, имеющие ментальную и дискурсивную основу. Важнейшим итогом познавательной деятельности человека стало *формирование системы знаний о мире в языке, знаний о самом языке как особом мире и знаний о коммуникации как особой сферы реализации речемыслительной деятельности человека* [7].

Кроме того, на наш взгляд, *трудность изучения гибридных слов* обусловлена и отношением к спорным и трудным вопросам теории и практики русского языка. Общей тенденцией, как для школьного, так и для вузовского изучения русского языка, является стремление упростить его понимание и описание, прежде всего за счет отказа от того, что не укладывается в «прокрустово ложе» статических результатов, стремление разложить все по полочкам, не учитывая, что язык как сложнейшая система не всегда поддается этому. Несомненно, в учебных теориях всегда присутствует редукция научных знаний по той или иной языковой проблеме (в школьном обучении в большей степени, в вузовском преподавании в меньшей степени). Но редукция научных знаний, лежащих в основе научных теорий, может привести к нейтрализации научных знаний, к смешению научных и обыденных знаний, к своего рода их креолизации. И в этом плане изучение гибридных слов дает основание для такой опасности.

Что важно сохранять в их описании? Прежде всего, решение вопроса об их концептуализации и категоризации в качестве особых языковых форм слова, обусловленных результатом взаимодействия частей речи в коммуникативном процессе. Такое взаимодействие связано с пониманием, что части речи не лежат в одной плоскости, на что указывал еще В.В.Виноградов со ссылкой на В.А.Богородицкого [1, с. 31]. Поэтому важно не столько перечислить, какие части речи присутствуют в русском языке, не столько представить их в виде определенной совокупности, сколько осмыслить и описать *иерархическую систему частей речи*, в которой они оказываются в

определенных отношениях друг с другом, имеют определенное место и частеречный «вес» [5]. Именно это и позволяет в дальнейшем восстановить процесс их взаимодействия. При этом важно иметь в виду, что части речи – это когнитивные сущности и, следовательно, в этом взаимодействии проявляются интегративные процессы как в плане концептуализации, так и в плане категоризации действительности в языке. Но здесь возникает вопрос о том, что отражают результаты межчастеречного взаимодействия в сфере частеречной гибридности – процесс формообразования или словообразования?

Межчастеречная интеграция интересна тем, что взаимодействуют в коммуникативном акте различные стороны двух частей речи: с одной стороны, абстрактная лексическая семантика, представленная в интегративном образовании основой слова, а с другой – грамматическая семантика той части речи, которая определяет форму существования (объективирования) этой лексической семантики (примером этого являются причастия и деепричастия) [6]. Другими словами, мы можем иметь развитие языкового знака либо в плане уподобления по форме языковому знаку из состава взаимодействующей части речи, либо в плане уподобления по лексическому содержанию. На этом основании по существу и представлено разграничение формообразования и собственно словообразования. Согласно определению, которое принимается большинством русистов, *формы слова* – это такие образования, которые лексически тождественны, но различаются грамматически. С этих позиций гибридные формы слова представляют собой языковые единицы словесного типа, т.е. оформленные, структурированные как слова, которые имеют асимметрию между планом содержания и планом выражения. Такого рода языковые знаки иногда называют «противоречивыми» знаками. Например, причастие *пишущий* оказывается в плане содержания соотносенным с глагольной лексической семантикой, а в плане выражения (словоизменения) – с атрибутивной (адъективной) грамматической семантикой. Это и дает основание рассматривать их как слова со смешанной семантикой, как гибридные слова.

В рамках когнитивного подхода к описанию частей речи *наличие гибридных образований обусловлено текстовыми (дискурсивными) причинами*, когда человек может, «строая текст, сфокусировать внимание на разных деталях происходящего, поместить фокус

внимания в какую-либо одну из граней ситуации, *профилировать* одного из участников ситуации или совершаемое им действие, или результат последнего. Описываемый референт остается, собственно, одним и тем же, но ракурс его рассмотрения изменен» [2, с. 399-400]. Изменение этого ракурса часто связано с синтаксической позицией слова в высказывании или тексте. По мнению А.А. Потебни, «каждая форма на своем месте. Каждая соответствует определенным требованиям говорящего, разумеется, если предполагать в нем знания своего языка» [4, с. 112]. Это позволяет выделить сильные и слабые синтаксические позиции, в которых актуализируются или нейтрализуются семантико-грамматические свойства той или иной части речи. *Сильные позиции* – это первичные синтаксические позиции частей речи, в которых их частеречная сущность выявляется наиболее однозначно и полно, чему способствует факт эксплицитной морфологической оформленности частей речи в данных позициях и представленность их прототипическими лексемами, которые являются образцами частеречного значения. *Слабые позиции* – это такие синтаксические позиции, в которых происходит смешение частей речи, результатом которого оказывается появление в слабых позициях особых форм той части речи, которая была маркированной в оппозиции. Данный процесс сопровождается грамматическими изменениями. Например, первичной синтаксической позицией для глагола является позиция предиката, представленная личными (спрягаемыми) формами. Употребление же глагола в атрибутивной позиции оказывается возможным, но в этом случае глагол предстает в форме той части речи, для которой данная позиция является первичной. В результате в этой позиции глагол теряет некоторые свои грамматические признаки и вступает в интегративное единство с прилагательным, структурируя свое содержание в соответствии со словоизменением прилагательного. Образовавшееся когнитивное коммуникативно-дискурсивное образование оказывается своего рода репрезентантом глагольного содержания в этой синтаксической позиции.

В вузовских учебниках и учебных пособиях по русскому языку *неоднозначное решение по вопросу о статусе гибридных слов обусловлено* отсутствием единого и последовательного подхода к принципам классификации частей речи и отсутствием динамической теории частей речи, которая учитывала бы концептуализацию и категоризацию гибридных образований как результат взаимодействия ча-

стей речи в коммуникативном процессе. В зависимости от реализации того или иного принципа классификации частей речи будет различным и решение данного вопроса.

Как известно, в качестве основных выделяются три принципа, которые были реализованы и в теоретическом изучении частей речи, и в плане изучения их в школе и вузе. К ним относят лексический, грамматический и лексико-грамматический (структурно-семантический) принципы. На наш взгляд, целостное и полное описание проблемы частей речи русского языка оказывается в том случае, когда в системном описании частеречной классификации представлены все эти три принципа, поскольку они дополняют друг друга, акцентируя специальное внимание на той или иной стороне их рассмотрения. Другими словами, данные принципы классификации отражают результаты трех разных аспектов исследования одного и того же объекта, в совокупности представляющих целостное комплексное описание части речи.

В случае классификации частей речи с лексических позиций мы имеем рассмотрение частей речи в плане отражения ими предметов и явлений действительности. За каждой частью речи оказывается закрепленным «кусочек действительности». В результате то, что не укладывается в рамки лексической классификации (например, девербативы типа *чтение*), должно было бы находиться за пределами классификации, т.е. необходимо было признать, что есть слова, которые находятся за пределами данного типа классификации частей речи, не включаются ни в одну из выделяемых частей речи. Однако при лексическом подходе к частям речи все слова включались в части речи. В результате по отношению к девербативам (да и к деадъективам типа *доброта*) было принято решение относить их к существительным, что нарушало последовательность применения лексического принципа.

Сторонники грамматического подхода стремились объединять в составе одной части речи слова с одинаковым набором грамматических признаков. Но и этот принцип не был последовательно реализован, поскольку в этом случае, например, глагол представал бы не как единая часть речи, а как совокупность частей речи. Поэтому данный принцип был дополнен лексическим подходом, что позволило видеть в таких образованиях, как причастие, деепричастие, инфинитив, императив, презенс, перфект формы, входящие в состав глагола как единой и целостной части речи.

Реализация же лексико-грамматического (структурно-семантического) подхода к частям речи позволяла учесть в слове соответствие его планов содержания и выражения. Однако по отношению к гибридным образованиям также пришлось учитывать результаты либо лексического, либо грамматического подходов. В противном случае все гибридные образования должны были бы остаться за пределами семантико-грамматической классификации, поскольку они не могли однозначно квалифицироваться как лексемы, а оказывались своего рода архилексемами, т.е. оказывались результатом нейтрализации маркированной части речи в слабой позиции. В результате некоторые из гибридных образований (причастие, деепричастие, категория состояния) стали рассматриваться как представители самостоятельной смешанной части речи.

Итак, на наш взгляд, вузовское изучение гибридных слов в русском языке должно учитывать правомерность и состоятельность их описания с учетом того или иного критерия классификации слов и с учетом тех последствий, к которым приводит исследовательская позиция в отношении статуса гибридных образований. Но при этом важно, чтобы обучающиеся понимали цели того или иного подхода, его исследовательский потенциал в описании гибридных слов.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Лекант П.А. Часть речи предикатив // Очерки по грамматике русского языка. М.: МГОУ, 2002. - С. 29-30.
4. Потенция А.А. Из записок по русской грамматике. Т.4. Вып.2. Глагол. М.: Просвещение, 1977. – 406 с.
5. Шарандин А.Л. Иерархические отношения в системе частей речи русского языка // Вестник Тамб. ун-та. Сер. Гуманит. науки. - Вып.1. - Тамбов: ТГУ, 1998. - С. 20-27.
6. Шарандин А.Л. Динамическая теория частей речи русского языка в аспекте межчастеречного взаимодействия // Исследования по семантике. - Выпуск 25. – Уфа: БашГУ, 2013 - С. 232-244.
7. Шарандин А.Л. Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое концептуальное пространство // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН, МИЛ, 2015. № 3 (25). - С. 240-250.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

АДРЕСАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

А. А. Акишина

akishina26@gmail.com

ОУПВО АТиСО «Академии труда и социальных отношений»

(Москва)

В речевом общении роль говорящего (*кто говорит?*) – основная. Именно говорящий определяет, как и о чем он будет говорить. Как иллюстрацию можно привести характерный отрывок, предложенный для подтверждения этого утверждения В. Михайловой, В. Труб, из романа «Анна Каренина» Л.Н.Толстого [8, с. 98]:

«– Я не ждала... тебя (это слова Анны Карениной Вронскому).

– Простите, ...но я не мог провести дня, не выдав вас, – продолжал он (Вронский) по-французски, как он всегда говорил, избегая невозможно холодного между ними ВЫ и опасного ТЫ по-русски».

Пример иллюстрирует роль говорящего в выборе этикетных форм. Анна Каренина под влиянием своих чувств говорит Вронскому *ты*. А Вронский руководствуется правилами светского этикета (*«как он всегда говорил, избегая невозможно холодного между ними ВЫ и опасного ТЫ по-русски»*)

Но не менее важна, чем роль говорящего, роль слушателя, к которому обращена речь (*кому говорит?*). Слушатель не просто слушает и понимает то, что ему говорят, но и реагирует на слова говорящего: то есть предполагается наличие того, кто говорит, и того, кто его воспринимает, понимает, интерпретирует. На активное участие в речевом акте говорящего и слушающего обращают внимание многие исследователи, которые отмечают, что слушатель не просто слушает и понимает то, что ему говорят, но и реагирует на слова говорящего [6, с.15; 7, с.7].

Вновь процитируем Л.Н.Толстого. После ссоры, связанной с изменой Стивы Облонского, Долли переходит с мужем на *Вы*, демонстрируя ему свою холодность, отчуждение. После же примирения она постепенно меняет *Вы* на *ты*: *«Жена говорила с ним, называя*

его «на ты» чего прежде не было...». Этим она дает знать собеседнику, что он прощен и может сам перейти *ты*.

Адресация речевых формул русского речевого этикета в первую очередь прослеживается на выборе местоимений и наименований адресата. Палитра таких комбинаций в русском языке многообразна [1; 2; 3].

Формальное общение русских учитывает социально-асимметричную взаимозависимость между говорящими, например: начальник / подчинённый, воспитатель / дошкольник, учитель / ученик, преподаватель / студенты т. д.

Игра в русском общении с формами *ты/Вы* разнообразна и не всегда понятна иностранцам, которые, не чувствуя этого, подчас шокируют русских своим *ты*-общением.

В межличностном общении предпочтение *ты* или *Вы* во многих случаях продиктовано глубоко внутренними субъективными мотивами иногда даже чисто психологического характера. Партнер может отказаться перейти на *ты*, поскольку *ты* позволяет слишком большую фамильярность, возможность открыть некоторые заграждения и говорить то, чего не хочется.

Если один из коммуникантов настаивает на *Вы-форме*, значит, для него такая дистанция очень важна.

Ученые отмечают, что оппозиция *ты/Вы* невольно затрагивает вопрос об интуиции, подсказывающей, какую форму межличностного контакта лучше употребить.

Общение ровесников и социально равных партнеров (воспитанников детского сада, школьников, студентов, сотрудников и т. д.) нормативно предполагает обращение на *ты*. Молодёжь в неофициальной обстановке, в Интернет-коммуникации часто пользуется жаргоном, который предполагает «мы говорим с тобой как свои люди без излишней вежливости – ведь мы и так уважаем и прекрасно понимаем друг друга, поскольку принадлежим к общему «высокоизбранному» кругу – молодёжи [6, с.402].

Следует обратить внимание на то, как много оттенков в употреблении *ты/Вы* в русском языке. Познакомившиеся люди и говорящие друг другу *Вы*, когда хотят ближе сойтись друг с другом, предлагают перейти на «тёплое» *ты* (есть даже ритуал брудершафта для перехода на *ты*), а когда разрывают отношения с близкими людьми, с которыми были на *ты*, употребляют «холодное» *Вы*.

Но *ты* может быть не только тёплым, а и очень грубым, оскорбительным, если мы к незнакомому или малознакомому обратились на *ты*. Реакция адресата: «*Мы с вами детей не крестили* (то есть не были в доверительных отношениях). *Мы с вами не переходили на ты*». Причем, увы, разговор на *ты* допускает ненормативную лексику, в отличие от *Вы*.

В то же время, если к незнакомому обратится старый человек: «*Сынок, помоги мне перейти улицу*», молодого человека *ты* не оскорбит. Почему? Да потому что старый человек использовал *ты* так, как люди используют его в родственных отношениях (сын–*ты*). Обращение к незнакомым молодым людям со словами: *дочка, сынок, сестра, брат, парень, земляк* – требуют употребления *ты*, это разговор «со своим», то есть предусматривает симпатию, объединение с адресатом. Следует при этом сказать, что обращение к незнакомым с терминами родства свойственно людям с не очень высоким социальным статусом.

Еще более сложными свидетелями отношений коммуникантов становятся формы *ты/Вы*, употребленные с названиями имени человека в общении. В живой русской речи адресат может быть обозначен целой серией именованных – семейных, социальных, фамильярных (ласкательных и презрительных), что ведет к формированию многочисленных вариантов имен собственных и социальных титулов.

В восточнославянских странах: в России, на Украине и в Беларуси – три имени: личное имя, отчество (имя отца), фамилия (родовое имя). Традиция отчеств в восточнославянских языках относится к временам Киевской Руси. Именоваться по отчеству было привилегией только знатных людей, князей. Примерно с XV столетия отчества на *-ович/-евич* становятся показателем особой привилегии. И сегодня трудно не согласиться с теми, кто советуют не отказываться от употребления отчеств в общении как уважительной формы. К сожалению, тенденция такая существует в современном русском общении, когда начальники некоторых компаний вводят правила всем общаться по имени. В спортивных клубах и других заведениях России посетителей называют по имени не зависимо от возраста.

Выбор личных обращений к знакомым и малознакомым людям при официальном и неформальном общении по-русски часто затрудняет иностранца, изучающего русский язык. Ведь в русском

языке богатый выбор обращения (фамилия, имя и отчество, отчество, полная форма имени (паспортное имя), много коротких форм одного имени (*Александр: Саша, Саня, Шура* и др.), кроме того, от одного имени можно образовать множество уменьшительно-ласкательных и негативных форм.

И к тому же, надо не забывать, что кроме выбора обращения в русской коммуникации следует учитывать наличие форм *ты/Вы*, что осложняет общение.

Можно обратиться:

– *Иван Ильич, здравствуйТЕ!* – уважительное.

– *Иван Ильич, здравствуй!* – дружеское по отношению к равному по положению и возрасту.

Официальный или неформальный характер общения тоже влияет на употребление имени. Можно услышать:

– *Господин Иванов, все ли у ВАС в порядке?* – официальное.

– *Иванов, как ТВОИ дела?* – фамильярное или шутливое к равному и как норма общения учителя с учеником младших классов.

– *Ивановна, как ТЫ себя чувствуешь?* – уважительное, неофициальное, между людьми старшего возраста.

– *Ваня, как Ваши дела?* – уважительное при равных отношениях и старшего по отношению к младшему.

– *Анечка, Вы не ушиблись?* – вежливое, лично окрашенное (с симпатией) между равными партнерами или старшего по отношению к младшему.

– *Колька, ты вчера был на футболе?* – фамильярное, грубоватое между равными партнерами (чаще дети и молодежь).

Как быть? Когда какое обращение выбрать?

Все изучающие русский язык знают, что со старшим по положению и по возрасту надо общаться по имени-отчеству (паспортный вариант имени) и на *Вы*:

– *Виктор Владимирович, как ВАШИ дела?*

– *Анна Семёновна, хочу поздравить ВАС с приездом.*

Но при официальных отношениях и равном положении и возрасте и даже при разнице возраста (старший по отношению к младшему) допустимо обращение на *Вы* в сочетании с именем (паспортный вариант предпочтительнее в официальной обстановке).

– *Анатолий, принесите все отчеты за сегодня.*

– *Людмила, Вы что-то хотите добавить?*

В то же время на официальные отношения могут накладываться и отношения личные, более близкие, «когда адресат в большей или меньшей степени входит в личную сферу говорящего» [6, с.6]. В этих случаях в менее официальной обстановке общение может проходить в более мягком тоне. Например, если начальник и подчинённый являются ровесниками и их связывает давнее знакомство, то при общении в любом направлении может употребляться обращение по имени и отчеству и на *ты*:

– *Ты, Антон Михайлович, когда приехал?*

– *А почему ты, Мария Михайловна, меня об этом спрашиваешь? Что-то случилось?*

И как быть иностранцу, которому трудно ориентироваться в оттенках русских наименований? Иностранцам стоит рекомендовать называть человека так, как он сам себя называет при знакомстве, и без его разрешения не переходить на другие формы, особенно на короткие формы имени.

Надо заметить, что иностранцы, для которых запоминание отчества иногда затруднительно, стараются перейти на общение с русскими по имени и при этом они уверены, что их отношения остаются официальными. Увы, это не так. Русские, которых иностранцы называют по имени, особенно в короткой форме и на *ты*, быстро переходят с иностранцами на «дружескую ногу», заменяя деловые отношения неофициальными. Иностранец не читает глубинный смысл общения: имя плюс *ты* как дружеское, а иногда фамильярное. А носители русского языка очень чувствительны к тому, как их называют. И в зависимости от этого выстраивают свои отношения.

Стоит еще обратить внимание на большое количество уменьшительно-ласкательных и негативных суффиксов, которые присоединяются к русским именам. Такие формы имен широко употребляются в русском неофициальном общении и свидетельствуют о личных симпатиях или антипатиях говорящих. Обычно суффиксы присоединяются к коротким формам имен: ласковые – *Анечка, Степушка, Катюша, Танюшенька, Серезенька* и др., негативные – *Анька, Степка* и т.п. (часто в общении мальчиков и юношей по отношению друг к другу теряют негатив).

Если имя имеет только одну полную форму, то естественно суффиксы присоединяются к ней: *Антончик, Верочка* и т.п.

Но суффиксы могут присоединяться и к паспортным вариантам имени, и даже когда это имя употреблено вместе с отчеством. Это встречается в поздравлениях, когда адресант хочет показать свое теплое отношение к адресату, а общение с адресатом возможно только по имени и отчеству:

Дорогая Татьяночка Ивановна, поздравляю Вас с юбилеем!

Правда, такое дружеское обращение возможно только между равными по возрасту и положению людьми и носит несколько просторечный оттенок.

В России сейчас принято обращаться к родителям на *ты*, а к родным дядям, тетям, бабушкам и дедушкам дети часто обращаются со словами родства по имени и на *ты*, например: *тетя Нина, дядя Володя, бабушка Мила, дедушка Гриша*. Со словами *тетя* и *дядя* плюс имя взрослого дети часто обращаются и не к родственникам, но в этом случае они по этикету должны использовать *Вы*-общение.

И еще одно замечание о личных именах.

Известно, что просьба в русском языке чаще всего выражается формами повелительного наклонения, что в других языках без слова «*пожалуйста*» может восприниматься как настойчивая просьба или даже приказ. Преподаватели часто слышат от иностранцев, что русская просьба ими часто воспринимается как требование. А однажды англичанин, ссылаясь на поведение своей русской жены, сказал: «Я сужу о русских по поведению своей жены. Она редко говорит слово *пожалуйста*, когда дома о чем-то нас просит, просто:

– *Леночка, передай мне соль.*

– *Милый, принеси мне сумочку из машины, если нетрудно.*

Надо отметить, что вежливость в просьбе в неформальном общении для русских чувствуется в наличии сопутствующих слов, «актуализаторов вежливости» (ласковых форм имени, уменьшительных суффиксов, дополнений: *пожалуйста, если нетрудно, если тебя не затруднит, будь любезен*), интонации, паралингвистических элементов: прикосание, наклон в сторону собеседника и т.д. [4, 246 с.]. Как говорил поэт Владимир Высоцкий, «Даже «здравствуй» можно сказать так, чтобы оскорбить человека. Даже «сволочь» можно сказать так, что он растает от удовольствия», и с этим нельзя не согласиться.

Литература

1. Акишина А.А., Формановская Н.И., Акишина Т.Е. Этикетные выражения в русском языке. М.: Русский язык, 2016.— 246 с.
2. Акишина А.А., Формановская Н.И. Этикет русского письма, М.: URSS, 2007, — 203 с.
3. Акишина А.А., Акишина Т.Е. Этикет русского телефонного разговора, М.: URSS, 2007. —120 с.
4. Акишина А.А., Кано Хироко. Словарь русских жестов и мимики, М.: Русский язык. 2010, 246 с.
5. Акишина А.А., Кано Хироко, Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи, М.: URSS, 2009.— 145 с.
6. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, Вып.28, М.,1986. С.5-23.
7. Арутюнова Н.Д. Из наблюдений над адресацией дискурса. // Логический анализ языка. Адресация дискурса, М.: Индрик, 2012. С.5—13.
8. Михайлова В., Труб В.М. К проблеме адекватности адресации дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса, М.: Индрик, 2012. С.94—109.
9. Труб В.М. Типы употребления диалогических языковых единиц// Логический анализ языка: моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2010, — С.402—420.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СИМУЛЬТАННЫЕ ДЕШИФРОВАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ В ГНЕЗДЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ АББРЕВИАТУРЫ

Акулич Е.А.

akulich1997@bk.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

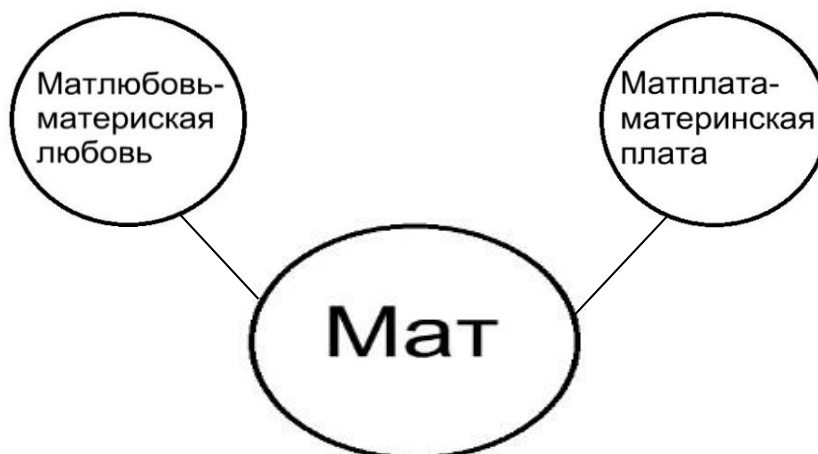
Сравнительный анализ регулярных стереотипных моделей расшифровки аббревиатуры, которые мы называем дешифровальными стимулами (ДС), в рамках одного гнезда эквивалентности (ГЭ) показывает неоднородную семантико-грамматическую и структурно-семантическую усложненность сложносокращенного слова (ССС) и его текстового эквивалента (ТЭ). **Целью** данной работы является выявление и описание метафорических симультантных ДС аббревиатуры в пределах его ГЭ.

Ранее нами были описаны симультанные ДС, имеющие двойную трактовку аброконструкта аббревиатуры, например: *электроудочка – электронная удочка, электрическая удочка*. Регулярные семантические разновидности ДС (ПДС и ИДС) имеют смежную или структурно-семантическую амбивалентность в толковании стереотипных моделей расшифровки аброконструкта. Нами были выделены: 1) включённо-симультанные ДС, под которыми понимаются аббревиатуры, аброконструкт которых семантически или формально-семантически можно дешифровать двояко; 2) абсолютные симультанты, связанные с фактической двойственностью аброконструкта, отражающей реально существующие в языке и реальности корреляты; 3) включённые симультанты – ССС, семантика которых «отражает взаимопроникновение признаков двух квалификативов<...> и их смешение в пределах одного референта» [1, с. 123]; 4) модификационные интерпретативные ДС, которые конкретизируют, видоизменяют значение аббревиатуры; 5) релятивные ДС, которые уточняют релятивную актантную роль ассоциируемого с аброконструктом объекта в пределах номинации [3, с. 84]. Но помимо этого нами были обнаружены особые **метафорические симультанные ДС**. В отличие от презентативных (ПДС) и интерпретативных ДС (ИДС), в которых распространяется и конкретизируется структура аббревиатуры, метафорические ДС реализуют в своем значении не только первичное значение АК, но и его «переносную» семантику. Так, АК *мат* отмечается первичное значение «*материнский*» (тот, что принадлежит матери; то, что свойственно матери): *матлюбовь – материнская любовь*. Метафорическое развитие ДС приводит к формированию у аброконструкта (АК) технического значения принадлежности к базовой структуре какого-либо механизма: *матплата – материнская плата; матмашина – материнская машина* и т. д.

Метафорические симультанные ДС – это полисемантические эквиваленты ССС, значения которых не коррелируют друг с другом. В отличие от симультанных образований (включенных и абсолютных), где двоякая трактовка АК связана с существованием разных референтов или же их семантическим взаимопроникновением: *электроприбор = электрический прибор* (*электрочайник < электрический чайник*) и *электроприбор = электронный прибор* (*электросигарета < электронная сигарета*), метафорические ДС

дифференцируются по принципу некоррелирующих и невзаимосвязанных между собой значений одного АК.

Возникает полисемантическое поле, синхронизирующее несколько значений аббревиатуры с одним и тем же АК:

Метафорические ДС мы относим к разновидности симультантов, поскольку они, так же как и симультанты, имеют двоякую трактовку при развертывании ССС. Такие ДС по своей структуре являются не омонимичными, а полисемантическими, потому что в основе их образования лежит принцип «переноса значения», который происходит в рамках контекста. Например, в таких АК, как *бое* (*боевой*), *звезда* (*звездный*), *маг* (*магнитный*) и др., реализуются следующие первичные и метафорические значения:

1) *Кроме того, меньше, чем через час возобновилась очередная боеатака* (<http://yandex.ua/clck/jsredir?bu=uniq15193820714383955924&from>) – *Неудержимая боевая атака / Бесстрашный воин* (<http://yandex.ua/clck/jsredir?bu=uniq15193823276996524217&from>). *Дыбколючий боехарактер, Вдруг Взяла и всплыла со дна дней!* (<http://yandex.ua/clck/jsredir?bu=uniq1519382509536571296&>) – *Боевой характер. У 15-месячной Джинны весь день ни минуты свободной: она занимается то одним, то другим* (<http://yandex.ua/clck/jsredir?bu=uniq15193823246812144879from>).

АК *бое* имеет следующие ДС: «относящийся к ведению боя, войны»; МДС: «воинственный, решительный, смелый, бойкий».

2) *Кто пилотирует удивительный звездокорабль?* (<https://fantlab.ru/work92177>) – **Звёздный корабль**, звездолёт (англ. *Starship*) или космический корабль (англ. *Spaceship*) – транспортное судно, предназначенное для межзвёздных путешествий (<http://ru.starwars.wikia.com/wiki/%>). **Звездобользнь**. "Легендарные" школы и тренеры, наверное, не самый лучший выбор для 3–4-летнего малыша, да и ребенка постарше, если он занимается для собственного удовольствия, здоровья, физического и эстетического развития – а не для того, чтобы заменить Плющенко. (<https://letidor.ru/zdorove/a345-kak-vybrat-konki-i-gde-nauchitsya-katatsya-8486.shtml>) – Вот примерно в такую ситуацию и попадает главная героиня фильма «**Звездная болезнь**». (<http://kinokrad.co/280669-zvezdnaya-bolezn.html>).

АК **звезда** имеет следующие ДС: «связанный с космосом, полетами в космос; космический». МДС: «звёздная болезнь (разговорн.) о самомнении, высокой самооценке знаменитостей».

3) *Стихийное подкрепление дает нам 5% урона за нанесение повреждений боевым умением каждой из стихий, которых у нас 3 – волшебство, холод, молния (маг бури) или огонь (маг пламени)* (<http://lotro.clanvd.lv/index.php?topic=14238.0>). Реакция организма на **магнитные бури** (<http://pressorg24.com/interesting/magnitnye-buri-raspisanie-i-prognozu>) – *Поднял маг взгляд безжалостных чёрных очей...* (https://www.google.com/url?q=http://samlib.ru/r/rezanow_w/svetlyachok-) – *Незадолго до того вздрогнул, поймав на себе типовой магнитный взгляд...* (<https://www.google.com/url?q=https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/02/02/75329>).

АК **маг** и его ДС: «связанный с явлениями земного магнетизма». МДС: «притягивающий внимание, завораживающий».

Данные примеры в первых случаях демонстрируют исходные значения АК и его текстового эквивалента, во вторых же отображается метафорическая семантика дешифровальных стимулов ССС. Количество таких метафорических симультанных ДС аббревиатуры может варьироваться в разных объемах, в зависимости от контекстуального употребления и степени конвенциональности ДС.

Следует отметить, что такая разновидность ДС может сохранять не только идентичный признак ССС, но и его базис, обладая при этом одновременной амбивалентной значимостью:

Основные разделы курортологии: 1 Бальнеология – изучающий лечебные минералводы, их происхождение, физико-химич с-ва, влияние на организм (<http://xreff.ru/568594.html>);

Продукты быстрого приготовления 91 Минерал вода Боржоми газ 0 5 л.№1. GG& MV Co N.V. (Грузия). 14⁸⁸. (<http://www.barcode-list.ru/barcode/RU/%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA.htm?barcode=Borjomi>). ССС «минерал вода» в приведенных контекстах реализуют два значения, не утрачивая при трактовке базисно-эквивалентностной целостности, однако имея разную семантическую содержательность: 1) включающий в себя минералы; 2) неорганический.

Итак, работа над «Толково-эквивалентностным словарём сложносокращённых слов русского языка» позволила выделить особый тип метафорически симультанных ДС в рамках определенных АГ. Важным признаком выступает одновременная актуальность полисемантических эквивалентов ДС при трактовке аббревиатур в тексте. Тестовый анализ также показал, что при расшифровке ССС метафорический перенос значения может закрепляться не только за абброконструктом, но и за ее базисным компонентом. В дальнейших исследованиях предполагается дальнейшая разработка методики внедрения и употребления сложносокращённых единиц в текст.

Литература

1. Бровец А.И. Симультант как источник семантической аттракции // Новые горизонты славистики. Донецк, 2016. – с.123-129
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц : В 2 т.М.: Рус. яз., 2000.

3. Теркулов В.И. Отношения эквивалентности в синхронном гнезде эквивалентности аббревиатуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. №9 (122). – С. 82–87

ФАЗОВАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Ю.Ю. Балацкая

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь)

Развитие науки в XXI веке отличается стремлением ученых искать векторы соединения, синтеза различных парадигм, методов и принципов. «Знания, приобретенные ранее, не исчезают, они лишь отходят на задний план и на новом обороте спирали могут актуализироваться в новом качестве» [1, с. 14].

«В конце прошлого века разработке теории имплицитной грамматики и созданию имплицитной морфологии русского имени и глагола посвятил свои труды профессор О.М. Соколов [5]. <...> Скрытые, невыраженные аспектуальные категории составляют основу и являются предметом изучения имплицитной аспектологии, которая является частью имплицитной морфологии, в ее задачи входит изучение и описание имплицитных аспектуальных категорий в русском и других славянских языках. Сюда относятся, в частности, категории фазовости, предельности, временной локализованности, единичности, повторяемости и др.» [7, с. 93].

В своей авторской концепции категориальной семантики вида русского глагола Е. Я. Титаренко описывает аспектуальную категорию фазовости в ее связи с категорией вида, теорию фазовой парадигматики русского глагола: «Фазовость – универсальное понятие, отражающее объективное развитие процессов в материальном мире, где все имеет начало, продолжение (развитие) и конец, а затем повторяется в том же порядке. В русском языке она может выражаться синтетически и аналитически, эксплицитно и имплицитно» [6, с. 237].

Аспектуальная категория фазовости привлекала внимание таких лингвистов, как Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко, О. М. Соколов, Т. В. Ларина, В. А. Плунгян, Э. П. Попова, Т. В. Белошапкина, Е. И. Семиколенова, С. О. Соколова, В. С. Храковский и др.

Вслед за О. М. Соколовым и Е. Я. Титаренко, имплицитная лексико-грамматическая категория фазовости определяется нами как «отношение неограниченного пределом процесса к его началу или завершенности» [7, с. 93–94].

Как справедливо замечает С. О. Соколова, «...теория фазового членения глагольного процесса стала методом, благодаря которому можно привлекать все новый и новый материал, а следовательно – создавать новые интересные научные работы» [5, с. 10]. Именно поэтому интерес к фрагментам действительности, закодированным во фразеологических единицах, не ослабевает и представляется актуальным изучение проявлений фазовости в их функционировании в речи.

Общеизвестно, что глагольным фразеологизмам свойственны все грамматические категории глагола: вид, залог, наклонение, время, лицо и др. Думается, что и категория фазовости не стала исключением. «По степени возможности реализации своих грамматических категорий глагольные фразеологические обороты делятся на два типа: 1) глагольные фразеологизмы, глагольный компонент которого имеет все грамматические формы, характерные для глагола, и прежде всего парность по виду; 2) глагольные фразеологизмы с неполной парадигмой, прежде всего в аспекте видовой дефектности» [4, с. 269].

Целью предлагаемой работы является выделение массива глагольных фразеологизмов путем сплошной выборки из Фразеологического словаря русского литературного языка А. И. Федорова [9], а затем исследование контекстов их функционирования в речи с точки зрения фазовой валентности.

Термин «валентность» в 1948 году С. Д. Кацнельсон определил как «свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами» [1, с. 44]. М. А. Кронгауз отмечает, что «основным свойством фразеологической единицы как компонента языковой системы является, в первую очередь, свойство сочетаемости с другими единицами» [2, с. 76].

Из представленных в словаре фразеологизмов выделено 4 тысячи глагольных фразеологических единиц (далее ГФЕ), что составляет 1/3 от общего числа. «По мнению ученых-языковедов (Е. Ф. Арсентьева, М. М. Копыленко, Р. З. Комаева, З. Д. Попова,

Н. Н. Русецкая и др.), самым многочисленным классом и в русском, и в английском языках считается класс глагольных фразеологических единиц...» [8].

В рамках предлагаемой статьи рассмотрим фазовые парадигмы двух ГФЕ (*грызть гранит науки* и *бить тревогу*) с глаголом несовершенного вида (далее – НСВ), так как именно НСВ называет процесс, потенциально способный к фазовой членимости, тогда как глагол СВ называет реализованные фазовые пределы. Актуализация фазовой семы в контексте может быть связана с тем пределом, который определяется контекстуальными лексическими (фразеологическими) единицами и соотносят его с началом, либо с концом [3, с. 13]. ГФЕ *грызть гранит науки* включает парный по виду глагол предельной семантики (*грызть* – *сгрызть*), и фразеологизм также употребляется в обоих видах: *Так что мне не повезло — пока мои сверстники воевали, я учился в университете, грыз гранит математической науки.* Н. Евдокимов. [9, с. 160]. *И надо приложить немало усилий и сгрызть «гранит науки», чтобы стать высококлассным специалистом.* [<https://www.rutraveller.ru/place/62820>].

ГФЕ *бить тревогу* включает непарный неопредельный глагол НСВ и фразеологизм является одновидовым: – *Нет, в такие переживания вмешиваться нельзя. Вот если я увижу, что надо бить тревогу, тогда вмешаюсь какими-то путями. А пока буду наблюдать.* А. Кузнецова. Земной поклон [9, с. 160].

Фазовость может относиться к широкой сюжетной ситуации. Способом выражения начала действия являются фазовые глаголы *начать, стать; приняться, броситься, пуститься, ринуться, кинуться* + ГФЕ. Например: *Оценив собственные знания, я с удвоенным усилием принялась грызть гранит науки.* (Ю. А.Архарова) [<https://kartaslov.ru>]; *Когда же силы и возможности заканчиваются – они начинают бить тревогу и просить совета, потому что взрослый ребенок никак не хочет слезать с родительской шеи* [[http://uti-puti.com.ua /view_articles.php?id=118](http://uti-puti.com.ua/view_articles.php?id=118)].

Начальная фаза процесса может выражаться и синтетически – с помощью глагола СВ, например: *И важно вовремя забить тревогу, когда проявляются первые признаки восхваления своей нации и принцип ее становления выше других народов.* М. Лянге [http://nazaccent.ru/school_content/151/]; у ФЕ *грызть гранит науки*

глагольного компонента СВ (типа «загрызть») со значением начала процесса нет.

Средства выражения конца и результата действия, совпадающего с его завершением, – это фазовые глаголы НСВ *кончить* (*закончить, окончить*); *перестать, прекратить, бросить, завершить* + ГФЕ. Например: *Когда-то он учился, да не доучился и бросил «грызть гранит наук»* [<http://r45.fssprus.ru/news/phonebook/&print=1?page=3>]; *Психологи перестали бить тревогу, указывая на то, что игры в Интернете могут быть причиной развития детской агрессии* [<http://pilsatherm.ru/tatu-smultfilmov>].

Способы выражения конечной фазы также могут быть синтетическими, что проявляется в случае употребления глагола СВ: *Нельзя просто так взять и сгрызть гранит науки* [<http://risovach.ru/kartinka/5023569>]; *Когда кажется, что свой гранит науки ты отгрыз в университете* [<https://www.instagram.com/p/yXaKUDrtM2/?hl=fr>]; *Когда «гранит науки» перегрызли, Настал черед для разума и мысли. Виталий Доич* [<https://www.stihi.ru/2012/08/27/6887>]; *Вот и прошла сессия у студентов. Одни уже отдыхают, нежась на солнышке, другие еще не догрызли гранит науки и бегают с зачетками по кабинетам* [<https://ofigenno.com/veselye-zapiski-prepodavateley>]; *Как разгрызть «гранит науки» с интересом и пользой* [<https://argumentiru.com/education/2011/08/121577>]; *Возникает вопрос: для чего нам получать дополнительное образование за рубежом, если мы уже «нагрызлись гранита» науки дома?* [<http://forbes.net.ua/woman/1360957-nikogda-ne-pozdno>]. *Посоветались и решили, что выхлоп носового энергоотсека на палубу забросило – вот и всполошился воин. Сказали – молодец, воин, бди дальше, тревогу «отбили» – и спать* [http://www.design.bigler.ru/printable.php?story_id=A6193].

Значение ограниченности и продолженности действия выражается при помощи фазовых глаголов *продолжать, не переставать* + ГФЕ: *Получается, человеку после школы, чтобы выжить, нужно идти работать «чернорабочим» или, если позволяют средства родителей, продолжать грызть гранит науки в «универе».* Н. В. Азаренко [<https://kartaslov.ru>]; *Телевидение и газеты не переставали бить тревогу по поводу резкого сокращения рабочих мест* [<http://www.kauppatie.fi/2015/01-2015/rus-4.shtml>].

Форма глагольного компонента СВ с префиксами *по-; про-* выражает действие, ограниченное внешним временным пределом, в контексте сочетается с лексическим показателем временных границ: *Бережно убрав гитару в чехол, мальчик довольно потёр руки – для первой встречи идей было достаточно, дальше можно будет подумать вместе, а сейчас надо **немного погрызть гранит науки**: уроки-то никто пока ещё не отменял.* М. Митрофанова [<https://kartaslov.ru>]; у ФЕ *бить тревогу* синтетической формы выражения данной фазы (глагола СВ с соответствующим префиксом) нет.

Однократность в русском языке в первую очередь присуща глаголам СВ. Значение единичного действия выражают префиксы *по-; с-; про-* и др., а также суффикс *-ну-*, что и представлено в примерах: *Волгоградцы **грызнут гранит науки**.* [<http://www.molodoi-gazeta.ru/article-1164.html>]; – *Пробили **тревогу**: из всех люков сыпались люди и разбегались, как мыши, по всем направлениям, каждый к своему орудю.* Гончаров [<http://www.frazeologiya.ru/fraza/trevoga.htm>].

Способы выражения повторяющегося действия определяются при наличии лексических показателей – кратности, привычности, обычности, типичности действия, либо синтаксических условий (вводных слов и предложений, деепричастных оборотов, придаточных предложения со значением времени и условия) + ГФЕ. Например: *Все российские и мировые ученые доказывают, что ученикам школ вредно сидеть на уроках по 5-8 часов в день, крайне нежелательно **постоянно грызть гранит науки*** [http://nu.s-vfu.ru/expert_opinion/kultura-bezopasnosti/]; *И снова приходит время **опять «грызть гранит науки»**. И этот «гранит науки» Троицкому самому так понравился, что он ещё не раз повторял его в своих статьях и выступлениях – так фраза и прижилась* [<https://ruskiymir.ru/publications/212912/>]; *Но ветеринарные врачи **каждый раз бьют тревогу**: для братьев наших меньших впору разрабатывать пособие по выживанию в новогодние праздники* [<https://kazved.ru/CatB.aspx?id=53>].

Таким образом, как показывает наш материал, аналитическая фазовая парадигма ГФЕ *грызть гранит науки* и *бить тревогу* является полной (выражены все типы фазовых отношений).

Синтетическую фазовую парадигму строим, вслед за Е. Я. Титаренко [6, с. 170], таким образом: исходный фразеологизм находится в центре, а вокруг него в соответствии с направлениями фазовости, обозначенными стрелками, располагаются варианты ГФЕ в следующем порядке: начинательные – слева, завершительные – справа, ограничительные – внизу, одно-/многочратные – вверху (см. схему 1 и 2):

Схема 1

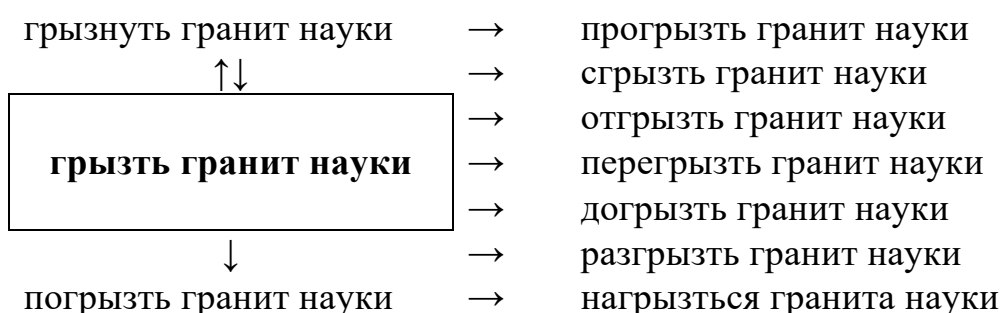

Схема 2

Обе ГФЕ имеют неполную трехстороннюю фазовую парадигму: *грызть гранит науки* не имеет синтетического выражения начинательно-процессного типа отношений, а *бить тревогу* – процессно-ограничительного. При этом аналитически все типы фазовых отношений выражены в речи, что свидетельствует о фазовой валентности данных глаголов и, соответственно, ГФЕ.

Таким образом, языковой материал показывает, что фазовая валентность глагольных фразеологизмов проявляется в наличии как синтетических, так и аналитических способов передачи данной семантики. В связи с этим тема исследования представляется весьма актуальной и перспективной.

Литература

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., СПб.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 142 с.

2. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов / М. А. Кронгауз. – М. : РГГУ, 2001. – 299 с.
3. Методические рекомендации к изучению фазово-видовых значений русского глагола. Для филологических факультетов университетов / Т. В. Ларина, Э. П. Попова, О. М. Соколов, Е. Я. Титаренко. – М. : Изд-во РУДН, 1992. – 52 с.
4. Мусаев А.С. Проблемы презентации глагольных фразеологизмов в толковых словарях русского языка / А. С. Мусаев // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 11. С. 265–276.
5. Соколов О.М. Имплицитная морфология русского языка : монография / отв. ред. С.О. Соколова. – 2-е изд., испр. и доп. – Нежин: ООО «Гідромакс», 2010. – 184 с.
6. Титаренко Е.Я. Категория фазовости и вид русского глагола: Монография / Е.Я. Титаренко. – Симферополь: Доля, 2011. – 368 с.
7. Титаренко Е.Я. Имплицитная категория фазовости в русском языке / Е.Я. Титаренко // Коммуникативные исследования. 2016. № 1 (7). С. 92–97.
8. Туаева Л.А., Абаева Ф.А. Анализ глагольных фразеологических единиц русского, английского и осетинского языков в структурно-грамматическом аспекте / Л.А. Туаева, Ф.А. Абаева // Nauka-rastudent.ru. – 2015. – No. 11 (23) / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://nauka-rastudent.ru/23/3009/> (дата обращения 21.12.2017).
9. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878, [2] с.

НОВАЦИИ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Н.В. Баско

ninabasko@mail.ru

МГУ имени М.В. Ломоносова

(Москва)

Термин «новация», восходящий к латинскому *novatio* – обновление, изменение, в лингвистической науке означает “что-нибудь новое, новшество” [4, с. 526]. Данная статья посвящена анализу нового в русской фразеологии, новых фразеологических оборотов, появившихся в начале XXI века и вошедших в активное речевое употребление россиян.

Движущей силой, импульсом к появлению новаций в языке являются экстралингвистические факторы – изменения в общественно-политической жизни, в экономике, в научно-технической области. Именно они приводят к изменениям в языке, активизируя в нем динамические процессы. На рубеже XX-XXI веков в России произошли радикальные реформы в общественно-политическом и в экономическом устройстве, что привело к значительным изменениям в русском языке, к пополнению словаря новыми языковыми единицами. С точки зрения этимологии языковые новации бывают двух типов: иноязычные по своему происхождению и возникшие на исконной национальной почве. В данной статье будут рассмотрены обе группы фразеологических новаций, появившихся в начале XXI века и вошедших в речь наших современников.

Прежде чем обратиться к анализу фразеологических неологизмов исконно русского происхождения и механизму их образования в языке, напомним о специфике фразеологического оборота как особой языковой единицы. Фразеологизмы представляют собой уникальное языковое явление, поскольку, с одной стороны, они являются языковым средством, обеспечивающим в обществе полноценную коммуникацию, с другой стороны, они являются яркими выразителями национально-культурной семантики, отражая стереотипы национально-культурного видения мира: национальную культуру, обычаи, традиции народа, детали быта, исторические события. Иначе говоря, фразеологические обороты обладают как коммуникативной, так и культурологической ценностью. За-

метим, что «эта особенность фразеологизмов играет важную культурно-познавательную роль в практике преподавания русского языка иностранным учащимся, обогащает их знания о России и русской культуре. Однако следует признать, что идиоматичность значения фразеологических оборотов вызывает у иностранцев большие трудности, что, в свою очередь, создаёт языковые барьеры в межкультурной коммуникации» [2, с. 43].

Это в полной мере относится и к новым, недавно появившимся, но уже ставшим популярными в речи россиян фразеологическим оборотам: *белый и пушистый, бежать впереди паровоза, вишенка на торте, из каждого утюга, входит / войти в ступор, сидеть на нефтяной игле* и других.

Есть нечто общее в причинах появления неологизмов-слов и неологизмов-фразеологизмов: и те и другие появляются в языке, чтобы удовлетворить потребности языкового коллектива в наименовании новых явлений в жизни общества, актуальных процессов в социуме, в осмыслении эмотивно-экспрессивной выразительности языковых средств. Главное свойство языковых новаций заключается в их относительности и историчности: со временем языковые единицы утрачивают налет новизны и переходят в разряд обычной актуальной лексики. По мнению академика Н.М. Шанского, «новая языковая единица представляет собой неологизм лишь до тех пор, пока она имеет на себе отпечаток свежести, пока говорящий осознает её предметно-логическую новизну или стилистическое своеобразие» [7, с. 159].

При изучении фразеологических неологизмов чрезвычайно важно обращать внимание на ономаσιологический аспект их описания и на метафору как средство закрепления в языке образного содержания фразеологизма. Ономаσιологический аспект предполагает поиск ответа на два взаимосвязанных вопроса: как фразеологизмы соотносятся с реальной действительностью и каким образом они образуются как языковые единицы. Иначе говоря – каков механизм образования фразеологизмов. Раскрытие механизма образования фразеологизмов неизбежно связывается с решением проблемы фразеологического образа. Если сравнить образ слова и образ фразеологизма, то следует заметить, что образ фразеологизма – это образ не отдельного предмета, а целой ситуации реаль-

ной действительности, которая преобразуется во фразеологический образ посредством метафоры или реже метонимии, синекдохи.

В подавляющем большинстве фразеологизмы – образно мотивированные словосочетания: их значение мотивировано тем образом, который осознается при буквальном восприятии фразеологизмов. Это восприятие ассоциируется с каким-либо свойством, состоянием, действием, чувством, ситуацией и осознается как их подобие. Некоторые фразеологизмы сохраняют в своей семантической структуре те признаки значения, которые были непосредственно связаны с его образованием. В таких случаях метафорический образ, лежащий в основе их семантики, понятен, легко расшифровывается. Например: *вставлять палки в колеса, делать из мухи слона, пятое колесо в телеге* и др. Мотивировка значений таких фразеологизмов является основой для их понимания. Ведь, по мнению известных ученых-фразеологов Н.М. Шанского, В.Н. Телия, В.М. Мокиенко, В.И. Зимина, первоначально все фразеологизмы были мотивированными: образы, лежащие в основе их семантики, были понятны современникам. Но в большинстве случаев фразеологические обороты утрачивают мотивированность значения, в результате чего их образное содержание становится непонятным, странным для современных носителей языка.

На примере некоторых фразеологических неологизмов, появившихся в русском языке в последние два десятилетия, мы дадим краткое описание образов их внутренней формы, мотивации значения, а также приведем примеры их употребления в речи, в газетной публицистике.

Бежать впереди паровоза – опережать естественный ход событий, действуя поспешно, необдуманно. Обычно так говорят о том, кто намеревается совершить преждевременные поступки; когда хотят подчеркнуть, что вопросы нужно решать по мере их возникновения. *Не беги впереди паровоза* (не торопись). Прямой смысл выражения: бесполезно опережать события, которые нельзя ускорить. В основе образа фразеологизма осознаётся целостная ситуация: паровоз тащит за собой вагоны, они как бы следствие его работы. Из ситуации бега впереди паровоза никакого следствия быть не может. Приведём пример употребления этого фразеологизма: *По мнению экспертов Министерства образования, Россия*

успешно справляется с внедрением положений Болонского процесса, но «бежать впереди паровоза» не собирается. // РИА «Новости», 18.05.2009.

Белый и пушистый. Так называют (зачастую иронично) доброго, отзывчивого человека с мягким характером, который руководствуется в своих поступках исключительно чистыми помыслами и мотивами. Фразеологизм содержит сравнение с каким-либо ласковым и милым животным (например, с котенком). Происхождение этого фразеологического оборота связано со старым анекдотом. Жабу спросили, почему она такая мерзкая – зеленая, вся в бородавках и слизи, на что она ответила: «Это я просто болею, а так я белая и пушистая!» Приведём пример употребления фразеологизма: *А на пресс-конференции, между прочим, Дейвис признался, что он белый и пушистый и в России ему больше всего понравились церкви и иконы.* – Игорь Вирабов. *Корн без «поп»* // Комсомольская правда, 24.09.2005.

Ни гвоздя, ни жезла – это доброе пожелание водителю в дороге. Фразеологизм представляет собой типичную ассоциативную метафору. По мнению Г.Н. Складневской, «Ассоциативная языковая метафора базируется на способности сознания отыскивать аналогии между любыми объектами действительности» [6, с. 56]. Во фразеологизме *ни гвоздя, ни жезла* **гвоздь** ассоциируется с проколом шины автомобиля, а **жезл** – «короткая палка, которой регулировщик движения даёт указания транспорту, пешеходам». В данной ситуации подразумевается действие полицейского, останавливающего машину и указывающего водителю, что нужно остановиться у обочины дороги, за этим последует либо штраф водителя, если он нарушил правила движения, либо просто проверка его водительских прав. Любое действие полицейского представляется водителю нежелательным. Поэтому фразеологизм и имеет отрицательную форму *ни гвоздя, ни жезла* – «пусть ничего плохого не случится». Приведем пример употребления фразеологизма в прессе: *Сразу же после победы на аукционе её стали бомбардировать знакомые смс-ками с пожеланиями «Ни гвоздя, ни жезла твоему железному коню» и вопросами «Когда покатаешь?!»* – Елена Лаптева. *Зачем Верке Сердючке роллс-ройс Фредди Меркьюри?* // Комсомольская правда, 26.01.2013.

Скамейка запасных – это резерв кандидатов на замещение значимых государственных должностей. Выражение пришло из спортивной терминологии, где оно обозначает некоторое количество запасных спортсменов. Они не принимают участия в соревнованиях, сидят в буквальном смысле на скамейке в качестве запасных игроков. Потом это выражение метонимически (скамейка – это ряд спортсменов) расширило своё значение и стало употребляться применительно к государственным служащим – к «резерву кандидатов на замещение значимых государственных должностей». Приведём пример употребления фразеологизма: – *В случае, когда скамейка запасных очень короткая, приходится довольствоваться теми специалистами, которые есть в правительстве, – считает Абзалов.* – Александра Ермакова. Экс-глава Росреестра Наталья Антипина идёт в Минстрой. // Известия. 24.04.2014.

Как (словно) вишенка на торте – примечательная, эффектная деталь, завершающая общую картину или какое-либо действие. Этот фразеологизм имеет яркий конкретный образ, под который можно подвести бесчисленное множество жизненных событий, действий, явлений. Образ фразеологизма тем самым создаёт общее впечатление экспрессивности того, что обозначается этим фразеологизмом. Пример: *И главное украшение сезона, как вишенка на торте, – это финал игры.* РБК Daily. «Технологический» хоккей «Чикаго» // РБК Дейли, 28.06.2013.

Диванная партия – граждане страны, не интересующиеся политикой и устранившиеся от участия в выборах. Образ этого фразеологизма метафорически рисует бездействующих людей: что можно делать сидя на диване? Компонент фразеологизма – слово *партия* чётко вписывает этих людей как партию в ряд других партий. Приведём пример: *Участником событий стала едва ли не 20-миллионная «диванная партия» – люди, державшиеся в стороне от политики.* – Станислав Хатунцев. Халифы на год. // Известия. 04.07.2013.

Анализируя образы внутренней формы фразеологических неологизмов, которые лежат в основе их семантики, можно сделать следующий вывод: собственно механизм образования фразеологических неологизмов не является новым, новыми оказываются

образы фразеологизмов, вызываемые к жизни разнообразными изменениями в современном обществе.

Обращаясь к рассмотрению фразеологических новаций иноязычного происхождения, заметим, что их появление связано с активизацией в XXI веке глобальных процессов, полноправным участником которых стала Россия. Глобализация усиливает и ускоряет процесс культурного заимствования, поэтому глобальные процессы оказывают мощное воздействие на развитие национальных языков, включая русский язык. В начале XXI века учёные, которые исследовали влияние глобализации на функционирование национальных языков, ввели в употребление новый термин – «языковая глобализация». Он означает «процесс взаимопроникновения языков в условиях глобализации» [3, с. 1304]. «Языковая глобализация» находит выражение, прежде всего, в широком и повсеместном распространении английского языка, в проникновении в национальные языки англицизмов (точнее американизмов). Фразеологические заимствования из английского языка, вошедшие в русский язык в начале XXI века, касаются важнейших сфер жизни и деятельности людей в современном глобальном мире: экономики, бизнеса, общественно-политической жизни, научно-технической области.

Переход к рыночной экономике и новой системе финансового управления в России вызвал появление в русском языке таких фразеологических оборотов терминологического характера, как *голубая фишка* и *золотой парашют*. Термин из сферы финансов и биржевой торговли *голубая фишка* (англ. *blue chip*) означает «первоклассная ценная бумага наиболее крупных, надежных компаний со стабильными показателями получаемых доходов и выплачиваемых дивидендов; названа по цвету самой дорогой фишки в покере». [1, с. 100]. Приведем пример употребления фразеологизма: Позавчера акции ОАО «Мечел» обвалились более чем на 40%... В этом странном обвале отразилась характерная особенность российского рынка, способная серьёзно затормозить развитие биржевой торговли. Ведь акции «Мечела» на российской бирже – «голубая фишка», которая входит в состав индексов РТС и ММВБ. – Дмитрий Тратас. Правила игры. // Коммерсантъ. 15.11.2013.

Фразеологизм-термин *золотой парашют* (англ. *golden parachute*) – «внушительное денежное пособие, выдаваемое работнику,

которого увольняют по решению администрации» [1, с. 374] широко употребителен банковской и в бизнес-сфере. Пример: *В марте 2008 года, когда компания уже терпела убытки, совет директоров назначил гендиректору премию в 5 млн. долларов и «золотой парашют» в 15 млн.* – Дарья Вахрушева. Премии за счет бюджета // Труд-7, 25.03.2009.

Много заимствованных фразеологизмов встречается в материалах российских СМИ на политические темы. Фразеологический оборот *хромая утка* (англ. *lame duck*) «государственный деятель или политик, утративший былой авторитет, влияние в глазах общественного мнения, электората, в связи с его предстоящим уходом с занимаемого поста в результате поражения на выборах или отставки» [1, с. 516-517]. Пример: *И вот демократы в конгрессе сочли необходимым нанести ещё один удар по «хромой утке».* – Вячеслав Тетёкин. Старая дружба не ржавеет // Советская Россия. 09.08.2007;

Фразеологический оборот *жирный кот* (англ. *fat cat*) означает жаргонное название «лица, субсидирующего политическое мероприятие или партию» [5, с. 118]. Пример: *Бюджет следует оставить народу, что бы ни случилось... Он это оценит, когда увидит, что финансовый богатея – не «жирный кот», а российский патриот.* – Александр Лившиц. Наказание невиновных // Известия, 20.10.2010.

Чрезвычайно употребительный в наше время в российских СМИ фразеологический оборот английского происхождения *дорожная карта* (*road map*) имеет значение «план действий; программа деятельности». Он широко используется как в политической сфере, так и в сфере бизнеса, торговли, образования, науки и культуры. Пример: *Я объявил семь главных задач нового правительства на первый год. Они включали бюджетное планирование на основе жесткого бюджетного правила, выполнение задач социального развития, приватизацию излишних государственных активов, полноценную реализацию «дорожных карт» национальной предпринимательской инициативы, активизацию реформы государственной службы. Эти задачи решены.* – Д. Медведев. *Время простых решений прошло.* // Ведомости. 27.09.2013.

Основным способом освоения иноязычных фразеологических оборотов русским языком является фразеологическое калькирование – процесс, при котором устойчивое словосочетание (фразеологическая калька) возникает в результате пословного перевода иноязычного фразеологизма: *citizen of the world* – гражданин мира; *blue chip* – голубая фишка; *golden parachute* – золотой парашют; *lame duck* – хромая утка.

Первоначально заимствованные фразеологизмы функционируют исключительно в терминологической сфере и остаются понятными специалистам в конкретной области экономики, политики, науки, техники, искусства. По мере роста их употребительности расширяется сфера их функционирования: они проникают в общелитературный язык и становятся понятными рядовым носителям русского языка. Посредником в этом языковом процессе оказываются российские средства массовой информации. Заметим, что заимствованные фразеологизмы являются отражением общего процесса языковой глобализации. Освоение заимствованных фразеологизмов русским языком свидетельствует о формировании к началу XXI века интернационального фразеологического фонда.

Подводя итоги наблюдениям над фразеологическими новациями как заимствованными по своему происхождению, так и возникшими на исконно русской почве, можно сделать вывод о том, что их появление в русском языке было вызвано объективными потребностями российского общества в наименовании новых явлений и процессов, происходящих в современной российской действительности.

Литература

1. Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. проф. Г.В. Чернова. – М.: Полиграмма, 1996. – 1208 с.
2. Баско Н.В. Русская фразеология и межкультурная коммуникация // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому как неродному: сборник статей / Отв. ред. Л.С. Крючкова. – Москва: ИИУ МГОУ, 2016. – С. 41–46.
3. Глобалистика. Энциклопедия. / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; центр научных и прикладных программ «Диалог»/. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 1328 с.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.

5. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь / Под ред. М.М. Маковского. М.: Издательский дом «Диалог», 2002. – 752 с.

6. Складарская Г.Н. Метафора в системе языка. Отв. редактор акад. Д.Н. Шмелев. / Г.Н. Складарская. – СПб.: Наука. 1993. – 151 с.

7. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. Пособие для студентов педагогических институтов. Изд. 2-е, испр. М.: Просвещение, 1972. – 328 с.

ДУБЛЕТНАЯ АЛЬТЕРНАЦИЯ МОДИФИКАЦИОННОГО ДЕШИФРОВАЛЬНОГО СТИМУЛА АББРЕВИАТУРЫ

А. И. Бровец

brovac@mail.ua

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Поиск и синхронное описание регулярных стереотипных расшифровок аббревиационного конструкта (сокращённого компонента) сложносокращённого слова, являющихся текстовыми субститутами аббревиатуры и названных **дешифровальными стимулами (ДС)** [3, с. 18], позволили определить базовые типы последних с точки зрения степени их ономаσιологического тождества с аббревиатурой. Иначе говоря, нами обнаружено, что словосочетания, формирующие одно гнездо эквивалентности [3, с. 17], т. е. соответствующие одной аббревиатуре, могут структурно и семантически неодинаково репрезентировать данную аббревиатуру в текстах.

Так, среди дешифровальных стимулов выделяются **презентативные** – соответствующие прилагательным с квалификативной, обобщённой семантикой, позволяющей данным ДС в привативной оппозиции выступать немаркированным компонентом по отношению к другим типам ДС. Например, презентативный эквивалент аббревиатуры *автогонки* – **автомобильные гонки**. **Интерпретативные** дешифровальные стимулы уточняют значение аббревиационного конструкта и по способу уточнения разделяются на **релятивные** и **модификационные** [2, с. 4]. Релятивные эквиваленты актуализируют актантно-числовую, предложно-падежную семантику (*гонки на автомобилях, гонки автомобилей*). Модификационный дешифровальный стимул всегда формально (по количеству

корневых морфем) более сложен, чем аббревиатура, распространён ономаσιологическими признаками, отсутствующими в структуре сложносокращённого слова. Другими словами, наборы ономаσιологических признаков аббревиатуры и её модификационного коррелята не совпадают. Например, словосочетания *гонки автолюбителей*, *гонки автомоделей*, *гонки на автомашинах*, эквивалентные той же аббревиатуре, обнаруживают новые признаки *любителей*, *моделей*, *машинах*, не представленные в слове *автогонки*.

Во всех отмечаемых примерах новый для аббревиатуры вторичный признак в структуре модификационного ДС грамматически (путём согласования или управления) переподчиняет себе первый ономаσιологический признак, подчинённый в составе презентативного и релятивного словосочетаний непосредственно базису (*велошлем / велосипедный шлем – шлем для велогонок / велосипедных гонок*). Показательно, что условие грамматического **переподчинения первичных ономаσιологических признаков вторичным** адекватно и для модификационных эквивалентов, которые включают не один новый для аббревиатуры признак, а два, – в связи с чем данному факту присваивается **второй ранг** модификации (*автотопливо / автомобильное топливо / топливо для автомобилей – автомобильное топливо / топливо для автомоделей – топливо для автомобильных двигателей*). Нулевой ранг в таком случае отмечается для презентативных и релятивных эквивалентов, а первый ранг соответствует одному новому для аббревиатуры признаку.

Для многих модификационных ДС в пределах одного ранга модификации отмечается **альтернативное варьирование (альтернация)** ономаσιологических признаков, которое бывает **лексическим** (*автозавод: завод по производству / утилизации / ремонту автомобилей*) и **грамматическим** (*велобагажник: багажник на велосипед / для велосипеда / к велосипеду / под велосипед*). Теоретически оптимальным для лексической альтернации признаётся первый ранг модификации, поскольку в презентативном и релятивном ДС она потенциально невозможна, а для второго ранга модификации не отмечается. Лексическая альтернация формирует признаковую парадигму – ряд вариантов, привлечение одного из

которых может диктоваться требованиями текста, соображениями автора или онтологически оправданными вариантами референции.

Выборка и анализ текстовых эквивалентов аббревиатур для создаваемого «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка» убеждают, что новые для аббревиатуры ономаσιологические признаки в структуре модификационного ДС могут с различной степенью семантической актуальности уточнять значение сложносокращённого слова. Данный факт упраздняет представление о модификационном ДС как о члене синекдохических отношений с аббревиатурой. Другими словами, все модификационные эквиваленты могут быть разделены на основании того, формируют ли они гиперо-гипонимические отношения с аббревиатурой, в которых последняя выступает немаркированным членом привативной оппозиции, или не формируют. Часто в структуре модификационного ДС обнаруживается целый ряд альтернативно варьирующихся признаков, новых для аббревиатуры и неодинаково актуально распространяющих её значение. В интересах семантического описания подобных случаев предлагается выделение трёх типов альтернации.

Релевантная альтернация предполагает абсолютную актуальность второго ономаσιологического признака для аббревиатуры. Структурное (признаковое) усложнение соответствует семантическому усложнению, что создаёт условия для привативной оппозиции. Так, релевантная альтернация отмечается для вертикального ряда признаков *завод по сборке / утилизации / ремонту автомобилей*, поскольку каждый из признаков ряда соответствует отдельному заводу. Таким образом, аббревиатура *автозавод* является гиперонимом и немаркированным членом привативной оппозиции по отношению к модификационному словосочетанию с любым из ряда предложенных признаков. Релевантным и маркированным для аббревиатуры *нефтехранилище* является признак *продуктов* в ДС *хранилище нефтепродуктов*, поскольку к нефтепродуктам относят вещества, получаемые из нефти, а не саму нефть. Релевантной может быть и грамматическая альтернация. Словосочетания *багажник для велосипеда*, *багажник на велосипед*, *багажник к велосипеду*, *багажник велосипеда*, эквивалентные аббревиатуре *велобагажник*, обозначают багажник, предназначенный для

установки на велосипед, в то время как ДС *багажник под велосипед* обозначает багажник, предназначенный для **размещения велосипеда** (на автомобиле).

Дублетная альтернация констатирует наличие в структуре модификационного ДС новых ономаσιологических признаков, которые семантически не распространяют аббревиатуру, предполагаются и исчерпываются значением её базиса. В таком случае невозможны синекдохические и гиперо-гипонимические отношения между сложносокращённым словом и модификационным словосочетанием. Привативная оппозиция сменяется эквивалентной. Например, признак *по продаже* в ДС *магазин по продаже автомобилей* является неактуальным для модификации, поскольку любой магазин специализируется по продажам. Текстовый эквивалент *сервис по обслуживанию автомобилей* формально сложнее слова *автосервис* (выполняется условие признакового усложнения), однако в семантическом отношении в силу нулевой актуальности признака *по обслуживанию* аббревиатура равна своему модификационному корреляту.

Третий тип альтернации существенно не отличается от дублетного и предполагает синонимический ряд альтернантов, выражающих один референт. Одному плану содержания соответствует несколько планов выражения, что повторяет принцип **включённого симульганта** [1, с. 170]. Например, семантический терминал «медиатив» для аббревиатуры *электроавтомобиль* в словосочетаниях *автомобиль с электродвигателем / электроприводом / электромотором / на электропитании / на электроходу / на электротяге* заполняется выделенным рядом признаков, предпочтение одного из которых не детерминируется онтологически. Перечисленные эквиваленты по-разному (путём **терминальной синонимии**) определяют один и тот же объект действительности (один и тот же автомобиль). Ср. *электронная / электрическая сигарета* < *электросигарета*. Предпочтение одного из ономаσιологических признаков в ряду однородных диктуется требованиями текста и интуицией автора.

В пределах модификационного ДС аббревиационный конструкт может интерпретироваться непосредственно (*веломагазин–магазин велоодежды* – *магазин велосипедной одежды*) или косвенно участвовать в интерпретации (*автозавод* – *завод по выпуску*

автомобилей). Из этого следует, что не всякий дешифровальный стимул и ономаσιологический признак формально соответствуют аббревиационному конструкту, который может распространяться как словом, так и словосочетанием.

Актуальным представляется вопрос о сущности, источниках и масштабировании на систему аббревиации феномена дублетной альтернатиции. Интересен прежде всего сам факт появления неактуальных ономаσιологических признаков, семантически исчерпывающихся исходной структурой и фактически дублирующих её. В качестве попытки осмысления этого факта аббревиационной тавтологии предлагается рабочее понятие **терминальной синонимии**. Предположим, ономаσιологическая структура¹ «учреждение + объект» стимулирует появление ономаσιологического признака «дестинатив», терминал которого заполняется семантически валентными признаками. Существенно, что для структуры¹ (*завод по утилизации / выпуску автомобилей*) такое заполнение является альтернативным, т. е. релевантным, в то время как для подобной структуры² (*магазин по продаже автомобилей*) оно может оказаться безальтернативным, т. е. дублетным.

Выдвигается гипотеза, что признак *по продаже* экстраполируется на дешифровальные стимулы подобной ономаσιологической структуры. Игнорируемая семантическая адекватность появляющихся признаков создаёт условия для параллельного употребления их в качестве **синонимов** (в т. ч. включённо-симультантных) одного семантического терминала – например, терминала «медиа-тив» для признаков *двигателем / мотором / приводом*, распространяющих аббревиатуру *электроавтомобиль*.

Альтернативность одной ономаσιологической структуры обязательно продуцирует **ряд признаков**, служащих онтологическому различению её частных характеристик: завод, который а) производит; б) ремонтирует; в) утилизирует автомобили. Данный ряд становится стереотипным, когда его компоненты начинают употребляться в других структурах независимо от «словарной» логики.

Ономаσιологические признаки *по продаже / по ремонту / по обслуживанию / по сборке* заполняют терминал «дестинатив» для структур, в которых такое заполнение может оказаться безальтер-

нативным – например, *сервис по обслуживанию автомобилей (автосервис)*, *инструктор по вождению автомобиля (автоинструктор)*, *дерматит аллергического характера (аллергодерматит)*. Последний пример убеждает, что на появление дублетных ономаσιологических признаков, по-видимому, также влияет официальная номенклатура, речевые обороты делопроизводства.

Последующее описание дублетных ономаσιологических признаков в рамках модификационного дешифровального стимула, оценка их детерминированности (ономаσιологической структурой или другими факторами) и интерпретативной потенции составляют перспективу дальнейшей разработки.

Литература

1. Бровец А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул аббревиатуры: источники, псевдоунивербализационная синекдоха, внутриранговая альтернатива / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е.Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – с. 166–172.
2. Бровец А. И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – № 6. – 2017. – с. 98–107.
3. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3 (29). Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – с. 13-25.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ОБОЗНАЧЕНИЙ ДЕМОНОВ ДВОРА И ДОМА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А. С. Бурляй

anna.burlyai@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Человек создан как отражение
тайны, которая управляет миром.

А. Мень

Как указывает Л. А. Новиков, «...различные аспекты (или различные виды) значения тесно связаны и взаимодействуют в пределах единого целого — лексического значения единицы. Их

взаимосвязь и взаимоотраженность объясняется тем, что они по-разному, с разных сторон характеризуют одну и ту же сущность». [7, с. 51]

В последние годы внимание лексикологов было привлечено к различным аспектам лексико-семантической теории, но особо выделяется изучение лексико-семантических групп (ЛСГ) (Э. В. Кузнецова, В. Н. Прохорова, Э. А. Лазарева, Г. Я. Романова и др.). Это вполне закономерно, если учитывать мнение исследователей о том, что огромный массив словаря нельзя изучать сразу во всем объеме, а необходимо сначала исследовать отдельные классы семантической системы. Ценностью таких исследований является возможность системного описания определенных участков лексики, исходя из языковых особенностей тех или иных групп слов. Обращение к ним обусловлено спецификой структуры ЛСГ, члены которой демонстрируют различные виды отношений, ЛСГ также включают в себя и другие типы микросистем, в частности, синонимические ряды и антонимические пары. При изучении ЛСГ появляется возможность исследования не только лексико-семантического аспекта, но и морфологических особенностей, синтаксических отношений единиц ЛСГ. Именно в ЛСГ наиболее ярко проявляются парадигматические, синтагматические и ассоциативно-деривационные отношения. Немаловажно и то, что в ЛСГ отражаются специфические национальные особенности лексической системы каждого языка. [7, с. 70]

Элементарным семантическим микрополем является лексико-семантическая группа — относительно замкнутый ряд лексических единиц одной части речи, объединенных архисемой конкретного содержания. В современной лингвистике нет определенного мнения об определении ЛСГ. В качестве рабочего можно взять дефиницию В. И. Супруна: «Сегменты словарного состава языка (парадигмы), объединяющие лексемы с одинаковой предметной направленностью и однородной семантикой, обладающие общим главным интегрирующим семантическим множителем, относящиеся к одной и той же части речи и характеризующиеся синонимическими и антонимическими отношениями между отдельными членами сегмента» [8, с. 4].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что комплексное изучение ЛСГ открывает новые перспективы как для выявления ее семантико-словообразовательных особенностей, так и для познания ее роли в языковой картине мира, что отвечает задачам системного и функционального подхода к языковым явлениям, помогает определять направления развития лексической системы в целом.

В теоретическом плане работа опирается на положения трудов таких ученых, как А. Вежбицкая, Е. А. Земская, В. Г. Костома-ров, Е. С. Кубрякова, А. Ф. Лосев, А. Г. Лыков, Р. Ю. Намитокова, Л. А. Новиков, Н. И. Толстой.

Объектом исследования являются наименования духов дома и двора (хозяйственных построек).

Цель исследования — рассмотрение персонажей славянской демонологии в пределах одной ЛСГ и выявление архисемы «демоны двора/дома».

Традиционно ЛСГ включает слова одной части речи, которые объединены общим дескриптивным родо-видовым признаком и противопоставлены по каким-либо другим различительным признакам.

Дом в крестьянской деревне воплотил главные ценности, смыслы, приоритеты человека. С одной стороны, — это целостный мир вещей человека, а с другой — символическая связь человека с космосом.

Словарь В. Даля гласит: «Дом — родной кров; разумеется, со всеми припасами (хозяйством), со всем населением, объединенным родственными узами». [2, с. 124]

Рассмотрим основные наименования демонов дома и двора:

Домовой — в мифологии восточных славян сверхъестественное существо, дух и хранитель дома. Домовой — большой озорник и проказник: щекочет сонных, вопит дурным голосом, стучит в стены, швыряется посудой — просто так, от нечего делать. С домовыми-соседями ведет себя мирно, если те не злоумышляют против его дома — в последнем случае домовый грудью встает на защиту хозяйского добра. В поверьях XIX—XX вв. прослеживаются как бы два Лица, две ипостаси демона двора и дома — он являет преимущественное отношение то к дому, людям, то к скоту: *«Про домового... Да вот еще мама рассказывала. Ейный отец пошел*

сено класть коровам. Пошел класть во двор, приходит назад, говорит: «Кладет там сено какой-то мужик». Отец обратно домой — испугался. А это домовый был... Маменька отцу говорит: «Крестись ты, крестись, это домовый кладет». Это хорошо, хорошо. У каждого животного — свой домовый» (Новг.). [1, с. 185]

Овинник — овинник имеет очень сложный характер, его не просто задобрить, и в целом он достаточно враждебен по отношению к человеку. Впрочем, это вполне объясняется тем, что овины, в которых для сушки зерна применялся открытый огонь, часто сгорали, лишая крестьянские семьи пропитания, а, порой, и всего имущества вместе с домом: ведь от горящего овина часто начинали полыхать и соседние строения. Овинник очень любит бороться, может меряться силами с банником, а может и с человеком, только подобная борьба часто заканчивается не в пользу последнего. *«В овинах живут овинники, которые имеют вид старика. Однажды крестьянин деревни Острова пришел сушить овин, видит — у теплицы сидит овинник и печет картофель! Мужик сотворил молитву и ожигом (палкой, которою шевелят огонь в теплице) хватил нечистого наотмашь. Овинник побежал и с угрозой произнес: «Я тебе припомню!» На другой день овин и сгорел» (Волог.). [3, с. 250]*

Амбарный (амбарник) — дух амбара, его «хозяин», собрат домового. Согласно народным поверьям, амбарный заботится о сохранности зерна и содержит амбар в чистоте, наводит в нем порядок, если только хозяева почитают его и сами не избегают работы. В противном случае он вредит хозяевам тем, что портит и разбрасывает зерно, рассыпает муку, ломает оставленные в амбаре вещи и т. д. Вообще, амбарник в поверьях крестьян нередко выступал как недобрый, даже злой дух, подобный скорее зловредному баннику, чем доброму домовому. В некоторых местах верили даже, что амбарник может навредить человеку, пришедшему в амбар, особенно если тот явился туда в неурочное время. В единственной известной пока быличке о святочных гаданиях, где свехъестественный обитатель амбара прямо назван амбарником, он предстает существом чрезвычайно опасным: *«Девки побежали к амбару в Святки, очертились, как полагается. А тут один мужик хотел поугаить девок. Пойду, говорит, в амбар запрუსь да*

нашепчу им всяко много. Пошел, заперся, а девки прибѣжли к анбару под замок и слышат, там кто-то приговаривают: «Лучку мну, в корзинку кладу. Ножку мну, в корзинку кладу. Головку мну, в корзинку кладу». Девки прибежали в деревню и рассказали мужикам, что слышали. А утром открыли анбар, а тамотки того мужика скрутило. Отдельно ножки, руцки, головка, все, как девки слышали. Захотел поугаать, самого скрутило» (Арх.). [3, с. 56]

Ригач (рижний) — обитает в риге, строении, аналогичном овину, где сушат сноповой хлеб, поэтому ригач сходен по основным характеристикам с овинником. Описаний «хозяина» риги в имеющихся пока материалах мало: чаще он лишь слышим, а не видим; видеть ригача, как и овинного, было нежелательно. В рассказе из Новгородской области ригачи появляются в облике людей: *«Пошел мужик топить ригу. И вдруг слышит — идут. Открывается дверь. Входят мужчина и женщина. Мужчина говорит: «Тихо, здесь раб Божий лежит». Прошли дальше [в ригу]. Мужик встал, помешал в печке» (Тульск.) [5, с. 211]. Ригач (как и овинник) не только «хозяин» риги, связанный с огнем, печью; от него зависит и достаток семьи, ее благополучие, сохранность собранного урожая, он знает будущее крестьян. Рига — традиционное место святочных гаданий. По-видимому, рижный — и покровитель семьи, которой принадлежит рига. В немногочисленных рассказах о рижном он защищает людей: спасает крестьянина от преследующего его покойного колдуна; предупреждает парня о том, что его намеревается погубить ведьма, и подсказывает, как спастись.*

Обдериха — в русском фольклоре хозяйка бани. *«Обдериха — она в бане живет, задирает человека» (Арх.).* Наказывает тех, кто не вовремя пришел в баню, царапает их, сдирает с них кожу. Обдериха — оборотень, способная являться женщиной с длинными распущенными волосами и большими зубами, ребенком с большими глазами и даже «трубкой берестяной». В бане обдериха обычно садится под полком, за каменкой, под лавкой *«Обдериха виновата, коли после бани прикинется болячка» (Арх.).* Как и байниха, байница, обдериха — «хозяйка» бани, но почти всегда опасная для находящихся в бане людей. Она душит, «задирает» моющихся: *«Сидим, тетка-то не идет из байны. Говорю, винно, обдериха задрала» (Арх.). [3, с. 241]*

Голбечник — домовой, обитающий в голбце (у печи или под печью). Печь (с запечьем и подпечьем), как и подполье, — традиционное местообитание домового. В ряде районов России домового «селят» в голбце (гобчике, голубце) — небольшой пристройке, форма и назначение которой варьируются в разных губерниях, или чуланчике возле русской печи; крыша такой пристройки нередко используется как лежанка, внутри же находится лестница, ведущая в подполье. По поверьям Тамбовской губернии, в отдаленные времена домовый жил в избе, а спал вместе с хозяином на казенке, пристройке возле печи. Дух дома, обитающий в голбце, может и прямо именоваться голбечник: он *«живет в избе под печью, именно в деревянном срубе печи со стороны подполья. Ведает домашним хозяйством»* (Волог.). [4, с. 250]

Игрец — нечистый дух, бес, черт. *«Игрец ее знает!»* (Ворон.); *«Игрец с тобой!»* (Ряз.); *«Игрец их расшиби!»* (Тамб.). Название игрец («играющий, игривый», а может быть, и «играющий на музыкальных инструментах») характеризует «причудливую» природу многих нечистых духов, которые согласно распространенным представлениям, любят шутить бессмысленно и зло, озорничают, устраивают шумные сборища с музыкой и т. п. По поверьям Орловской губернии, игрец «шутит» над людьми и скотиной. Игрецом мог именоваться и бес, вошедший в больного, припадочного человека и безжалостно им «играющий». [6, с. 190]

Игоша — фантастическое существо, соединяющее черты лучшего и домового; безрукий и безногий урод; мертворожденный младенец; дух умершего без крещения. По поверьям, мертворожденные, как и скончавшиеся без крещения младенцы, продолжают невидимо жить (и даже расти) там, где они похоронены, или в своем доме (достаточно часто мертворожденных закапывали в подполье или близ избы). Такие умершие могут становиться духами дома. Обычно они незримы и ночью бродят по избе. Как и все скончавшиеся скоропостижно или без крещения, игоша — не находящий успокоения умерший; он и *«беспокойный дух дома»*: проказит, вредит, если его не признают за домового вообще, *«признается большим озорником»*. [6, с. 171]

Итак, ЛСГ в данной работе является механизмом рассмотрения отдельных наименований духов дома и двора. Мы заметили,

что с помощью низшего пласта русской демонологии человек может проникнуть в сакральный мир русского народа и русской деревни, осмыслить цели и предпосылки многих процессов их жизнедеятельности. Общая архисема «демоны двора и дома» дает право на существование и дальнейшее изучение этой ЛСГ.

Литература

1. Власова М. Русские суеверия: энциклопедический словарь / М Власова. — СПб.: Азбука, 2000. — 669 с.
2. Даль В. И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка / В. И. Даль. — М.: Эксмо, 2008. — 896 с.
3. Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. — М.: Астрель: Аст, 2000. — 527 с.
4. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. — М.: Книга, 1989. — 176 с.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 1 т. / гл. ред. С. А. Токарев.— М.: Сов. Энциклопедия, 1991. — 671 с.
6. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общей ред. Н. И. Толстого. — М.: Международные отношения, 2009. — 656 с.
7. Степанова Г. В., Шрамм А. Н. Введение в семасиологию русского языка. — Калининград: КГУ, 1980. — 256 с.
8. Супрун В. И. О лексико-семантических группах слов / Ruštinár. 1983. № 3. с. 4—6.
9. Человек в контексте культуры. Славянский мир. — М.: Издательство «Индрик», 1995. — 240 с.

ИНФИНИТИВНО-СУБСТАНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

Н. А. Герасименко

nataly@lsm.ru

ГОУ ВО Московской области

«Московский государственный областной университет»

(Москва)

В современном русском языке активизировалась группа двусоставных предложений с инфинитивным подлежащим, сочетающимся со связочно-субстантивным сказуемым: *Растоптать собственную жизнь – худшее из преступлений в глазах Всевышнего* (Б. Акунин); *Не в её привычках давать неверные прогнозы* (М. Фрай); *Это большая честь для меня стать первым в истории*

роботом, который обладает гражданством! – заявила София («Комсомольская правда, 16-23 ноября 2017, с. 45).

Цель статьи – представить инфинитивно-субстантивные предложения русского языка как самостоятельный тип двусоставного предложения, обладающий особенностями структурной организации, семантики и функционирования, подробнее остановившись на структуре этих предложений. При изучении русского языка как иностранного инфинитивно-субстантивные предложения могут вызывать затруднения, так как подлежащее в форме инфинитива в русском языке является периферийным способом выражения этого главного члена, а основная часть связочно-субстантивного сказуемого [3, с. 45] может быть выражена разными падежными формами.

Классификация двусоставного предложения в русском языке до сих пор не отражает разнообразия его структурно-семантических видов и основывается преимущественно на характеристике сказуемого [см., напр.: 8, 9]. Так, различаются предложения глагольные и именные, среди которых выделяются предложения с простым и составным глагольным сказуемым и с составным именным сказуемым [1, 6]. Функционально-коммуникативный подход к анализу предложения позволил Г.А. Золотовой на основании понятия синтаксемы и ее функций в предложении выделить в русском языке глагольные, адъективные, субстантивные, наречные и квантитативные предложения. По её мнению, «естественную основу для классификации можно найти в знаменательных частях речи, соединяющих в себе нераздельно форму и категориальное содержание» [4, 104]. В целом принимая взгляд на важность знаменательных частей речи в типологии предложения, считаем, что для двусоставного предложения имеет значение предикативное сочетание двух главных членов – подлежащего и сказуемого. В предложении реализуется более высокий уровень абстракции – синтаксический уровень языковой категоризации действительности.

Нами предложена классификация именных двусоставных предложений, учитывающая формальное и семантическое соотношение главных членов, в которой выявляется сущность двусоставного предложения [2]. Так, различаются субстантивно-субстантивные (бисубстантивные), субстантивно-адъективные, субстан-

тивно-квантитативные, субстантивно-адвербиальные, а также инфинитивно-инфинитивные (биинфинитивные) и инфинитивно-субстантивные предложения [3, с. 27]. Каждый из этих видов составного именного сказуемого заслуживает специального изучения. Инфинитивно-субстантивные предложения как самостоятельный вид русского двусоставного предложения не рассматривались, однако они обладают собственными структурными, семантическими и функциональными особенностями, которые отличают их от других видов неглагольных двусоставных предложений. Неглагольными мы называем эти предложения, исходя из особенностей выражения грамматических значений (при помощи связки), а также с учётом индифферентности инфинитива, находящегося в позиции подлежащего, к выражению глагольных значений.

Формальные особенности инфинитивно-субстантивных предложений связаны как с морфологическим представлением главных членов предикативного ядра, так и с участием связки в формировании структуры этих предложений: *Дарить было её любимым занятием* (Т. Толстая); *Отделаться так дешево – редкая удача* (М. Фрай).

Категориальное значение инфинитива – обозначение действия, состояния в отрыве от его производителя – реализуется в предложении не как процесс, протекающий во времени, а как потенциальное действие (состояние), как носитель предикативного признака. В качестве носителя признака инфинитив допускает только определённые характеристики. В инфинитивно-субстантивном предложении реализуются особенности сочетаемости инфинитивного подлежащего с теми или иными морфологическими формами. Так, здесь исключается присутствие глагольного сказуемого (как простого, так и составного), что связано с невозможностью для действия быть производителем другого действия: *Илья предупреждал: по-умному себя вести – значит ничего не говорить* (Л. Улицкая) – фразеологизм с инфинитивом в качестве опорного компонента в подлежащем сочетается со связочно-инфинитивным сказуемым в биинфинитивном предложении. *Жертвовать собою ради других без остатка означает растоптать собственную жизнь, а ведь она бесценный дар от Господа!* (Б. Акунин). Связочно-инфинитивное сказуемое [3, с. 45] не относится к

глагольному типу, потому что не способно выразить протекающее действие, процесс. В биинфинитивных предложениях выражается семантика отождествления двух независимых действий (состояний) или условно-следственные отношения [см. подробно: 5].

В инфинитивно-субстантивном предложении инфинитив подлежащего входит в предикативное ядро в сочетании с именительным падежом существительного, именительным предикативным: *Быть просвещённым и быть нравственным – синонимы* (А. Битов); *И какое это было счастье – вести их за руку!* (Л. Улицкая). Именительный падеж в составе сказуемого реализует особое экзистенциальное, бытийное значение, о котором писал ещё А. М. Пешковский: «Мысль о бытии чего-либо есть именно самая общая и самая элементарная мысль в мыслительном аппарате человека» [7, с. 157]. В предикативной позиции именительный падеж реализует это значение как основу для модальной и других видов оценки.

Формы других падежей используются в инфинитивно-субстантивных предложениях в редких случаях. В качестве стандартно конкурирующей с именительным падежом формы выступает в предикативной позиции творительный падеж: *Но разгадывать загадки было любимейшим занятием и в некотором роде даже источником заработка для Николая Александровича* (Б. Акунин); *Что же касается Хаббы Хэна, находится рядом с ним было настоящим блаженством* (М. Фрай). Творительный предикативный появляется на месте именительного при материально выраженных формах связки. При нулевой форме связки *быть* существительное в сказуемом используется в именительном падеже: *Отделаться так дешево – редкая удача* (М. Фрай), ср.: *Отделаться так дешево было (стало) редкой удачей*.

В особых случаях в составе связочно-субстантивного сказуемого можно наблюдать другие падежные формы. Так, некоторые фразеологизованные конструкции представляют собой сочетание существительного с предлогом и могут занимать позицию основной части сказуемого: *Объяснять, что моё лицо стало зыбким, неопределённым, ускользающим из чужой памяти после нескольких чрезвычайно поучительных путешествий между Мирами сейчас было некогда и не с руки* (М. Фрай); *Не в моих привычках стращать юных барышень* (М. Фрай). Такие конструкции имеют

обычно модальные значения невозможности, нежелательности и переводят инфинитивно-субстантивное предложение на периферию двусоставности, приближая его к односоставным предложениям типа *Нельзя курить*.

В качестве связки в инфинитивно-субстантивных предложениях регулярно используется связка *быть* в разных грамматических формах. Основное место среди этих форм занимает нулевая форма связки *быть*, которая позволяет выразить настоящее неактуальное время, характерное для инфинитивно-субстантивных предложений: *Гладить костюмы – моя обязанность* (Е. Чижова). Форма прошедшего времени связки *быть* относит передаваемую инфинитивно-субстантивным предложением ситуацию оценки в прошлое, сохраняя неактуальность: *Что же касается Хаббы Хэна, находится рядом с ним было настоящим блаженством* (М. Фрай). Форма будущего времени связки употребляется в этих предложениях редко и отражает модально-оценочную ситуацию как осуществление в будущем: *Моя обязанность будет рассказывать обо всём?* (Д. Быков); *И чем меньше и беззащитней населяющие дом существа, тем большим чудом покажется жить с ними под одной крышей, пить единую воду, вдыхать воздух, в который с таким старанием вплетают свои струйки резные носы кота и щенка* (М. Тарковский).

В инфинитивно-субстантивных предложениях могут употребляться другие связки, которые вносят собственные оттенки значений в описываемую логическую ситуацию: *Чувствовать себя желанной, возделенной, быть недостижимым объектом составляло для неё самую яркую радость плотских наслаждений* (Л. Улицкая); *Работать в этом доме считалось большой удачей* (Б. Акунин); *Собирать марки, открытки, фантики почиталось делом важным и серьёзным* (В. Маканин).

Формальное соотношение инфинитивного подлежащего и связочно-субстантивного сказуемого ограничивает смысловые возможности этих предложений, а также их функционирование. Инфинитивно-субстантивные предложения обладают преимущественно обобщённым оценочным и модально-оценочным значением. Инфинитив в функции подлежащего называет независимый процесс (действие, состояние, восприятие и т.п.), который получает в связочно-субстантивном сказуемом разные виды оценки.

Эти оценочные и характеризующие смыслы находятся в области знаний говорящего, обобщения его жизненного опыта, поэтому имеют интерпретационный субъективный характер. *Вообще-то ходить на службу – это твоя основная обязанность* (М. Фрай); *А уж рассказать историю, которая возомнила себя великой тайной, – сущие пустяки* (М. Фрай).

Инфинитив в подлежащем исключает возможность оценки самого говорящего или собеседника, однако авторами оценки / характеристики они могут являться так же, как и не участник речевой ситуации и разные группы лиц. В структуре инфинитивно-субстантивного предложения сохраняется позиция автора оценки / характеристики. Употребляются инфинитивно-субстантивные предложения обычно в информативном регистре речи, потому что отражают позицию не наблюдателя, а информатора. Они активно используются в текстах средств массовой информации, в художественной литературе, в разговорной речи. Инфинитивно-субстантивные предложения подробно не изучались в лингвистике и заслуживают специального исследования.

Литература

1. Бабайцева В. В. Синтаксис русского языка : монография. – М. :ФЛИНТА : Наука, 2015. – 576 с.
2. Герасименко Н.А. Типология двусоставного предложения // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». Вып.1. – М.: МГОУ, 2004. №4. – С. 8–13.
3. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2012. [Электронный ресурс], URL: <http://vestnik-mgou.ru/Books/Index/#book15>.
4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. – 528 с.
5. Коняшкин А.М. Биинфинитивные предложения в русском языке. Дисс...д-ра филол. н. – М., 2002. – 320 с.
6. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : Учеб. пособие. – М. :Высш. шк., 2004. – 247 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1935. – 452 с.
8. Русский язык. 8 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / Л.А. Тростенцова, Т.А. Ладыженская, А.Д. Дейкина, О.М. Александрова; науч. ред. Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 2014. – 271 с.
9. Русский язык. Теория. 5-9 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / В. В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова – М.: Дрофа, 2012. – 416 с.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В МЕМОРАТАХ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ¹

О.А.Головачева

golovacheva-olga@mail.ru

Брянский государственный университет им. академика И.Г.Петровского
(Брянск)

Устные рассказы русского народа передают движение мысли человека при столкновении с неизвестным, таинственным, отражают психологию этносообщества, транслируют познавательный опыт, не потерявший значимости и в наши дни. Мемораты респондентов, зафиксированные в ходе научного исследования, отражают «преимущественно традиционное восприятие мифологических персонажей» (домового, ведьмы, лешего и проч.), на что мы указывали ранее [1, 2].

Знание обрядов, верований, сохранение традиций своего народа является неотъемлемой составляющей исторической памяти, связи поколений и, безусловно, требует лексикографической фиксации, поскольку дошедшие до нашего времени предания, по мнению авторитетного исследователя русской старины В.И. Даля, «гибнут невозвратно; их вытесняет суровая вещественность, которая новых замысловатых преданий не рождает» [3, URL]. В то же время «пытливый разум, изыскивая и не находя причины различных явлений, также прибегает к помощи досужего воображения, олицетворяет силы природы в каждом их проявлении, сваливает все на эти лица, на коих нет ни суда, ни расправы, – и на душе как будто легче» [3, URL].

Сохранение элементов народной культуры, которые структурированы на матрице донаучных представлений, бытующих в рассказах местных жителей, приобретает особую значимость в век этноинтеграции, массовых перемещений народов и доминанты компьютерных технологий. Актуальным выступает необходимость фиксации сведений, аккумулированных в контактировавших этносообществах, о мифологических сущностях, которые сопровождали жизнь наших наивных и неграмотных предков: «пугали», в

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-24-01002 а (м)

кодированном виде «передавали» актуальную для того или иного субъекта информацию...

Мы полагаем, что при составлении словарной статьи по тому или иному мифологическому персонажу, представленному в устных рассказах жителей брянско-гомельского пограничья, требует закрепления информация лингвистического и экстралингвистического диапазона с целью сохранения этнокультурного пространства, фиксирующего особенности жизни и быта предков, таким образом, словарная статья должна содержать развернутую информацию. Отсюда необходимость в составлении комбинированного типа словаря, включающего лингвистические и энциклопедические характеристики, а также ссылки на справочную литературу, изданную ранее, или на мнение других исследователей.

Мифологемы в узусе представлены преимущественно субстантивами или отадъективными существительными, следовательно, необходимо определить их морфологические характеристики согласно лексико-грамматической соотнесенности: род, словоизменительный характер, парадигматические отношения (синонимический ряд, тематическую группу); проявление синтагматических связей логично представить в зоне иллюстрации. В случае прямой мотивации лексического значения или репрезентации внутренней формы слова следует отметить этимологию единицы, трансформацию семантического, стилистического характера, если таковая имела место быть. Большая часть мифологем обладает фразеологичностью семантики например, *ведьма* – «от глагола *ведать* («знать»), таким образом, первичное значение – мудрая, знающая женщина; позднее и в настоящее время – по народным поверьям, женщина-колдунья» [5, URL]; *домовой* – «...дух, хранитель и обидчик дома; стучит и возится по ночам... это нежить, ни человек, ни дух, жильцы стихийные, куда причисляют лешего, кикимору, русалок... и водяного» [4, 770]).

Метафоричность семантики каждого субстантива и различный объем смысловых приращений указывают на деятельность социума, направленную на создание определенных представлений о несуществующем, что наглядно иллюстрируют и рассказы респондентов.

Исходя из того, что в рассказах местных жителей брянско-гомельского пограничья о мифологических персонажах более частотны упоминания о домовом, чем о других сущностях, мы проиллюстрируем потенциальную фиксацию данного слова. Кроме того, считаем возможным дополнить статью информацией экстралингвистического плана, извлеченной из мемуаров респондентов (с сохранением диалектных особенностей речи).

Например:

Домовой - (-ого) м., др. название: «хозяин»; у белорусов - «хатник», «господар». По суеверным представлениям славянских и некоторых других народов, в т.ч. жителей брянско-гомельского пограничья, – добрый или злой дух, живущий в доме. Согласно сложившемуся в различных этносах обычаю не называть того, чего боишься, Д. получил множество иносказательных кличек, из которых респонденты выбирают эвфемизированную лексему «он». Д. принимает разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичок (*«Я сваего дамавога видала лично у глаза у сваёй хате... Ён был... так гадов сорак, чуп набак, чёрный»*); шар (*«Соседка рассказывала, что случилось ей видеть домового. Иногда сидит вяжет, смотрит как будто бы шар по полу катится. Весь такой пушистый, сероватого цвета»*), ком (*«Нужно было растапливать печь и я полезла юшку открыть. Только открыла, из юшки выскочил комок, серый такой, и вмиг исчез»*) или невидимое, пустота (*«Пошла в темноте к креслу, откуда доносился храп, потянулась рукой и чувствую, что место нагрето кем-то. Но никого нет»*).

Д. – пережиток первобытных семейно-родовых культов, эксплицирующих неуверенность, сомнение респондентов в увиденном, что обозначено конструкциями типа *я даже не успела рассмотреть, как будто бы, наверное*, следовательно, вероятность того, что они ошибались и высказывали лишь свои предположения (*«...вяжет, смотрит как будто бы шар по полу катится ...Только она хотела к нему приблизиться, и он исчезал» // «Я даже не успела рассмотреть, что это было. Наверно, домовой там прячется»*).

В случае невозможности объяснить нечто непонятное, подчас пугающее, у непросвещенных людей усматриваются действия контактоустанавливающего плана (*«Ну ён [домовой. — авт.]...*

Разве будиши ягó дóбрым паминáть? Кадá-нибуть спяки блинóк. Идетá там за урупкай, за черяпушкай паклади, нихáй»).

Люди православные рекомендуют ограждать себя от негативного воздействия Д. молитвой, святой водой («Детачки [Обращается к интервьюерам — авт.], **малитясь Бóуу. Вам фсягуда памаге уаспóть»** // «Любая малитва к Бóуу абрацяицца. **Прóсиш и уóспада Бóуа, и Матушку»**).

Чтобы сориентировать различных по образованию, психологическим типам людей, сформировать адекватный в той или иной ситуации подход к не получившим у них объяснения событиям, следует привлечь умозаключения известных исследователей. На наш взгляд, уместно представить позицию В.И. Даля: «Для робких домовой бывает всюду, где только ночью что-нибудь скрипнет или стукнет. Для недогадливых и невежд домовой служит объяснением разных непонятных явлений, оканчивая докучливые опросы и толки. А сколько раз плуты пользовались и будут пользоваться покровительством домового!» [3, URL].

В ряде случаев на вопрос – *Домовой существует?* – респонденты дают однозначный ответ: – *Не*.

Однако резюмирующая часть меморатов свидетельствует о том, что православные люди при определении чего-то непонятного должны обращаться за помощью к Богу.

Устные рассказы жителей, в частности, брянско-гомельского пограничья – это копилка народного фольклора, включающая наблюдение и суеверие, умозаключение и фантазию, мысль и опыт; это духовная связь предков с потомками, приобщение к способу познания жизни донаучным наивно-опытным путем. Внимание к внутреннему миру наших предков, к явлениям, сопровождавшим их в быту, требует фиксации для сохранения национальной самобытности о мифологических персонажах.

Литература

1. Головачева О.А. Представление о знахарях у респондентов красногорского района Брянской области (на материале прозаических произведений фольклора): Рациональное и эмоциональное в русском языке. Сборник трудов Международной научной конференции... Москва, 24-25 ноября, 2017. МГОУ. – С.191-193.

2. Головачева О.А. Образ домового в мифологических рассказах, зафиксированных на территории Климовского района Брянской области // Культура и цивилизация. Т. 7. № 4А. 2017. – С.1-787.

3. Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=163065&p=1> Дата обращения 27.02.2018.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.1. М.: АСТ Астрель Транзиткнига, 2006. – 928с.

5. Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolkslovar.ru/v1308.html> Дата обращения: 27.02.2018.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЛИЧНЫМИ И ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫМИ МЕСТОИМЕНИЯМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.Ю.Гранева

irina.graneva@mail.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
(Нижний Новгород)

В данной работе рассматриваются семантические, структурные и прагматические факторы особых типов нереферентных употреблений местоимений я, мы, ты и вы (и, соответственно, мой, наш, твой и ваш) в составе фразеологизмов и фразеологизованных служебных слов и междометий, которые реализуются в особых коммуникативных условиях и при этом закреплены в речевой практике общества, регулярно воспроизводятся в речи и осознанно используются и распознаются носителями языка в этих употреблениях без каких-либо трудностей. В наших предыдущих исследованиях был выявлен значительный потенциал русских личных местоимений в плане выражения культурно-значимых смыслов [2, с. 206; 3, с. 59].

Каждое из указанных личных или лично-притяжательных местоимений уже и до стадии фразеологизации отличается особой культурной маркированностью, потому что ориентировано на выражение ценностных ориентиров и идеологических приоритетов для носителей языка: тем в большей степени этот потенциал реа-

лизуется, когда эти единицы как раз потому, в силу своей значимости для говорящих, и закрепляются в языковых клише и устойчивых выражений.

Так, например, местоимения Я и МОЙ в составе фразеологических единиц и фразеологизованных конструкций выражают целый комплекс национально-обусловленных культурно-ценностных смыслов, связанных с особой выделенностью позиции говорящего, с особой значимостью его мира.

Местоимение Я используется в разговорной речи в предложно-падежных выражениях *у меня* и *ко мне*, имеющих значение какого-либо места, где говорящий живет, работает и т. п.

Косвенные формы от Я также выступают как неосознанное мерило ценностей, как критерий значимости явлений окружающего мира — ср., например, *по мне* — т.е. по моему мнению, на мой взгляд, на мой вкус.

Этот ценностный стереотип выражен в междометных употреблениях выражений, включающих в состав косвенные падежные формы Я: *Уж этот (это, эти) мне кто-, что-либо: Ох, уж эта мне работа.* Этот фразеологизм употребляется для выражения досады, опасения и т. п. **при личной заинтересованности** в чем-либо говорящего. В этой же роли употребляется одиночное МНЕ в функции частицы: *Разбудите мне только ребенка!* — или предложно-падежная конструкция *у меня*, которая выражает предупреждение, предостережение, угрозу и т. п.: *Ты у меня получишь...*

Вводное употребление фразеологизованных конструкций с Я может подчеркивать идею альтернативного существования: *Не я буду...* — или ментальную деятельность — модус утверждения собственной правоты: *Я думаю!*

Косвенные падежные формы от Я, входя в состав фразеологизмов, участвуют в самых разных аспектах выражения позиции говорящего по отношению к миру:

Будет с меня — в значении достаточности чего-либо с позиции говорящего.

Будь / не будь я тем-то или такой-то — в значении гипотетической возможности относиться или вести себя в соответствии с нормами, устанавливаемыми опять же говорящим.

В просторечном употреблении также есть фразеологизм *Я не я (лошадь не моя)* — в значении 'ничего не знаю, не имею никакого

отношения к чему-либо', который выражает идею активного эмоционального нежелания признавать свою ответственность за что-либо.

Я в русских фразеологизмах выступает как естественный центр мира, что отражается в выражении сильного неприятия, негативного эмоционально-экспрессивного отношения к тому, что идет вразрез с установками говорящего:

Без меня меня женили 'В мое отсутствие, без моего ведома предприняли что-либо в отношении меня, вовлекли меня во что-либо' — сожаление;

Вот я тебя (его, ее, вас, их)! — угроза или строгое предупреждение. Вариантом является сокращенное междометное *Я тебе (те, ему, ей, вам, им)* или *я тебя (его, ее, вас, их)*, которое также выражает угрозу, обещание возмездия, наказания. Аналогично употребляется междометный фразеологизм: *Я тебе (те) дам*.

Ту же идею выражают и фразеологизмы с компонентом МОЙ. Притяжательность как семантический компонент данного местоимения усиливает возможность выражения значимости своего Я, своего мира, в противовес чужому, т.е. все, что так или иначе соотносится с моими ценностями, привычками, интересами и пристрастиями, выступает как позитивно-оцениваемое явление, и эта культурная установка так или иначе отражается в фразеологизмах с местоимением МОЙ. Эта идея ярко эксплицируется в фразеологизме: *Человек моего / не моего круга*. Показательным в этом плане является и фразеологизм *Моя взяла* в значении 'Я победил (победила), одержал (одержала) верх' или *Все вышло по-моему!*

В свою очередь, устойчивые выражения *В мои годы, в мое время* — не просто констатируют временной промежуток, о котором идет речь, но выражают позитивное ценностно-заинтересованное отношение к этому промежутку. Аналогично — эмоционально-экспрессивное восклицание *Моя работа!*

Фразеологизмы с МОЙ также демонстрируют, что человеческое «Я» является естественным центром мира и критерием ценностей: *Поживи с моё!* — не просто выражает пожелание прожить столько же, сколько я, но и утверждает значимость, безусловную ценность собственной жизни, собственного опыта, в сравнении с собеседником. Аналогично — в фразеологизме *До моего (дожить, дотянуть и т. п.) 'до моих лет'*.

Эмоциональное вовлечение в «свой круг» какого-л. другого лица выражают ласкательные устойчивые сочетания по модели *Мой свет, мое золотице, мой мальчик* и пр.

Безусловная культурная ценность идеи МОЕГО обуславливает образование эмоционально-экспрессивных этикетных форм типа *Мое почтение* или междометий, выражающих самый разный спектр значений: *Боже мой! Мой бог!*

Местоимение МЫ (и соотносимое с ним лично-притяжательное НАШ), как отмечалось в наших предыдущих исследованиях, для русского мира вообще обладает повышенной культурной значимостью, потому что выражает идею «своего круга», общности людей и их единения на основе духовной близости. Это также отражено и во фразеологизмах с местоимениями МЫ и НАШ.

Косвенная предложно-падежная форма от МЫ выражает значимую для русских людей идею объединения людей по общности духа или по другим, существенно важным признакам. Так, выражение *у нас* означает ‘в нашей семье, в нашем доме, в нашем обществе и т.п.’. Примечательным в плане выражения ценностей является многозначное устойчивое выражение *между нами*: как наречие, оно употребляется в значении ‘в определенной среде, в узком кругу людей’, в вводном слове в сокращенном варианте или в полном (*между нами говоря*) оно употребляется при упоминании о чем-либо, что должно остаться известным лишь очень узкому кругу лиц, и, наконец, как предикатив — употребляется, когда речь идет о сохранности чего-л. в тайне. Нетрудно заметить, что образный потенциал МЫ как носителя идеи общности людей по культурно значимому признаку для выражения этих значений используется неслучайно.

Также МЫ в составе фразеологизмов отражает определенную коммуникативную установку на возвеличивание значимости говорящего за счет принижения собеседника, когда МЫ употребляется, согласно нашей терминологии, во вторичном референтом употреблении в значении ‘Я’ (Я как один человек условно равен по значимости многим). Эта установка проявляется в таких фразеологизованных моделях устойчивых сочетаний, как *Знаем мы вас* и пр.

Лично-притяжательное НАШ в составе фразеологизмов в целом сохраняет и развивает тенденции в выражении культурно значимой информации, отраженные в фразеологизмах с МЫ.

Прежде всего, это специфически русская национально обусловленная культурная установка на предпочтение коллективных ценностей над индивидуальными, «соборность», выраженная в таких фразеологизованных конструкциях, как *наше дело, наш долг, наша обязанность* и пр.

Сфера своего мира, своего круга отражена также в фразеологизме *На наших глазах* — в значении 'На виду у нас, в настоящее время (с точки зрения говорящего лица)', где говорящий вовлекает круг неопределенно большого количества людей в свой кругозор, в свое поле зрения (вы, конечно, видите то же, что и я, потому что мы с вами — одно). Веру в правильность установок и действий «нашего круга» отражает шутовская поговорка *где наша не пропадала*, выражающего надежду на успех в безнадежном деле.

Человек не как индивидуум, а как представитель своей группы отражен, например, в просторечной шутовской форме этикетного приветствия *Наше вам (почтение)*, в более «игривом» варианте — *Наше вам с кисточкой!* (приветствие при встрече).

Идея общности людей на основе духовной близости выражена в фразеологизме *наш парень* — в значении 'близкий, свой, которому можно доверять'. Аналогично — в просторечном фразеологизме *Наш брат* — о человеке или группе людей, имеющих что-либо общее (с точки зрения говорящего лица).

Эмоционально-экспрессивный фразеологизм *Знай наших!* — выражает гордость за поступки или действия представителей нашей общности людей. Аналогично — *Наша взяла (берет)* — о том, что представители нашей группы (в социальной психологии это именуется «ингруппа», в противоположность «другим», чужим — «аутгруппе») одерживают верх в чем-л.

Позитивно-оценочное утверждение ценностей и приоритетов своего круга отражен также в фразеологизме *Это по-нашему*, т.е. 'так, как у нас, как мы думаем, считаем нужным'.

Высшей ценностью является родной язык, потому и говорение на родном языке маркируется через идею НАШЕГО: *говорить по-нашему* — в разговорной речи употребляется в значении 'говорить на языке говорящего'.

Фразеологизмы с местоимением НАШ могут активизировать противопоставленность своего круга и круга других, которые не разделяют наших установок, и на этой основе может возникать негативно-оценочный культурный фон: *Не наше дело* = 'Это нас не касается', где «мир наших» отторгает от себя все, что не входит в круг его интересов.

Признание приоритетной значимости своих ценностей вызывает негативное отношение, неприятие установки на безразличие, ценностный релятивизм, нежелание сделать выбор — это выражается в фразеологизме и *нашим и вашим* — 'о поведении лиц, старающихся угодить двум сторонам, разделенным противоположностью мнений, интересов и т. п.'.

В заключение отметим, что проанализированный материал отвечает всем критериям **культурной разработанности** [1; 4, с.55] из базовых параметров для оценки культурной значимости идеи, концепта, представления, выражаемых в фактах языка. О культурной разработанности идей и представлений, выражаемых фразеологизмами с местоимениями Я, МЫ, ТЫ и ВЫ (и, соответственно, МОЙ, НАШ, ТВОЙ и ВАШ) свидетельствует, в частности, наличие разветвленных моделей парадигматического варьирования, в котором участвует, так сказать, весь (или — почти весь) «набор» местоимений: *это мое (твое, наше, ваше, не мое, не твое, не наше, не ваше) дело, твоя (наша, ваша) взяла, находится у меня (у тебя, у нас, у вас) / приходит ко мне (к тебе, к нам, к вам), делать по-моему (по-твоему, по-своему, по нашему, по-вашему), твой (свой, наш, ваш) брат / сестра, мой (свой, твой, наш, ваш) человек* и пр.

Литература

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. Москва: Русские словари, 1997.
2. Гранева, И.Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения мы. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. №4, с. 206-210.
3. Гранева, И.Ю. Субстантивация и лексикализация местоимения НАШИ в аспекте языковой концептуализации мира. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6-2, с. 58-60.
4. Радбиль, Т.Б. О концепции изучения русского языкового менталитета. // Русский язык в школе. 2011. № 3, с. 54—60.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ АГИОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ САКРАЛЬНОГО АНТРОПОНИМИКОНА ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

И.В.Грибанова

Irina_v_gribanova@mail.ru

Филиал МГУ им. М.В.Ломоносова в г.Севастополь

(Севастополь)

В последние годы интенсивно и многоаспектно (с позиций богословия, истории, литературоведения, лингвистики) изучаются агиографические произведения. Создан словарь агиографических терминов [4]. В то же время в практику вузовского преподавания историко-лингвистических дисциплин еще очень редко включаются такие житийные тексты, которые бы давали возможность студентам не только овладеть навыками диахронического анализа, но и расширить свои знания о духовной культуре своего отечества и конкретно того места, в котором человек живет. Исключительную значимость имеют в связи с этим жития святых, прославивших Херсонес Таврический и ставших светочем для новообращенной к христианству Руси. Известно, что с Херсонесом связаны имена апостола Андрея Первозванного, римского папы Климента, римского папы Мартина I (Исповедника), семи священномучеников IVв. (Ефрема, Василия, Евгения, Агафодора, Елпидия, Еферия, Капитона), Иосифа Гимнографа, равноапостольного Кирилла (Константина Философа) и других.

Апостол Андрей Первозванный – знаковая фигура для Севастополя (об этом говорят и три памятника на территории города). Прецедентность этого агиоантропонима бесспорна, как и эмблематическое закрепление мученического подвига апостола в Андреевском флаге (флаге военно-морского флота России). Источники сохранили указание на факты достаточно долгих дней пребывания апостола Андрея в Херсонесе, проповедовавшего христианские истины "херсакам" (жителям Херсонеса).

Весьма символично также, что история навсегда связала имена св. Климента Римского, равноапостольного Кирилла и равноапостольного Владимира. Обретенные в Херсонесе св. Константином (Кириллом) в 861 г. мощи св. Климента, мученически погибшего в

101 г., сыграли значительную роль в утверждении и распространении славянской письменности. Факт же перенесения части мощей св. Климента св. Владимиром в 988 г. в Киев положил основу для утверждения христианства и почитания святых на Руси. Довольно рано утвердилось и почитание «таврических чудотворцев», в числе которых были херсонесские священномученики и сосланный в Херсонес римский папа Мартин I. Немалая заслуга в увековечении подвигов святых Херсонеса принадлежит св. Иосифу Песнопевцу (Гимнографу), современнику св. Кирилла, пребывавшему в Херсонесе в изгнании.

В первых переводах (XI-XII вв.), осуществленных с греческих текстов на церковнославянский язык южнославянскими книжниками, как нам представляется, установился первоначальный состав славянизированных агеоантропонимов. В соответствии с этим мы выделяем церковнославянский перевод конца XI в. «Жития апостола Андрея Первозванного» по изложению Епифания; перевод на церковнославянский язык болгарского извода греческого текста V в. «Μαρτύριον του Κλήμεντος» (букв. *свидетельство, подтверждение, довод, доказательство*) [3, с.1054]; «Жития Херсонских епископов» сербской редакции; «Житие св. Мартина, епископа и исповедника», «Житие св. Иосифа Песнопевца»; корпус агеографии Кирилло-Мефодиевского цикла (пространные и краткие жития). Основными письменными памятниками, содержащими обозначенные выше жития, являются следующие: «Супрасльская рукопись» XI в., Успенский список «Макарьевской минеи» XII в., «Синаксарь Василия II» в раннеславянском переводе и др. Значительная часть интересующих нас текстов представлена в вышедшем в 2012 г. сборнике «Нартекс. Byzantina Ucrainensis», в том числе и из изданных ранее материалов П.А.Лаврова, В.Латышева. С.Северьянова [5]. Сравнительный анализ агеографических, исторических и эпиграфических источников по истории Херсонской Церкви IV века проведен А.Ю. Виногодовым в книге «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики»[2].

В данных текстах нами отмечен интересующий нас топоним Херсонес как в относительно точном греческом оригинале виде (ἡ χερσόνησος), так и в славянизированном варианте: *Херсонисъ /Херсонъ /Херсонь /Корсунь; Херсоньскыи градъ Таврскыя земли, Херсонитьскыи градъ Тавроскифскыя /Тауроскифскыя земли.*

Для рассмотрения сакрального антропонимикона Херсонеса Таврического исключительно значимым является «Словарь имен собственных Житий епископов Херсонских», данный в качестве приложения к сборнику «Нартекс. Byzantina Ucrainensis» [5]. Семь херсонесских священномучеников IV в., почитаемых и сегодня – это, как мы упоминал выше, Ефрем, Василий, Евгений, Агафодор, Елпидий, Ефериий и Капитон. Во имя этих святых воздвигнут храм на территории Херсонесского музея-заповедника. Известно также, что прославление этих святых на Руси начинается с периода Крещения князя Владимира Святославича в Херсонесе. Церковнославянские переводы житий дают многочисленные варианты агеоантропонимов: графические (с чередованием букв **Θ** и **Φ**; **Ъ** и **Ь**; **Н** (**И**), **Ии** **У**; **Є**, **Ии** **Ъ**; **Є** и **О**; **А** и **А**), морфемные (имена-компози́ты и однокорневые словоформы, формы имен с разными финалями), для чего достаточно сопоставить их с греческими соответствиями в текстах-протографах и словарями. Попробуем это сделать.

Агафодоръ (греч. *αγαθοδορος* – ‘благо-даритель’): этимология обыгрывается, вариантность касается графики (имя пишется с **Θ** и **Φ**) и устранения греческой финали.

Ефериий / Ефериосъ / Эфереосъ / Эфериий / Елевтериий (греч. *ἐλευθεριος* – ‘достойный быть свободным человеком, свободный, вольный, независимый; благородный, великодушный, щедрый, несущий освобождение’): намек на этимологию содержится в эпитете *добрый*. Вариантность очень значительная. Разночтения графические (варианты начальные гласные, использование **Θ**, **Φ**, сочетания **ВТ**), морфемные (однокоренное имя чередуется с композитом; варьируются финали).

Василей / Василѣи / Василии / Василь – (греч. *βασιλεύς* – ‘царь, властелин, повелитель, предводитель’): графические различия касаются гласных и финали.

Евгений – (греч. *εὖ* – ‘благо’, *γενος* – ‘род’, ‘благородный’): варианты графические (написания с диграфом, согласным **в** и **У**), намек на этимологию просматривается в эпитетах (*славный, славного рода*).

Елпидии/Елпидифоръ – (греч. *ἐλπίδος* – ‘надежда, упование’): варианты морфемного характера.

Ефремель/Ефремосъ – (греч. *ἐφραϊμ* из древнеевр. *‘плодовитый’*): вариантность финали.

Капитонъ – (греч. *καπιτώνος*, ср. лат. *capitis* – *голова*): единственное имя дается без вариантов в славянских текстах.

Вариантность имен в церковнославянских текстах обусловлена стремлением переводчика, с одной стороны, достаточно точно сохранить имя святого и в то же время, по возможности, подобрать славянизированную форму, в связи с неустоявшейся в XI–XII вв. системой заимствованных антропонимов. Так, в Макарьевской минее по Успенскому списку XII в. даются, например, две параллельные формы имени рядом: *Елпидифоръ* и *Элпиди*.

Имя святого Иосифа в житии сопровождается вариантными именами-определениями: *Песнопевецъ/Песнописецъ/Гимнографъ* (ср: греч. *Ἰωσήφ ὁ ὑμνογράφος*).

Славянский христианский антропонимикон, включивший большой массив греческих имен и заимствований из других языков, складывался в течение нескольких веков. Нельзя не отметить при всех особенностях до сих пор сохраняющуюся в разных славянских языках вариативность не только собственно антропонимов, но и, в том числе, агиоантропонимов, хотя именно агиантропонимы должны составлять наиболее упорядоченную систему.

Византийский прием этимологизации имени святого в анализируемых текстах встречается, как видим, спорадически. Весьма показательна этимологизация имени Климент. Обычно имя Климент производится от латинского *Clemens* со значением *милостивый, снисходительный, мягкий, погожий, тихий, мирный*. В агиографии и гимнографии климентовского цикла, однако, используется иная этимология, основанная на толковании греческого слова *κλήμα* – *'ветвь, молодой побег винограда'* [1, с.112], а также *'черенок, молодой побег, молодая сила'* [3, т.1, с.953]. Именно такая этимология помогает символически представить образ святого как «плодовитой лозы, истачающей спасительное вино разума Божия» [1, с.112]. Можно отметить также еще несколько примеров использования приема этимологизации: прямо толкуется имя Агафодор, есть некоторые элементы этимологизации в сопроводительных эпитетах других херсонесских святых: Евгений назван «славным, славного рода», Агафодор – «добрым», Елпидий – «дивным».

Имена святых апостола Андрея Первозванного, римских пап Климента Римского и Мартина Исповедника, святых епископов Ефрема, Василия, Евгения, Агафодора, Елпидия, Еферия, Капитона, Иосифа Песнописца (Гимнографа), равноапостольного Кирилла,

Первоучителя славянского, практически первыми вошли в сонм почитаемых на Руси святых, эти имена включены в Святцы (месяцеслов), стали основой формирования эkkлeзионимов. Размышляя о Херсонесе, о. Сергей Булгаков воскликнул: «Какая святая земля... Во всей России нет места более древнего и священного... Здесь и родилась духовно наша Родина!» Как видим, изучение агиографического наследия, сакрального антропонимикона имеет не только важное научное, но и широкое просветительское значение.

Литература

1. Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разьякания. М.: Индрик, 2001. — 608 с.
2. Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — 224 с.
3. Древнегреческо-русский словарь в 2 томах/ составил И.Х.Дворецкий, под ред. С.И.Соболевского.М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Т.1 – 1043 с., т.2 – 1905с.
4. Живов В.М. Краткий словарь агиографических терминов. 1994. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://interpretive.ru/dictionary/445>
5. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Нартекс. Byzantina. Ukrainensis. Харьков: Антиквa, 2012. — Т. 1.— 416 с.

ГЛАГОЛ РАСПИТЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ

О. А. Димитриева
olgaal_79@mail.ru

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева»
(Чебоксары)

Вводные замечания

Производное слово отражает мыслительный процесс. «Слово, – пишет В. В. Виноградов, – не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но в то же время выражает оценку субъекта – коллективного или индивидуального <...> Слово переливает экспрессивными красками социальной среды» [1, с. 25]. С. Г. Тер-Минасова приводит яркие метафоры, отражающие взаимодействие языка и культуры: «язык –

зеркало культуры», «язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры», «язык – передатчик, носитель культуры», «язык – объективный и неподкупный хранитель и свидетель культуры» [9, с. 17–19], а также отмечает, что человек является «пленником своего языка, язык навязывает ему картину мира и культуру, созданную предшествующими поколениями» [9, с. 21]. Многочисленные глаголы, связанные с употреблением алкогольных напитков, отражают разные оттенки действия, а также выполняют ту или иную иллокутивную функцию. Например, глагол *вздрогнуть* в значении ‘выпить’ чаще всего употребляется в форме настоящего-будущего (в первом лице во множественном числе) или прошедшем (во множественном числе) с семантикой приглашения к совместному осуществлению действия (*Ну, вздрогнули! Вздрогнем!*) (подробнее см. [2]).

В качестве иллюстрации значимости оттенков рассмотрим поговорку: *На радости выпить, а горе запить*, в которой эмоциональное состояние с противоположным оценочным знаком, как правило, сопровождается совершением одного и того же действия – *пить спиртное*. Но происходит разная концептуализация действия: в первой части – это совершение однократного действия, актуализация сем ‘до конца’, ‘целиком, полностью’, во второй – глагол *запить* указывает на темпоральные характеристики действия (Т. В. Попова называет такие глаголы «фонопредикативными» – «значение одного действия разворачивается на фоне другого» [7, с. 266], т. е. в нашем случае происходит совершение действия сразу после другого). Проведем аналогию с *запить лекарство* и увидим, что реализация сценария ‘принять лекарство’ предполагает, как минимум, два этапа – имплицитное действие (положить лекарство в рот), эксплицитное – запить его, т. е. проглотить его вместе с жидкостью (водой). Подобная последовательность действий представлена второй частью, рассматриваемой нами поговорки: причем *горе*, осмысляется как пилюля, которую принимают вовнутрь, а следовательно, запивают жидкостью.

Материал и методика исследования

В статье представлен комплексный анализ производного глагола *распить* как репрезентанта ситуации «употреблять спиртное совместно». Подробно анализируется семантическая структура

слова (полисубъектность, предикат и объект), а также рассматриваются сочетаемостные характеристики. Особое внимание уделяется модальности высказывания с данным глаголом, идее «коллективизма» как принципа деятельности и модусу осмысления ситуации. Материалом для исследования послужила выборка фрагментов текстов XX–XXI вв. (139 высказываний) из Национального корпуса русского языка [6].

Семантические особенности глагола *распить*

Глагол *распить* отличается от других глаголов с семантикой питания тем, что в номинализованном виде попадает в зону социальных запретов, нарушение которых наказывается, как правило, штрафом. Например, в вагоне поезда предупреждают, что *распитие спиртных напитков запрещено*, т. к. в законодательстве *распитие спиртных напитков в общественном месте* является проступком (например, формулировка закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции <...>»). Следует отметить тот факт, что питейное заведение также получает свое наименование от данного глагола – *распивочная*. Достаточно вспомнить известное описание, представленное Ф. М. Достоевским в «Преступлении и наказании»: *Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины*. В современных текстах эта номинация сохраняется: *В окраинной распивочной, в «Елках-палках» и в кафе «Пушкин» втайне я надеялась, что разговоры получатся совершенно одинаковыми – независимо от суммы счета* [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]. В этом примере можно проследить градацию от более дешевого (окраинного, а значит, не лучшего) до более дорогого заведения.

В Словаре русского языка (МАС) дана следующая дефиниция глагола *распить*: «Разг. Выпить до конца сообща» [8, с. 652]. Как видно из семантики глагола, отличительными являются семы ‘до конца’, ‘сообща’.

Рассмотрим субъект действия, задаваемый глаголом *распить*. Во-первых, следует отметить, что одной из самых частотных форм

наряду с инфинитивом является форма прошедшего времени глагола (39,3% от общего числа примеров, причем форма множественного числа составляет 31,6%). Форма настоящего-будущего времени составляет 6,1%, где 4,7% также принадлежит множественному числу. Полисубъектность действия отражается в грамматической форме.

Во-вторых, в высказываниях с данным глаголом с помощью словосочетания в форме творительного совместного действия также эксплицируется множественность субъекта: 1) это может быть указание на имя *с Маргаритой, с Аскисом* и т. п.; 2) обозначение группы *со всеми участниками конкурса, с друзьями, всей группой* и т. д. Количественный аспект актуализируется посредством наречий и сочетаний с числительным *втроем, впятером, на троих, на шестерых (двоих)*.

Субъект действия имеет конкретно-референтный характер. В некоторых случаях подчеркиваются стереотипные представления о нации: – *Это как сказать, – покачал головой Гуров. – С твоей силищей и пустой бутылкой можно натворить дел. Но, хотя и в шутку, а ты подметил главное – не по-русски это бить – полной бутылкой. Ладно бы сначала распили содержимое, а там – слово за слово, и пошла карусель. Здесь же били намеренно, расчетливо – сзади, не жалея ни жертву, ни дорогой напиток. И о совместном распитии речи идти не может – в желудке Вишневецкого экспертиза не нашла алкоголя* [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)].

Объект питания обусловлен глаголом. Ситуация, задаваемая глаголом *опрокинуть*, выводит целый арсенал емкостей (посуды) с различными диминутивными суффиксами: *рюмки, рюмочки, рюмашки; бокалы* и т. п. [4]. Глагол *приговорить, уговорить* в метафорическом употреблении в значении ‘выпить’ также указывает на емкость и количество, но объем представлен в других единицах (*бутылка, графин, мерзавчик* и т. д.) [3]. Особенностью глагола *распить* также является его сочетаемость с объектом, в состав которого входит емкость (*бутылка, бутылочка*), указание на напиток (*вино, водка, сухое (сахарь), коньяк, шампанское* и т. п.) и его название (*Хванчкара, Киндзмараули, Монастырская изба* и т. п.), количество (*пара, три, пол-литра, две поллитровки, несколько* и

т. п.): *Мы с Нестеровским забрались в его каморку, **распили бутылочку**, поболтали «за жизнь» и часов в одиннадцать завалились спать* [Давид Самойлов. Общий дневник (1977-1989)]; *Вскоре, заметив, что Андрей – нормальный, спокойный и тактичный парень, молодожены с ним подружались, пригласили к себе в гости. **Распили пару бутылок шампанского**, показали ему свой фотоальбом, видео со свадьбы* [Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)].

Модус высказываний с глаголом *распить*

В. В. Химик отмечает, что «стремление к удовлетворению потребности в спиртном, психофизиологическая интенция и связанный поиск желаемых средств <...> получило в просторечии довольно меткое и своеобразное выражение в особом глаголе *сообразать / сообразить*» [10, с. 173]. Этот глагол наряду с *распить* осмысляет ситуацию совместного потребления алкоголя, включает количество предполагаемых участников действий (*на троих*, например) и емкость (*на бутылку*), но отличительной особенностью является предложение разделить затраты, связанные с приобретением напитка.

Как уже было сказано выше, одной из самых частотных форм глагола *распить* является форма инфинитива (42%), большая часть этих примеров связывается с ситуацией приглашения.

Ситуация приглашения, обусловленная глаголом *распить*, реализуется разными языковыми средствами:

1. Непосредственное спонтанное приглашение-предложение выпить: глагол в форме повелительного наклонения совместного действия *давай(те)* + *разопьем*: *Ко мне пришел Володя Гринберг, держа в руках заветную поллитровку: «Вот, для дня рождения берег, да боюсь, что не придется. **Давай сейчас разопьем**, а то жалко, если пропадет»* [Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)]; словосочетания «*грех не + инфинитив*», «*не лучше ли + инфинитив*», задающие необходимость осуществления совместного действия: – *Слушай, Паша, – предложил Коржавин, когда мы пригубили бокалы, – ты не против, если я кликну ребят? **Грех не распить** вместе такое чудесное вино! – Конечно, не против. Он обзвонил группу, и через несколько минут в его небольшом номере сделалось тесно. Смаковали пуркарское, говорили, читали*

стихи [Павел Сиркес. Труба исхода (1990-1999)]; сочетание с глаголами движения и целевого осмысления *сходим ... разопьем; приходили; забегают, чтобы: Могилки предков на городском кладбище. Хочешь, сходим, бутылочку разопьем? Савельев не нашелся, что сказать* [Юрий Мамлеев. Конец света / Вечерние думы (1995-2000)].

2. Глагол *распить* сочетается с модально-характеризованной связкой с семантикой желания и / или договоренности (*хотеть, желать, решить, уговориться*): *Когда все посетители уходили, охрана запирали изнутри двери, и зеки приступали к уборке. Днем заботливый брат незаметно положил в урну литровую пластиковую бутылку со спиртом и присыпал ее мусором. Вечером, убирая помещение, Новичков незаметно извлек бутылку и пронес ее на территорию изолятора. Друзья уговорились распить ее в ближайшее воскресенье* [Сергей Любимов. Побег по-русски, или Пьяный воздух свободы// «Богатей» (Саратов), 23.10.2003].

3. Частотна также сочетаемость с глаголами лексико-семантической группы «приглашение», такими как *пригласить, предложить, поручить*: *По возвращении после хрущевского доклада о Сталине, в первый же день, счастливый Крюков пригласил Иванова распить с ним бутылку. – Ведь чудом уцелел! – радостно общил он, зная о роли, сыгранной в его жизни Ивановым* [Марк Захаров. Суперпрофессия (1988-2000)].

Адвербиальные выражения, сопровождающие данный глагол, в целом имеют положительную семантику *торжественно, душевно, по-братски, за разговором* и т. п.

Рассмотрим еще один лирический пример из произведения Фазиля Искандера: *Если мы встречаемся со старым школьным товарищем, с которым не виделись целую вечность, мы должны поднять стаканы с вином, как волшебные фонарики, выхватывающие наши лица из тьмы годов безжалостным и нежным светом. И если мы в дружеской компании внезапно сдвигаем стаканы с победными, сияющими лицами, мне кажется, мы только что зачерпнули из собственных душ, и вот смотрите, как полны стаканы, как наши души глубоки друг для друга! Не потому ли недоливший себе воспринимается как изменник? И если мы с тобой на каком-то аэровокзале в нелётную погоду оказались за одним столиком, и я предложил тебе распить бутылку вина, то*

это было не что иное, как **приглашение раскрыть друг другу свои душевные богатства**. И вот, оказывается, мы прекрасно посидели и надолго запомнили эту встречу. Но может случиться, что мы снова встретимся при других обстоятельствах, когда, скажем, я буду недоволен своей работой и буду злословить или важно суесться перед своим начальником, ты всё-таки не забывай, что видел меня и другим, что я на самом деле гораздо богаче и ещё могу зазеленеть, потому что однажды цвёл, раскрываясь тебе. Нам надо помнить о той встрече, потому что она поможет нам сохранить уважение к людям и наградит каждый наш день единственной достойной наградой – смыслом, потому что каждый день будет подготовкой к празднику нашей встречи [Фазиль Искандер. Путь из варяг в греки (1990)]. Автор проводит параллели между вином и душой человека, сравнивает их: полный стакан вина равен человеческой душе, отражает ее глубину, полноту и богатство. Становится ясным неприятие человека с полупустым стаканом (недолившим себе) как нежелающего показать свои чувства и ответить искренностью их проявления. Акт *распития* соотносится с разговором по душам, а состоявшаяся встреча – праздник. Процесс русского выпивания, по мнению И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелева, как правило, сопровождается закуской и душевным общением [5, с. 580].

Вывод

Уникальность глагола *распить* в первую очередь связана с его внутрисловной семантикой (префикс *рас-* задает совместность, коллективность действия). Остальные элементы подчиняются и уточняют его характер, эксплицируя имена субъектов, задавая ситуацию приглашения к действию сообщца.

Особенностью также является дальнейшее осмысление действия в официальной речи, законодательстве, а также в номинации питейных заведений.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
2. Дмитриева О. А. Глаголы со значением ‘употреблять спиртное’: семантико-стилистическая характеристика // Научный диалог. 2015. №6 (42). – С. 21–27.

3. Димитриева О. А. Метафоры глаголов питания // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2015. №9 (162). – С. 15–18.
4. Димитриева О. А. Семантико-стилистическая характеристика глагола *опрокинуть* // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. №4 (22). – С. 20–25.
5. Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Лексика начала и конца трапезы в русском языке // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. – С.573–583.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
7. Попова Т. В. Деривационно-семантическое пространство русского глагола: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 1998. – 691 с.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3.П-Р. – 750 с.
9. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.
10. Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.

ОБРАЗ ОСИНЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Ю. Л. Дмитриева

iksta_aravar@mail.ru

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

(Горловка)

Одним из актуальных вопросов современной научной парадигмы остаётся изучение поля взаимодействия языка и культуры, или лингвокультуры, определяемой нами, вслед за В. В. Красных, как лингвальная среда, в которой индивидуум проходит процесс социализации, формируется как представитель определённого этноса, самореализуется и осуществляет свою жизнедеятельность. В. В. Красных отмечает, что лингвокультура является неким «пространством общей памяти» (терминосочетание Ю. М. Лотмана) языка и культуры. Рассматриваемые сквозь призму лингвокультуры объекты оцениваются, в первую очередь, с позиции выполнения «функции эталона или символа» [8, с. 73]. Описание образа

осины сквозь призму русской лингвокультуры и является *целью статьи*.

В русской лингвокультуре осина считается проклятым деревом, «поскольку её листья шелестят и без ветра» [9, с. 148]. Когнитивный признак «дрожание листьев дерева без ветра» эксплицирован и в значении вербального знака *осина*: «лиственное дерево семейства ивовых, со светло-серой корой, почти округлыми листьями на тонких, длинных, сплюснутых в верхней половине черенках, отчего листья приходят в движение даже при самом слабом ветре» [12, с. 607]. Н. И. Толстой выделяет четыре группы легенд, интерпретируемых рассматриваемый релевантный когнитивный признак образа осины. Они связаны с христианскими сюжетами о распятии Иисуса и предательстве Иуды, а также фольклорными текстами, в которых отображены представления о превращении человека в дерево.

Согласно одному из распространённых сюжетов устного народно-поэтического творчества, Змей женился на девушке. У них родилась дочь, которую называли Треперушка. Она выдала тайну отца родственникам матери и те убили Змея. Умирая, он «обращает дочь в дерево, трясущееся день и ночь, и проклинает её» [11, с. 570]. Представление о сопоставлении осины и человека реализовано и в языке поэзии С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина при помощи метафорической модели «человек → дерево», в которой область источника эксплицируется как отдельной словоформой, так и целой синтаксической конструкцией, а область цели воплощена лексемой *осина* (*осинушка*). Так, в тексте *Здравствуй, мать голубая осина!* (С. Есенин) воплощено несвойственное славянской культуре осмысление образа осины автором. Приложение *мать* несёт положительные культурные коннотации. Для славян мать – «один из столпов семьи, средоточие её эмоциональных связей. Именно через мать актуализируются отношения между разными членами семьи. Роль матери в духовном мире человека оценивается даже выше роли отца» [11, с. 203]. В языковом опыте этноса за этой словоформой закреплено значение «женщина по отношению к рождённым её детям, а также женщина, имеющая или имевшая детей» [1, с. 525]. Кроме того, в словаре зафиксировано традиционно-народное представление о матери как о «родном, близком, дорогом, представляющем собой духовную ценность» [1,

с 525]. Соответственно, в метафорической модели «человек → дерево», реализованной в примере *Здравствуй, мать голубая осина!* (С. Есенин), сопоставление осины с матерью нивелирует отрицательные культурные коннотации, присущие образу осины в русской лингвокультуре. Осина в осмыслении С. Есенина представляет собой духовную ценность, равную материнству.

Окказионально восприятие поэтом цвета осины, выраженное адъективом *голубой*. В языковом опыте этноса данная словоформа употребляется для обозначения «цвета ясного неба; светло-синего» [1, с. 216] в таких сочетаниях, как «голубые глаза, голубые незабудки, голубое платье, голубой конверт, что-либо голубого цвета» [1, с. 216]. За анализируемой словоформой закреплено ещё одно значение: «ничем не ограниченный, лишённый всего неприятного, тягостного» [1, с. 216]. Голубой цвет является символом лучезарного неба и выступает синонимом всего божественного, чистого и возвышенного. В европейской традиции с ним сопоставлялось знатное происхождение человека, что отобразилось в устойчивом сочетании *голубая кровь* («устаревшее, о дворянском, аристократическом происхождении кого-либо» [1, с. 216]). А для масонов этот цвет являлся олицетворением духовного совершенствования и возвышенных идеалов [2, с. 36–37]. Отсюда, по утверждению О. В. Вовка, образное выражение *голубая мечта*, т.е. «самая заветная, сокровенная, но обычно несбыточная» мечта [1, с. 216]. Следовательно, сочетание *голубая осина* может интерпретироваться и как объективация когнитивного признака «цвет коры дерева», и как выражение чего-то несбыточного, недостижимого, связанного в представлении поэта с осиной.

В другом примере *Хлёсткий ветер в равнинную синь / Катит яблоки с тощих осин* (С. Есенин) модель «человек → дерево» выражена словосочетанием *с тощих осин*. Адъектив *тощий* употребляется в значении «исхудалый, худощавый» [1, с. 1336] и объективирует когнитивный признак «охват ствола дерева». Также в анализируемом тексте нивелируется представление об осине как о проклятом дереве, не способном плодоносить. Это достигается с помощью словоформы *яблоки* как «плоды яблони» [1, с. 1530]. «Яблоко, – пишет О. В. Вовк, – поистине следует признать чудеснейшим из фруктов, ибо в нём удивительным образом сконцентрировались самые удивительные символические значения» [2, с.

134]. Оно является символом весны, расцвета, плодородия, вечной молодости и бессмертия. За ним закреплены положительные и отрицательные культурные смыслы. С одной стороны, яблоко дарует вечную молодость. Этот мотив описан в русских народных сказках, а также в кельтской и скандинавской мифологии. С другой стороны, яблоко приносит несчастья и символизирует первородный грех. Отрицательные культурные смыслы этого плода воплощены в библейском мифе о грехопадении первых людей – Адама и Евы [2, с. 134–136]. Следовательно, сочетание *яблока с тощих осин* можно интерпретировать и как нивелирование одного из когнитивных признаков образа осины и культурных представлений о дереве, и как объективацию закреплённых в русской лингвокультуре представлений об отнесенности осины к проклятым деревьям.

Метафорическая модель «человек → дерево» реализуется и в примере *В багряных шугаях осины / Умильней причастниц-старух* (Н. Клюев). В словосочетании *осины в шугаях* область источника выражена предложно-падежной конструкцией с определительным значением *в шугаях*. Лексема *шугай* обозначает «род суконной или ситцевой, шёлковой, даже парчевой короткополой кофты с рукавами, с отложным круглым воротником и с застёжками, с перехватом и с ленточной оторочкой кругом» [3]. Предлог *в* употребляется «при указании на внешний вид кого-, чего-нибудь, на оболочку, на одежду» [1, с. 108]. Область цели в рассматриваемом словосочетании объективирована вербальным знаком *осина*. Когнитивная метафора, актуализированная в тексте *В багряных шугаях осины / Умильней причастниц-старух* (Н. Клюев), эксплицирует когнитивный признак «сопоставление дерева с человеком».

Отметим, что приложение *старухи-причастницы*, эксплицирующее представление о «женщинах, достигших старости» [1, с. 1261], которые «готовятся к обряду причастия или подвергаются этому обряду» [1, с. 995]. Соответственно, соотнесение осины со старухой-причастницей нивелирует представление о проклятости дерева.

Таким образом, традиционные для русской лингвокультуры представления о соотнесённости осины с человеком реализуются

и в текстах С. Есенина и Н. Клюева, однако представление о проклятости данного дерева в текстах указанных авторов переосмысливается.

В русской лингвокультуре образ осины также выступает эталоном грусти, а сама осина «характеризуется как “горькая”, “бесчастливая”, “шатучая” и метафорически сопоставляется с “человеком страдающим”» [11, с. 573]. В примере *Как кручинная кручинушка, / Та пугливая осинушка, / Что шумит-поёт по осени / Песню жалкую свирельную, / Ронит листья-слёзы жёлтые / На могилу безымянную* (Н. Клюев) это представление эксплицируется с помощью вербальных знаков *шумит-поёт песню жалкую, ронит листья-слёзы*, которые одновременно воплощают модель «человек → дерево», область источника которой эксплицирована вербальными знаками *шумит* и *листья*, а область цели – *поёт, песня* и *слёзы*. Итак, образ осины сопоставляется с образом человека, который поёт песню. Кроме того, приложение *листья-слёзы* также объективирует реализованный в языковом опыте носителей русской лингвокультуры С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина когнитивный признак образа осины как эталона грусти.

Выступая неотъемлемым элементом евангельских рассказов о рождении, жизни и смерти Иисуса Христа, образ осины осмысливается как дерево, которое проклято за то, что продолжало шелестеть, когда Богородица с младенцем спрятались под его сенью от воинов царя Ирода [9, с. 148]. Более того, осина в момент рождения и смерти Христа не затихла и не склонилась, поэтому она дрожит без причины и не плодоносит. Ещё одним следствием проклятия осины считается её невозможность укрыть человека тенью, а также запрет на высадку осины около жилья.

Представление об осине как о дикорастущем дереве воплощено, например, в поэзии С. Есенина: *Мир осинам, что, раскинув ветви, / Загляделись в розовую водь!* (С. Есенин); *И на кону под осиной / Шкуру трепал ветерок* (С. Есенин); *Бьёт копытом конь под осиной* (С. Есенин). В приведённых текстах рассматриваемое представление об осине выражено словосочетаниями *загляделись в розовую водь*, где предложно-падежная конструкция *в водь* употреблена в определительном падежном значении места, т.е. объективирует когнитивный признак «произрастание у водоёмов»; *на кону под осиной*, где предложно-падежная конструкция *под осиной*

объективирует когнитивный признак «место произрастания», а сочетание *на кону* называет «начало, предел, между» [3]. Следовательно, в представлении русских под осиной расположено и начало, и предел «своего» и «чужого» миров. Осина – это дерево, «растущее в пространстве “небытия”, куда обычно ссылают болезни» [11, с 571], а также место обитания нечистой силы, поэтому рядом с ней не селятся. Однако осину сажают по периметру жилых угодий как своеобразный оберег от нечистой силы [11, с 570–574]. Данные осмысления позволяют отнести осину к пограничному локусу.

Отметим, что в примере *Бьёт копытом конь под осиной* (С. Есенин) предложно-падежная конструкция *под осиной* выступает обстоятельством места расположения субъекта действия, который выражен лексемой *конь*. Употребление существительного *конь* можно квалифицировать как объективацию когнитивного признака «расположение дерева (осины) в пограничном локусе», т.к. в представлениях славян денотат рассматриваемой лексической единицы «воплощал связи с миром сверхъестественного, “тем светом”, был атрибутом мифологических (эпических) персонажей, связан одновременно с культом плодородия, смертью и погребальным культом» [10, с. 590]. Будучи исходно диким животным, конь связывался с царством умерших и приносился в жертву. Также считалось, что конь выступал проводником в «чужой» мир. Однако в текстах фольклора кони предстают и в положительном аспекте: они предсказывают будущее, разбираются в магии и помогают советом доверившимся им людям. У древних славян конь считался символом добра и счастья, а в белой магии выступал сильным природным оберегом, способным отгонять злых духов [2, с. 213]. Таким образом, в тексте С. Есенина *Бьёт копытом конь под осиной* когнитивный признак «принадлежность к пограничному локусу» объективирован предложно-падежной конструкцией *под осиной* и лексемой *конь*.

Итак, в проанализированных текстах носителей русской лингвокультуры объективированы представления об осине как о расположенном на границе «своего» и «чужого» миров дикорастущем дереве. Это является одним из следствий квалификации её в русской лингвокультуре как проклятого дерева.

Связь осины с библейскими образами вербализована в тексте Н. Клюева *От оклеветанных Голгоф / Тропа к Иудиным осинам*. Это достигается благодаря лексемам *Голгофа* и *Иудин*, за которыми в языковом опыте этноса закреплены значения «о месте тяжких мучений, испытаний; о тяжких мучениях, испытаниях, претерпеваемых кем-либо. От названия холма в окрестностях Иерусалима, где, согласно Евангелию, был распят Иисус Христос» [1, с. 214] и «свойственный Иуде, принадлежащий ему. *Иудин грех. Иудино дерево* (обычно об осине, на которой, по народным представлениям, повесился Иуда Искарот)» [1, с. 406]. Итак, в анализируемом примере актуализированы представления о связи образа осины с образом Иуды Искариота. «Сначала он хотел повеситься на берёзе, – пишет Е. Е. Левкиевская, – но та так испугалась, что у неё кора побелела. Затем он пытался приладить верёвку к груше, но она оцетинилась колючками и не подпустила его к себе. Тогда Иуда повесился на осине» [9, с. 148], поэтому она считается проклятой и одновременно выступает символом вины.

Следовательно, в русской лингвокультуре образ осины имеет отрицательные культурные коннотации: это проклятое дикорастущее дерево, с которым связаны представления о грусти, вине и трусости. Анализируемому образу присущи следующие когнитивные признаки: 1) возможность произрастания в дикой природе; 2) система запретов на высадку дерева около жилья; 3) принадлежность к пограничному локусу; 4) выполнение функции оберега в календарно-обрядовом цикле.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. – М. : Вече, 2006. – 528 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа : сборник [в 2 т.] [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – СПб ; М., 1879. – Режим доступа : <http://vdahl.ru>
4. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 1 / С. А. Есенин. – М. : Наука – Голос, 1995. – 672 с.
5. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 2 / С. А. Есенин. – М. : Наука – Голос, 1997. – 464 с.

6. Клюев Н. А. Сочинения : в 2-х томах. Т. 1 / Н. А. Клюев ; Под общ. ред. Г. П.Струве, Б. А. Филиппова. – Б.м. : А. Neimanis, 1969. – Режим доступа : http://www.booksite.ru/klyuev/2_1.html
7. Клюев Н. А. Сочинения : в 2-х томах. Т. 2 / Н. А. Клюев ; Под общ. ред. Г. П.Струве, Б. А. Филиппова. – Б.м. : А. Neimanis, 1969. – Режим доступа : http://www.booksite.ru/klyuev/2_2.html
8. Красных В. В. Культура, культурная память и лингвокультура : их основные функции и роль в культурной идентификации / В. В. Красных // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». – 2012. – №3. – С. 67–74.
9. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. – М. : АСТ : Астрель ; Владимир : ВКТ, 2010. – 526 с.
10. Славянские древности : Этнолингвистический словарь [в 5-ти т.]. Т. 2 ; Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 1999. – 680 с.
11. Славянские древности : Этнолингвистический словарь [в 5-ти т.]. Т. 3 ; Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 2004. – 680 с.
12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : В 2 т. Т. 2. – 5-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2002. – 560 с.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ АББРОАФФИКСОИДОВ КАК СОКРАЩЁННЫХ КОНСТРУКТОВ АББРЕВИАТУР

К. Ю. Емельянова

ksyu_etelyanova@mail.ua

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Целью предлагаемой статьи является описание типологических черт абброаффиксоидов, которые определяются нами как «упрощённые» разновидности абброморфемы, практически не способные разворачиваться в слова, то есть не имеющие регулярно употребляющихся текстовых эквивалентов. Для достижения поставленной цели необходимо: 1) дать общую характеристику данного типа аббревиатурного конструкта; 2) установить различия между абброаффиксоидами, абброморфемами и абброэквивалентами.

В работах, посвящённых описанию сложносокращённых слов, В. И. Теркулов предложил различать две структурно-семантические разновидности сокращённого компонента аббревиатуры (абброконструкта): «абброэквиваленты, то есть элементы, являющиеся в ССС представителями подвергшихся сокращению слов исходных словосочетаний (*авиа-* в *авиабезопасность*), и абброморфемы, то есть морфематизированные абброконструкты, используемые вне связи с какими-либо словосочетаниями, а только по аналогии, стереотипизированно (*авиа-* в *авиабилет*)» [3]. В процессе работы с различными аббревиатурными группами В. И. Теркуловым был выделен третий тип абброконструкта – **абброаффиксоид**, не разворачивающийся, в отличие от абброморфемы, во вторичный эквивалент. Например, данный тип абброконструкта отмечается в таких сложносокращённых словах, как *астробиология*, *астрогеолог*, *авиапутешественник*, *авиатурист* и др. Сложносокращённые слова с абброаффиксоидом (**абброаффиксоидные слова**) возникают в результате квазиунивербализации (образование единиц не от словосочетаний, а от слов), называются квазиаббревиатурами и противопоставляются диахронным абброэквивалентным аббревиатурам, возникающим в результате универбализации («процесс образования слов, семантически тождественных производящим словосочетаниям» [2]). Главной особенностью как абброморфемы, так и абброаффиксоида, отличающей данные типы абброконструкта от абброэквивалентов, является **ассоциативная семантика**. Так, например, в сложносокращённом слове *авиапутешественник* («путешественник, осуществляющий путешествия с помощью авиационного транспорта»), образованном непосредственно от слова *путешественник* путём прямого присоединения к нему абброконструкта *авиа*, данный абброконструкт указывает не на связь путешественника с авиацией, а на его связь с чем-то связанным с авиацией – летательными аппаратами (ономастиологическая структура: «лицо + [rel¹] + действие+ [rel²] + дестинатив + [rel³] + медиатив+ [rel⁴] + отрасль», где *авиа* имеет значение, не отмечаемое у слова *авиационный*, и включает четыре релятора: [rel¹] осуществляющий [rel²] что-то [rel³] с помощью чего-то, [rel⁴] относящегося к авиации.

Существует целый ряд особенностей, которые позволяют выделить из абброморфем специфический абброаффиксоидный подтип.

Главным подтверждением оппозиции, в которой находятся абброморфема и абброфиксоид, является способность или неспособность абброконструкта образовывать эквиваленты вследствие *псевдоунивербализации* (развёртывание аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением [3]). Абброморфемная квазиаббревиатура в процессе псевдоунивербализации продуцирует вторичное словосочетание и переходит в разряд синхронных аббревиатур: «Для квазиаббревиатур псевдоунивербализация наиболее важна, поскольку именно она трансформирует диахронные квазиаббревиатуры в синхронные аббревиатуры» [5]. Абброаффиксоидное же слово не способно к такой трансформации.

Другими словами, если абброморфемные квазиаббревиатуры можно рассматривать на синхронном срезе языка как синхронные аббревиатуры, описывая отношения между сложносокращённым словом и эквивалентным ему словосочетанием (здесь следует уточнить, что аббревиатура и приписываемый ей эквивалент являются глоссами одной номинатемы – языковой единицы, объединяющей формально взаимосвязанные единицы, глоссы, осуществляющие номинацию в пределах одного концепта [1]), то для абброаффиксоидных квазиаббревиатур их релевантный признак – *отсутствие текстовых эквивалентов* – свидетельствует о невозможности рассмотрения этих сложносокращённых слов на синхронном срезе языка как синхронных аббревиатур.

Например, абброморфемная квазиаббревиатура *авиадоставка* в результате процесса псевдоунивербализации продуцирует вторичное словосочетание *авиационная доставка*, которое встречается в текстах интернет-пространства достаточно часто – 6040 раз, что подтверждает возможность отнесения на синхронном срезе языка данного сложносокращённого слова к синхронным аббревиатурам. Точно так же сложносокращённое слово *авиаучёт* псевдоунивербализационно развёртывается в словосочетание *авиационный учёт*, которое достаточно часто встречается в текстах (1744). Абброконструктом в этих случаях выступает абброморфема, так как данные сложносокращённые слова возникли

не вследствие универбализации, а путём прибавления к словам *доставка* и *учёт* абброконструкта *авиа*, то есть квазиаббревиатурно.

Иная ситуация с абброаффиксоидной квазиаббревиатурой *астрохимия*, для которой не было обнаружено текстовых эквивалентов: коррелят с атрибутом *астрономическая* (*астрономическая химия* – предполагаемый дублет) практически не встречается в интернет-текстах (23 употребления), что свидетельствует о невозможности рассмотрения абброаффиксоидной единицы как сложносокращённого слова на синхронном срезе. Такая же ситуация отмечается и для слов *авиафобия* и *астробиология*. Предполагаемые дублеты этих слов практически не встречаются в текстах: *астробиология* употребляется 61896 раз, в то время как *астрономическая биология* отмечается нами 61 раз. *Авиафобия* обнаруживается в нашем корпусе 18894 раз, а *авиационная фобия* – 7.

На наш взгляд, причиной, которая «ограничивает» способность сложносокращённого слова к развёртыванию, является ***семантическая несочетаемость абброаффиксоида с базисным компонентом квазиаббревиатуры***. Здесь следует сказать о способности развёрнутого абброконструкта (атрибута) вступать в сочетание с базисом, другими словами, необходимо рассмотреть семантическую сочетаемость развёрнутых сокращённых компонентов. В качестве примера приведём абброаффиксоидную квазиаббревиатуру *авиапират*, от которой по аналогии образуется словосочетание *авиационный пират*. Лексема *пират* семантически не сочетается с лексемой *авиационный*, так как в семантическое поле лексемы *пират* не входит отмечаемое в словарях значение прилагательного *авиационный* – «в отрасли авиации». Слово *авиапират* трактуется как «захватчик воздушного судна» и, как видно из данного определения, в словосочетании *авиационный пират* не реализуется отмечаемое в словарях значение «в отрасли авиации» (для аббревиатур с абброэквивалентом), но оно и не интерпретируется как «имеющий отношение к авиации» (для квазиаббревиатур с абброморфемой). Для определения семантики сложносокращённого слова, как уже было показано, необходима конкретизация значений как базиса *пират* («захватчик»), так и конструкта *авиа* («воздушного судна»). Косвенным подтверждением семантической несочетаемости компонентов словосочетания *авиационный пират* является общее количество употреблений данной единицы – 7 раз

(ср.: употребление словосочетания «воздушный пират» только в номинативе составляет 24800 раз).

Следует обратить внимание на явление псевдоэквивалентности абброаффиксоидной квазиаббревиатуры. Например, при работе с аббревиатурной группой *евро* были отмечены случаи, когда формально приписываемый абброаффиксоидной квазиаббревиатуре эквивалент (атрибут эквивалента формально дублирует развёрнутый абброаффиксоид) относится к другой номинатеме, но употребляется не реже сложносокращённого слова. Таким образом формируется **псевдоэквивалентность**, которую следует учитывать при работе с текстами. Например, псевдоэквивалентность возникает у абброаффиксоидной квазиаббревиатуры *еврощит* «вид строительного материала, изготовленного из древесины путём специальной технологии склеивания реек или брусков, применяемый для изготовления мебели или отделочных работ» (<http://otvetof.org/questions/485504>) и её псевдоэквивалента *европейский щит* «название типа щитов, применявшихся западноевропейскими рыцарями с XIII по XVI век, по другим данным с XIV по XV» ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Щит_\(европейский_щит\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Щит_(европейский_щит))). *Еврощит* и *европейский щит* являются глоссами разных номинатем и именно поэтому могут трактоваться как псевдоэквиваленты.

Тот факт, что у абброаффиксоидных квазиаббревиатур (в данном случае имеются в виду те сложносокращённые слова, для которых не отмечается псевдоэквивалентность) отсутствуют текстовые эквиваленты, позволяет говорить об аннулировании для них такого понятия, как **гнездо эквивалентности** (совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с аббревиатурным словом [4]). Но при псевдоэквивалентности возможно появление не одного «фиктивного» эквивалента, а нескольких. Таким образом возникает **гнездо псевдоэквивалентности**. Например, у сложносокращённого слова *еврощит* был найден не только псевдодублет *европейский щит* (см. выше), но и *щит Европы* (9660 употреблений в номинативе), появление которого свидетельствует о существовании третьей номинатемы с формально тождественным базисом. В данном случае происходит метафорический перенос, основанный на сходстве функций: 1. *Щит* (прямое значение) – «защитное вооружение»; 2. *Щит* (пере-

носное значение) – «человек, которого считают защитником территорий, или страна, которая защищает определённые территории»: *В XVIII-XIX вв. Российская империя перестала играть роль щита Европы и превратилась в её меч: десятилетие за десятилетием Россия присоединяла к своей территории новые области, традиционно принадлежавшие Востоку – кочевникам-скотоводам и их потомкам* (<http://russia.yaxy.ru/rus/base/team/notes/669-1.html>).

Таким образом, опираясь на данные исследования, можно сделать такие выводы:

1) **абброаффиксоид** является «упрощённой» разновидностью абброморфемы;

2) **абброаффиксоид**, в отличие от абброморфемы, не подвергается процессу псевдоунивербализации и не имеет текстовых эквивалентов;

3) **абброаффиксоидные квазиаббревиатуры** на диахронном срезе языка (отношения производности) не имеют производящих словосочетаний, а на синхронном срезе языка они могут существовать только в рамках псевдоэквивалентности.

В дальнейших исследованиях мы предполагаем установить типологию семантических и структурных ограничений образования текстовых эквивалентов для абброаффиксоидных квазиаббревиатур, а также описать причины формирования псевдоэквивалентности.

Литература

1. Бровец А.И. Аббревиатуры с аббревиационным конструктом «электро» / А.И. Бровец // Конкурсная работа. – 2015. – 46 с.
2. Теркулов В. И. Универбализация: постановка проблемы / В. И. Теркулов // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 135–142.
3. Теркулов В. И. Типология сокращенных компонентов аббревиатур / В. И. Теркулов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 127–134.
4. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3 (29). Языкознание. – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13–25.

5. Теркулов В. И. Семантические типы синхронных текстовых эквивалентов сложносокращённого слова / В. И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 15. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. С. 85–92.

**СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА
«МЕНТАЛИТЕТ / МЕНТАЛЬНОСТЬ»
И ЕГО ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
В АСПЕКТЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ
КВАЗИСИНОНИМИИ И КВАЗИАНТОНИМИИ**

Л.И. Жуковская

lara_nn@mail.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»
(*Нижний Новгород*)

В работе представлены основные итоги очередного этапа предпринятого нами комплексного описания смыслового наполнения концепта «менталитет / ментальность» и его языковой экспликации в русском языке. Работа основана на идеях и теоретических принципах когнитивных исследований языковой концептуализации мира этносом, заложенных в работах [6; 8; 10] и апробированных на широком языковом материале в работах [7; 11; 12]. Непосредственным инструментарием анализа выступает методика исследования концептов национальной культуры, разработанная учеными ННГУ им. Н.И. Лобачевского [1; 13].

В наших предыдущих исследованиях [3] было показано, что между теоретическим, терминологическим, метаязыковым представлением понятий «менталитет» и «ментальность» в научном дискурсе и их репрезентацией на уровне обыденного сознания, представленного в речи современных носителей языка, при наличии определенных семантических соответствий, все же имеются существенные расхождения.

Во многом это обусловлено сложными отношениями концептуальной синонимии и антонимии, которые возникают между лексемами *менталитет* и *ментальность* как репрезентантами одноименного концепта, которые вошли в русский речевой обиход сравнительно недавно, и словами и выражениями типа *мировоззрение*, *мироощущение*, *мировидение*, *национальный характер*,

национальная культура и пр., которые имеют устоявшуюся традицию употребления в определенных типах дискурса — философском, научном, публицистическом, художественном и пр. Интерпретация смысловых сближений и расхождений между вышеуказанными группами лексем и составляет цель настоящей работы.

Синонимические отношения, характерные для языковой экспликации концепта *менталитет / ментальность*, имеют свою специфику, связанную с его терминологическим происхождением, с его параллельным бытованием в научном дискурсе в качестве научного понятия, элемента метаязыка науки и в нетерминированном языковом употреблении.

Поэтому ряд близких концепту *менталитет / ментальность* по смыслу понятий могут принципиально дифференцироваться на теоретическом уровне, но при этом осмысляться как синонимы на уровне языка (*менталитет* и *мировоззрение*, *менталитет* и *национальный характер*, *менталитет* и *духовность* и пр.). При этом в синонимические отношения с отдельным словом могут вступать составные терминологические наименования (терминосочетания).

В классических отечественных словарях синонимов лексемы *менталитет* и *ментальность* не представлены, однако в новейших онлайн-словарях [14; 15] мы обнаружили синонимические ряды с доминантой *менталитет* и *ментальность*. Общим для этих словарей является то, что в качестве синонимов рассматриваются сами интересующие нас слова *менталитет* и *ментальность*.

Мы выявили два синонимических ряда:

(1) ***менталитет*** — *склад ума*, *ментальность*, *мировосприятие*, *умонастроение* [14];

(2) ***менталитет*** — *ментальность*, *мировосприятие*, *умонастроение* [15].

Уже на этом уровне анализа можно увидеть языковую экспликацию таких когнитивных признаков, как ‘образ мыслей (= склад ума)’, ‘способ видения мира (= мировосприятие)’, ‘умонастроение’.

Анализ словарных толкований ряда слов — членов данных синонимических рядов позволяет несколько расширить эти синонимические ряды. Например, компонент ‘мироощущение’ входит в синонимический тип толкования слова *мировосприятие*: «Вос-

приятие человеком окружающего мира, действительности; **мироощущение**» [2]; «(книжн.). То или иное восприятие мира, действительности» [5].

Также и компонент 'восприятие' входит в толкование слова *мироощущение*: «**Восприятие** человеком окружающего мира, действительности, выражающееся в его настроениях, чувствах, действиях» [2]; «(книжн.). Отношение человека к окружающей действительности и природе, выражающееся в тех или иных настроениях, чувствах» [16]; «(книжн.). Отношение человека к окружающей действительности, обнаруживающееся в его настроениях, чувствах, поступках» [5].

Благодаря компоненту 'восприятие мира', импликацией которого является образование **системы взглядов на мир**, в данный ряд мы можем включить и слово *миросозерцание*: «Совокупность взглядов, воззрений на мир» [2]. В одном из толкований слова *миросозерцание* (словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) представлен синонимический тип его толкования через лексему *миропонимание*: «(книжн.). Совокупность взглядов на мир, на действительность, **миропонимание**» [5].

Таким образом, у *миросозерцания* и *миропонимания* выявляется существенный общий компонент смысла 'совокупность взглядов на мир': «**МИРОПОНИМАНИЕ. Совокупность взглядов на мир; понимание мира, действительности**» [2]. Ср. также: «(книжн.). То или иное понимание мира, действительности, **система взглядов, идей**» [5]; «(книжн.). Система понимания мира, окружающей жизни» [16].

Другое толкование слова *миросозерцание* связывает синонимическими отношениями лексемы *миросозерцание* и *мировоззрение* (это словарь Д.Н. Ушакова): «**МИРОСОЗЕРЦАНИЕ** (книжн.). То же, что **мировоззрение**» [16]. Синонимическое сближение возможно за счет общего смыслового компонента 'совокупность / система взглядов на мир / действительность / природу и общество': «**МИРОВОЗЗРЕНИЕ. Совокупность взглядов, убеждений, определяющих отношение к действительности**» [2]; «**Система взглядов, воззрений на природу и общество**» [5]; «**Совокупность взглядов, воззрений на окружающее, на жизнь, на мир, на ту или иную область бытия**» [16].

Эти рассуждения подтверждают релевантность выявленного ранее когнитивного признака ‘мировоззрение’ для концепта *менталитет / ментальность*.

Таким образом, мы можем построить расширенный синонимический ряд с доминантой *менталитет*: ***менталитет*** — *ментальность*, *склад ума*, *умонастроение*, *мировосприятие*, *мироощущение*, *миросозерцание*, *миропонимание*, *мировоззрение*.

Данный ряд верифицирует следующие когнитивные признаки концепта *менталитет / ментальность*: ‘мировоззрение’, ‘мироощущение’, ‘умонастроение’, ‘образ мыслей (= склад ума)’, ‘способ видения мира (= мировосприятие, миросозерцание, миропонимание)’.

Проведенный анализ позволил разложить неэлементарный когнитивный признак ‘способ видения мира / мировидение’ на три элемента, каждый из которых отражает отдельный аспект **способа видения мира**:

(1) *мировосприятие* — процесс восприятия мира посредством органов чувств, соответствует единице психики — *восприятие*;

(2) *миросозерцание* — процесс наблюдения мира посредством умозрения («внутреннего зрения»), соответствует единице психики — *представление*;

(3) *миропонимание* — процесс осмысления увиденного и воспринятого, соответствует единице психики — *понятие*.

Антонимические отношения для лексем *менталитет* и *ментальность* в лексико-семантической системе не выявлены, поэтому эта лексема закономерно отсутствует в словарях антонимов. Однако, как уже было сказано ранее, нормой для концепта как элемента концептосферы является ситуация, когда слова, являющиеся синонимичными по языковой семантике, на уровне концептуального содержания, особенно в его экстралингвистическом слое, могут расходиться по смыслу и антонимизироваться по ряду существенных дифференциальных признаков.

Так, анализ семантического наполнения концепта *менталитет / ментальность* выявил смысловые сближения *менталитет* — *мировоззрение*, *менталитет* — *национальный характер*, *мен-*

менталитет — картина мира, *менталитет* — национальная культура и др. Однако на уровне метаязыка науки эти понятия противопоставлены по существенным дифференциальным признакам.

Подробный анализ разграничения *менталитета* и понятий, сходных с ним в сфере нетерминированных употреблений, проводится в работе Т.Б. Радбиля «Основы изучения языкового менталитета» [9]. Согласно Т.Б. Радбилю, в **отношениях противопоставленности** находятся понятия *менталитет* и *мировоззрение*, *менталитет* и *национальный характер*.

Менталитет противопоставлен *мировоззрению* по признакам 'неосознанность / осознанность' и 'иррациональность / рациональность'. В отличие от менталитета, имеющего неосознанный и внелогический характер, мировоззрение предстает как результат **осмысления** научной, религиозной, философской и др. познавательной деятельности, оно формируется на основе **убеждений и осознанных принципов** ориентации в мире. Поэтому его можно осознанно принимать или не принимать, защищать, отстаивать, его можно утверждать, аргументировать в спорах или пропагандировать. «Однако никому еще не удалось защищать, отстаивать, утверждать или пропагандировать менталитет, который имеет неосознанный, спонтанный характер бытования и не зависит от воли и желания человека: он может лишь проявляться в большей или меньшей степени, а если даже и осознаваться, но только *post factum*» [9, с. 60].

Менталитет противостоит *национальному характеру* по сфере локализации и характеру духовной деятельности. *Менталитет* соотнесен со сферой «духа», сознания, т.е. того, что в русской культуре традиционно связано с *головой*, тогда как *национальный характер* соотнесен со сферой внутреннего психического мира, эмоций, чувств, «души», т.е. того, что традиционно соотносится с *сердцем*. Т.Б. Радбилю подчеркивает: «...следует отметить, что *менталитет* относится к области работы сознания, тогда как *национальный характер* должен быть отнесен, скорее, к мотивационно-прагматической, поведенческой области психики» [9, с. 69].

Согласно Т.Б. Радбилю, в **гипо-гиперонимических отношениях** находятся понятия *менталитет* и *картина мира*, *менталитет* и *духовность*, *менталитет* и *культура*.

Картина мира выступает как когнитивный компонент, как содержательная часть (основа) *менталитета*, в котором, помимо когнитивного (познавательного), присутствуют также ценностный и поведенческий (регулятивный) компоненты, т.е. *менталитет* есть **гипероним** по отношению к картине мира.

В свою очередь, *менталитет* выступает как **гипоним** по отношению к *духовности* (= *духовной деятельности*), потому что *менталитет*, безусловно, является разновидностью *духовной деятельности*, но не только он один, есть и другие разновидности — религия, мифология, идеология, искусство, наука и пр.

Сложные, взаимопересекающиеся отношения связывают понятия *менталитет* и *культура*. И *менталитет*, и *культура* являются разными, но взаимообусловленными аспектами духовной деятельности людей, связанными между собой посредством национального языка.

С одной стороны, как пишет Т.Б. Радбиль, *менталитет* «в качестве системы неосознанных способов видения мира, ценностной ориентации и моделей поведения выступает как источник, предпосылка и непосредственный фактор становления и эволюции национальной культуры...» [9, с. 72]. Культура в этом плане выступает как некий результат, проявление менталитета, как его «часть».

С другой стороны, по мысли В.В. Колесова, напротив, *менталитет* «представляет собой часть народной духовной культуры» [4, с. 11]. Ср. аналогично: «Выработанные, отобранные и накопленные культурой основные стержневые категории народного опыта, народных ценностей и идеалов и пр. оказывают свое воздействие на эволюцию менталитета ... В этом смысле и менталитет выступает в качестве своего рода результата культурной активности этноса, борьбы культур, диалога культур» [9, с. 63–64].

Проведенный анализ показал, что выявленные в работе синонимические сближения и антонимические расхождения между лексемами *менталитет*, *ментальность* и соотносимыми с ними словами, выражающими разные аспекты духовной деятельности, значимы только в плане внеязыковой научно-понятийной семантики термина *менталитет* / *ментальность*, отраженной в научно-философских типах дискурса.

Однако на уровне обыденного языкового сознания происходит нейтрализация смысловых различий между этими словами. Слово *менталитет* (и сходное с ним слово *ментальность*) расширенно трактуется как любой способ духовной деятельности, а семантика всех соотносимых с лексемами *менталитет* и *ментальность* слов типа *мировоззрение*, *миросозерцание* и пр., в свою очередь, входит в состав когнитивных признаков концепта *менталитет / ментальность*.

Литература

1. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2003. № 1. — С. 124–130.
2. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т.1. — 1268 с.
3. Жуковская Л.И. *Менталитет vs ментальность*: особенности языковой экспликации концепта в современной русской речи // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). — С. 326–328.
4. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 624 с.
5. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 14-е изд., доп. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1993. — 984 с.
6. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки. 1999. № 13. — С. 137–153.
7. Радбиль Т.Б. Концепт игры в аномальном художественном дискурсе // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. — С. 308–316.
8. Радбиль Т.Б. О термине и понятии «идеологема» // Человек и его язык: антропологический аспект исследований: Межвуз. сб. научн. трудов. Нижний Новгород: НГПУ, 1996. — С. 11–26.
9. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учебн. пособие. Изд. 4-е, стер. М.: Флинта; Наука, 2016. — 328 с.
10. Радбиль Т.Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса // Филологические науки. 2006. № 6. — С. 50–59.
11. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-26. — С. 5968–5971.
12. Сайгин В.В. *Грех vs. покаяние* в концептосфере русской культуры: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2016. № 1 (49). — С. 82–93.
13. Сайгин В.В. Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: опыт комплексного лингвокогнитивного описания: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. — 258 с.

14. Словарь русских синонимов 1 (online - онлайн версия). Русский язык. Classes.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms.htm>
15. Словарь русских синонимов 4 (online - онлайн версия). Русский язык. Classes.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-synonyms4.htm>
16. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: «Терра», 1996. Т.2. — 1568 с.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ПРИВЕТСТВИЙ И ОБРАЩЕНИЙ ПО СИТУАТИВНОМУ ПРИЗНАКУ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА»)

Е. А. Коновалова

lkon55@list.ru

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Русский речевой этикет, представленный ситуативно-вариативным многообразием выбора церемониальных формул, отображающих взаимодействия культур, традиций, мировосприятия; дифференциацию социальных ролей, коммуникативных стратегий и интенций является возможным охарактеризовать дискретно, поделив тематически на речевые жанры [1; 2]. В рамках данного исследования нами были рассмотрены формулы приветствия, ответов на приветствия; обращения, ответы на обращения.

Исследователь В.Е. Гольдин отмечает, что «приветствие – один из самых важных знаков речевого этикета. С его помощью устанавливается контакт общающихся, определяются отношения между людьми. Поэтому не владеть формулами приветствия – это значит быть всем чужим, не уметь общаться» [3, с. 49].

Подобного рода значимостью для лингвокультурной парадигмы репрезентации языковой личности обладает использование формул адресации «среди ситуаций установления контакта, требующих употребления речевого этикета, важное место занимает обращение к собеседнику, привлечение его внимания» [4, с. 58]. Термин *обращение* возможно рассматривать как знак речевого этикета, с помощью которого «реализуются важные целеустановки и речевые интенции говорящего: наделить другого коммуникативной

ролью адресата, как упоминалось, позвать, призвать его для последующего вопроса, сообщения, побуждения и т.д.» [4, 58].

Формулы приветствия и обращения относятся к наиболее локативно связанным единицам речевого этикета. Приветствие в подобных дуплетах, как правило, находится в препозиции, например: *Здравствуйте, И.О.!* (справедливо и для письменных экспликаций: *Здравствуй, дорогой читатель!* или *уважаемый И.О.* и т.д.), но возможна и инверсия: *И.О., Здравствуйте!*. Использование подобной конструкции вместо односоставной формулы *Здравствуйте!* свидетельствует о стремлении проявить уважительное отношение и продемонстрировать «положительную тональность общения» [2].

Подобные формулы также локативно сопряжены – актуализируются в начале диалога, используются при встрече; сопоставимы с фрейм-сценарием установления контакта. Приветствия и обращения – универсальны и полифункциональны, так как входят в ряд других групп формул речевого этикета, таких как *просьба, комплимент, поздравление* и т.д. Этикетные формулы, являясь семиотическими знаками, подчиняются тем же законам, что и система в целом.

Формулы обращений, представленные в Словаре русского речевого этикета [1], стилистически дифференцированы нами на следующие тематические группы:

1. **Общеупотребительные** (с интенсификацией вежливости): *Вам не трудно (сделать что-л.)?, как Вы думаете?, как съездили (доехали, добрались)?, как успехи, как учеба?, мама Нина (Галя...), могу (ли) я узнать?, можно Вас на минуту (минутку)?, что Вам угодно?.*

2. **Девииантные** (нелитературные):

2.1. **собственно девиантные** (подобная лексика не представлена ни в Словаре русского речевого этикета, ни в ответах информантов, так как это противоречило бы соблюдению культурных норм);

2.2. **несобственно девиантные** (единицы в данном случае рассмотрены нами как нелитературные, они не обозначены как отклонения от норм этикета, так как они сопряжены с принципом недистантного отображения взаимоотношений, являются типизиро-

ванными структурами парадигмы русского речевого этикета, отображают его тенденции (на морфолого-стилистическом уровне: голубчик – уменьшительно-ласкательный суффикс и метафоризация картины мира языковой личности): *А, Агунюшки, бабаня, Ваше вашество, дамочка, дед, друган, паренек, парнишек, печальник (ты мой), родимая (ты, моя), тестенек, что поделываете?, чудечко на блюдечке, яхонтовый мой.*

3. Торжественные: *Августейший Монарх, беру (возьму) на себя смелость (обратиться, сказать, заметить...), бесподобнейший, Вашескородие, всепресветлейший Государь, державнейший Государь, дети мои, должен (считаю своим долгом) обратить Ваше внимание на..., достопочтейнейший, друзья (мои) (вхождение в данную тематическую группу связано с инвертированием адвербального компонента), позволю себе обратить Ваше внимание на... и др.*

4. Официальные: тематическая группа официальных обращений коррелирует с указанной выше (к ней отнесены формулы адресации к представителям власти, например, *государь, царь, барин*), включены также историзмы.

5. Параофициальные (*батюшка государь, барич, государыня-царица, государь (мой, родной) батюшка, княгинюшка, князь, милосердный, милостивая Государыня, милый друг, сердечный друг, царь-надежда, царь-отец* и др.).

6. Торжественно-официальные:

6.1. периферийно позиционирующиеся: *возлюбленная моя, возлюбленный мой (брат), друг (ты мой) сердечный, вообразите, княгиня молодая, матушка барышня, матушка государыня, матушка сударыня, матушка царица, моя благоверная, друг бесценный, любезный (Н.), любезный друг, милая дочь, милый сын* и др.;

6.2. сакрализованные единицы (к смежному классу торжественно-официальных относим также сакрализованные единицы: *Аминь хто крешонной?*, но не все сакрализованные единицы, так как многие из них несут аллюзивную коннотацию и относятся к разговорным, несмотря на семантическую связь с религиозным мироощущением: *Ангел мой, ангеленок, благоданный батюшка, Высокопреосвященный (Высокопреосвященнейший) Владыко, есть ли кому аминь отдать?, есть ли крещенные?, как Вас*

Бог (Господь) милует, крестовая матушка (маминька, божатушка...), мир православный, моленный, народ православный, Отче святой, Православные, Святейший Патриарх, Святой отец, Христов человек и др.);

6.3. аллюзивные (откуда ты, прекрасное (прелестное) дитя?).

Выводы, которые возможно сделать исходя из данных, представленных в виде таблицы частотности и процентного соотношения, занимаемого тематическими группами в Словаре русского речевого этикета, свидетельствуют о многообразии использования собственно девиантных формул (неформальных) – 75% и редуцировании типичных, нормированных форм этикетного обращения. Общеупотребительные обращения – 12% от общего количества всех единиц.

Торжественные (6%), *сакрализованные* (4%) и прочие единицы (3%) не преобладали в печатном виде [1].

Причина этому, на наш взгляд, существование прескриптивных ритуальных форм адресации, функционирующих как наиболее употребительные (в некоторых из них исчезает нейтральная коннотация, и они переходят в разряд торжественных или подвергаются симплификации), прочие же – окказиональны, категория, указывающая на экстралингвистические изменения в ходе развития этикетной парадигмы.

Таблица №1.

Стилистическая градация формул обращений

Тематическая группа	количество	%
собственно девиантные	1370	75
общеупотребительные	220	12
торжественные	119	6
сакрализованные единицы	67	4
периферийно позиционирующиеся	30	2
параофициальные (нейтрально-официальные)	27	1
аллюзивные	1	0

А.А. Балакай было предложено классифицировать формулы обращений по степени обусловленности личностными и социаль-

ными отношениями коммуникантов [2, с. 142—143]. Нами предложена несколько иная, во многом коррелирующая с вышеуказанными единицами градация, но опирающаяся в значительной мере на исследование Ф. Рэш [5], относящееся к прагматике поликультурной коммуникативной ситуации, что наиболее верифицировано по отношению к языковой политике Крыма.

Причиной этому также служит характер исследуемого материала, так как не во всех случаях целесообразно и возможно настолько четкое разграничение и соответствующая квалитативная репрезентация.

Мы также разграничиваем стилистическую и ситуативную маркированность единиц, так как считаем подобные составляющие представления прагматики функционирования знака взаимобусловленными, но не тождественными системами.

Связь, прослеживаемая при вычленении тематических групп по ситуативному признаку со стилистической доминантой, наблюдается также в экспликации номинации. Нами были выделены такие группы социально опосредованных ситуацией обращений, как:

1. **Собственно обращения.** Выделить данную тематическую группу в подобной классификации возможно в широком или узком аспекте. В первом случае около 95% указанных ниже формул будут включены; но тот факт, что существование этикетного знака абсолютно не обладающего коннотацией невозможен, приводит к выводу о том, что для социолингвистической парадигмы рассмотренных единиц это нецелесообразно (даже наиболее нейтрально коннотированные единицы, по сравнению с прочими, *Здравствуйте* и *Добрый день* – не являются тождественными).

2. **Благопожеланиями христиан (сакрализованные):** *Аминь кто крещенной?*, (относим не все сакрализованные единицы, так как многие из них несут аллюзивную коннотацию и относятся к разговорным, несмотря на семантическую связь с религиозным мироощущением) *Ангел мой, Ваше Преосвященство, Владыко, возлюбленной о Господе (о Христе) братия и сестры, кого Бог (Господь) дарует (даровал, принес)?*

3. **Экспликаторы социальных ролей:**

3.1. к вышестоящим лицам. **Обращение к вышестоящему лицу:**

Августейший Монарх, Ваше Высокоблагословение, Великая Княгиня, всепресветлейшая Государыня, государь мой, державнейший Государь, сиятельный князь (граф), царица и т.д.; формулы с более низкой интенсификацией торжественности, лингвистической вежливости: батюшка государь, баронесса, государыня (моя, родна) матушка, милосердный (господин), солнышко князь, сударыня-барыня, сердечный друг, царица-матушка, царь-отец и т.д.; равным: господин, товарищ.

3.2. реализация страты возраста:

3.2.1. **детские:** Агу, Агунюшки, Агусеньки, Агушеньки, потягушечки, порастушечки;

3.2.2. **к старшим по возрасту:** стара, старая, старик, старина, старинушка, старичок, старуха, старушка (моя), старче, старьей.

Разграничение единиц обращений на гендерно маркированные категории встречалось в работах, посвященных изучению речевого этикета [2; 4], мы детально рассмотрели данную группу, разделенную по данному критерию, приведя наиболее полную интерпретацию разграничения единиц, входящих в Словарь русского речевого этикета:

Маскулинные: алмазный мой, Великий Князь, Вельможный пан, Герр, Глубокоуважаемый, достопочтенный, достоуважаемый, дяденька, жадобненький, зайка (мой), изумрудный (мой), милорд, многочтимый (Н.), рыцарь (мой), сахар медович, сиятельный князь (граф), славный мой, служивенький, херувимчик (мой), хлопец, ясный сокол и т.д.

Феминные: барыня, барыня-сударыня, барышня, беляночка, благодетельница, богиня (моя), Великая Княжна, Вербушка, возлюбленная моя, голубонька, госпожа баронесса, девица-красавица, есочка, забавочка, лебедушка (моя), леди, лелечка, мадамочка, машер, мяляшка, мисс, писаная моя, роскошь моя, рыбка (моя), царица моего сердца (моей души), цветочек мой, цыпка (моя), ясочка (моя), яхонтовая (моя) и др.

Гендерно амбивалентные: Ваше царское величество, голова, дамы и господа, доктор, золотко (мое), добрые люди, хорошие мои, Лада (моя, мой), медам и месье, милая косточка, профессор, соколики, солнце (мое), шабер, яблочко мое (наше) наливное (наливчатое) и т.д.

Друзья: бесценный друг, Верный друг, друг (ты мой) ситный, друг ситцевый, друган, други (мои), други милые, дружья-братья, мил-сердечный друг, подруги, подруженька и т.д.

Экспликаторы родственных связей (непосредственное указание на степень родства, так как возможно употребление прочих вариантов обращений; указаны также и на метонимические формулы адресации к государю, например, на наш взгляд, в подобных случаях они соотносятся с импликатурами родства): бабусечка, бабуса, братенька, внученька, деверечек, деда, малышечка (моя), мамонька родимая, мать, няня, отец, папенька, сватенька, чаделко, что Ваши дети (Ваш муж, Ваша супруга)? и др.

3.3. Обращения к гостям: бранные (браны) гости, гостейка, гостеньки почитаны, какие ветры занесли?, какими путями?, есть кто живой (живая душа)?, по какому делу пожаловал?, Вы нас совсем не жалуете и др.

3.3.1. Ответные: господа, подарек, подаречек, подарка, подарушка, хозяйева, хозяин, хозяин мой, хозяйнушка (хозяйнушко), хозяйка, хозяйюшка, **фатические** (осведомление о делах): каково Ваши дела (идут)?; **к соседям:** сосед, соседи, соседка, соседюшка, которой земли, какой украины; **к землякам:** земля, земляк, земляничка, земляниченька, земляче, землячка, землячок, соотечественники.

4. Интенциональные адресации:

4.1. обращение-просьба: будьте добры, будьте любезны, Вам не трудно (сделать что-л.)?, Вас не затруднит...?, вопрос можно?, вы не подскажете?, не будете ли Вы так добры (любезны)?, прошу обратить (Ваше) внимание на..., прошу прощения (Вы не скажете...)?, разрешите Вам напомнить (заметить...), Разрешите Вас побеспокоить, не подскажете...?, позвольте полюбопытствовать (спросить, узнать...), приемлю смелость обратиться и др.;

4.1.1. извинение: простите за беспокойство (что беспокою...), простите за нескромный вопрос, видите ли, виноват, извините за беспокойство;

4.1.2. обращение внимания: обратить Ваше внимание на..., должен (считаю своим долгом) обратить Ваше внимание на..., минуточку (минутку, минуточку), минутку (минутку, минуточку) внимания, Позвольте обратить (Ваше) внимание на...;

4.1.3. вопросы о пожеланиях собеседника: (не могу ли я быть (Вам) чем-нибудь полезен?, не беспокоил ли я Вас, не помешал?, не

правда ли?, не прикажете ли (сделать что-л.)?, не хотите ли..?, чего желаете (пожелаете)?, чего изволите?, чем могу служить, чем служить прикажете?, что Вам угодно?, что желаете (пожелаете)? и прочие;

4.1.4. актуализаторы внимания, согласия: *Верно (я) говорю?, вообразите, вот пожалуйста, глядите (-ка), знаешь, как Вы думаете, можете себе (представить), не так (ли)?, обращаюсь к Вам.., рассудите сами (вот что...), согласитесь (со мной), судите сами, чувствуете?, не прикажете казнить, прикажи говорить (слово молвить), Эй (вы, ты)! и др.;*

4.1.5. обращение-осведомление: *Вы по какому вопросу (делу)?, чем (чему) обязан?, с Вашего разрешения, смею (Вас) спросить.., у меня (у нас) к Вам вопрос: ..., вы, вы не знаете?, могу (ли) я узнать?, который (из Вас) будет (Н.)?;*

4.1.6. с приказом: *куда прикажете?, как прикажете?, прикажете (сделать что-л.)?.*

4.1.7. собственно фатические: *что поделяваете?, что скажете?, здесь свободно?, что-то я Вам не мешаю?, я не помешал (не помешаю)?, много ли Вас, не надо ли нас?, свободно Вам?, удобно Вам?, сколько Вам лет?, чем порадуете?, что нового (новенького) (слышно)?, кого потерял? Вы свободны?.*

5. Относящиеся к роду и характеру деятельности

5.1. связанные с направлением движения: *далеко собрался (пошел...)?, Какой ветер занес?, куда Бог несет?, куда Бог послал?, куда идете?, куда путь держишь (правишь)?, откуда Бог несет (принес)?, откуда и куда путь держишь? и др.*

5.1.1. связанные с приемом пищи: *не желаете ли (чаю, закусить)?, чем потчевать;*

5.1.2. разговор по телефону: *алло;*

5.1.3. банные: *здорово ль парился?.*

6. Соматико-стереотипическая репрезентация этноса.

Выделение сопоставимой с соматической дифференциацией группы, отражающей духовный образ этнической группы, на наш взгляд, допустимо и коррелирует с категориями А. Вежбицкой: **душа:** голуба душа, душа (моя), душа-девица, душа-зазнобушка, душа любезная (милая, добрая...), душенька (моя), душечка (моя), душунь; **сердце:** серденько (ты мое милое), сердечный друг, сердешный (мой), сердце ты мое, сердяга; **горе:** горе (горюшко) ты мое (горькое, горемычное, луковое...), горюшка.

Данная нами классификация в ее процентном соотношении (анализируемые формулы представлены в *Словаре русского речевого этикета* и, соответственно, мы обращаемся к этому источнику реализации контекстов) представлена следующим образом:

Таблица № 2.

Ситуативно-тематические группы адресаций

формула	количество	%
<i>Экспликаторы родственных связей</i>	499	30
<i>Маскулинные</i>	426	26
<i>Феминные</i>	127	8
<i>Гендерно амбивалентные</i>	114	7
<i>Сакрализованные единицы</i>	85	5
<i>Формулы с более низкой интенсификацией торжественности</i>	53	2
<i>согласия</i>	51	3
<i>обращение-просьба</i>	44	3
<i>К друзьям</i>	42	3
<i>Обращение к вышестоящему лицу</i>	38	2
<i>Обращения к гостям</i>	24	1
<i>Связанные с направлением движения</i>	22	1
<i>Вопросы о пожеланиях собеседника</i>	18	1
<i>Обращение внимания</i>	14	1
<i>Собственно фатические</i>	13	1
<i>Ответные</i>	12	1
<i>К землякам</i>	10	1
<i>К старшим по возрасту</i>	10	1
<i>Обращение-осведомление</i>	9	1
<i>Извинение</i>	7	2
<i>К соседям</i>	7	
<i>Детские</i>	6	
<i>С приказом</i>	3	
<i>Душа</i>	3	
<i>Сердце</i>	3	
<i>Горе</i>	3	
<i>К равным</i>	2	
<i>Связанные с приемом пищи</i>	2	
<i>Разговор по телефону</i>	1	
<i>Банные</i>	1	

Наиболее вариативны *Экспликаторы родственных связей* (30% от общего количества), что связано с возможностью использования неформального, более свободного окказионального наименования. Сам круг общения располагает к актуализации ситуации обращения к данной стратификационной группе.

Маскулинные (26%) преобладают над феминными (8%), что может быть обусловлено исторически, профессиональной стратификацией (так как большинство формул архаичны – временная парадигма и ее фиксация связана именно с тем сегментом времени, когда лица мужского пола были вовлечены в социальную сферу более экстенсивную, чем женщины и дети).

Прочие группы не эксплицированы количественно (от 1% – 5%) из-за узкой специализации их применения, дискретности этикетного опыта и его соотношения с коммуникативной ситуацией.

Выводы, которые возможно сделать исходя из данных, представленных в виде таблицы частотности и процентного соотношения, занимаемого тематическими группами в Словаре русского речевого этикета, свидетельствуют о многообразии использования собственно девиантных формул и редуцировании типичных, нормированных форм этикетного обращения.

Причина этому, на наш взгляд, существование прескриптивных ритуальных форм адресации, функционирующих как наиболее употребительные, прочие же – окказиональны, категория, указывающая на экстралингвистические изменения в ходе развития этикетной парадигмы.

Мы также разграничиваем стилистическую и ситуативную маркированность единиц, так как считаем подобные составляющие представления прагматики функционирования знака взаимобусловленными, но не тождественными системами.

Таким образом, значительное количество вариантов обращений, их соотнесение с экстралингвистическими факторами, которые стали основой разграничения, приведенного нами, еще раз указывает на богатство русского речевого этикета и потенциал развития и реализацию социо-, этнокультурных ролей коммуникативной личности, очевидной становится потребность актуализации, в некоторых случаях ознакомления со всем многообразием этикетных средств, использования ситуационно-стилистической дифференциации адресативных формул контекстуально уместных

и соответствующих коммуникативным ожиданиям слушающего. Позиция по отношению сбережения массива знаний, реализующихся в семиотической системе хоноритета соотносится не только с рядом лингвистически опосредованных задач, например, экологией языка, но и ноосферным видением коммуникативной традиции, языка в целом.

Литература

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета / А.Г. Балакай. – М. : АСТ-пресс, 2001. – 670 с.
2. Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания / А.Г. Балакай. – Новокузнецк: изд-во Новокузнецк. гос. пед. ун-та, 2002. – 228с.
3. Гольдин В.Е. Речь и этикет / В.Е. Гольдин. – М.: Просвещение, 1983. – 109 с.
4. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст / Н.И. Формановская. – М., 2002. – 160 с.
5. Rash F. Linguistic Politeness and Greeting Rituals in German-speaking Switzerland [Электронный ресурс] /F. Rash. – Режим доступа: [http : // www.linguistik-online.de/20_04/rash.html](http://www.linguistik-online.de/20_04/rash.html)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ЧУДО В СИМФОНИЯХ ПО ТВОРЕНИЯМ РУССКИХ СВЯТЫХ

Ю.В.Коренева

uv.koreneva@mgou.ru

ГОУ ВО Московской области

Московский государственный областной университет

(Москва)

Современная отечественная лингвистика активно осмысляет роль и место языка в сознании народа, его менталитета, истории и культуры в целом. В кругу этих вопросов находится также вопрос о взаимоотношениях языка и религии. Представление о религиозном дискурсе, религиозном сознании, религиозных единицах языка и, собственно, о религиозном языке реализуют себя в разных научных трудах ([2; 5; 17]). Наш интерес сосредоточен на одном из религиозных текстов в структуре русского православного религиозного дискурса: симфонии. Симфония описана нами в: [7] и оценивается именно как религиозный текст. В качестве материа-

лов исследования используются Симфонии по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова) [10; 13], Симфония по творениям святого праведного Иоанна Кронштадтского [11], Симфония по творениям святителя Тихона Задонского [14], Симфония по творениям преподобного Амвросия Оптинского [9], Симфония по творениям святителя Димитрия Ростовского [12].

В любой Симфонии в алфавитном порядке в соответствии с тематико-идеографическим принципом расположены рассуждения святых о разных обстоятельствах духовной жизни христианина, представления о возникающих духовных трудностях и достижениях человека в его земной жизни. Одно из таких рассуждений связано с представлением о чуде.

Чудо в лингвистике сегодня воспринимается не просто как концепт, но как универсальный концепт культуры, как «особая категория сознания <...> внутри определённой системы представлений о мире» [16], относится к «культурно-отмеченным ментальным структурам» [1, с. 4], коррелирует с удивлением, которое, в свою очередь, интерпретируется как эмоциональный концепт, представляющий собой «ментальную единицу, которая отражает многовековой опыт интроспекции языкового коллектива в виде универсальных и культуроспецифических представлений о данной эмоции» [4, с. 284], определяется как жанрообразующий элемент религиозных жанров [15]. Все это позволяет утверждать, что *чудо* необходимо рассматривать как лингвокультурему, содержащую в своем семантическом объёме мировоззренческие, аксиологические и аффективные признаки.

Симфонии по творениям русских святых как тексты-справочники по духовной жизни, с одной стороны, и как срез религиозного сознания, с другой, содержат в своём составе разные статьи, как бы охватывая все необходимые вопросы, важные в духовной жизни. Обращение к текстам симфонии позволяет сконцентрировать лингвокультурологическое наполнение концепта *Чудо* и представить его в жанрово-дискурсивном ключе, поскольку «концепт – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [3].

Симфония по творениям святого, канонизированного Русской Православной Церковью, не так широко представляет *Чудо*, что обусловлено жанровыми и дискурсивными рамками, как художественный или разговорный дискурс:

Все силы и чудеса совершает Дух Святой. Тем же Духом подаются иному силы, другому действия сил. Ты только говори с верой, совершение слова не твоя забота, а Духа Святого [11, с. 751];

Воплощение и страдание Христово есть чудо [14];

Фарисеи и саддукеи, требуя у Господа знамения с небесе, требовали чуда в характере чудес антихриста [13].

В религиозно детерминированном ключе семантическое наполнение концепта *Чудо* будет иметь свои особенности. Сохранение базовой семы '*нечто сверхъестественное, необъяснимое*' не указывает на оценку источника *чуда*, поэтому чудо как явление может иметь разное происхождение, что подтверждается процессом концептуализации в словах и поучениях святых, которые объясняют природу чуда, его модальность и правильное к нему отношение.

В этимологическом плане слово *чудо* связывают древние ассоциации со слуховым каналом (*чуять*), и в дальнейшем у слова развивается семантика '*замечать, проникаться уважением, почтением*' [18, т. 2., с. 395; 19, вып.4, с. 128–129, 134–135], что позволяет думать о том, что *чудо* очень рано становится абстрактной единицей, связанной с оценкой реальности в языковом сознании человека (подробнее о религиозном наполнении семантического объёма концепта *Чудо*, его понятийной, образной и ценностной стороне в концептосфере агиографии мы писали в:[6]).

Оценка связи с реальностью, т.е. материальной жизнью, и лежит в основе концептуализации *чуда* в тексте симфоний. При этом, повторим, чудо не всегда интерпретируется как единица исключительно положительная. Духовная жизнь, как отмечают русские святые, тонкая материя, поэтому к чуду следует подходить осмотрительно, с рассуждением:

Они [чудеса] – дар Божий человечеству. Дар дан был не по долгу – дан единственно по благоволению и милосердию [10, с. 757];

При правильном и благочестивом воззрении на чудеса Господа они оказываются преисполненными Божественного разума:

требования знамения с неба (Мф. 24, 30) оказывается – каким оно и было – лишенным смысла [10, с. 760];

Желание видеть знамения служит признаком неверия, и знамения даны были неверию, чтобы обратить его к вере [10, с. 762];

... чудеса Христовы были истинными чудесами.... А фокусы – обман... [9, с. 342].

Вне религиозного текста анализ репрезентации концепта Чудо естественным образом затрудняется огромным количеством языкового материала, поэтому целесообразно здесь обратиться к данным Национального корпуса русского языка, сделав лишь краткую выборку репрезентантов (по художественному подкорпусу найдено 2 856 документов, 11387 вхождений [8]), при этом вне религиозного дискурса чудо семантизируется по своей основной семе как нечто необъяснимое:

Я думала, что она просто немного сошла с ума. Я думала, что чудес не бывает. В письме говорилось, что в ответ на многочисленные просьбы мадам моей мамы посольство Франции в России сделало соответствующие запросы в определённые инстанции и теперь извиняется за то, что вся эта процедура заняла так много времени (Андрей Геласимов. Жанна (2001)) [8];

Ты мне двадцатку дал – а кто его знает, может, я только чудом под трамвай не попал с твоей двадцаткой? (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001) [8];

Он поднимался по шведской лестнице до самой перекладины, взбирался на неё верхом, отпускал руки и осторожно выпрямлялся. И тут начинались чудеса храбрости. Пока мы смотрели на его затаив дыхание, он пружинистым движением тела слегка раскачивал перекладину (Фазиль Искандер. Мой кумир (1965-1990)) [8];

Магараджа поразился чудесам европейской техники, заволновался, потребовал принести фишек (Даниил Гранин. Зубр (1987)) [8].

По данным того же Национального корпуса русского языка слово чудо в своей парадигме в церковных текстах, в основном в проповедях и религиозной научной литературе и публицистике, довольно частотно (найден 271 документ, 1243 вхождения [8]):

Величайшим из чудес праведного Симеона следует считать не его торжество над законами природы, а таинственный покров

благодати Господней, осенившей целый край по его молитвам (архиепископ Викентий (Морарь). Празднование памяти праведного Симеона Верхотурского на Урале (2003) // «Журнал Московской патриархии», 2003.11.24) [8];

Всякое истинное врачевание призвано стать причастным этому чуду исцеления, совершаемому в Церкви Христовой (Основы социальной концепции Русской православной церкви // «Альфа и Омега», 2000) [8];

Это теократическое правление ознаменовывалось особенною Божественною помощью, дивными чудесами Господа в жизни Израйля, по преимуществу во время военных опасностей, угрожавших ему гибелью (архиепископ Серафим (Соболев). Об истинном монархическом мирозерцании (1941)) [8].

С позиций структурно-языковых в текстах симфоний чудо, во-первых, имеет частотное употребление формы множественного числа – чудеса, во-вторых, частотна также и синонимическая замена – знамение:

Быть добрыми, сострадательными, милостивыми, терпеливыми, незлопамятными, не мстительными, искренно любящими состоит в нашей власти и возможности. А искренняя любовь и прямо добрые дела важнее чудес и нередко приятнее Богу многих чудес, потому что цель и конец, исполнение всего закона есть любовь, и кто любит ближнего, как себя, тот исполнил весь закон (см. Рим. 13, 10), тот сам есть истинное чудо (8) [11, с. 751];

Сотник признал себя недостойным принять Господа в дом свой, а просил, чтобы пришло в это дом всемогущее слово Господа, и исцелило отрока. Оно пришло; совершилось знамение, совершилось исцеление отрока. Господь похвалил веру и смирение сотника. I, 121 [13];

Не великим ли считается у людей быть чудотворцем, переставлять горы и творить иные знамения и чудеса? Не таких ли следовало бы назвать сынами Царства Небесного? Однако же и о них пишется в Евангелии, что они будут говорить: Господи, Господи! Не Твоим ли именем многие чудеса творили? Но Господь ответит им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня. Но вот еще и апостол говорит: Если имею всю веру, так что могу и горы переставлять, – я ничто (I Кор. 13, 2) [12].

Словообразовательный потенциал данного слова в текстах симфоний реализован неполно (можно отметить такие словоупотребления, как *чудо, чудесный, чудотворец, чудотворный*), в этом и нет особой необходимости, поскольку само слово-имя концепта как основной репрезентант когнитивной сущности и служит предметом осмысления, центром рассуждения святого:

Светом духовного разума должно быть озарено воззрение душевного ока на знаменья и чудеса, чтобы избежать тех бедствий, в которые может вовлечь воззрение на них плотского мудрования. IV, 323 [13].

Нюансировка семантики слов-номинантов и репрезентантов концепта *Чудо* позволяет предварительно выявить семантико-когнитивные признаки данной лингвокультуры в текстах симфоний: базовая сема *‘нечто необъяснимое, сверхъестественное, выходящее за рамки реальности, за рамки понимания’*, дополнительные семы: *‘некий знак/ знамение’*, *‘не есть самоцель в религиозной жизни’*, *‘имеет источник’*, *‘может быть истинным и ложным’*, *‘ожидается или неожиданно’*, *‘приводит к исцелению физическому и/или духовному’*, *‘связано с верой’*.

Эти признаки несколько отличаются от тех, что были нами определены на основе анализа преподобнического жития как типа религиозного текста [6], но в своей совокупности доказывают, что концепт *Чудо* имеет культурологический статус, понимание смыслового объёма вербализуемого текстами симфоний концепта сигнализирует о включённости языкового сознания человека, обращаясь к текстам симфоний, в православную религиозную концептосферу.

Литература

1. Абышева Е.М. Концептуальные инверсии: концепт «Чудо» (на материале русских и ирландских пословиц, поговорок, сказок). Автореферат диссертации ... кандидата филол.наук: 10.02.20. — Тюмень, 2008. — 21 с.
2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики. Монография. — Волгоград: Перемена, 2007. — 385 с.
3. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты// Известия РАН. Серия лит-ры и языка. — 2001. — Т.60, № 6. — С.47–58. [Электронный ресурс]. URL: http://lincon.narod.ru/happ_comps.htm (Дата обращения 07.02.2018).

4. Дорофеева Н.В. Удивление// Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Том 1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С.273–286.
5. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр./ ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 1999. — С.5–19.
6. Коренева Ю.В. Лингвокультурема *Чудо* в русском агиографическом тексте (северные преподобнические жития) // Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера: сборник научных статей // отв. ред. Е.Н.Ильина; Вологодский государственный педагогический университет. — Вологда: Легия, 2013. — С.118–124.
7. Коренева Ю.В. Структура симфонии: к вопросу о тематико-идеографическом членении религиозного дискурса // Вестник МГОУ. Серия Русская филология. — № 6. — 2015. — С. 21–26.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 25.01.2018).
9. Симфония по творениям преподобного Амвросия, старца Оптинского. — М., «ДАРЪ», 2007. — 352 с.
10. Симфония по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова). — М.: ДАРЪ, 2008. — 776 с.
11. Симфония по творениям святого праведного Иоанна Кронштадтского. — М., «ДАРЪ», 2007. — 768 с.
12. Симфония святителя Дмитрия Ростовского. [Электронный ресурс]: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/simfoniija-po-tvorenijam-svjatitelja-dimitrija-rostovskogo/267 (Дата обращения: 07.02.2018).
13. Симфония святителя Игнатия епископа Кавказского и Черноморского. [Электронный ресурс]: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/simfoniija-po-tvorenijam-svjatitelja-ignatija-episkopa-kavkazskogo-i-chernomorskogo/208 (Дата обращения: 07.02.2018).
14. Симфония святителя Тихона Задонского. [Электронный ресурс]: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Joann_Maslov/simfoniija-po-tvorenijam-svjatitelja-tihona-zadonskogo/365 (Дата обращения 07.02.2018).
15. Смирнова В.В. Чудо как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров (житие, пример, видение). Диссертация ... кандидата филол.наук: 10.01.03. — М., 2006. — 254 с.
16. Стародумов И.В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии. Автореферат диссертации ... кандидата филол. наук 10.01.01. — Омск, 2009. — 20 с.
17. Чернобров А.А. Специфика религиозного дискурса в лингвистике (Образование и культура России в изменяющемся мире. — Новосибирск, 2007. — С. 94–98) / А.А. Чернобров/ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru> (Дата обращения: 30.12.2017).

18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 500 слов: Т. 1–2. — М.: Рус. яз., 1993.

19. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под редакцией чл.-корр. АН СССР О.Н.Трубачева. — М.: Изд-во «Наука», 1977. — Выпуск 4. — 235 с.

**ТЕКСТОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ АББРЕВИАТУР,
ВХОДЯЩИХ В АББРЕВИАТУРНОЕ ГНЕЗДО "ЗАВОД":
ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС
"ЗАВОД, СВЯЗАННЫЙ С ЖИВОТНЫМИ"**

Е.С.Крестьянинова

krestasya@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Целью предлагаемой статьи является сопоставление набора дешифровальных стимулов (далее – ДС), которые обнаружены у слов из ономасиологического класса (далее – ОК) «завод, связанный с животными», входящих в аббревиатурное гнездо «завод». Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить понятие «аббревиатурное гнездо», 2) уточнить понятие «дешифровальная матрица», 3) выявить совпадающие и различающиеся зоны дешифровальных матриц (далее – ДМ) слов, входящих в гнезда эквивалентности (далее – ГЭ) рассматриваемого ОК.

Проблему ономасиологической структуры осветили в своих работах М. Докулил [1], Е. С. Кубрякова [5], В. И. Теркулов [7]. По мнению М. Докулила, ономасиологическая модель имеет двухчастную ономасиологическую структуру, то есть включает ономасиологический базис (далее – ОБ) и ономасиологический признак (далее – ОП). ОБ указывает на определенный понятийный класс – родовое понятие (для данного ОК отмечается один ОБ – «предприятие»), ОП – на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса (для рассматриваемого класса отмечается ОП «животное»).

Отношения между ССС и деривационно связанными с ними словосочетаниями – это отношения эквивалентности, при которых

часто одному сложносокращенному слову соответствует несколько эквивалентных словосочетаний [8, с. 69]. Например, ССС *альпбаза* имеет такие текстовые синтаксические эквиваленты, как *альпинистская база, база альпинистов, база для альпинистов*. Это позволяет говорить о существовании гнезд эквивалентности (далее – ГЭ), то есть совокупности деривационно связанных между собой эквивалентных единиц, способных к взаимозамене в эквивалентных текстах (далее – ЭТ) [9, с. 100]. Совокупность ГЭ с тождественным базисом (например, *авиазавод, бронезавод, химзавод, мясозавод* и др.) и формируют **аббревиатурное гнездо** (в нашем случае – *завод*).

Анализ позволил выделить 8 гнезд эквивалентности из данного ОК (*коне-, кролико-, кур-, овце-, птице-, пчело-, рыб-, свинзавод*). Каждая из вышеперечисленных аббревиатур имеет неодинаковый набор стереотипных моделей расшифровки ССС, которые мы, вслед за В. И. Теркуловым, называем **дешифровальными стимулами** (ДС) [10, с. 19]. Совокупность ДС внутри ГЭ формирует дешифровальную матрицу (далее – ДМ). А. И. Бровец предлагает разграничивать ДС по степени их структурного и семантического усложнения относительно ССС [2, с. 166]. **Презентативные дешифровальные стимулы** семантически «открыты» для интерпретации. Имея обобщённую семантику, презентативы равны ССС. Так, все аббревиатуры ОК «завод, связанный с животными» имеют текстовые эквиваленты с презентативным ДС на синхронном срезе языка, формируя абсолютно совпадающую зону ДМ: «*Работники на **рыбзавод** (Польша) –Требуется 20 человек на **рыбный завод***» (<https://ua.trovit.com/rabota>). **Интерпретативные** ДС структурно сложнее аббревиатуры, поэтому выделить совпадающие зоны в наборе ДС проблематичнее: обнаруживается варьирование семантики тождественных по структуре ономаσιологических моделей в пределах интерпретативного словосочетания, где ССС аккумулирует значения своих текстовых эквивалентов. Так, дешифровальные стимулы *завод по выращиванию коней* и *завод по производству конины*, относящиеся к аббревиатуре *конеzавод*, актуализируют разное значение в текстах, стимулируемое внутренней семантикой интерпретативного ДС. Однако оба вышеперечисленных эквивалента имеют значение дестинатива, то есть обозначают разные цели развития событий. Учитывая тот

факт, что интерпретатив включает в свой состав дополнительный ономаσιологический признак, отсутствующий в структуре сложносокращенного слова, аббревиатура, в свою очередь, «поневоле» вбирает в себя этот признак, вступая при этом в дополнительные гиперо-гипонимические отношения в пределах ГЭ с обобщающими единицами. М. В. Никитин говорит о многоступенчатом характере отношений между частными и общими понятиями, в силу которого мы имеем дело с гиперонимами – единицами, выражающими родовые понятия, и гипонимами – единицами, выражающими видовые понятия [6]. По мнению Б. Н. Головина, «значение слов-гипонимов включает в себя большее число семантических компонентов, чем значение слов-гиперонимов» [3, с.59]. Этим объясняется неоднозначность трактовки некоторых ДС аббревиатур: семантически один и тот же многозначный ДС может вступать в различные гиперо-гипонимические отношения одновременно. Ряд эквивалентных словосочетаний ССС, а также сами ССС, являясь частными единицами по отношению к общей лексеме, в своей совокупности формируют **гипонимы гнезда эквивалентности**. В отличие от отношений презентативной эквивалентности, где ССС и его текстовый эквивалент могут взаимозаменять друг друга в текстах, гипонимам свойственна только односторонняя замена в тексте (как подведение вида под род): «*Рыбзавод имеет 111 прудов, в том числе 41 для мальков – Племзавод (сноска)*» (<https://restoreum.ru/turizm/plemnoi-forelevodcheskii-zavod-adler.html>). В данном случае двусторонняя замена невозможна, так как существуют не только рыбные племенные заводы.

Предполагается совпадение ДМ для слов, относящихся к одному ОК. Однако в ОК «завод, связанный с животными», входящих в аббревиатурное гнездо «завод», были обнаружены различающиеся зоны в наборе ДС. Предлагаемая классификация основана на степени выраженности наиболее важных хозяйственно полезных признаков:

- *Племенное направление* животноводства, основная задача которого состоит в обеспечении государства и частных лиц чистопородными производителями и сохранение чистокровных животных. В данную группу отнесем и *спортивное направление*,

предполагающее организацию и участие в соревнованиях. Гиперонимическое наименование – *племенной завод (завод по выращиванию коней, завод по разведению кроликов)*;

- *Продуктивное*, целью которого является получение мяса, продуктов питания. Данное направление условно можно поделить на две группы:

- 1) *завод мяса/рыбы*, то есть выращивание животных, включая рыб, которые также считаются водными животными, для последующего их убоя (*завод по убоя овец, завод по переработке/производству ягнятины/баранины* и др.);

- 2) получение продуктов от животных без убийства:

- *завод молока (завод по производству/переработке овечьего молока)*;

- *завод шерсти (завод по производству/переработке овечьей шерсти)*;

- *завод мёда (завод по производству пчелиного меда)*;

- *завод яиц (завод по производству куриных яиц)*.

Следовательно, несовпадение набора ДС может быть обусловлено несовпадением продуктов, получаемых человеком от животных. Поскольку в нашей стране конина не является привычным продуктом питания, а кобылье молоко (вернее, изготовленный из него кумыс) – привычным молочным продуктом, аббревиатура *конезавод* в русском языке не будет иметь модели дешифровки *x-перерабатывающий завод*, в отличие, например, от *птицецеха*: «Министр сельского хозяйства заглянул на новый *птицеперерабатывающий завод «ДАМАТЕ» – Птицецех является лишь одним звеном в цепочке вертикально-интегрированного комплекса»* (<http://pticevodstvo.ru/news/indeyku-na-penzenskiy-rynok.html>).

Следует разграничивать ДС аббревиатуры по принципу различия имплицитной семантики внутри одной ономаσιологической модели по отношению к гиперониму:

- 1) *Дестинатив*¹ (гиперонимическое наименование – *племенной завод*). Ономаσιологическая структура – предприятие + дестинатив¹. Например, «*Также изменились и достижения и перспективы конного завода... – Именно с лошадьми с конезавода № 175 советские жокеи побеждали на мировых аренах, прославляя Кировоградскую область далеко за ее пределами*»

(<http://day.kyiv.ua/ru/article/obshchestvo/onufrievskiy-konezavod-v-god-loshadi-s-nadezhdoj-na-zarplatu>);

2) **Дестинатив**² (гипероним – завод мяса). Ономасиологическая структура – предприятие + дестинатив². Например, «Прочел как "свинзавод" – То есть завод по производству свинины» (<https://forum.comicsnews.org/news/topic1906-300.html>);

3) **Дестинатив**³ (гиперонимом может выступать завод молока, завод шерсти, завод мёда, завод яиц). Ономасиологическая структура – предприятие + дестинатив³. Например, «Новый завод по производству овечьей шерсти на Удоре будет испытывать постоянную нехватку сырья» (<https://kominform.ru/news/71189/>).

Таким образом, появление лакунарности, то есть различия или несовпадения набора ДС в пределах аббревиатур, а следовательно, и несхожесть ДМ заключается в ономасиологическом нетождестве, в различных значениях дестинатива. Аббревиатура как результат произвольного процесса сокращения наименования в целях экономии речевых средств аккумулирует все необходимые значения ее текстовых эквивалентов, вступая при этом в различные гиперо-гипонимические отношения с обобщающими единицами.

Литература

1. Dokulil M. Tvoreni slov v ceštine. I. Teorie odvozování slov / M. Dokulil. – Praha : SAV, 1962. – 263 s.

2. Бровец А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул аббревиатуры: источники, псевдоунивербализационная синекдоха, внутриранговая альтернатива / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е.Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – с. 166–172

3. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – Москва: Высшая школа, 1987. – 104 с.

4. Докулил М. Словообразование в чешском языке // Теория словообразования: резюме (на русском языке) / М. Докулил. – Прага, 1962. – 114 с.

5. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 158 с.

6. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.

7. Теркулов В. И. Параметры ономасиологической классификации универбализационных композитов / В. И. Теркулов // Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. – 2008. – № 13. – С. 183–190.

8. Теркулов В. И. Текстовая эквивалентность сложносокращенного слова / В. И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс : научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Выпуск 13. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2015. – С. 69–77.

9. Теркулов В. И. Гнезда эквивалентности сложносокращенных слов в аббревиационной группе с аббреконтруктом БИО / В. И. Теркулов, А.А.Сыроватская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : ежеквартальный научный журнал. – № 3 (19). – Владикавказ, 2015. – С. 99–105.

10. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. – Вып. 3 (29) : Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13–25.

ГРАММАТИКА И ПРАГМАТИКА НАУЧНОГО ТЕКСТА

В.А. Кузьменкова

valentinaleks@gmail.com

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(Москва)

Как известно, традиционное системное описание языка оказалось недостаточным для организации преподавания языка специальности. Это обстоятельство стимулировало появление большого количества работ, направленных на исследование и описание подязыков отдельных наук и посвящённых профессиональной дифференциации языка. О внимании к научному стилю свидетельствуют работы М.Н. Кожинной, Н.М. Лариохиной, О.Д. Митрофановой, Л.В. Славгородской, Вместе с тем, лексико-семантический анализ языка естественнонаучных текстов приводит к выводу о существовании и функционировании общенаучного лексического ядра [3, с.73].

Это ядро складывалось исторически и обязано своим развитием трудам многих выдающихся мыслителей. Его основы начали формироваться ещё в трудах и трактатах древнегреческих философов, таких, как трактат Аристотеля «Физика». Однако стиль научного изложения со всеми его особенностями выделился гораздо позже, и научные проблемы долго оставались «сюжетом» поэтических произведений. Достаточно вспомнить, что М.В. Ломоносов

писал прекрасные поэтические произведения, в которых излагались научные проблемы, как, например, «О пользе стекла».

В общенаучном лексическом ядре разные науки представлены неодинаково. Физика, как наука мировоззренческая, оказала большое влияние на формирование этого ядра. В нём также широко представлена математика, увеличивается вклад химии и биологии, особенно в связи с развитием биофизики, молекулярной биологии, генетики, физической химии.

Следовательно, общенаучное лексическое ядро может быть основой обучения специалистов естественнонаучного профиля.

Разумеется, история языка науки представляет самостоятельный научный интерес, связанный с изучением духовного наследия человеческой цивилизации. В статье обсудим лишь некоторые проблемы, связанные с изучением особенностей научного текста.

При чтении научного текста на русском языке иностранные учащиеся в первую очередь преследуют прагматическую цель – извлечь из текста профессионально значимую информацию. Нередко эта информация оказывается для них недоступной. В статье будет также обсуждаться проблема, как помочь иностранным учащимся овладеть языком специальности, опираясь на знание особенностей стиля научного изложения.

Основные трудности, с которыми сталкиваются иностранные учащиеся при чтении научных текстов, заключаются в следующем:

- незнание терминологической лексики;
- незнание синтаксических особенностей стиля научного изложения;
- незнание метатекстовых средств, с помощью которых оформляется основное информативное содержание;
- неумение трансформировать текст.

Перечисленные проблемы определяют задачи, стоящие перед преподавателем в практике преподавания языка специальности иностранным учащимся.

Общенаучное лексическое ядро в первую очередь обнаруживается в обзорных статьях, которые ставят своей целью познакомить научный мир с новейшими научными достижениями в разных областях наук. Общенаучное лексическое ядро мы находим также в обзорных докладах на симпозиумах, конференциях, в мо-

нографиях и вузовских учебных пособиях. Эволюция общенаучного лексического ядра определяется процессом интеграции лексики и связанным с ним процессом взаимного проникновения. В книгах по физике можно найти изложение механизма наследственности, в учебниках по биологии читаем: *«Одно из основных положений современной биологии состоит в том, что явления жизни в значительной степени можно объяснить в понятиях химии и физики, не привлекая для этого таинственные жизненные силы»* [1,19].

Любое количественное определение общенаучного лексического ядра будет неточным, поэтому попытаемся дать качественное определение этого понятия, указав его основные свойства и структуру.

К основным свойствам общенаучного лексического ядра относятся:

а) *предельная семантическая ёмкость слов.*

Способность лексической системы к минимизации обеспечивает постоянно возрастающий семантический вес общенаучного лексического ядра. В справедливости данного утверждения убеждают нас следующие слова учёных - физиков: *«Если бы в результате какой-то мировой катастрофы все накопленные научные знания оказались бы уничтоженными и к грядущим поколениям живых существ перешла бы только одна фраза, то какое утверждение, составленное из наименьшего количества слов, принесло бы наибольшую информацию? Я считаю, что это – атомная гипотеза (можете называть её не гипотезой, а фактом, но это ничего не меняет): все молекулы состоят из атомов – маленьких телец, которые находятся в непрерывном движении, притягиваются на небольшом расстоянии, но отталкиваются, если одно из них плотнее прижать к другому. В одной фразе, как вы убедитесь, содержится невероятное количество информации о мире, стоит лишь приложить к ней немного воображения и чуть соображения»* [7, с.23].

Займствуя слова из общеупотребительного языка, наука обогащает их новой семантикой и в таком состоянии «возвращает» их в общелитературный язык, делая их достоянием человеческой культуры. Таковы слова «волна», «частица», «связь» – в физике,

«рост», «обмен» (веществ) – в биологии и т.п. Как известно, в контексте слово употребляется лишь в одном лексико-семантическом варианте (ЛСВ). По справедливому замечанию Л.В.Щербы, любое слово «многозначно», «диалектично» и способно в контексте выражать всё новые и новые оттенки;

б) *точность и однозначность.*

Семантическая ёмкость слов не делает язык науки неточным. Это достигается за счёт того, что определённые понятия в языке науки переводятся на язык математики, самой точной из всех наук;

г) *непрерывный динамизм.*

Эта особенность связана со сложным процессом словообразования, словоизменения и словоупотребления. Предварительный анализ этого процесса показывает, что в нём доминируют следующие факторы:

– внутренние потребности развития науки, стремление к употреблению лексики, не привносящей путаницу в представления;

– рождение новых понятий, для наименования которых берутся слова из далёкого от науки ряда: «очарование», «странность» – в физике элементарных частиц; «тощее множество», «бочечное пространство», «звёздная окрестность» – в математике;

– отказ от употребления слов, отражающих понятия, не подтверждённые на опыте или при наблюдениях, как, например, слово «теплород»;

Указав основные свойства общенаучного лексического ядра, мы охарактеризуем его структуру, так как для эффективного овладения языком специальности необходимы также чёткие представления о структуре научного текста.

К структурным элементам естественнонаучного текста относятся:

– слова-термины и терминологические сочетания, принятые в данной области науки: *электрон, позитрон, нейтрон, рекомбинация, распад, ионизация, гармонические колебания, кларк.* Термины условно можно разделить на четыре больших класса:

– наименование объектов, приборов и установок (*клетка, электрон, осциллограф*);

– наименование методов исследования, теорий (*принцип Паули, метод штрафных функций*);

– наименование явлений, процессов, эффектов (*спектроскопия, электромагнитная индукция*);

– наименование научных понятий, представлений (*масса, спин, странность*).

Термины разных классов обладают разной степенью влияния на окружающую их лексику, они сужают возможности вариативности синтагм, определяют структуру и организацию высказывания.

Наличие терминов является стилеобразующей чертой научного изложения. Термины, пронизывающие научные тексты, делятся на национальные и интернациональные. В процессе проникновения иностранных слов в русский язык важная роль принадлежит научному и техническому авторитету страны – носителя языка, из которого заимствуется слово. Так, например, вместо русского термина «живая сила» стал употребляться термин «*потенциальная энергия*». В процессе адаптации происходят фонетические изменения облика заимствованного слова, поэтому при «узнавании» этого слова полезно опираться на словообразование и контекстную догадку [5, с.78-84];

– слова-показатели смысловых отношений, отражающие отношения ‘зависимости’, ‘включения’, ‘вхождения в состав’, ‘различия’, ‘отождествления’: *Лагранжиан зависит от состояния полей в бесконечно малой окрестности*;

– преобладание отглагольных существительных (девербатов): *распад, ионизация, рекомбинация*. Подобные слова вместе с полусвязочными глаголами (*делать, совершать, производить, происходить и др.*) образуют описательные предикаты: *происходит распад частиц, произведём перестановку слагаемых, находится в зависимости* [6, с. 52-59];

– сочетания лексики и символов, обозначающих определённые характеристики, операции, действия: $a=b$, $b > a$ и т.п.;

– устойчивые сокращения: *СТО – специальная теория относительности; ОТО – общая теория относительности; СВЧ – сверхвысокие частоты*;

– устойчивые клишированные словосочетания и конструкции: *легко видеть, нетрудно доказать*;

– синтаксические структуры, представленные в учебниках по русскому языку для иностранных учащихся как обязательные для изучения: *что состоит из чего, что делится на что, что содержит что* и т.п. Действительно, в текстах по физике мы находим: *атом состоит из...*, в текстах по химии – *вещество состоит из*

... , в текстах по математике – *множество состоит из...* . Конструкция «*состоит из...*» означает – соединено, собрано, содержит и значит, может «*делиться на...*»;

– высказывания, вводящие термин с помощью конструкции *что называется чем*: *Среднее относительное содержание каждого элемента, выраженное в атомных или массовых процентах, называется его распространённостью или кларком*;

– предложения, содержащие вопрос, но по форме не являющиеся вопросительными: *Для изучения проблемы излучения выясним, что происходит, когда электрон переходит с одной дискретной орбиты на другую*.

Одна из важнейших семантических функций вопросительных предложений в научных текстах состоит в постановке задачи [4, с.109-110]. При этом обеспечивается наиболее точная и ясная формулировка проблемы и цели исследований. Поэтому многие названия научных статей оформляются как вопросительные предложения: *Зависит ли инерция тела от содержащейся в ней энергии?* В таком же виде могут формулироваться параграфы монографий: *Как следует понимать корпускулярно-волновой дуализм?* Или отдельные проблемы в научных текстах: *Каким образом клетка получает питательные вещества?*;

– *концептуальные метафоры* как одно из эффективных средств познания и описания новых явлений. Концептуальная метафора – это результат такого метафорического переноса, целью которого является появление нового понятия. В языке науки используются так называемые фундаментальные метафоры, которые обуславливают целые направления в научных исследованиях, например, в физике «*строение атома – солнечная система*» или в информатике «*мышление – процесс обработки информации*». Одной из самых распространённых метафор является фундаментальная метафора, обозначающая жизненный цикл: рождение, старение, смерть: *Это обстоятельство находит выражение в экспериментально установленном законе парного рождения “странных” частиц; Это и обеспечивает жизнедеятельность на Земле, так что тепловая смерть ей не грозит. Частицы рождаются и умирают, у них есть время жизни, замедление старения, существует атом – близнец*;

–*метатекстовые средства* разного функционального предназначения:

а) средства аргументации, указывающие на известность информации: *Эти соотношения хорошо известны в классической физике;*

б) средства авторизации, указывающие на источник информации: *Согласно теории Бома, ...; Как показал Тарасов, ...;*

в) метатекстовые средства, указывающие на порядок следования информации: *Во-первых, ...; Во-вторых, ...; В третьих, ...* и др.

Понимание, воспроизведение и продуцирование научного текста предполагает умение производить различного рода трансформации. В.Г. Гак указал три основных пути трансформации: «а) изменение конфигурации актантов; б) развёртывание формы выражения предиката; в) добавление и устранение актантов» [2, с. 268]. Функционально-коммуникативная грамматика располагает типологией трансформаций, характерных для русского предложения. Среди способов трансформации можно выделить следующие: 1) описательные предикаты – однословные предикаты: *частицы распадаются – происходит распад частиц;* 2) конверсивы: *Мы провели ряд экспериментов – Нами был проведён ряд экспериментов;* 3) различного рода синонимические перефразировки: *чтобы измерить давление – для измерения давления.* Овладение способами трансформации текста является одной из важнейших задач обучения русскому языку как неродному.

Стоит вкратце сказать о требованиях к подбору текстов, которые способствуют эффективному изучению русского языка.

При подборе текстов на первый план выступает их информативность, тематика, в той или иной мере затрагивающая интересы обучаемых или общечеловеческие интересы. Тексты должны соответствовать современному уровню развития науки, сфере коммуникативного подключения учащихся. В них может содержаться информация о проблемах экологии, о генетике, об успехах вычислительной техники, о космических достижениях, о наиболее общих законах природы и общества.

Наметим возможные пути интенсификации обучения:

– изучение языка науки сразу после вводно-фонетического курса. Это обеспечивает интенсивное погружение в язык специальности, так необходимый учащимся;

- тщательный отбор и последовательность подачи грамматического материала в соответствии со сферой общения;
- использование при обучении «базисных» или ключевых слов, которые «поддерживают смысл»;
- презентация научного текста с использованием графических опор, диаграмм, таблиц, иллюстративных материалов.

Изучение и описание особенностей общенаучного лексического ядра, структурных элементов естественнонаучного текста, особенностей его грамматики, способов синонимических трансформаций имеет не только теоретическую значимость, но и прагматическую направленность, так как даёт возможность применить полученные результаты исследований в практике преподавания русского языка как неродного.

Литература

1. Вилли К. Биология. М.: Мир. 1968. – 808 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования: Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. М.: Либроком. 2009. – 368 с.
3. Кузьменкова В.А. Общенаучное лексическое ядро как основа обучения русскому языку специалистов естественнонаучного профиля // *Innere und aussere Faktoren einer Intensivierung der Russischfbsbildung. – 7 Internationales Simposium / Wissenschaftliche Beitrage, 1986/75 (F-64). – Halle (Saale). 1986. С. 73-78.*
4. Кузьменкова В.А. Основные характеристики, семантические функции и особенности употребления предложений, содержащих вопрос, в научной речи // *Грамматика и прагматика текста. М.: ЛЕНАНД. 2017.– С. 106-112.*
5. Кузьменкова В.А. Роль терминов в организации научного высказывания // *Проблемы преподавания РКИ в вузах инженерного профиля. – Материалы городского научно-методического семинара «Русский язык как иностранный в российских технических вузах». Вып.3. М.: ИЦ МГТУ СТАНКИН. 2005.– С.78-84.*
6. Кузьменкова В.А., Лариохина Н.М. Описательные предикаты в профессионально ориентированном обучении РКИ // *Русский язык за рубежом, 2005. № 1-2.– С. 52-59.*
7. Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Т.1. М.: Мир.1965. – 267 с.

СТРАТЕГИИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Г.С. Любина

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Краснодар)

Проблема манипулирования человеческим сознанием носит междисциплинарный характер и исследуется такими науками, как психология, социология, политология, философия и лингвистика. Лингвистика занимается данной проблемой в связи с тем, что манипуляция в большинстве случаев осуществляется с помощью средств языка [1, с. 38; 2].

Цель нашей статьи – предпринять попытку систематизации различных способов языкового манипулирования и рассмотреть такие категории, как стратегия речевого воздействия, коммуникативная тактика, коммуникативный прием.

Слово «манипуляция» заимствовано в XIX в. из французского языка, где *manipulation* – суффиксальные производные от *manipuler* «манипулировать» (от лат. *manus* «рука» и *pleo* «наполняю») [3, с. 85; 12 с. 174].

В «Русском толковом словаре...» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной манипуляция определяется как «1. Сложный прием, действие над чем-н. при работе руками. 2. Перен. Действие, направленное на то, чтобы представить дело выгодным для себя образом (неодобр.)» [7, с. 297].

С.Г. Кара-Мурза характеризует манипуляцию как «программирование мнений и устремлений масс, их настроения и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции» [5, с. 16].

И.А. Мартыанова определяет манипуляцию как скрытое воздействие на адресата, который рассматривается в качестве средства достижения эгоистических целей манипулятора [8, с. 30].

Следует отметить, что проблема манипулирования как скрытого психологического воздействия поднималась еще в древневосточной философии (Лао-Цзы, Конфуций), согласно которой манипулирование являлось органической частью управления государством, основой дипломатии и политики [1, с. 39].

Рассматривая возможности манипуляции общественным сознанием в политическом медиадискурсе, ученые используют такие категории, как коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коммуникативный прием [4; 10].

Вслед за А.А. Казаковым, мы понимаем под коммуникативной стратегией – заранее определенную цель коммуникации, для реализации которой необходимо изменение или формирование (если она отсутствовала ранее) позиции адресата по той или иной проблеме в массмедиа.

Коммуникативная тактика может быть определена как комплекс речевых актов, объединенных набором специфических характеристик и реализующийся при помощи совокупности приемов. Соответственно коммуникативный прием – это конкретный способ воздействия на адресата, предполагающий использование лингвистических или экстралингвистических средств [4, с. 88].

Так, например, Т.С. Ковалева отдельными коммуникационными стратегиями считает манипуляцию, дискредитацию, формирование требуемого эмоционального настроения, нападение, агитацию, самопрезентацию [6, с. 79].

Е.В. Сергеева выделяет три группы тактик речевого воздействия: тактику манипуляционной подачи информации, тактику манипуляции на чувствах и потребностях и тактику демагогии [10, с. 47-52].

Как отмечает И.А. Мартыанова [8], исследователями А.К. Михальской [9] и А.П. Чудиновым [11] и др. установлено, что стратегии манипулирования общественным сознанием могут мобилизовать человека на борьбу с реальным или мнимым врагом, либо искусственно демобилизовать, успокоить. И в первом и во втором случае предполагается достижение такого согласия, которое основано на вере. Для этого используются выражения: *как мы все знаем, нет сомнения, как известно, совершенно очевидно, мы с вами согласны* и т.п. Субъективное мнение подается в виде объективного факта при помощи категорического суждения.

Оратор подчеркивает свою уверенность в согласии адресата, хвалит его, при этом всячески унижает оппонента (реального или воображаемого), суждения которого намеренно искажаются. Любая оценка выражается категорично, по принципу или – или, белое – черное, что, безусловно, упрощает истинную картину жизни.

Учеными выявлены приемы **скольжения** смысла, когда используются эвфемизмы (например, *разбомбленный дом* называют *военным объектом*). Скольжение смысла возможно как в положительную, так и в отрицательную сторону: *разведка – шпионаж, договор – пакт* и т.п.). Смысл размывается, когда используются так называемые лозунговые слова с очень широким значением, например: *свобода, демократия*. Истинность высказывания вызывает сомнение, когда подчеркивается его субъективность, неопределенность, например: *как утверждают некоторые*. Встает вопрос: кто именно?

Проблема манипулирования общественным сознанием, как и сознанием отдельного человека, – одна из жизненно важных. В книжных магазинах можно найти популярные издания, которые гарантируют обучение тому, как заставить человека действовать и думать по нашему желанию. Приведем названия подобных книг: «Делай, как я велю!», «Думай, как я хочу!» и т.п. Содержание подобных книг вызывает не только этические, но и научные сомнения, так как их рекомендации вульгаризируют, искажают риторику [8, с. 32].

Таким образом, нами была предпринята попытка систематизации различных способов языкового манипулирования, рассмотрены такие категории, как стратегия речевого воздействия, коммуникативная тактика, коммуникативный прием.

В заключение отметим следующее: как бы коварны ни оказались манипуляторы, в большинстве своем они бессильны против тех людей, которые не теряют важные жизненные ориентиры и, являясь духовно сильными, способны найти надежные средства защиты от любого манипулирования.

Литература

1. Баскакова Ю.С. Манипуляция в языке СМИ: эвфемизмы как «слова-прикрытия»: Монография. – Краснодар: КСЭИ, 2009. – 182 с.
2. Буданова С.Г., Рябинина А.Г. Речевые приемы манипулятивного воздействия в рекламе с использованием вторичных текстов // Культурная жизнь Юга России. 2015. – 4(59). С. 115-121.
3. Быков А.А. Анатомия терминов. 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого: учебный словарь-справочник / А.А. Быков. – М.: ЭНАС, 2008. – 192 с.

4. Казаков А.А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. 2013. – 3(45). С. 87-90.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Учебное пособие. М.: Алгоритм, 2004. – 528 с.
6. Ковалева Т.С. Стратегия манипуляции в информационной войне (на материале текстов Ино-СМИ, посвященных Южно-осетинскому / Грузинскому конфликту 2008 г.) // Политическая лингвистика. 2011. №3(37). С. 78-85.
7. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Рус. яз. 2001. – 882 с.
8. Мартыанова И.А. Риторика: учебное пособие / И.А. Мартыанова, В.А. Ефремов, О.П. Семенец; под ред. И.А. Мартыановой и В.Д. Черняк. – М.: КНОРУС, 2017. – 200 с.
9. Михальская А.К. Педагогическая риторика. Ростов н/Д: Феникс, 2013. – 380 с.
10. Сергеева Е.В. К вопросу о некоторых манипулятивных приемах в текстах предвыборной агитации (на материале Кампании 2011 г.) // Политическая лингвистика 2012. № 2 (40). С. 46-52.
11. Чудинов А.П. Умение убеждать: практическая риторика. Екатеринбург, 1996. – 91 с.
12. Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М.: Дрофа, 2004. – 398 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТОВ ДОБРО И ЗЛО)

А.Я. Мартынюк

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

(Симферополь)

Язык является важнейшим средством существования и формирования знаний человека. Познавая окружающий мир, человек фиксирует результат своего познания в языке, при этом именно язык отражает и отображает реальный мир, представляя его интерпретацию, созданную сознанием человека, и тем самым создаёт новую реальность, в которой и живёт человек. Как справедливо отмечал Э. Сепир, «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [4, с. 193].

Совокупность знаний и представлений человека о мире, отраженных в языке, называют «языковой моделью мира», или «языковой картиной мира». Языковая картина мира имеет национальную специфику и отражает национально-культурную ментальность его носителей, сохраняя при этом в себе все глубинные, архаические пласты представлений древнего человека о мире, о вселенной. Именно в языковой картине мира отражается вся совокупность опыта людей, говорящих на определенном языке. Изучая национально-культурное пространство через язык, можно постичь внутренний мир и менталитет целого этнического сообщества.

На наш взгляд, в сознании того или иного народа скрыт образ мира, который актуализируется при помощи языковых средств. Исследование средств вербализации окружающей действительности, находящейся в сознании этноса, помогает приблизиться к национальной культуре. Д.С. Лихачев подчеркивает, что «национальный язык – это не только средство общения, знаковая система для передачи сообщений. Национальный язык в потенции – как бы «заместитель» культуры, показатель культуры» [2, с. 284]. Далее он поясняет свою мысль о том, что «если изучать всю сферу концептов (или, иначе, «концептосферу» национального языка), то тут оказывается необычайное богатство и теснейшая связь с культурой народа – с литературой и устным народным творчеством в первую очередь» [2, с. 286].

Реальная действительность находит свое отражение в бинарных оппозициях. Так, для русской культуры характерны противопоставления любовь-ненависть, счастье-горе, правда-ложь и другие. Несомненной для русской традиции является противопоставленность *добро – зло*.

Концепты *добро* и *зло* – ключевые в русской картине мира.

Добро является центральной категорией морали, высшей нравственной ценностью, одной из самых древних моральных категорий. Люди рассматривали добро как средство достижения идеальных отношений в обществе. Категория *добра* – это категория идеала, которая направлена на преодоление разобщенности и непонимания между людьми, привитие обществу высоких идей гуманизма и человеколюбия. Делать добро – главная составляющая нравственного поведения.

Противоположностью *добра* является *зло*, которое выражает совокупность всех негативных явлений, которые подлежат осуждению и преодолению (обман, подлость, жестокость).

Добро и зло тесно взаимосвязаны в жизни и делают ее противоречивой.

Категории *добра* и *зла* составляют суть извечного выбора человека, смысл его земного существования. Без осознания личностью, что есть добро и зло, невозможно постижение других категорий этических ценностей. Вопрос о добре и зле является центром всех религиозных доктрин, известных человечеству. Проблемы добра и зла разбираются в философии, этике, психологии и других науках. Данной теме посвящено множество литературных произведений. Эта проблема не перестает будоражить человечество, заставляя искать новые ответы на извечные вопросы. В.С. Соловьев подчеркивает, что «добро – безусловная норма, разновидностями которой можно считать щедрость, терпимость, великодушные, бескорыстность, правдивость» [6, с. 56-98]. Таким образом, *добро* можно рассматривать как основную категорию морали, моделирующую систему ценностей каждого отдельного человека и общества в целом.

Моральные поступки – это выбор между добром и злом. Этот выбор всегда означает действие свободной воли человека, он возможен тогда, когда человек понимает, что есть добро и зло и имеет оценку действий в соответствии с этими понятиями. С одной стороны, человек выступает как индивидуалист, с присущим ему стремлением к эгоизму, с другой, – его отличают чувство долга и личной ответственности за происходящее.

Добро и *зло* являются центральными понятиями, определяющими моральное сознание человека. Они связаны с оценкой совокупности поступков и его деятельности.

Концепты *добро* и *зло*, объединяющие концепты *дружба*, *предательство*, *щедрость*, *жадность*, *простодушие*, *хитрость* и некоторые другие, содержат базовую компоненту, общую для всех этносов, независимо от их принадлежности к определенной культуре.

В словарях лексема «добро» интерпретируется неодинаково. Рассмотрим некоторые определения:

- «добро – в широком смысле слова как благо означает ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо в его отношении к некоему стандарту или сам этот стандарт» [7, с. 675];

- 1. «ср. вещественно, все доброе ср. имущество или достаток, стяжание, добришко, особ. подвижность»; 2. «в духовном знач. благо, что честно и полезно, все чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; противоположно худу и злу» [1, с. 443];

- «(доброе, полезное) дело, благо, благодеяние, благотворение, пожертвование, услуга, одолжение; имущество, достаток, собственность, достояние, состояние, пожитки, скарб» [5].

- «нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу; добрый поступок» [3, с. 137];

«Зло» в лексикографических источниках толкуется следующим образом:

- «ценностное представление, противоположное добру (благу), универсалия культуры, основополагающая для морали и этики. Оно охватывает негативные состояния человека и силы, вызывающие эти состояния» [7, с. 47];

- «худое, лихое, худо, лихо; противополож. добро. Духовное начало двояко: умственное и нравственное; первое относится к истине, а противоположно ко лжи; второе к добру (благу) и к худу, злу. Всякое зло противно божескому порядку. В отвлеченном виде зло олицетворяется духом тьмы» [1, с. 683];

- «худо, лихо; с сердцем, грозно, злобно, раздражительно, гневно, сердито, злое, злое начало, неправда, свирепо, злость, ядовито, несчастье, язва, неприятность, озверело, досада, обозленно, яростно, беда, желчь, злоба» [5].

- 1. «нечто дурное, вредное, противоположное добру; злой поступок»; 2. «беда, несчастье, неприятность»; 3. «досада, злость» [3, с. 189];

Анализ словарных статей позволяет прийти к выводу о том, что «добро» обозначает нравственно-положительное, то, что хорошо, полезно, нужно человеку, с чем связаны надежды людей, представления о свободе и счастье. «Зло» – нравственно-отрицательное и предосудительное, обозначает плохое, влекущее за собой беды, страдания, горе, несчастье. Зло противоположно добру.

Представления людей о том, что хорошо и плохо, независимо от их принадлежности к определенной культуре, имеют общее ядро, содержащее базовые ценности. Именно эти основополагающие ценности, а не особенности историко-географических условий проживания народа, являются доминирующими факторами формирования морально-этических норм поведения. Концепты *добро* и *зло*, объединяющие такие концепты, как *дружба*, *предательство*, *щедрость*, *жадность*, *простодушие*, *хитрость* и некоторые другие, содержат базовые компоненты, общие для всех народов. Таким образом, национально-культурная составляющая концептов *добро* и *зло* включает весьма уникальный набор формальных и неформальных правил, согласно которым принято жить в данном сообществе. В этом случае рассматриваемые нами концепты сужаются до представлений о том, что правильно и неправильно в данном лингвокультурном сообществе. В более широком значении представления человека о *добре* и *зле* выходят за пределы одного народа и носят универсальный характер. В этом контексте можно говорить о ценностях и даже правилах поведения, общих для всего человечества. Концепт *добро* в данном случае объединяет такие концепты, как *вера*, *надежда*, *любовь*, а *зло* – это *предательство*, *жадность*, *глупость*, *лень* и др.

Наиболее интересным материалом для исследования как национально-детерминированных, так и универсальных представлений о добре и зле являются, на наш взгляд, пословицы. Подчеркнем, что добро и зло в русской идиоматике включает различные характеристики. Рассмотрим и классифицируем идиомы, репрезентирующие данные концепты.

1. Устойчивые конструкции с ключевым компонентом ***добро***:

1.1. Добро оценивается как положительное качество человека, основу которого составляет любовь ко всему живому, душевное расположение к людям, желание принести пользу, оказать помощь: *Доброго человека в красный угол сажают. Доброе дело без награды не остается. Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу.*

1.2. Добро и зло часто взаимосвязаны: *Нет худа без добра. Добрыми намерениями дорога в ад устлана.*

1.3. Добро бескорыстно: *За добро добром не платят. За доброе жди добра, за худо худа. И от хорошего худое рождается. Добра желаешь – добро и делай. Плохо тому, кто добра не творит никому.*

1.4. Добро безвозмездно, милосердно и вечно: *Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу. Доброму человеку помощь не убыток. Делать добро спеши (или: поспешай);*

1.5. Добро понимается как материальная ценность: *Все хорошо, что есть: чего нет, то худо. Всяк хлопочет, себе добра хочет. Где хлебно, да тепло, там и жить добро.*

1.6. Добро представляет бóльшую ценность, чем материальное богатство: *Не хвались серебром, а хвались добром. Добрым делом не кори; Сделав добро, не кайся. Доброе дело два века живёт. Добрые дела и после смерти живут.*

2. Устойчивые конструкции с ключевым компонентом **зло**:

2.1. Зло как абсолютная антиценность: *Злому человеку не прибавит бог веку. Кто за худым пойдёт, тот добра не найдет. С ветром пришло, на ветер и ушло. Чужое добро в прок нейдет. Из двух зол надо выбирать наименьшее. Темные дела света боятся.*

2.2. Метафоричное представление зла, выраженное образами животных: *Змея умирает, а все зелье хватает. Иной пес и не лает, а кусает. Щучка умерла, да зубы живы. У зла жало налито ядом. Бодливой корове бог рог не дает.*

2.3. Зло оценивается как отрицательное качество человека: *Как на лес взглянет, так и лес вянет. Где ногой ступит – трава не растёт. Дурной человек не любит никого, кроме себя. Злой доброго не любит. Доброму – добро, а худому переломят ребро. Как душа черна, так и мылом не смоешь. На сердитых воду возят. Тому тяжело, кто помнит зло.*

2.4. Зло связано с негативной силой, нематериальной сущностью, враждебно настроенной к человеку: *Гнев – человеческое, а злопамятство – дьявольское. Гневаться – дело человеческое, а зло помнить – дьявольское. У него черт в подкладке, сатана в заплатке.*

2.5. Зло творится или только задумывается: *Назло да наперекор, да людям в укор. От лихого не услышишь доброго слова. Сжалился волк над ягненком, покинул кости да кожу. Словно топор: не обрежет, так зашибет.*

2.6. Зло как предостережение: *Зла за зло не воздавай. Не гляди на меня комом, гляди россыпью. Не дразни собаку, так не укусит. Не жалея того, кто скачет; жалея того, кто плачет.*

Таким образом, комплексный анализ лексикографических источников и пословично-поговорочного фонда русского языка подтверждает центральное место концептов *добро* и *зло* в русской культурной традиции и необходимость выявления их национально-культурных особенностей в текстах различного типа.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Дрофа; Рус. яз. Медиа, 2011. Т. 1. 699 с.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. – 320 с. – С. 280-287.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд-е 20-е. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ./Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с. (Филологи мира).
5. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/51721 (дата обращения: 19.02.2018).
6. Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. - 2-е изд. М. : Мысль, 1990. 822 с.
7. Философский энциклопедический словарь /Гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ КАК НОСИТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: В ПОИСКЕ МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ²

Т.В. Матвеева

Tomat-44@mail.ru

ФГАОУ «Уральский федеральный университет
им. Первого президента России Б.Н. Ельцина»
(Екатеринбург)

Неофициальное устное речевое общение, живая диалогическая речь со второй половины 20-го века становится важным объектом лингвистического изучения в силу осознания того факта, что «разговорный язык – это в некотором смысле минимальная система национального языка, филогенетически и онтогенетически первич-

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Соглашение № 18-012-00382, проект «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

ная система, важнейшая по диапазону и индивидуальной значимости» [8, с. 9]. С развитием лингвокультурологии приобрел особое значение вопрос о ценностном содержании разговорной речи. Именно в сфере непринужденного речевого общения вырабатываются и передаются от поколения к поколению постулаты и нормы национально специфичного речевого взаимодействия, в рамках национального обычая осуществляется социализация подрастающих поколений. Общение, воплощенное в естественной диалогической речи, является одной из базовых потребностей человека, а нормы речевого поведения опосредованы культурой и являются духовной ценностью национальной культуры.

В составе межличностных неофициальных отношений прежде всего важна степень близости коммуникантов, в соответствии с данным фактором общение делится на семейное, общение родственников, дружеское, общение со знакомыми и, наконец, с незнакомыми людьми. Ядро поля составляет семейное общение, в наибольшей степени отражающее свободное волеизъявление и особенности речевой личности людей [1, с. 7–10], а также представляющее собой сферу естественной социализации ребенка. Несформулированное представление о кодексе речевого поведения впитывается носителями языка в раннем детстве одновременно с освоением его лексики и грамматики.

Коммуникативная культура характеризуется связью общения с нравственными категориями и оценочной деятельностью коммуникантов [6, с. 7–8]. Культура речевого общения имеет ряд констант и располагает гибкими речевыми механизмами их реализации. В русской речевой традиции значимы установки общения на искренность и задушевность общения, доброжелательность и скромность речевого поведения, ответственное отношение к юмору, коммуникативное равенство. Напротив, представляются сомнительными установки на индивидуализм, личный успех, хвастливость.

Изучение культурно-ценностного содержания речи опирается на интернациональное представление об эталонном речевом поведении, выработанное в лингвопрагматике на базе взаимодополнительных концепций П. Грайса, сформулировавшего максимы речевого общения, и Дж. Лича, описавшего конвенции вежливости. Основным принципом общения, по Грайсу, является принцип кооперации

(сотрудничества), конкретизированный максимумами количества (информации), качества, отношения и выражения (манеры речи) [5]; принцип вежливости, по Личу, проявляется в максимумах такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии [9]. В реальном речевом взаимодействии данный универсальный кодекс корректируется в зависимости от социального статуса коммуникантов и требований ситуации общения.

По своим лингвокоммуникативным свойствам разговорная речь отлична от кодифицированных вариантов литературного языка. Для нее характерны активное участие в общении обеих сторон коммуникации (диалогический вид), доминирование устного оформления содержания, неофициальность отношений коммуникантов, непринужденность общения, неподготовленность (спонтанность) речевых актов, сильная взаимосвязь речи с ситуацией общения [7, с. 290–291]. Разговорный диалог представляет собой функциональный объект, состоящий из ряда реплик коммуникантов, каждая из которых обусловлена «фактами актуальной ситуации и контекстом, накопленным к моменту произнесения реплики» [2, с. 3] и, в свою очередь, участвует во влиянии на следующую реплику речевого партнера. Такое структурирование осложняет выявление ценностного содержания разговорного материала: отдельная реплика, как правило, не является самостоятельной в качестве носителя ценностного смысла, а лексические показатели аксиологического содержания – традиционный источник сведений о ценностях – оказываются нерелевантными уже в силу того, что они не являются действительными. Без решения проблемы метода выявления культурно-ценностного смысла разговорных диалогов описание таких смыслов невозможно.

Выявление ценностных смыслов диалога требует обращения к комплексным речевым образованиям. Важнейшим из них является минимальное диалогическое единство – единица структурирования диалога, обоснованная А.Г. Барановым и Г.Е. Крейдлиным [3]. За основу выделения таких единиц исследователи берут понятие иллокутивного вынуждения, а также тематического единства речевого отрезка диалога. Минимальным диалогическим единством является группа из двух или нескольких реплик разных коммуникантов, характеризующаяся единством темы и выполнением иллокутивных отношений, заданных начальной независимой репликой, вплоть до

их исчерпанности [3, с. 94]. В реализованном тексте минимальное диалогическое единство представляет собой интенционально-тематический фрагмент [4, с. 29]. Другое комплексное образование – это все реплики одного коммуниканта как его *речевая партия*, что позволяет судить об особенностях речевого поведения личности в различных типах диалога [4, с. 238–318].

Исходным положением при поиске методов извлечения ценностного содержания разговорного диалога является тезис о деятельностном характере анализа. Неформальный диалог понимается как речевая деятельность коммуникантов, преследующая определенные цели (практические и коммуникативные) и реализующая определенные психологические установки. При таком подходе центр исследовательского внимания переносится с языковых средств на действия человека, который их применяет. Основной единицей анализа становится *речевой поступок* говорящего – конкретное речевое действие, «акт деятельности, помещенный в современный контекст культуры и социальной жизни [4, с. 193]. В современной коммуникативной лингвистике обобщенный смысл типизированных речевых актов обозначается термином *речевая тактика*. Совокупность речевых поступков образует речевое поведение личности; совокупность сходных тактик – речевую стратегию. Глобальные речевые стратегии отражают основные функции языка: информативную (цель говорящего состоит в сообщении сведений), регулятивную (целью является изменение поведения адресата речи), фатическую (замысел общения связан с самим общением как гуманитарной ценностью). В реальной речи данные стратегии могут применяться параллельно и корректируются требованиями ситуации. Определение ценностного содержания разговорного диалога начинается с выявления минимальных диалогических единств, продолжается последующей инвентаризацией речевых поступков личности в рамках конкретного диалога и обобщением единогонаправленных поступков в качестве линий речевого поведения. Эта работа завершается определением коммуникативно-культурной ценности на материале речевой партии каждого коммуниканта.

Важно отметить, что опора на структурную единицу не отменяет того, что основной единицей анализа остается реплика коммуниканта, содержащая его речевой поступок. Структурная единица

нужна для того, чтобы данный поступок был взят с его мотивацией и в контексте коммуникативного события.

Еще одна сложность выявления ценностного содержания диалога связана с тематической спецификой разговорной речи. Известным качеством разговорного диалога является его политематичность. Поставленная цель анализа не предполагает полного разбиения текста на тематические фрагменты, важно лишь выделить интенционально нагруженные, т.е. ценностные, фрагменты.

При выделении интенционально-тематических фрагментов целесообразно учитывать сферу приложения субъективно-модальных позиций говорящего. Часть его модальных проявлений направлена на внеположенную по отношению к данной ситуации реальность, так что субъективной оценке подвергаются предметно-понятийный состав содержания. Другая часть относится к прагматической рамке ситуации и направлена на партнеров по речевому общению. Соответственно, разговорный текст можно представить имеющим два плана содержания: объективно-логический (связан с предметно-понятийным составом текста) и диалогический, или коммуникативный (связан непосредственно с линией общения коммуникантов). Соответственно, набор интенционально-тематических фрагментов может быть разделен на две группы: ценностных предметно-тематических фрагментов и ценностных коммуникативных фрагментов.

Это деление позволяет свести дробную тематическую структуру разговорного диалога к обобщенной двуплановой структуре, включающей в себя план содержания (объективно-логический) и план общения (коммуникативный). В ценностном отношении анализ первого из них открывает отношение говорящего к миру и людям как предмету обсуждения, а второго – к собеседникам.

Алгоритм анализа разговорного текста на предмет описания ценностного содержания последнего сводится к следующему:

1. Объективно-логический план

Этап первичной обработки текста: определение границ тематических фрагментов в опоре на совокупность тематических номинаций → подтверждение каждого фрагмента как ценностного на основе наличия в нем: а) прямых высказываний ценностного содержания, прямых номинаций ценностного концепта; б) сигналов открытой оценки (лексических, морфемных, синтаксических, ритмико-интонационных) различных объектов; в) коннотативных

сигналов оценки; г) сюжетно-ситуативных сигналов оценочного содержания.

Аналитический этап: приблизительная увязка субъективно-модальных реплик коммуникантов с ценностями и антиценностями русской культуры → номинирование ценностей, которых придерживаются коммуниканты → формулирование ценностных установок коммуниканта (с использованием модальной лексики: *нужно, следует, должен, заслуживает, обязанность* и т.п.).

Выводной этап: обобщение анализа конкретных ценностно-тематических фрагментов и речевой партии коммуниканта на предмет установления его основных ценностных ориентиров (с учетом статистики реализаций той или иной установки) → итоговое суждение о том, каких ценностных позиций придерживается каждый коммуникант и насколько эти позиции соответствуют или не соответствуют русской культурной матрице.

2. План общения

Этап первичной обработки текста: выделение фрагментов текста, полностью сосредоточенных на общении говорящих, т.е. ценностно-коммуникативных фрагментов → подтверждение каждого фрагмента как ценностного (на изложенных выше основаниях) → общее осмысление диалога как гармоничного или дисгармоничного.

Аналитический этап: интерпретация выделенных реплик (с учетом их положения в диалогических единствах) в терминах теории речевых стратегий и тактик → подтверждение ценностного содержания фрагментов путем контекстного анализа и номинирование выделенных в материале ценностей общения → сопоставление выделенных речевых тактик с русским идеалом речевого общения.

Выводной этап: осмысление набора конкретных тактик на предмет установления основных ценностных коммуникативных ориентиров говорящего (с учетом статистики реализаций) → итоговое суждение о том, носителем каких ценностей общения является коммуникант и насколько его речевое поведение соответствует или не соответствует правилам русского общения → сопоставление проведенного анализа с анализом объективно-логического плана текста в поисках единства общего ценностного содержания диалога.

Приведенный алгоритм лишь в самом общем виде фиксирует направление аналитической работы исследователя. Трудность этой работы связана с необходимостью учета целого ряда параметров общения: социолингвистических (необходима паспортизация коммуникантов), стилистических (регистр общения коммуникант выбирает индивидуально), коммуникативно-прагматических (следует учитывать коммуникативные пресуппозиции коммуникантов, общий характер развития диалога и участки коммуникативного согласия, напряжения, противостояния). По данной причине культурно-ценностный анализ невозможно результировать в виде системы словарных помет. Он с неизбежностью принимает вид аргументированного текстового комментария.

Литература

1. Байкулова А.Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. Саратов: Изд. центр «Наука», 2014. 216 с.
2. Балаян А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971. 19 с.
3. Баранов А.Г., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. №.2 . С. 84–99.
4. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 408 с.
5. Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
6. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: Категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с. (*Studia philologica*).
7. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь М.: Языки славянской культуры, 2004. 688 с.
8. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. 210 с.
9. Leech G.N. Principles of Pragmatics. L.; N.Y.: Longman, 1983. 250 p.

СООТНОШЕНИЕ «ПРЕЗЕНТАТИВ – РЕЛЯТИВ» В РАМКАХ ГНЕЗДА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ СЛОЖНОСОКРАЩЕННОГО СЛОВА

Е.Н. Михайлова

katia200995@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Цель предлагаемой статьи заключается в описании особенностей формирования семантических отношений в пределах гнезда эквивалентности сложносокращённых слов (далее – ССС). В рамках этого исследования предполагается определить отношения между видами дешифровальных стимулов (далее – ДС), уточнить классификацию и принципы их реализации.

Выделение у ССС в гнезде эквивалентности стереотипных (регулярных) моделей формирования эквивалентов, называемых ДС, позволяет говорить о внутренних формулах и законах формирования семантики ССС. Предложенная А.И. Бровцом, а в дальнейшем дополненная В.И. Теркуловым, классификация ДС включает в себя такие виды ДС, как **презентативный, релятивный и интерпретативный** [1, с. 166]. Однако эта классификация требует уточнения в той части, которая касается презентативных ДС. Центром любого гнезда эквивалентности является семантическое ядро, которое составляет основу для возникновения прототипических компонентов (виды ДС), представляющих собой синтез свойств ядра и типичных компонентов или контекстов [2, с. 85]. Таким семантическим ядром в большинстве случаев следует считать презентативный ДС, поскольку именно он отвечает за первичность референции большинства ССС. Под **презентативным ДС** мы понимаем такой ДС, который, являясь носителем обобщённого значения, может быть использован в любой ситуации номинации в качестве абсолютного эквивалента ССС [1, с. 166], например, *автокресло – автомобильное кресло, грузопоставки – грузовые поставки*. К периферии гнезда эквивалентности закономерно относить остальные виды ДС, которые благодаря построению референтной ситуации на основе прототипических значений формируют новые значения ССС. Исходя из этого, рассматривать соотношение «презентатив – релятив» целесообразно с позиции «ядро – периферия». Под **релятивным ДС** мы

понимаем такой ДС, который использует презентативный ДС с добавлением релятивной, актантной семантики и указывает на роль объекта в пределах номинации [3, с.147].

Семантико-грамматическая неоднородность эквивалентов ССС позволяет нам соотнести презентативные ДС с глубинными падежами, под которыми понимается набор универсальных, возможно, врожденных, понятий, идентифицирующих некоторые типы суждений, которые человек способен делать о событиях, происходящих вокруг него [4, с.168], и параллельными релятивными текстовыми эквивалентами.

Мы обнаружили возможность выделения двух типов презентативных ДС: **презентатив¹** и **презентатив²**. Под **презентативом¹** мы понимаем такой ДС, который не только выступает в роли немаркированного компонента (оппозиции с ССС и другими ДС) и выполняет функцию базисного эквивалентного ДС, но и реализует квалификативную семантику словосочетания. **Презентатив²** – ДС, который, создавая оппозицию немаркированного компонента, стремится к созданию новых интерпретаций своего значения и реализует стандартную семантическую формулу ДС в виде ПДС = 2РДС (и более, чем два). Пример выделения презентативов проиллюстрируем ниже в таблице.

Таблица 1.

Презентатив ¹			
ССС	Эквивалентное словосочетание	Семантический падеж	Вид ДС
Ав-тоаренда	<i>автомобильная аренда</i>	Квалификатив	Презентативный ДС
	<i>аренда автомобиля</i>	Дистрибутив	Релятивный ДС
	<i>аренда автомашины</i>	Дистрибутив	Релятивный ДС
	<i>аренда автомобилей</i>	Дистрибутив	Релятивный ДС
	<i>аренда автомашин</i>	Дистрибутив	Релятивный ДС
	<i>аренда авто</i>	Дистрибутив	Релятивный ДС
Презентатив ²			
Автогонка	<i>автомобильная гонка</i>	Квалификатив	Презентативный ДС
	<i>гонка на авто</i>	Инструменталис	Релятивный ДС
	<i>гонка автомобилей</i>	Агент	Релятивный ДС

В ходе сопоставительного анализа эквивалентных словосочетаний презентатива¹, нами были выявлены их модификации на формальном уровне. Употребление релятивных ДС в одном и том же семантическом падеже и возможность их употребления с презентативами в текстах в качестве абсолютных синонимов свидетельствует о наличии **нейтрализации значений ДС**, под которой мы понимаем устранение противопоставлений видов ДС. Например, *«Аренда авто без водителя приобрела массовую популярность за очень короткий период, ведь преимущества были на первом плане – Чтобы не остаться на время вынужденного отсутствия своего железного друга без средства передвижения, выход предоставляется только один, – аренда автомобиля без водителя – Зачем нужна автомобильная аренда?»*

Нами отмечены следующие типы модификации эквивалентных ССС словосочетаний.

1. **Числовая модификация** – характеризуется варьированием числа (ед.ч. – мн.ч.) у зависимого слова в эквивалентном словосочетании, например, у слова *автокомпрессор* этой модификации соответствуют такие словосочетания: *компрессор для автомобиля* и *компрессор для автомобилей*. Например, *«При выборе компрессора для автомобиля нужно обратить внимание на все указанные характеристики и параметры, а также помнить, что дешевый компрессор с плохими показателями может создать множество проблем в дороге – Купить компрессор для автомобилей КАМАЗ вы можете в компании «Автодизель».*

2. **Лексическая** – характеризуется появлением в составе зависимого слова уточняющего компонента, что создаёт избыточность семантики в эквивалентном словосочетании, например, у ССС *автоаренда* таким словосочетанием является *аренда автомашин*. Например, *«При прокате машин без водителя оплачивается только собственно аренда – Аренда автомашин в Москве — это экономия вашего времени и средств».*

3. **Словообразовательная** – характеризуется либо усечением дешифровального стимула, либо появлением новых морфем в составе зависимого слова, например, у слова *автокресло* в эквивалентном словосочетании *кресло для авто*, мы наблюдаем усечение; у слова *абонномер* при сравнении эквивалентных словосочетаний *абонентский номер* и *абонентный номер* мы наблюдаем появление

новых морфем (аффиксация). Например, «Как выбрать правильно **детское кресло для авто?** – Стандартное **детское автокресло** представляет собой уменьшенный вариант взрослого автомобильного сиденья»; «То есть поступает отдельно платёж от абонента и от субабонента, на один **абон.номер** – Интернет-система нашего сбыта показывает только поступившие платежи на наш **абонентский номер**, дату и номер платёжного поручения».

Модификация на формальном уровне является причиной увеличения баланса эквивалентов, т.е. частного от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания, что говорит о следующем: чем выше значение БИ, тем меньше вероятность употребления эквивалента в тексте.

Таблица 2.

ССС	Словосочетание	Баланс индексов
автоаксессуары	аксессуары для автомобилей	3,62
	аксессуары для автомобиля	4,43
	аксессуары для авто	9,69
	аксессуары для автомашины	467,23

Исходя из этого, мы предлагаем выделять продуктивные и непродуктивные эквиваленты ССС. Эквиваленты с наименьшим БИ мы предлагаем называть **вершиной модификации гнезда эквивалентных ДС**.

Итак, существует два вида презентативных ДС: презентатив¹ и презентатив². В рамках презентатива¹ осуществляется числовая, лексическая и словообразовательная модификация эквивалентных словосочетаний на формальном уровне, что в свою очередь ведёт к нейтрализации значений презентативных и релятивных ДС, которая стирает отношения между соотношением «ядро-периферия». Также модификация является причиной увеличения БИ, что влияет на употребления эквивалента в тексте: чем больше модификация, тем меньшей становится употребляемость текстового эквивалента. В перспективе – описание абброгрупп по новой методике и дальнейшее проведение исследования в рамках соотношения «ядро-периферия» гнезда эквивалентности.

Литература

1. Бровец А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул аббревиатуры: источники, псевдоунивербализационная синекдоха, внутриранговая альтернатива / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е.Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – с. 166–173
2. Московский лингвистический альманах, выпуск 1. – М.: «Школа языки русской культуры», 1996. – 248 с.
3. Теркулов В.И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.): сб. науч. ст. в 2 т. Симферополь, 2017. Т. 2. С. 140-147.
4. Филлмор Ч. Дело о падеже // Зарубежная лингвистика. – Вып. 3. – М., 1999. – 484 с.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ, ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ И ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

Н.В. Наговицына

nagov@list.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского»
(*Нижний Новгород*)

Работа осуществлена в рамках коллективного научно-образовательного проекта ученых Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского по созданию словаря социально-значимых концептов в современной русской культуре [4; 15]. Методологической базой исследования являются идеи и принципы когнитивного анализа национальных кодов культуры, заложенные в работах [8; 11; 12] и апробированные на разнообразном языковом и текстовом материале в работах [9; 13].

Мы продолжаем начатое ранее исследование смыслового наполнения ПАТРИОТИЗМ в национальной концептосфере и его языковой репрезентации в русском языке. В соответствии с методикой анализа концептов, принятой в Нижегородской школе концептологических исследований [2; 14], сначала мы описали систему когнитивных признаков концепта по данным энциклопедических и

лексикографических источников, в результате чего нами было выявлено 12 когнитивных признаков.

В настоящей работе представлен следующий этап анализа, на котором, согласно принятой концепции исследования, было необходимо уточнить семантическое наполнение, смысловой объем и семантическую структуру анализируемого концепта за счет анализа языковой и речевой репрезентации концепта с учетом особенностей его парадигматической, синтагматической и деривационной реализации в системе языка и в современной русской речевой практике.

Парадигматическая специфика языковой репрезентации концепта ПАТРИОТИЗМ заключается в выявлении синонимических (квазисинонимических), антонимических (квазиантонимических), гипо-гиперонимических, партитивных и ассоциативных связей и отношений слов — репрезентантов данного концепта. Они имеют свою специфику, связанную с его терминологическим происхождением, с его политизированным и идеологизированным характером; поэтому характер смысловых сближений и расхождений очень показателен в том плане, что может продемонстрировать специфику политических взглядов общества. Далее мы подробно остановимся на синонимических и антонимических отношениях как наиболее репрезентативных.

Синонимические отношения, характерные для языковой экспликации концепта ПАТРИОТИЗМ, в соответствии с данными словарей [16], имеют следующий вид: *патриотизм* — (1) однокоренные синонимы: *патриотичность, ура-патриотизм, ультрапатриотизм*; (2) разнокоренные синонимы: *национализм, шовинизм, отчизнолюбие, отечестволюбие, верноподданство, верноподданность, верноподданничество*; (3) составные наименования: *любовь к отечеству, любовь к отчизне, любовь к родине, преданность отечеству, преданность отчизне, преданность родине*.

В плане возможного расширения и уточнения семантического наполнения анализируемого концепта «патриотизм» нас прежде всего интересует синоним *патриотичность*, который позволяет развести сходные, но не тождественные смыслы: *патриотизм* как социальное явление, идеология и нравственное чувство — и *патриотичность* как душевный настрой, как свойство или качество внутреннего мира человека.

Другое важное сближение — со словом *национализм*: «1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим. 2. Проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости» [1]. Крайней степенью выражения национализма считается *шовинизм* — воинствующее выражение национализма.

Таким образом, одна из граней концепта ПАТРИОТИЗМ — проявление гиперидентичности, идеи превосходства своей нации над чужими, что позволяет в ряде контекстов противопоставить истинный патриотизм и национализм (шовинизм), т.е. эти слова могут трактоваться не только как синонимы, но как антонимы:

Другое сближение отражает историческое смысловое наполнение этого концепта, связанное с идеей *верноподданности*, т.е. с самодержавием и монархическими идеалами русских людей: «соблюдение верности монарху, преданность монархическому строю» [3].

Антонимические отношения, характерные для языковой экспликации концепта «патриотизм», в соответствии с данными словарей [5], имеют следующий вид: *патриотизм* — (1) однокоренные антонимы: *антипатриотизм*; (2) разнокоренные антонимы: *космополитизм*, *интернационализм*, *либерализм*, *мультикультурализм*, *глобализм*; 3) составные наименования: *ненависть к отечеству*, *ненависть к отчизне*, *ненависть к родине*.

Антонимические отношения для слова *патриотизм* подчеркивают идеологическую зависимость его семантики от субъекта высказывания, его политических пристрастий. В наиболее полном виде понятию *патриотизм* противостоит идея *космополитизма* и *интернационализма*.

Антонимические расхождения с понятиями *либерализм*, с одной стороны, и с понятиями *глобализм*, с другой стороны, являются контекстно обусловленными и зависят от господствующих на данный момент взглядов в определенной части общества, т.е. эти противопоставления диахронически ограничены.

Синтагматическая реализация концепта заключается прежде всего в особенностях его дискурсивного варьирования, т.е. типовых моделях реализации в текстах. Концепт «патриотизм», будучи идеологически маркированным концептом, со временем изме-

няет свое концептуальное содержание и характер оценочности, в зависимости от типа дискурса и от направленности текста. Ведь его концептуальное содержание значительным образом определяется религиозными, идеологическим, политическими факторами, которые в разные хронологические отрезки истории страны существенным образом варьировались. Эти трансформации отражены прежде всего в *дискурсивной реализации* слов — репрезентантов концептов. Таким образом, смысловое наполнение и семантический объем концепта становится дискурсивно обусловленным.

Мы рассмотрели дискурсивное варьирование концепта «патриотизм» в текстах публицистического характера на хронологическом периоде от XVIII в. по начало XXI в. По данным М. Одесского и Д. Фельдмана, появление слова «патриотизм» в текстах образованных людей вплоть до конца XVIII в. не было распространённым и маркировало знакомство с идеалами Французского Просвещения [6]. Таким образом, «патриотизм» связывался с идеями революционной борьбы, освобождения народа от гнета самодержавия. В начале XIX в. этот термин прочно ассоциируется в России с якобинским террором времени Французской революции и приобретает негативную окраску. В 20-е–50-е гг. XIX в. (что связано с эпохой Николая I) термин «патриотизм» становится идеологемой официального курса правительства, так называемой теории «официальной народности», которая основана на верноподданности и складывается из сформулированного графом Уваровым триединства: «самодержавие, православие, народность». В текстах либеральной и оппозиционной интеллигенции официальный патриотизм противопоставлялся истинному народолюбию, т.е. «народности». Так, впервые концепты «патриотизм» и «народность» становятся антиномичными понятиями на концептуальном и ценностном уровнях. Именно тогда возникает иронически-сниженное устойчивое выражение «*квасной патриотизм*» для характеристики поверхностного, показного восхваления национальной самобытности в среде революционно-демократической мысли в России [6].

Традиция негативно-оценочной коннотированности патриотизма была своеобразно продолжена в XX в. В 10-е гг. XX в. подъем национально-патриотических настроений в российском обществе в связи с I Мировой войной и сопутствовавшей ей антигерманской ри-

торикой позитивная оценочность слова «патриотизм» временно характерна для большинства слоев населения. Однако именно тогда родился неологизм «**ура-патриотизм**», ассоциировавшийся с поверхностным, шапкозакидательским взглядом на происходящее. В то же время оппозиционные силы, в том числе большевики, в борьбе против официальной власти используют негативно-сниженное толкование **патриотизма** как синонима охранительных действий реакции. В эти годы впервые родилось противопоставление **патриотизма** как символа консерватизма и реакции — и **интернационализма** как выразителя ценностей прогресса, демократии и освобождения угнетенных.

В 30-50-е гг. XX в. в силу политико-идеологических причин патриотизм становится «**советским**», т.е. теряет изначальную этническую окрашенность. С точки зрения тогдашних советских властей **патриотизм** выступал как существенное идеологическое препятствие для создания мирового интернационального коммунистического общества, чем диктуется необходимость устранения патриотических взглядов в стране [6].

В эпоху «застоя» и позже — в перестроечную и постперестроечную эпоху — в среде интеллигенции мы снова наблюдаем концептуальное и ценностное противопоставление консервативных сил, которые используют термин «патриотизм», «национал-патриотизм», и западных движений, которые в противовес консервативно трактуемому «патриотизму» используют понятия «*либерализм*» или даже «*демократизм*». В этот период общество разделилось на два общественно-политических и культурных лагеря: почвеннический, «национально-патриотический» и западнический, «либеральный». В эпоху «перестройки» их противостояние резко усилилось. Но сегодня большинство людей воспринимает концепт *патриотизм* в первую очередь с позиции любви к Отечеству и готовности защищать свою Родину от иноземного вторжения. Эта точка зрения усиливается и в дискурсивной практике современных медийных текстов, когда Россия декларирует возвращение к народно-патриотическим идеалам и ценностям. Президент России В.В. Путин 3 февраля 2016 года на встрече с предпринимателями, входящими в Клуб лидеров, отметил: «*У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме **патриотизма***».

Деривационная реализация концепта заключается в специфике словообразовательного гнезда с вершиной ПАТРИОТ, для которого характерна иерархическая структура и наличие богатых и разнообразных словообразовательных связей. Оно состоит из 28 производных слов на различных уровнях и степенях производности в отношении к производящему «патриот» [17].

Характерной особенностью этого гнезда является то, что оно включает в себя только слова двух частей речи — существительные и прилагательные (и производные от них наречия на *-о*). Отсутствие глагольных производных слов позволяет сделать предварительный вывод о нединамической, субъектно-атрибутивной представленности этого концепта в концептосфере в силу абстрактного характера значения.

В целом субстантивные дериваты позволяют расширить семантическое наполнение концепта за счет включения в концептуальное содержание представления о субъекте — носителе или носительнице свойства / качества патриотизма. Это такие лексемы как *патриот* и *патриотка*.

Важно также указание на признаковую сферу за счет адъективных дериватов. Важно, что русский язык отличает *патриотический* и *патриотичный*. *Патриотический* — это относительное прилагательное с общей семантикой 'имеющий отношение к патриотизму или к патриоту'. *Патриотичный* тяготеет к отражению свойства, качества, т.е. принадлежит к качественным прилагательным, хотя отражает примерно тот же блок значений, что и *патриотический*, например: «2. Свойственный патриотизму, характерный для него; 3. Проникнутый патриотизмом» [3]. Не менее важно, что возможно и отрицательное свойство *непатриотичный*: «не отличающийся патриотизмом» [3], — что также указывает на возможность осмысления прилагательного *патриотичный* как качественного, т.е. признака, который может мыслиться в большей или меньшей степени, вплоть до нулевой.

Субъектные дериваты также позволяют выявить возможные негативно-оценочные коннотации в представлении о патриотизме, за счет *ура-патриотизм*, *ультрапатриотизм* и *анти-патриотизм*: *ура-патриотизм* — безрассудно-самонадеянный, неосновательный, хвастливый, ложный патриотизм [1]; «Показной и шумный

патриотизм» [1]; *ультрапатриотизм*: «Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам; национализм» [1]; *анти-патриотизм*: «Враждебное чувство к отечеству». При этом заметим, что это слово не всегда содержит негативную оценочность. В ряде контекстов определенной политической направленности оно связывается с положительными идеологическими установками.

Эта негативная оценочность наследуется и другими субстантивными и адъективными дериватами: *ура-патриот*, *анти-патриот*, *ультрапатриот*, *ура-патриотический* (*патриотичный*), *антипатриотический* (*патриотичный*), *ультрапатриотический* (*патриотичный*).

Приведенный анализ позволяет внести важное уточнение в специфику семантического наполнения концепта «патриотизм» с позиций особенности его деривационной репрезентации.

Носители русского языка в целом неоднозначно оценивают концепт ПАТРИОТИЗМ, и язык отражает возможность не только ожидаемого позитивно-оценочного, но и негативно-оценочного восприятия концепта, что связано, с одной стороны, с идеей неприятия чего-то показного, афишируемого нарочито, т.е. ложного, мнимого, которая характерна для русской языковой картины мира в целом [10], а с другой стороны — с неприемлемой для русской системы ценностей чего-то чрезмерного, избыточного, аффектированного. При этом вполне активно и традиционное понимание этого концепта в духе исконных ценностей русской культуры как любовь к месту, где ты родился, и к своей большой Родине — России, к ее истории и традициям, к ее народу.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
2. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2003. № 1. — С. 124-130.
3. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т.1. — 1268 с.
4. Жуковская Л.И. *Менталитет vs ментальность*: особенности языковой экспликации концепта в современной русской речи // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). — С. 326–328.

5. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М.: Русский язык, 1985. — 384 с.
6. Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 263 с.
7. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 14-е изд., доп. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1993. — 984 с.
8. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки. 1999. № 13. — С. 137–153.
9. Радбиль Т.Б. Концепт игры в аномальном художественном дискурсе // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. — С. 308–316.
10. Радбиль Т.Б. О термине и понятии «идеологема» // Человек и его язык: антропологический аспект исследований: Межвуз. сб. научн. трудов. Нижний Новгород: НГПУ, 1996. — С. 11–26.
11. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 592 с. (Язык. Семиотика. Культура.)
12. Радбиль Т.Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса // Филологические науки. 2006. № 6. — С. 50–59.
13. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-26. — С. 5968–5971.
14. Сайгин В.В. *Грех vs. покаяние* в концептосфере русской культуры: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2016. № 1 (49). — С. 82–93.
15. Сайгин В.В. Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: опыт комплексного лингвокогнитивного описания: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. — 258 с.
16. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: АН СССР, Институт русского языка, 1970. Т.1. — 680 с.
17. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: Ок 145000 слов: В 2-х т. М.: Русский язык, 1985. Т. I. — 854 с.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ДОРОГА- ЖОЛ»

А.Б.Насырова, Ж.Т.Ермекова
Alya9300@mail.ru

Карагандинский государственный медицинский университет (*Караганда*)
Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева (*Астана*)

В современном языкознании понятие концепта стало основным. Теоретические основы термина «концепт» заложены еще в работах Д. С. Лихачева, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, А. Н. Мороховского, Н. К. Рябцевой, В. А. Масловой.

В современной лингвистике концепт рассматривается с трех сторон: лингвистической, когнитивной, лингвокультурной.

Исследователи лингвистической природы концепта рассматривают концепт как общую для говорящих на одном языке систему мышления, «основную единицу метальности», «ключевое слово культуры», «национальный колорит», «средство мышления и общения».

В современном языкознании существует несколько точек зрения на природу концепта: 1) концепт – лингвокогнитивное объяснение явления; 2) концепт – лингвокультурное явление; 3) концепт – разностороннее явление, которое может быть рассмотрено в разных аспектах.

В процессе анализа термина концепт многие исследователи обращаются к понятиям, которые раскрывают его с разных сторон: «внутренняя форма слова», «прототип». Например, понятие создания мира включает взаимосвязь таких понятий, как «я», *я и они*, *я и общество*, *я и мир*.

Одним из основополагающих, базовых концептов, по мнению многих исследователей, является концепт «дорога».

Концепт «дорога» можно представить себе как некую концентрацию знаний, представлений, ассоциаций, сложившихся в результате истории или жизненного опыта и закрепившихся за лексемами *жол* (*дорога*), отражающими это сложное многомерное явление языка.

Много примет, обрядов и суеверий наши предки связывали с дорогой — пространством между «своим» и «чужим». Люди всегда трепетно относились к предстоящему пути. Дорога соотносится не только с жизненным путём человека, но и дорогой души

в загробный мир. Поэтому многие ритуальные обряды совершались на дороге, часто около перекрестков, на развилках. Она играла важную, даже судьбоносную роль в жизни человека, была тем местом, где проявлялась удача, решалась судьба, наступала участь и доля [6, с. 142].

Концепт — явление глубокое и многоплановое, включающее в свой состав оппозиции противоположных значений. О.А. Черепанова выделяет в концепте «дорога» оппозиции жизнь — смерть, «освоенный мир, ойкумена» — «неосвоенный мир, хаос» («дом» — «вне дома», «свой» — «чужой») [9, с. 32].

«Неустроенность, конфликтность, неприютность нашей жизни актуализировала в нашем подсознании концептуальный архетип дороги, пути как пространства хаоса, противостоящего стабильности дома, освоенного культурой пространства. С дорогой связаны скитания, поиски судьбы, счастья, дорога — это фантом, держащий нас в плену часто бессмысленного движения, не дающий перейти к разумной стабильности жизни» [9, с. 30].

По мнению К.М. Сатыбалдиновой, «кочевник строит свои отношения с пространством и временем иначе, чем оседлый. Естественное состояние непрерывного движения, перемещений вырабатывает в нем знание законов пути, включающих в себя не только практические навыки использования условий экологической среды, но и систему этических норм, эстетических принципов, философских умозаключений. В арсенале понятий кочевника о связях с окружающим миром одно из главенствующих мест занимает понятие «дорога» [5, с. 10]. Казахи используют это слово, желая удачи «*Жол болсын*» - (пер.: Пусть будет дорога), и проклинаят, тоже упоминая дорогу: «*Жол ұрсын!*» - (пер.: Пусть ударит дорога!).

Дорога у кочевников прежде всего является символом жизни. Главное, чтобы была дорога, чтобы было куда идти. Русскому «счастливого пути» соответствует казахское «*жол / жолын болсын*». Особую значимость лексемы «жол» можно наблюдать и в следующих выражениях: *жолды болу* – (пер.: иметь дорогу) – быть удачливым, *жолым болды* (пер.: дорога была) – повезло, *ата жол* (пер.: дедов путь) – традиция, *жол көрген қыз* (девушка, видевшая дорогу) – девушка, воспитанная на традициях.

Восприятие дороги у оседлых и кочевых народов является разным. И это тонко подметил российский культуролог Г. Гачев: «Дорога! Кочевье не знает дорог, а знает пути, – как стаи птиц из года в год пролетают одними и теми же маршрутами – без того, чтобы они были оформлены в линию. Значит это внутренне чуемая нить пространства. И кочевник обладает этим внутренним компасом пространства, которого оседлый житель равнины не имеет: ему для ориентировки нужны внешние пределы – очерченность направления – до-ро-га – и обязательно должны быть стороны...» [1, с. 85].

По мнению казахов, «жизнь – это перекочевка – *тал бесіктен жер бесікке дейін* (от колыбели из тальника до колыбели в земле)» [7, с. 83]

В пути нужно держаться в середине кочевья, считают казахи:

*Ел алдына шықпаңыз,
Түндікті дұшпан ашпасқа,
Ел соңында қалмаңыз,
Қөзіңді шыбын баспасқа,
Ел ортадан кетпеңіз,
Қарыңыз ашпасқа.*

(пер.: Не забегайте вперед,
Чтоб не влезли в дом враги,
Не оставайтесь позади,
Чтобы мухи не облепили глаза,
Будьте посередине
И будете сыты)

В дороге нельзя отставать, никогда не надо показывать слабость. Главное – жить как все, не бежать быстрее всех, но и не отставать.

У казахов дорога прежде всего соотносится с жизненной дорогой (*өмір жолы*), где каждый этап символически должен быть обозначен. Когда ребенок начинает делать первые шаги, обязательно проводится обряд «тұсау кесу». Предстоящий путь символизирует белая ткань, по которой должен пройти малыш. Когда девушка выходит замуж, при проводах она тоже должна пройти по символической дороге из отчего дома, и окружающие ей желают «ақ жол» (доброй дороги). Ну и провожая в последний путь, мулла задает вопрос о том, может ли что-то помешать усопшему отправиться в дальний мир из бренного мира.

Как отмечают многие философы, казахи и время представляют как дорогу. «Будущее в отличие от вышеуказанных культур (имеются в виду западные культуры) у казахов понимается как то, что впереди, и нередко взор человек направлен вперед, на созерцание горизонтов в ожидании неизвестного, нового – будущего, а прошлое же позади за спиной. Следовательно, пройденный путь – это прошлое» [2, с. 268].

Концепт «дорога» в его лингвофилософском значении часто встречается во фразеологизмах, пословицах-поговорках, характеризующих национальное своеобразие этноса. Рассмотрим некоторые из них.

Путешествия могут быть и большими и маленькими. В пословице «*Үйінен қырық қадам ұзап шыққын адам мүсәпір*» (пер.: отошедший от дома на сорок шагов – уже путник) говорится о том, что можно узнать многое, совершив даже небольшое путешествие [4, с. 83].

В поговорке «*Жол қадірін – жүрген біледі*» («Дорогу оценит идущий») говорится о том, что только тот, кто отправился в путешествие, может оценить дорогу. Этого нельзя сделать, оставшись дома. Тщательные приготовления, прежде чем отправиться в путешествие, и осторожность в пути – часто встречаются в пословицах и поговорках казахской лингвокультуры: «*Жүрместен бұрын – жолыңды байқа, қиместен бұрын тоныңды байқа*» (пер.: прежде чем отправиться в путь, оцени дорогу, прежде чем надеть, оцени шубу), «*Алыс жүрсең де, жолмен жүр*» (пер.: и в дальний путь иди дорогой).

Понимание того, что может случиться по неосторожности во время путешествия, можно увидеть в пословице «*Жол жаман болса, атаң да сүрінеді, атан да сүрінеді*» (пер.: если дорога плоха, то и дед твой споткнется, и верблюд споткнется). У поговорки «*Жолаушыны жол сынайды*» (пер.: путника испытывает дорога) два значения: 1) во время путешествия человек сталкивается со многими трудностями; 2) путешественником можно стать, только отправившись в путь.

Очень важна роль людей, с которыми отправляешься в путешествие – «*Жалғыз жүрсең, жолмен жүр, жолдан жолдас қосылар. Жолдан жолдас қосылса, жолың болмас несі бар?!*» (пер.: Идешь один – иди дорогой, в дороге попутчика встретишь, а если

встретишь попутчика, то и невезение нипочем), «*Жолдасың жақсы болса жолым ұзын деме, жолдасың жаман болса, қолым ұзын деме*» (пер.: Если попутчик хорош – не говори, что путь далек, если попутчик плох – не говори, что все по плечу). Русское соответствие: *Умный товарищ – половина дороги. В игре да в попутье людей узнают.*

Попутчики должны помогать друг другу. «*Жолға шықсаң жолдасыңның жүгі болма, жұбы бол*» (пер.: Попутчику твоему будь не обузой, а напарником). Русское соответствие: *В дороге и отец сыну товарищ.* Схожий смысл и у поговорки «*Жолдасы көбейсе – жол кеңейеді*» (пер.: С увеличением количества друзей и путь становится шире). Проще и веселее путешествовать со своими друзьями – «*Әңгіме жол қысқартады*» (пер.: За беседой и дорога короче). Русское соответствие *Красна дорога ездоками, а обед пирогами.*

У пословицы «*Жол сұраған кісі адаспайды, жөн сұраған кісі жаңылыспайды*» (пер.: Спросивший дорогу не заблудится, спросивший о делах – не ошибется) два значения: 1) просить помощи в дороге – это правильно; 2) каждый, кто попросит помощи в дороге, получит ее. Русская пословица: *Не ищут дороги, а спрашивают.*

Поговорка «*Жолаушының ақысы – жүрсе өнеді*» (пер.: Плата путника прибывает в дороге) говорит о том, что само путешествие, а не его конечный пункт назначения, является наградой. Тот опыт, что был приобретен, и те знания, что были получены о культурах и народах, с которыми сталкиваешься во время путешествия, и являются полученной «платой».

С дорогой (жол) у казахов связаны такие обычаи, как: *жол ашар, тоқым қағар, бастанғы, үлпершек* и др. К примеру, *тоқым қағар* – это трапеза, которая устраивалась после отъезда любого члена семьи, вместе с тем первый выезд сына из родного дома всегда отмечался особенно торжественно. То есть в честь первого выезда сына (наследника) в дальний путь родители созывали родственников и соседей и устраивали *тоқым қағар* (*тоқым* – потник лошади, *қағу* – встряхивать).

Лексема «дорога» в казахском языке помимо пространственного значения, обладает переносным значением «приоритет». Это значение используется для определения приоритетности при рассадке за столом, предоставлении слова и т.п.

Выражение «*жолы улкен*» используют именно при определении приоритета. Например, более молодого по возрасту могут посадить выше старика не потому, что он занимает важный пост, а потому что у него приоритет в данной ситуации: он приехал издалека «*алыстан алты жасар бала келсе, алпыс жасар қария салем берер*» (шестилетнего ребенка, прибывшего издалека, шестидесятилетний старец первым приветствует), или все гости одного рода, а он один из другого. По мнению К.Тасибекова, «простейшее правило определения «*кімнің жолы улкен* – чей приоритет при встрече, предположим, двух людей одного возраста, это «*менің әкем улкен – жолым улкен*» (мой отец старше – у меня приоритет) [7, с. 117]. Как мы видим, опять понятие «дороги» (жизненной дороги) является определяющим.

Базовый, универсальный характер данного концепта подтверждается тем, что основное культурологическое содержание у пары *жол – дорога* совпадает: *жол – дорога* – это символ движения, развития, обновления, изменений, а также символ будущего, неизвестности и таинств, символ жизни. Неслучайно и у слова *дорога*, и у слова *жол* развилось со временем переносное значение *жизненный путь – өмір жолы*.

Несмотря на сходство, имеющееся у лексем *жол – дорога*, имеются и различия, связанные прежде всего с образом жизни двух этносов, их философским мировоззрением. К.Ш. Нурланова, характеризуя образ дороги в романе М.Ауэзова «Путь Абая», отмечает его фольклорную основу: «Дорога, входя в ... одухотворенное целое природы, имеет самостоятельное значение... олицетворяет начало, вершины и результаты человеческих намерений и деятельности» [3, с. 78].

Дорога – предназначение; дорога – альтернатива добра и зла; дорога – олицетворение конечной цели, благословение, движение, восхождение духа [8, с. 121].

Для русского человека концепт дороги определяется просторами России, поэтому на первом плане коннотации, связанные с неизвестностью, ожиданием будущего. Для кочевника же дорога является символом жизни, символом ее бесконечности.

Литература

1. Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
2. Ислам А. Мировоззренческие концепты: лингвокультурологический анализ. // *SosvalBilimlerDergisi*. 2008. Save: 20.c.263-270
3. Нурланова К.Ш. Традиции устной литературы в современной казахской прозе // Традиции и новаторство в художественном освоении действительности. Алма-Ата. 1981.
4. Ордабаев Ч. Паремиологические репрезентанты концепта «путешествие». Август 24, 2014. <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=3223> (дата обращения: 26.01.2018).
5. Сатыбалдинова К.М. Генеалогический подход в истории философии // Вестник РУДН, серия Философия, 2014, №3. С.7-13
6. Стоянов В. В. Концепт пути в лирике В. Высоцкого [Текст] // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 55-59. URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/24/780/> (дата обращения: 27.02.2018).
7. К.Тасибеков. Ситуативный казахский (Мир казахов). Алматы, 2014. 264 с.
8. Утепова Р.И. Идея пути в поэтическом творчестве О.Сулейменова// Вестник РУДН, серия Литературоведение, Журналистика, 2016, №4. С. 112-121.
9. Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и древних текстах // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции. СПб., 1999, Вып. 7.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЮЗНОЙ СКРЕПЫ *КОЛЬ СКОРО*)

Т. Н. Пермякова
uchi70@mail.ru

**ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
технический университет»
(Новосибирск)**

Служебные слова, различные аспекты их изучения всегда были в центре внимания ученых-лингвистов. В современной лингвистике одной из актуальнейших проблем синтаксиса остается проблема средств выражения связи в сложном предложении. Не угасает интерес и к союзным средствам связи. Уже не вызывает сомнения тот факт, что семантические союзы как служебные лексемы обладают грамматическим и лексическим значениями. При этом, естественно, под лексическим значением понимается не

только отражение в виде понятий в сознании человека предметов, свойств и признаков, но и «все случаи, когда означенными являются смысловые отношения между самими языковыми единицами» [4, с. 6].

Союзы не только выполняют определенную синтаксическую функцию в сложном предложении, связывают его части в единое целое, но и задают семантико-синтаксическую направленность этим частям, поскольку во всех случаях своего употребления подчинительные союзы сохраняют свое значение, которое передается придаточной части.

Другой особенностью союзных скреп является то, что они могут взаимодействовать со своим синтаксическим окружением и вносить тем самым дополнительные оттенки значений во всю конструкцию. Это происходит за счет того, что за каждым союзом, помимо общего значения, может быть закреплено несколько частных значений (например, союз с семантикой обусловленности *коль скоро* имеет частные значения условия, причины и времени). В зависимости от того, в какое окружение попадает союз, реализуется то или иное его значение.

В традиционной лингвистике союзную скрепу *коль скоро* принято относить к условным союзам, маркирующим условные отношения.

Но сводится ли семантика данной скрепы к выражению условия? В данной статье мы попытаемся показать, что *коль скоро* обладает более богатым и сложным значением.

Несмотря на то, что в справочной лингвистической литературе данное сочетание идет с пометой «устар.», в настоящее время оно довольно часто встречается в текстах СМИ. В данной работе мы используем термин М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, которые предлагают все аналитические показатели связи называть союзными функтивами, «а конкретнее – скрепами» [2, с. 136].

Коль скоро принято считать условным союзом, который вводит условную придаточную предикативную единицу и при этом сам выражает условие [3]. В литературе традиционно трактуют условную семантику как взаимную связь явлений (их взаимную обусловленность), причем эта связь мыслится как предположительная, гипотетическая, при которой «наличие или отсутствие первого явления с необходимостью влечет за собой наличие или отсутствие второго явления» [1, с. 167].

Союз **коль скоро**, по мнению авторов Русской грамматики-80, является союзом дифференцированных значений, так как участвует в оформлении предложений только с потенциальной обусловленностью, где и условие, и следствие представлены как ситуации, которые *могут быть* реализованы. Значение потенциальности в предложениях с **коль скоро** (и под.) целиком опирается на союз [З, с. 563], в отличие, например, от предложений нереальной обусловленности (нереального условия), где значение союза подкрепляется еще и особой формой глагола, например:

Коль скоро покрыта потребность частных хозяйств, лазаретов, ..., отправляйте ягоды кратчайшим и выгоднейшим путем в соседние большие города (Фед.).

Я ни копейки не буду ему давать, коль скоро он не перестанет мотать (Станюк.).

Ср: Если бы я мог сбросить со счетов еще лет десять, то мне хватило бы времени, чтобы написать еще и вторую повесть (Пауст.).

Но так ли это на самом деле? Однозначна ли союзная скрепа **коль скоро**? Толковые словари русского языка представляют нам **коль скоро** как устаревшую единицу; а также с помощью синонимического способа толкования дают нам информацию только о том, к какой функционально-смысловой группе относится данная союзная скрепа, являющаяся, по их мнению, многозначной.

Как показал собранный языковой материал, современные журналисты довольно часто употребляют скрепу **коль скоро** в своих текстах. Причём высказывания из данных текстов с чисто условным значением составляют лишь 30% всей выборки, например: *Долгие приветствия, прощания, паузы, заминки, всяческие длинные «бэ» или «мэ» вырезаются и зрителю представляется содержательная, интересная часть. Такого рода монтаж не имеет ничего общего с подлогом. Я еще раз уверяю – никакого монтажа, искажающего смысл сказанного этой дамой, не было и в помине. Я готов это с исходниками интервью в руках доказать в суде, коль скоро он случится* (НКРЯ).

При замене союзной скрепы **коль скоро** на условный союз **если** мы получаем синонимическую трансформацию, ср.: *Я готов это с исходниками интервью в руках доказать в суде, если он случится.*

Совершенно очевидно, что в этом высказывании обуславливающая ситуация (посылка) носит гипотетический характер, предопределяющий гипотетичность следствия. Специфика условной зависимости проявляется также и в характере позиции говорящего. В анализируемом примере говорящий связывает две ситуации и представляет их как посылку и следствие, в виде гипотезы, версии, то есть устанавливает между ними отношения обусловленности, не указывая при этом ни на реальность, ни на нереальность сообщаемого: информация о соответствии действительности представлена здесь в виде дилеммы,³ ср.: *я не буду с исходниками интервью в руках доказывать в суде, если (коль скоро) он не случится*. Данный контекст можно интерпретировать как высказывание с условной зависимостью, т.к. союзная скрепа **коль скоро** выступает здесь как семантический эквивалент условного союза **если**.

– *Есть ли в деле, на ваш взгляд, политическая подоплека? – Коль скоро/если она была в первом случае, то, могу предположить, что она есть и во втором (НКРЯ).*

В данном контексте гипотетичность высказывания подчеркивается еще и вводными словами «*могу предположить*». Следовательно, мы можем предположить, что союзная скрепа **коль скоро** относится к функционально-смысловой группе союзов с условным значением.

Однако в большинстве контекстов (примерно 70%), взятых из современных медиатекстов, условное значение ослабляется или утрачивается совсем. Основанием для этого служит прежде всего утрата значения гипотетичности. При ослаблении элемента гипотетичности акцент смещается на значение реальности сообщаемого, условная семантика сближается с причинной. В высказываниях с причинной обусловленностью называются реальные события, отношения между которыми не предполагают альтернативы. В подобных высказываниях информация однозначна, например:

*И если в последнем матче центральную пару составили Алвеш и Нету – это диагноз: клубные дела пущены на самотек. Во-первых, Алвеша давно бы уже следовало освободить от приписки к «Зениту», **коль скоро** он, игрок статусный и высокооплачиваемый, категорически выпал из основы (НКРЯ).*

³ Здесь мы идем вслед за Русской грамматикой –80.

В отличие от предложений с условными отношениями, из подобных высказываний мы не можем извлечь сообщение о другой, предполагаемой, связанной с этой, ситуации, то есть основание и следствие не предполагают альтернативы. Говорящий связывает две ситуации, одна из которых служит основанием для реализации другой. Такие отношения в литературе принято называть отношениями причинной обусловленности [1; 3].

Заменив *коль скоро* причинными союзами, мы получаем синонимическую трансформацию, ср: *И если в последнем матче центральную пару составили Алвеш и Нету – это диагноз: клубные дела пущены на самотек. Во-первых, Алвеша давно бы уже следовало освободить от приписки к «Зениту», поскольку / так как он, игрок статусный и высокооплачиваемый, категорически выпал из основы*

Итак, эти скрепы в данном контексте синонимичны и свободно взаимозаменяются, не вызывая заметных сдвигов в семантике обусловленности. Эта ситуация не является единичной.

Более явными становятся причинные отношения в предложениях, имеющих в своем составе корреляты *значит, следовательно и др.*, например:

Темпы прироста иммигрантов продолжают возрастать. Но коль скоро / поскольку / так как люди туда едут – значит, незаполненные ниши все-таки существуют, даже если местные власти не хотят этого признавать (НКРЯ).

В конце концов, вряд ли американская разведка была не в курсе того, что Барзани и Талабани поддерживали связи с иранскими спецслужбами. Но коль скоро / так как (по той причине что, поскольку) такие сведения преданы широкой огласке, значит это кому-то нужно (НКРЯ).

Коль скоро / так как / по той причине что / поскольку картина попала в номинанты на "Оскар", значит, ваше послание было услышано (НКРЯ).

Итак, при замене союзной скрепы *коль скоро* на причинные союзы мы еще раз убеждаемся, что в подобных высказываниях данные союзы синонимичны и каких-либо изменений в семантике предложения не происходит.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы:

1) несмотря на словарную помету «устар.», союзная скрепа **коль скоро** активно используется в современных медиатекстах;

2) союзная скрепа **коль скоро** является многозначной;

3) в определенных условиях союзная скрепа **коль скоро** может принадлежать к функционально-смысловой группе условных союзов, а в некоторых случаях можно говорить об ослаблении условного значения анализируемого союза, в этих случаях **коль скоро** можно отнести к функционально-смысловой группе причинных союзов.

4) строгая документальность, часто фактографичность медиатекстов накладывает ограничения на употребление союзной скрепы **коль скоро**. Более того, часть текстов СМИ представляет собой интервью с героем статьи, где используется прямая речь информативного характера, передающая достоверность излагаемых фактов, что приводит к однозначной трактовке семантики высказывания как причинной.

Литература

1. Бабалова Л.Л. Условные отношения и условные союзы // Спорные вопросы синтаксиса. М., 1974. – С.166-183.

2. Колосова Т.А., Черемисина М.И.. О союзных и текстовых скрепах русского языка // Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1987.

3. Русская грамматика: научные труды. В 2 томах. М., 2005. – 1496 с.

4. Федоров А.К. Система подчинительных союзов в СРЯ: автореф. дисс. ... док-ра филол.н. М., 1972.–39 с.

ТИПЫ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ СИМУЛЬТАННЫХ АББРОКОНСТРУКТОВ ПРИ ДЕШИФРОВКЕ СИМУЛЬТАНТОВ В ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ТЕКСТАХ

В. Ю. Ровная

Rovnaya_viktoriya@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

В ходе работы с симульмантами (сложносокращенными словами, абброконструкт (далее – АК) которых может трактоваться двояко) было выявлено, что абсолютные симульманты, в силу своей гиперонимичной природы, не могут быть связаны лишь с одним определенным квалификативом, поэтому сложносокращенное слово естественным образом генерализует, то есть обобщает в себе семантику двух разных референтов. Включённые симульманты проходят два пути: путь естественной и искусственной генерализации. Последнее обычно связано с фактом псевдоунивербализации. От типа генерализации зависит выбор дешифровальных стимулов при дешифровке симульмантов: при естественной генерализации возможно использование презентативных и интерпретативных стимулов, а при искусственной – только презентативных.

Таким образом, цель предлагаемой статьи заключается в описании путей естественной и искусственной генерализации симульмантных абброконструктов. Описание предполагает установление причин и особенностей симульмантной эквивалентности, типов её генерализации, принципов выбора дешифровальных стимулов. Данный подход позволяет дифференцированно и структурно представить гнездо эквивалентности (далее – ГЭ), составляющее идейную базу «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка», создаваемого под руководством проф. В.И.Теркулова. Сведения, полученные в данной статье, позволяют дополнить и конкретизировать традиционные понятия теории аббревиации.

Понятие симульмантности и симульмантов впервые появилось в работах А. Бровца, который дал первичное определение и классификацию симульмантных конструкторов [1; 2]. «Симульмантный» (франц. *simultané* – одновременный) – происходящий одновременно, в одно и то же время; синхронный [4]. Например, аббревиатура *геоинфор-*

мация имеет два эквивалента – *геологическая информация* и *географическая информация*, в то время когда *ССС геогоризонт* имеет только один эквивалент – *географический горизонт*. То есть в первом случае мы наблюдаем явление симультантности, а во втором – сложносокращенное слово (далее – *ССС*) представляет собой чистую аббревиатуру.

Существует два типа симультантов: абсолютные и включённые. Первый тип – **абсолютные симультанты** – это омонимичные АК, связанные с разными денотатами. Например, *геополитика*: с одной стороны, это ‘аналитическое исследование любого влияния географического положения на политические отношения различных государств в процессе их взаимодействия в международной политике’, а с другой, – ‘область государственной внешней политики, в которой учитываются особенности физической, экономической и политической геологии какой-л. страны’ (*геополитика – географическая политика / геологическая политика*).

Второй тип – **включённые симультанты**. Они встречаются чаще и отражают взаимопроникновение признаков нескольких эквивалентов АК и их смешение в пределах трактовки одного референта. Например, *ССС автохлорирование* имеет первичный номинативно-деривационный эквивалент *автоматическое*, но в ходе развертывания получает и коррелят *автоматизированный* (*автоматическое хлорирование > автохлорирование > автоматизированное хлорирование*). Данный тип симультанта не связан с существованием двух референтов, а характеризуется имитацией семантической множественности, выступая главным источником псевдоунивербализации как деривационного моделирования языковой реальности [2, с.8].

Как было ранее указано, абсолютные симультанты не могут быть связаны лишь с одним определённым квалификативом, поэтому *ССС* естественным путем обобщает в себе семантику двух разных референтов. Этот процесс называется **генерализацией**.

Генерализация (лат. *generālis* – общий) – это обобщение, логический переход от частного к общему; подчинение частных явлений общему принципу [3]. Иными словами, это один из видов лексической замены. Например, квазиаббревиатура *электрорынок* может быть связана с двумя референтами (*электрический и электронный*). Иначе говоря, *электрорынок* – место розничной торговли под

открытым небом или в торговых рядах, где можно приобрести запчасти, товары, детали и т.д., связанные как с электроникой, так и с электричеством. Не существует двух отдельных рынков, которые выборочно торгуют электронными или электрическими приборами. В основе такой генерализации лежат родовидовые, или гипо-гиперонимические отношения в лексике.

Что касается включённых симультантов, то их генерализация сложнее. Это связано с тем, что в её основе лежит явление псевдоунивербализации. Включённые симультанты проходят два пути генерализации:

А) Естественная генерализация. На этом уровне не возникает никаких сложностей. Например, ССС *геофак* имеет эквиваленты: *географический факультет* и параллельно ему – *геологический факультет*. Очевидно, что однозначно ответить, *геологическим* или *географическим* является факультет, нельзя, поскольку он аккумулирует признаки обоих «классов». В первом случае студенты геологического факультета будут изучать геологию Земли и ее особенности, а во втором – географию. Но обычно существует лишь один факультет, на котором изучают и геологию, и географию.

Б) Искусственная генерализация. ССС *астрогороскоп* имеет два эквивалентных адъектива: *астрономический* и *астрологический*. *Астрология* – ‘группа описательных и предсказательных практик и верований, постулирующих воздействие небесных тел на земной мир и человека’ и *астрономия* – ‘наука о Вселенной, изучающая расположение, движение, строение, происхождение и развитие небесных тел и систем’. Сопоставив эти понятия, сделаем вывод, что *астрогороскоп* может быть лишь астрологическим. Такая псевдоунивербализация возникает из-за коррелятивного стереотипа «каждому ССС должно соответствовать словосочетание», а так как астрология все же основывается на учении небесных тел, то человек, не знающий в точности значений АК, искусственно обобщает эти два понятия.

Следует отметить, что тип генерализации определяет выбор дешифровальных стимулов (далее – ДС) при дешифровке симультантов. При естественной генерализации возможно использование презентативных и интерпретативных стимулов: ССС *электрогитара* имеет такие ДС как *электрическая гитара*, *электронная гитара*,

электроакустическая гитара, гитара с электромагнитными звукоснимателями и т.д.; при искусственной генерализации возможно использование лишь презентативных ДС: ССС *астрогороскоп* имеет только два эквивалента – *астрологический гороскоп* и *астрономический гороскоп*.

Итак, существует два основных типа симультантов: абсолютные и включённые. Абсолютные симультанты могут генерализовать в себе семантику двух разных референтов. Включённые симультанты проходят путь естественной и искусственной генерализации. При естественной генерализации возможно использование презентативных и интерпретативных стимулов, а при искусственной – только презентативных. В перспективе – описание всех симультантов по разработанным методикам.

Литература

1. Бровец А. И. Аббревиатуры с аббревиационным конструктом «электро» / А.И. Бровец. – Донецк, 2015 – 46 с.;
2. Бровец А. И. О симультантных абброконструктах (на материале аббревиационной группы «электро») / А.И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире : X Международная научно-практическая конференция : сборник научных статей. – Симферополь, 2016. – С. 41-52;
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / Л. П. Крысин. – 2-е изд., доп. – М. : Рус. яз., 2000. – Режим доступа: <http://yroky.net/slovari/slovar-krisin-l-p-tolkoviy-slovar-inoyazichnih-slov/>– (Дата обращения: 13.02.2018);
4. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>– (Дата обращения: 13.02.2018).

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТЫ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА

Т.В. Романова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Нижний Новгород)

Наше исследование было посвящено семантическому анализу прилагательных, обозначающих цвет. Цель проведённого

анализа заключалась в выявлении компонентов значения, фиксирующих идеологическое и аксиологическое функционирование данных прилагательных, рассмотрение их актуальности, частоты употребления, изменения в диахронии. За шкалу временного измерения взяты дореволюционный, революционный, советский и постсоветский периоды. Материалом для исследования послужили тексты художественной литературы XIX–XXI вв., представленные в Национальном корпусе русского языка [4]. Наиболее продуктивными для заявленного аспекта анализа оказались семантико-этимологические особенности слова *красный*. Проведённый диахронический компонентный анализ выявил изменение структуры его лексического значения за счёт появления, перераспределения, затухания, актуализации окказиональных сем.

Под идеологемой традиционно понимается языковая единица, семантика которой включает идеологический денотат или наслаивается на семантику, «покрывающую денотат неидеологический» [3, с. 183]. Существует следующая классификация идеологем: общие – ценностно актуализированные на любой стадии развития общества (*Бог, народ, свобода*), частные – обладающие ценностью в пределах конкретной эпохи (*император, самодержавие, советский*), описательные – несущие логическую оценку, использующиеся в качестве предиката (*буржуазный, меньшевистский, реакционный*) [2, с. 59]. Аксиологема понимается как субъективная категория эмоционально-интеллектуальной оценки. Эти оценки характеризуют личность, ее понимание ценности [5, с. 585]. «В отличие от идеологемы, в аксиологеме как знаке на первый план выступает не денотативно-сигнификативное значение, а ценностно-оценочные коннотации» [5, 586]. Аксиологемы можно объединить в следующие группы, согласно аксиологическим категориям, которые они образуют: аксиокатегория власти, социального устройства, образа врага, религии и культурно-философских ценностей и т.д. [2].

Из НКРЯ было выбрано 500 контекстов с прилагательным *красный*, проанализировано 117 микроконтекстов, в которых это прилагательное имеет идеологическое или аксиологическое содержание (частота употребления идеологемы *красный* составляет 7%, аксиологемы – 20% от общего числа контекстов).

При анализе установлено, какие семы фиксируют аксиологические и идеологические смыслы. Каждой семе дана оценка по аксиологи-

ческой шкале – «-» или «+» (отрицательная / положительная). Употребление слова *красный* может актуализировать антонимичные компоненты значения ('красивый' / 'некрасивый'), при сравнении разных контекстов семы могут выстраивать отношения градации ('плохой' – 'хороший' – 'лучший').

Статус идеологема придают слову *красный* следующие компоненты значения: 'коммунистический', 'революционный', 'красноармейский'. Исследование показало, что один и тот же компонент значения может быть отнесён к разным аксиокатегориям и иметь полярные оценки на аксиологической шкале в рамках одного временного отрезка. Например, семантический компонент 'коммунистический', фиксируемый у рассматриваемого прилагательного с революционного периода, входит в аксиокатегорию ВРАГ, в категорию ВЛАСТЬ – в советское и постсоветское время; в аксиокатегорию РЕЛИГИЯ, отождествляясь с семой 'безбожный':

– *Богоотступники, красные!.. Право, я и не знала, что он такой молодой... Уж знакомить ли вам его, полно? Что как он красный? Ведь этак позор на весь дом наш ляжет тогда.*

– *Нет, уж за это ручаюсь! Уж красноты в нем нет ни малейшей!* В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Ч. 6 (1867) [4].

При смене идеологии государства может полностью утрачиваться ценностный компонент значения, например, 'священный', 'невинный':

– *Передний угол направо – красный, святой, там образа, перед ними стол.* П.И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881) [4]; *Если красный свет – синоним Бога Отца, красный и белый — синоним Христа, Бога Сына, то белый — синоним чего?* Андрей Белый. Симфония (1901) [4].

Характеризуя советский дискурс, исследователи наделяют его такой чертой, как семантический примитивизм, что является следствием тоталитаризма, а точнее, его составной части – утилитаризма [3, с. 14-19]. Наиболее частотное выражение идеологического примитивизма – семантическая оппозиция. Одной из главных оппозиций, выявленных при функционировании прилагательного *красный*, является противопоставление смыслов 'революционный' – 'контрреволюционный'. Варианты этой антиномии – 'красный' – 'белый',

‘вражеский’, ‘враждебный’, ‘левый’ – ‘правый’, ‘советский’ – ‘антисоветский’, ‘буржуазный’, ‘западный’, ‘коммунистический’ – ‘антикоммунистический’:

– *Наши красный террор есть защита рабочего класса от эксплуататоров.* История ВКП(б) 1938 г. [4].

Следует отметить, что в большинстве текстов советского времени *красный* получает оценку ‘свой’, в постсоветском времени – ‘чужой’.

В качестве результата представим распределение компонентов значения прилагательного *красный* по аксиокатегориям (в соответствии с классификацией [3]).

Дореволюционный период:

1. *власть* – компоненты отсутствуют;
2. *образ врага* – ‘коммунистический’, ‘революционный, олицетворяющий зло’;
3. *социальная* – ‘главный’, ‘здоровый’ (‘нездоровый’), ‘невинный’;
4. *аксиокатегория культурно-философских ценностей* – ‘богатый’, ‘престижный’; ‘красивый’ (‘некрасивый’, ‘безвкусный’, ‘обыкновенный’), ‘лучший’, ‘хороший’ (‘приятный’), ‘плохой’;
5. *религия* – ‘безбожный’, ‘священный’.

Революционный период:

1. *власть* – компоненты отсутствуют;
2. *образ врага* – ‘коммунистический’, ‘революционный’;
3. *социальная* – ‘коммунистический’, ‘революционный’; ‘нездоровый’;
4. *аксиокатегория культурно-философских ценностей* – ‘богатый’, ‘престижный’; ‘некрасивый’, ‘безвкусный’, ‘обыкновенный’, ‘лучший’.
5. *религия* – ‘священный’.

Советский период:

1. *власть* – ‘коммунистический’, ‘революционный’, ‘единение нескольких властей’;
2. *образ врага* – ‘коммунистический’;
3. *социальная* – ‘красноармейский’, ‘нездоровый’;
4. *аксиокатегория культурно-философских ценностей* – ‘богатый’, ‘престижный’; ‘красивый’ (‘некрасивый’), ‘лучший’;
5. *религия* – ‘священный’.

Постсоветский период:

1. *власть* – ‘коммунистический’;
2. *образ врага* – ‘коммунистический’;
3. *социальная* – ‘красноармейский’, ‘главный’;
4. *аксиокатегория культурно-философских ценностей* – ‘революционный’, ‘богатый’, ‘престижный’; ‘лучший’, ‘вульгарный’, ‘некрасивый’;
5. *религия* – ‘безбожный’.

Литература

1. Грачёв М.А., Романова Т.В. Язык молодежи. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода. – Нижний Новгород, 2008. – 255 с.
2. Журавлёв С.А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : дис. д-ра филол. наук: 10.02.01 / О.А. Журавлев. – Йошкар-Ола, 2004. – 203 с.
3. Купина Н.А. Тоталитарные идеологемы и мифологемы на страницах районных газет Урала [Текст] / Н.А. Купина. - Режим доступа: http://IbraLy.krasu.m/ft/ft/_artides/0Ш889.pdf (дата обращения : 10.03.2017).
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 12.12.2017)
5. Романова Т.В. Топоним Соловки как социокультурный знак в национальной картине мира (константы и динамика) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2011. Т. 2-2. №6. С. 584-588.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ БУКВЫ Ё В ПЕЧАТНЫХ ТЕКСТАХ

Л.И. Рудницкая, А.Я. Мартынюк

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
(Симферополь)

Цель предлагаемой статьи – обратить внимание на слова, в которых гласный [o], обозначенный буквой ё, иногда ошибочно подменяют ударным [э] (е), и наоборот – ударный [э] (е) ошибочно подменяют ['o] (ё). Почему происходят такие подмены? Чем это грозит речевой культуре?

Обратимся к истории возникновения буквы ё в русской графике. Как известно, на ранних этапах развития русского языка на месте звука *o* после мягкого согласного, передаваемого в наши дни буквой *ё*, произносился звук [э]. Приблизительно в XIV в. этот

звук стали произносить как ['o]. Если вы возьмёте любое слово с буквой ё и замените звук [o] на звук [э], то узнаете, как это слово произносилось в древности: раньше говорили [б'эр'эза], а не [б'эр'оза]. Данный процесс привел к противоречию: в некоторых словах вместо [э] стали произносить ['o], но продолжали писать букву е. Чтобы снять несоответствие между написанием и произношением, на рубеже XVIII-XIX вв. русский писатель, историк Н. М. Карамзин предложил использовать букву ё, а точнее букву е с диакритическим знаком (две точки), который он позаимствовал из немецкой графики, где при помощи двух точек обозначается особое чередование гласных.

Официально буква ё была введена в состав русского алфавита только во время реформы орфографии 1918 года, но она так и не закрепились в качестве полноценного элемента русской графики. Поэтому приказом Народного комиссара просвещения от 24 декабря 1942 г. было введено обязательное употребление буквы ё в школьной практике, а в 1945 г. даже издается словарь под названием «Употребление буквы ё».

Однако в настоящее время в эпоху всеобщей грамотности, прежде всего печатание буквы е вместо ё в газетах, журналах, официальных бумагах, художественной литературе (даже не во всех мобильных телефонах есть эта буква) привело к тому, что стало усваиваться то произношение, которое «подсказывается» графическим обликом: во многих словах стали произносить на месте ['o] [э], к примеру: *заворожЕнный, недооцЕненный* вместо правильного *заворожённый, недооценённый* и т. д.

Как видим, необязательное написание буквы ё приводит к переносу ударения в некоторых словах и неправильному их произношению, что способствует появлению в речи орфоэпических вариантов.

Студентам нефилологического профиля в Таврической академии ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского на занятиях по орфоэпии в курсе дисциплины «Русский язык и культура речи» было предложено задание, где приведённые слова нужно было распределить по группам в соответствии с произношением в них звука [э] или ['o] на месте написания буквы Е или Ё.

Афера, блеклый, бытие, внаем, гренадер, грубошерстный, двоеженство, желчь, двоеженец, дареный, ерничать, желоб, забеленный, замороженный, истекший, зев, заем, одновременный, новорожденный, никчемный, отсеченный, отключенный, осведомленный, планер, приглушенный, прирученный, свекла, убеленный, филер, филистер, маневр, крестный, опека.

Ключ: произношение [э]: *афера, бытие, гренадер, двоеженец, зев, одноврЕменный и одновремЕнный, опека, бытие, филистер;*

произношение ['о]: *внаём, грубошёрстный, двоежёнство, ёрничать, жёлоб, забелённый, заморожённый, заём, никчёмный, отсечённый, отключённый, осведомлённый, приглушённый, приручённый, свёкла, убелённый, филёр;*

вариантное произношение: *блёлый – блеклый (доп.); новорождённый – новорожденный (разг.); манёвр – маневр (доп.) планер – планёр (разг.); желчь – жёлчь (доп.);*

буквы Е, Ё выполняют смысловозначительную функцию или грамматическую: *крёстный отец – крестный ход; истекший год (окончившийся, прошедший) – истёкший кровью (потерявший много крови, жидкости); дАренный (причастие) – дарёный (прилагательное), дарёному коню в зубы не смотрят (пословица) [2; 4; 5].*

Большинство студентов при выполнении данного задания испытывали затруднения.

Дело в том, что действующие правила употребления буквы Ё сводятся только к смысловозначительной функции (ср.: все и всё; небо и нёбо; железка и желёзка; и т. п.), но не служат для указания на правильное произношение читаемого слова. Поэтому в наше время многие слова усваиваются, прежде всего, из печатных текстов, отсюда они стали произносятся с [э] вместо традиционного произношения с ['о].

Мы согласны с доктором филологических наук, профессором Л. Г. Паниным, который отмечает: «...Букву «ё» давно нужно было восстановить в своих правах. С ней текст зрительно воспринимается лучше – это давно доказано. Недаром вообще придумали эту букву. По легенде, изобрёл её Н. М. Карамзин, хотя на самом деле букву ввела подруга Екатерины Великой графиня Дашкова в присутствии Державина и других тогдашних членов Академии

наук. До этого, например, слово «Пётр» писали «Пиотр», а в церковной литературе «Петр». В церковном произношении вообще нет слова типа «сёстры» (там есть «сестры», а разговорная речь меж тем имела звук «ё»...)» [3, с. 790].

Однако есть и другое мнение. На сайте Справочно-информационного портала «Грамота.ру» этот вопрос обсуждали главный редактор Владимир Пахомов и главный консультант Виктор Свинцов:

«... А вы за букву «ё» или против?

Виктор: Мы за все буквы алфавита.

Владимир: Мы за соблюдение правил. Ёфикаторы (так сами себя называют люди, которые выступают за последовательное употребление буквы «ё») наделали много шума. Это довольно агрессивное движение. Всех, кто пишет слово «ёжик» без двух точек, они обвиняют в пренебрежении к родному языку и безграмотности. К этим ёфикаторам у нас тоже отношение негативное. Мы против той абсурдной ситуации, когда человека, который пишет по правилам, обвиняют в безграмотности. «Ё» по действующим правилам пишется в строго определённых случаях: когда нужно предупредить неверное понимание слова (все – всё, совершенный – совершённый), в собственных именах, географических названиях и в книгах для тех, кто начинает читать (дети и иностранцы), в словарях и энциклопедиях.

Виктор: Ставить везде букву «ё» – это то же самое, что везде ставить знак ударения» [6].

Однако мы полагаем, что последовательное применение буквы ё в печатных текстах не только в смысловых целях, но и для указания на правильное литературное произношение будет способствовать овладению орфоэпическими нормами.

«...правильное произношение, – подчеркивает К. С. Горбачевич, – является неотъемлемым признаком литературного языка, важным компонентом понятия «культура речи». Необходимость установления и поддержания единообразных орфоэпических норм диктуется коммуникативными и эстетическими задачами. Как и орфографические ошибки, неправильное произношение не только препятствует обмену информацией, но и свидетельствует о низком культурном уровне говорящего» [1, с. 130-131].

Отсюда следует, что правильное произношение способствует формированию культурной и коммуникативной компетенции будущего специалиста.

Литература

1. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1989. – 208 с.
2. Горбачевич К. С. Современный орфоэпический словарь русского языка. Все трудности произношения и ударения. М.: Астрель, 2010. – 477 с.
3. «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово! ...» Классики и современники о русском языке. Антология / Сост. Г. Н. Красников. М.: Вече, 2016. – 928 с.
4. Розенталь Д. Э. Словарь трудностей русского языка / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 12-е изд. М.: АЙРИС-пресс, 2016. – 832 с.
5. Соловьёв Н. В. Словарь правильной русской речи. М.: Астрель-АСТ-Хранитель, 2006. – 960 с.
6. Сайт «Грамота. ру». Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/people/city-news/164557-chto-novogo-s-gramota-ru/> (дата обращения: 21.02.2018).

ТЕКСТОВЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ МУТАНТНЫХ (ГИБРИДНЫХ) КОМПОЗИТОВ

В. А. Рязанова

valeria.alesanovna@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Появление композитно-аббревиатурных гибридных групп является следствием действия **дешифровальных стимулов (ДС)** на гнездо эквивалентности сложного слова. ДС – имплицитные знания носителей языка, которые обуславливают создание синтаксического эквивалента (словосочетания) определённой модели в **гнезде эквивалентности (ГЭ)** сложного слова в результате его расшифрования.

Дешифрование сложного слова с гибридным конструктом происходит по разным стереотипным моделям, в которых конструкт развёртывается разными способами и реализует одну из

своих формально-семантических разновидностей (абброконструкт или композитный конструкт). В случае, когда гибридный конструкт в словосочетании трактуется как аббревиатурный, мы относим его дешифровальный стимул к **аббревиатурному** типу (АДС: *нефтегавань – нефтяная гавань*). Если конструкт развёртывается как композитный, значит, применяется **композиционный** дешифровальный стимул (КДС: *грузовладелец – владелец груза*). Совокупность всех ДС (собственно моделей, по которым происходит развёртывание элементов гнезда эквивалентности сложного слова) составляет его дешифровальную матрицу [3].

Было обнаружено, что композиционно-аббревиатурная гибридность конструкта в пределах одного гнезда эквивалентности достигается разными путями. При анализе **дешифровальных цепочек** (последовательности дешифрования слова в эквивалентные расчленившиеся единицы) в гнездах эквивалентности гибридных групп выявлено два способа формирования гибридности конструкта.

Первый способ – **параллельный** – свойственен всем рассмотренным нами гибридным группам (*банд, ветро, газо, дымо, домо, жир, нефте* и т.д.). Суть его заключается в следующем. Гнездо эквивалентности слова состоит из нескольких дешифровальных цепочек, в которых параллельно используются ДС разных типов (композиционные и аббревиатурные). Например, в гибридной группе «домо» часто встречается гнездо эквивалентности следующей модели: *домовладелец – 1) владелец домохозяйства – владелец домашнего хозяйства; 2) владелец домов*. В первой цепочке задействованы АДС: конструкт развёртывается в сложное слово, которое, в свою очередь, образовано в результате аббревиации. Во второй цепочке задействован КДС. Конструкт внутри обеих цепочек сохраняет свой статус. Гибридность конструкта проявляется при чередовании в текстах элементов гнезда эквивалентности из разных дешифровальных цепочек: *Владелец домохозяйства в этот момент был на работе, но быстро приехал по звонку родственников – Лишь спустя 4 часа после первого «неуправляемого полета» домовладелец позвонил в ДЧ местного отдела полиции и сообщил о случившемся [1]; В данное время это положение пересматривается, и в перспективе **владелец дома**, в котором никто не зарегистрирован и проживают в его стенах преимущественно в тёплое*

время года, будет освобождён от уплаты за вывоз отходов на период до шести месяцев – Получив приглашение разрешить возникший спор таким путём, **домовладелец** обычно задумывается [2].

Второй способ –**последовательный**– был обнаружен в гнёздах эквивалентности гибридной группы «нефте». В дешифровальной цепочке на определенном этапе происходит замена ДС одного типа на другой, что приводит к изменению актуального статуса гибридного конструкта. Такой переход возможен во многокомпонентных дешифровальных цепочках, где конструкт формально соответствует последнему элементу или его компоненту: *нефтепоставки – поставки нефтепродуктов – поставки продуктов нефтепереработки – поставки продуктов переработки нефти.*

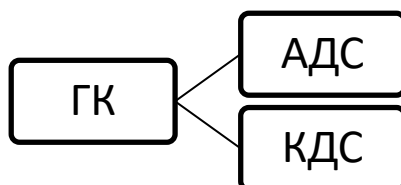
В этом случае конструкт «нефте» в промежуточных звеньях трактуется как аббревиатурный, а в последнем – как композитный, поскольку он структурно совпадает с признаковым компонентом словосочетания. Таким образом, композитный конструкт преобразовывается в абброконструкт.

Структурные разновидности моделей формирования гибридности.

Гнёзда эквивалентности, которые располагаются на периферии мутантной группы, естественно, имеют дешифровальные цепочки с ДС только одного типа, потому в них гибридность конструкта не формируется и не отражается. Например, слово *ветроустановка* имеет дешифровальные цепочки, в которых задействованы только АДС: *ветроустановка – 1) ветряная установка – ветроэнергетическая установка; 2) ветровая установка;* при этом для него не предполагается эквивалент **установка ветра.*

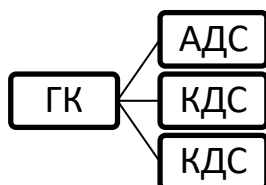
Гибридность конструкта отражается в ядре гибридной группы [3, с. 200].

При параллельном способе формирования гибридности в ГЭ можно обнаружить как минимум 2 дешифровальные цепочки. Схему простейшего ГЭ в этом случае можно обозначить:

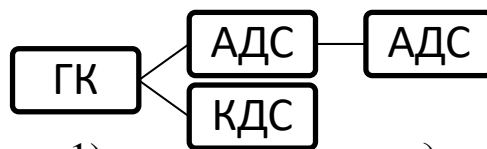

Нефтеотходы – 1) нефтяные отходы; 2) отходы нефти.
Дымомаскировка – 1) дымовая маскировка; 2) маскировка дымом.
Грузоблок – 1) грузовой блок; 2) блок грузов.

Более сложные ГЭ, состоящие из трёх и более эквивалентов, могут объединяться в дешифровальные цепочки в различных вариациях (путём усложнения структуры цепочки или увеличения их количества в ГЭ):

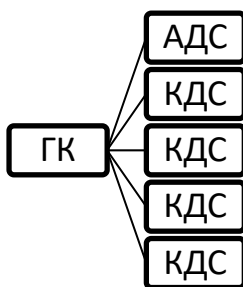

Газоиндикатор – 1) газовый индикатор; 2) индикатор газа; 3) индикатор газов.
Грузоперевозка – 1) грузовая перевозка; 2) перевозка груза; 3) перевозка грузов.

Домоведение – 1) ведение домохозяйства – ведение домашнего хозяйства; 2) ведение дома; 3) ведение домов.
Домовладелец – 1) владелец домохозяйства – владелец домашнего хозяйства; 2) владелец дома; 3) владелец домов.

Наиболее сложное в отношении параллельного способа формирования гибридности ГЭ обнаружилось в группе «газо»:

Газообмен – 1) газовый обмен; 2) обмен газа; 3) обмен газов; 4) обмен газом; 5) обмен газами.

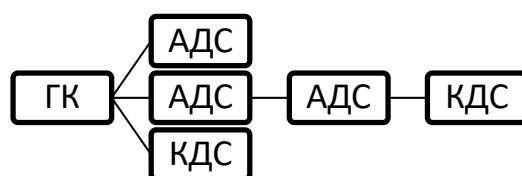
В целом можно отметить большое разнообразие структуры и сложности моделей, которые представляют параллельный способ формирования гибридности в рассмотренных группах.

Последовательный способ формирования мутантности был обнаружен только в ГЭ группы «нефте». Особенность дешифровальной цепочки такого способа состоит в том, что вне зависимости от своего размера, в последнем её элементе применяется КДС, а во всех предшествующих элементах – АДС. Композитный ДС внутри дешифровальной цепочки не обнаруживается:

Нефтепоставки – поставки нефтепродуктов – поставки продуктов нефтепереработки – поставки продуктов переработки нефти.

Как правило, ГЭ, которые содержат дешифровальные цепочки последовательного способа формирования мутантности, включают в себя также и параллельные цепочки:

Нефтеэкспорт – 1) нефтяной экспорт; 2) экспорт нефтепродуктов – экспорт продуктов нефтепереработки – экспорт продуктов переработки нефти; 3) экспорт нефти.

Особую значимость представляет последовательный способ формирования гибридности. Согласно комбинированному подходу к процессу универбализации, выдвинутому ЭЛИТА, представленные дешифровальные цепочки отражают процессы дешифрования условно (на синхронном уровне) и могут не соответствовать реальному пути формирования ГЭ. Однако интерес вызывает то, что для формирования КДС используются аббревиатуры, а в рамках одной дешифровальной цепочки для образования эквивалентов применяются ДС разных типов.

Литература

1. Еженедельная газета «Столица С» [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/incident/road/94418> (дата обращения: 12.08.2018).
2. Рязанова В.А. «Дешифровальный стимул и дешифровальная матрица: модель описания» // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум. Том 2. Симферополь, 2017. – С 198-204.

3. Сайт газеты «Гомельские новости» [Электронный ресурс]. URL: <http://newsgomel.by/news/obshchaya-zabota-ne-enota-kak-nalazhen-v-gorode-sbor-musora> (дата обращения: 12.08.2018).

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «ГРЕХ»: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ

В.В. Сайгин

secretar@ahch.unn.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского»
(*Нижний Новгород*)

Работа продолжает предпринятое нами комплексное описание концептуального поля «грех», начатое в предыдущих исследованиях [15]. Исследование основано на идеях когнитивного анализа культурно-значимой информации в естественном языке, представленных в работах [5; 7; 9]. В работе использованы методы концептуального анализа, разработанные учеными ННГУ им. Н.И. Лобачевского [1; 3; 6; 8].

Под концептуальным полем мы, за Т.В. Евсюковой и Е.Ю. Бутенко, понимаем «цепочку иерархически структурированных концептов, связанных общей смысловой компонентой. Концептуальное поле может быть организовано вокруг базового концепта, вступающего в интертекстуальном пространстве в смысловые отношения с другими рядоположенными концептами» [2, с. 112].

В нашем случае в качестве базового концепта для концептуального поля «грех» естественным образом выступает одноименный концепт. Как рядоположенные концепты эмпирическим способом были определены в роли структурообразующих такие концепты, как «покаяние», «добродетель» и «искупление», репрезентирующие полярные по отношению к базовому концепту «грех» «узловые точки» в концептуальном пространстве греха.

Нами обосновывается концепция исследования концептуальных полей как единиц национального культурного кода, согласно которой исследовательское моделирование структуры концептуального поля предполагает выявление значимых связей и отноше-

ний между базовым концептом и другими рядоположенными концептами, которые описываются с помощью научного понятия «**концептуальная связка**», или «**концептосочетание**» [4]. В наших предыдущих работах мы рассмотрели элементарные концептуальные связки «грех» — «покаяние», «грех» — «добродетель» и «грех» — «искупление», а также одну комплексную связку «грех» — «покаяние» — «добродетель» [10; 11; 12]. В настоящем исследовании рассматриваются комплексные концептуальные связки «грех» — «покаяние» — «искупление» и «грех» — «искупление» — «добродетель», а также интегрирующая четырехзвенная комплексная связка «грех» — «искупление» — «покаяние» — «добродетель».

Общей для рассматриваемых связок тенденцией будет то, что семантические отношения, формирующие структуру означенного концептуального поля, по-разному структурируют концептуальное пространство применительно к религиозному и внерелигиозному, светскому пласту данного концептуального содержания.

«Грех» — «покаяние» — «искупление». Наиболее органична концептуальная связанность и взаимообусловленность между этими тремя элементами для религиозного компонента концептуального поля «грех». «Грех» в религиозно-православной культуре мыслится как источник духовного повреждения человека, отпадения от праведной жизни, от Бога. Посредством акта «покаяния» человек осознает свою греховность, а посредством акта «искупления» в молитвах и праведной жизни происходит избавление от греха. Кроме этого, благодаря искупительной жертве Иисуса Христа, пострадавшего за всех людей, происходит восстановление поврежденной грехом человеческой природы и примирение человека с Богом. Графически модель структурных отношений в многокомпонентной концептуальной связке «грех» — «покаяние» — «искупление» отображена на **Схеме 1** (знак «→» означает необходимую обусловленность).

Схема 1. Семантическая структура концептуальной связки «грех» — «покаяние» — «искупление» в религиозно-православном аспекте

ГРЕХ → ПОКАЯНИЕ → ИСКУПЛЕНИЕ

Несколько иначе представляются структурные связи между компонентами данной концептуальной связки применительно к их

внерелигиозному, светскому восприятию. Облегченная расширительная трактовка греха как любой неправильности или ошибки, в том числе прощительной человеческой слабости, имплицитно психологизованное понимание покаяния как раскаяния — чисто психологического чувства, осознания неправильности своих мыслей, чувств, отношений или поступков. Так утрачивается деятельностный характер покаяния как важного духовного акта, поэтому раскаяние не обязательно приводит к искуплению — к постоянной молитве и праведной жизни как избавлению от грехов. Сугубо светский характер данной ситуации также не предполагает руководствоваться в своей жизни духовно основополагающим знанием об искупительной жертве Христа. Графически модель структурных отношений в многокомпонентной концептуальной связке «грех» — «покаяние» — «искупление» отображена на **Схеме 2** (знак «→» означает необходимую обусловленность, знак [] означает необязательность, факультативность самого концепта, заключенного в квадратные скобки, для данной структуры, знак <?> означает необязательность, сомнительность мотивирующей связи).

Схема 2. Семантическая структура концептуальной связки «грех» — «покаяние» — «искупление» во внерелигиозном, светском аспекте

ГРЕХ → [ПОКАЯНИЕ=РАСКАЯНИЕ] <?> ИСКУПЛЕНИЕ

«Грех» — «искупление» — «добродетель». Очевидной концептуальной связанностью между этими элементами снова является лишь для религиозно-православного компонента концептуального поля. Посредством акта индивидуального искупления в молитвах и праведности в контексте искупительной жертвы Иисуса Христа человек естественным образом обращается на путь добродетельной жизни. Вне искупления человек отпадает от Бога и приобретает разнообразные пороки как результат жизни во грехе. Графически модель структурных отношений в многокомпонентной концептуальной связке «грех» — «искупление» — «добродетель» / «порок» отображена на **Схеме 3** (знак «→» означает необходимую обусловленность, знаки «+ / -» означают наличие / отсутствие соответствующего концепта).

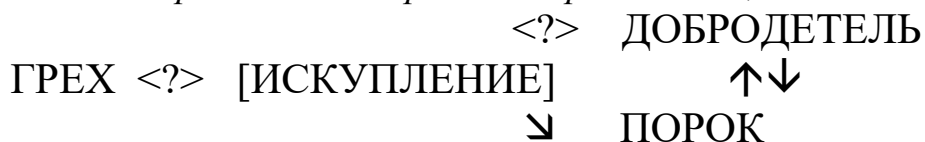
Схема 3. Семантическая структура концептуальной связки «грех» — «искупление» — «добродетель» / «порок» в религиозно-православном аспекте

↗ (+) ИСКУПЛЕНИЕ → ДОБРОДЕТЕЛЬ
ГРЕХ

↘ (-) ИСКУПЛЕНИЕ → ПОРОК

Ослабленными и факультативными представляются структурные связи между компонентами данной концептуальной связки применительно к их **внерелигиозному, светскому восприятию**. Понимание греха как человеческой слабости практически не связано с установкой на искупление (ведь достаточно просто раскаяться — и грешить дальше) и не обязательно приводит к исправлению, к добродетельному образу жизни. При этом также минимализируется противопоставление добродетели и порока, внедряется их релятивизированное, условное восприятие (они могут даже отождествляться при определенных условиях). Графически модель структурных отношений в многокомпонентной концептуальной связке «грех» — «покаяние» — «добродетель» / «порок» отображена на **Схеме 4** (знак [] означает необязательность, факультативность самого концепта, заключенного в квадратные скобки, для данной структуры, знак <?> означает необязательность, сомнительность мотивирующей связи, знак ↓↑ означает возможное смещение или неразграничение концептов).

Схема 4. Семантическая структура концептуальной связки «грех» — «искупление» — «добродетель» / «порок» во внерелигиозном, светском аспекте

Согласно принятой концепции исследования, синтагматические особенности языковой экспликации концептуального поля «грех» выявляются через макроконтексты совместной встречаемости слов *грех, искупление, покаяние, добродетель* и устанавливаемых между ними в дискурсе смысловых отношений. Текстовые данные в известном смысле подтверждают указанное выше расхождение между религиозным и светским типами языковой объективации концептуального поля «грех».

Так, в текстах, ориентированных на религиозный дискурс, триады лексем «грех» — «покаяние» — «искупление» и лексем «грех» — «искупление» — «добродетель» нередко актуализуются в пределах одного фрагмента дискурса, что, на наш взгляд, является свидетельством наличия устойчивой ассоциативной связи

между компонентами соответствующих концептуальных связок. Это подтверждают наши примеры по данным собственного Интернет-мониторинга.

«Грех» — «покаяние» — «искупление» в религиозном дискурсе:

Если взаимосвязаны грех, покаяние и искупление, достаточно ли для победы над грехом лишь покаяния или обязательно и искупление? [Свящ. Георгий Кочетков. Беседы о христианской этике: Выпуск 3: Добро, зло, грех, закон. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5040869630>];

Суд Сына Человеческого над людьми, как видим в Евангелии, совсем иной, нежели прочих людей, судящих о ближних из собственной, отринутой Богом и поврежденной грехом праведности. Всех грешников, принявших искупление при посредстве покаяния и веры, Спаситель оправдал... [Свт. Игнатий Брянчанинов. О мытаре Закхее // Аскетическая проповедь. URL: www.biblioteka3.ru].

«Грех» — «искупление» — «добродетель» в религиозном дискурсе:

Сознавая себя всегда, а особенно в периоды св. постов, великим грешником, христианин не должен, однако, вспоминать те из своих грехов, в которых он уже принес покаяние на исповеди. Нужно твердо помнить и верить, что Господь уже простил их. Постоянное же воспроизведение в памяти прежних грехов может возбудить в душе сочувствие к ним и привести к повторным падениям. «Воспоминание прежних телесных грехов, — пишет святитель Игнатий, — очень вредно и воспрещается святыми отцами. Тут действует неверие, недостаток уважения к Таинству исповеди, фальшивое понятие о добродетели, обманчивое разгорячение и мечтательность» [Таинство покаяния (исповедь) // Сайт храма священномученика Ермогена Патриарха Московского и всея Руси в Гольяново. URL: <http://www.ermogen.net/ispoved>].

«Грех» — «покаяние» — «искупление» — «добродетель». Интегрирующая четырехкомпонентная концептуальная связка также вполне закономерно демонстрирует устойчивую связанность и взаимообусловленность своих звеньев лишь применительно к религиозно-православному пласту. На **Схеме 5** эта органичная связь продемонстрирована графически.

Схема 5. Семантическая структура интегрирующей концептуальной связки «грех» — «покаяние» — «искупление» — «добродетель» / «порок» в религиозно-православном аспекте

↗ (+) ИСКУПЛЕНИЕ → ДОБРОДЕТЕЛЬ
ГРЕХ → ПОКАЯНИЕ

↘ (-) ИСКУПЛЕНИЕ → ПОРОК

Применительно же к светскому пониманию можно утверждать, что концепты «грех», «покаяние», «искупление» и «добродетель» воспринимаются в какой-то мере изолированно: во всяком случае, их взаимное пересечение не столь очевидно, в сравнении с религиозной сферой.

Текстовая реализация в макроконтекстах совместной встречаемости для слов *грех*, *искупление*, *покаяние*, *добродетель* и устанавливаемые между ними в дискурсе смысловые отношения также прежде всего характерны для фрагментов, ориентированных на религиозный дискурс:

Так обильно излилась на нас милость Божия, что самый тяжчайший грех, повторенный человеком тысячу раз, может быть изглажен покаянием человека. Покаяние — вера, покаяние — признание искупления и Искупителя! Покаяние — усвоение себе заслуг Искупителя верою в Искупителя! Покаяние — самоотвержение! Покаяние — признание падения и гибели, объявших весь род человеческий! Покаяние — отречение от всякой добродетели человеческой! [Святитель Игнатий (Брянчанинов). Собрание творений. Том VII. Письма к мирянам. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5457761061>].

Для редких макроконтекстов совместной встречаемости слов *грех*, *искупление*, *покаяние*, *добродетель* в дискурсах светского типа (например, в научном) имеется характерная особенность, связанная со спецификой их дискурсной реализации на уровне значений слов, а не духовных понятий и категорий (речь идет о так называемом «автореферентном» употреблении лексем, когда номинации отсылают не к концептам, а к семантическим особенностям самих лексем) — ср. примечательный пример из известной книги Н.Д. Арутюновой «Язык и мир человека»:

«Слова, относящиеся к этической теме и особенно к механизмам правосудия, обладают в Новом Завете достаточно высокой частотностью.»

К их числу принадлежат: благо, праведность, заповедь, завет, вина, обвинение, оправдание, спасение, осуждение, воздаяние, наказание, гнев Божий, послушание, грех, добродетель, искупление, покаяние, помилование и многие другие слова, входящие в одно словообразовательное гнездо с вышеназванными» [Н.Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 561].

Еще один пример — из текста православного лингвиста:

«Так, для христианства такими ключевыми понятиями, без сомнения, являются понятия творения, греха, спасения, искупления, покаяния, добродетели, причастия и некоторые другие. Однако это не только понятия; грех, спасение, покаяние — это еще и слова определенного, славяно-русского языка...» [А.М. Камчатнов. Покаяние, или рассказ о кайке, которая есть, и о воротыке, которой нет // Текстология.RU. URL: www.textology.ru/article.aspx?aid=112].

Проведенный анализ показал, что концептуальное поле «грех» структурируется по-разному применительно к религиозному и внерелигиозному, светскому пласту данного концептуального содержания. Наиболее очевидно наличие концептуальной связанности и взаимообусловленности между четырьмя «узловыми точками» указанного поля — «грех», «покаяние», «искупление» и «добродетель» — именно в религиозном компоненте концептуального поля «грех». В светском восприятии концептуального поля концептуальная связанность между компонентами представляется ослабленной, а сами концепты воспринимаются изолированно.

Литература

1. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2003. № 1. — С. 124–130.
2. Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю. Лингвокультурология: учебник. М.: Флинта; Наука, 2014. — 478 с.
3. Жуковская Л.И. *Менталитет vs ментальность*: особенности языковой экспликации концепта в современной русской речи // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). — С. 326–328.
4. Крючкова Н.В. Дискурсивное варьирование концептов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 4. — С. 271–276.

5. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки. 1999. № 13. — С. 137–153.
6. Радбиль Т.Б. Концепт игры в аномальном художественном дискурсе // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. — С. 308–316.
7. Радбиль Т.Б. О термине и понятии «идеологема» // Человек и его язык: антропологический аспект исследований: Межвуз. сб. научн. трудов. Нижний Новгород: НГПУ, 1996. — С. 11–26.
8. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 592 с. (Язык. Семиотика. Культура.)
9. Радбиль Т.Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса // Филологические науки. 2006. № 6. — С. 50–59.
10. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-26. — С. 5968–5971.
11. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. — URL: www.science-education.ru/119-15195 (дата обращения: 27.11.2014).
12. Сайгин В.В. *Грех vs. покаяние* в концептосфере русской культуры: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2016. № 1 (49). — С. 82–93.
13. Сайгин В.В. Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: опыт комплексного лингвокогнитивного описания: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. — 258 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ АВТОРСКОГО НАЧАЛА В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Т. И. Стексова, М. А. Ланно

steksova@inbox.ru, lappo2000@mail.ru

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический
университет»
(Новосибирск)

Термин *образ автора*, предложенный В. В. Виноградовым, в современных лингвистических работах используется не только при анализе художественной речи, но и при анализе любого текста, поскольку «образ автора присутствует во всех видах текстов» [2, с. 5]. Попытка ответить на вопрос, как образ автора проявляется в медийном тексте, привела Т. В. Шмелеву к необходимости введения и использования термина *авторское начало*, под которым

она понимает смысловую часть текста, в которой проявляется речевое поведение автора [8]. Степень проявления автора в разных текстах может быть различной, что обусловлено целым комплексом лингвистических и экстралингвистических причин.

Научный текст в этом отношении не является исключением, более того, «субъект ментального мира может присутствовать в научном тексте явно или неявно, причем чем менее явно он присутствует, тем больше его вклад в организацию текста» [5, с. 51]. Мы провели сопоставительную характеристику текстов двух авторов, Л. С. Выготского и А. Р. Лурия, представителей отечественной психологической школы, сформировавших как свои теории, так и «свой», индивидуальный научный стиль в первой трети прошлого века.

Как нам представляется, авторское начало в тексте проявляется через ряд позиций. В первую очередь, через **категорию авторизации**, которая в научном тексте приобретает особую значимость. Автор любого научного текста всегда обращается к научному опыту своих предшественников и современников, цитирует или излагает их точку зрения. Категория авторизации проявляется не только через обязательную маркированность своей и чужой информации, но и через выбор эго-номинации. Любой автор научного текста, приступая к работе, должен для себя определить, какую номинацию он будет использовать: «я» или «мы»?

Как известно, научная речь наиболее регламентированная, в ней очень ярко проявляются социальные стереотипы. По замечанию А. А. Леонтьева, «... сознание человека всегда этнически обусловлено...» [3, с. 128]. Нам представляется, что стереотип выражения авторства местоимением «мы» этнически не обусловлен. В научных трудах российских ученых конца 19 – начала 20 вв. вполне употребительно местоимение «я»: *Ставя вопрос, я заявляю, чтобы не было никаких недоразумений, что признаю, ибо должен признать, зависимость психологических процессов от физиологического субстрата* (И. А. Бодуэн де Куртенэ); *Я буду называть процессы говорения и понимания «речевой деятельностью»...* (Л. В. Щерба). Выбор эго-номинации обусловлен не столько этнически, сколько социально (более подробно об этом см.: [6]). Местоимение «я», использование которого характерно для дореволюционной российской научной литературы, еще

встречается в трудах Л. С. Выготского, умершего в 1934 г., но довольно редко и только в ситуации научной полемики для усиления категоричности своей авторской позиции, во всех остальных случаях употребляется «мы»: *Мы начали наше исследование с попытки выяснить внутреннее отношение...* Вполне очевидно, что в данном примере местоимение не имеет инклюзивного значения, оно обозначает конкретного единичного автора исследования. В трудах Выготского чаще используются безличные конструкции с незамещенной позицией субъекта: *Было бы ошибкой сказать...; Нечего и говорить...* В научном дискурсе других российских исследователей 20 века местоимение «я» полностью исчезает (см., например, публикации А. Н. Леонтьева, Н. И. Жинкина, А. Ф. Лосева, А. А. Леонтьева и мн. других), уступая место местоимению «мы», безличным конструкциям с незамещенной позицией субъекта, страдательным конструкциям, а также тенденции выражать авторскую позицию от 3 л.: *автор данного исследования полагает...* Отказ от местоимения «я» демонстрируют и труды А. Р. Лурия.

Показательным становится выбор авторами глагола, при помощи которого они номинируют свое ментальное состояние. Здесь уже вряд ли можно говорить о каких-либо социальных стереотипах. Скорее всего, речь может идти об индивидуальных авторских особенностях. Так, у Л. С. Выготского почти нет глаголов, обозначающих ментальное состояние, чаще используются глаголы визуального восприятия: *Был произведен ряд исследований, которые показали несостоятельность основной идеи о формальной дисциплине; Мы видим, что в самом основном новая теория повторяет старую.* Глаголы, обозначающие ментальные действия, очень редки в его трудах, почти единичны: *Я лично считаю, что это есть макроскопическая структура. А под макроскопической структурой я мыслю исследование развития значения понятия.* Этот пример интересен тем, что здесь сочетание местоимения 1 л. и глаголов *считаю, мыслю* служит повышению категоричности и проявляется в условиях противопоставления своей точки зрения общепринятой.

В печатных трудах А. Р. Лурия чаще также используются предикаты визуального восприятия: *рассматривать, пересмотр-*

*реть, различать, показать, казались, оказались, замечать, отмечать, описать, представления, картина (вырисовывается), взгляд, наблюдение, внимательно проследить, редко, но все-таки используются и предикаты ментальных действий: *понять, думать, вспомнить, предполагать, знать (клиника знает), считать(ся)*. Особенностью же его текстов является активное использование глаголов движения: ... *нейропсихологический анализ памяти мог бы существенно **продвинуть** психологическую теорию...*; *Анализ этого вопроса неизбежно **приведет** нас к попыткам выделить фактор*. Думается, что выбор подобных языковых средств косвенно указывает на то, что Лурия относится к науке как естественному ходу вещей, движению, основанному на знаниях предыдущих поколений.*

О значении модусных показателей, в том числе метапоказателей, для выражения авторской позиции уже писали Т. В. Шмелева [9], И. Т. Вепрева [1], Н. П. Перфильева [4] и др. Показательным для характеристики авторского начала в научном тексте является наличие или отсутствие рефлексии автора по поводу выбора им определенных языковых средств. В трудах Выготского можно обнаружить очень редкие примеры использования языковой рефлексии, и если они и встречаются, то для усиления категоричности: ***Можно сказать без всякого преувеличения, что диагностика умственного развития в этот период применялась в отношении школьного обучения так, как ставится диагноз исследования интеллектуальных свойств человека при профессиональном подборе***. Правила речевого поведения требуют от говорящего не преувеличивать, тем более это важно для автора научного текста. Выготский предполагает, что его могут заподозрить в преувеличении, и подчеркивает адекватность своего утверждения, настаивает на нем. У Лурия же подобной речевой рефлексии не отмечено вовсе.

Следующей категорией, способной охарактеризовать авторское начало в научном тексте, является **оценочность**, которая — обязательна для любого научного текста в силу его полифоничности. Показательным является не только сам характер оценки (положительный или отрицательный), выбор оценочного слова, но и объект оценки. Так, в качестве объекта критики Л. С. Выготский чаще выбирает а) деятельность коллег, их научное исследование,

б) реже встречаются высказывания, объектом которых является личность ученого. Ср.:

а) *Теория Гербарта о чувствах как отношениях между представлениями безусловно неверна, но столь же безусловно научна. Другой формальный недостаток подобной работы сводится к смешению двух целей в таких исследованиях.*

б) *Г. И. Челпанов вообще не подозревает, что новые слова могут быть нужны в лаборатории, при исследовании, что смысл, значение исследования определяются употребляемыми словами. И Челпанов, настаивая на том, чтобы психология была такой эмпирической наукой, как физика, минералогия и т.п., не присоединяется этим к Павлову и тотчас **начинает вопить**, когда психологию пытаются осуществить как настоящую естественную науку. В этих и подобных критических замечаниях Выготский использует выделительные частицы (*только*), ставя критикуемого в исключительное положение; иронизирует (*вообще не подозревает, ироничный наблюдатель* и под.), использует иностилевую сниженную лексику (*вопить*). Средством выражения личного негативного отношения к Г. И. Челпанову служит и ироническое сравнение его личностного свойства (педантизма) с таким же свойством чеховского учителя гимназии: *И такой ироничный наблюдатель «терминологических революций» как Челпанов вдруг оказывается удивительным педантом<...>...; С педантизмом чеховского учителя гимназии он поучает, что...<> Это, конечно, верх лингвистической безграмотности и полное нарушение всех терминологических принципов...**

Стоит заметить, что отношение к автору у Л. С. Выготского прямо пропорционально отношению к его деятельности, одно вытекает из другого, поясняет и конкретизирует. Критические высказывания в научном дискурсе Выготского занимают большое место, являются его отличительной чертой (более подробно об этом см. [7]).

Иным в этом плане выступает А. Р. Лурия. Он в своих рассуждениях отталкивается не от критики, а от достижений ученых, как персональных, так и не конкретизированных, поэтому оценка часто положительная: *Важные данные, позволяющие по-новому подойти к проблемам памяти, были получены и современной*

*нейрофизиологией...; Однако, несмотря на относительную молодость этой области, труды таких выдающихся исследователей, как Б. Милнер, Пенфилд, Талланд, Барбизе, Зангвилл, Вейзкранц, Тэйбер, Экаэи, внесли решающий вклад в эту главу психологической науки. Если им и вводится негативная оценка результатов ученого, то обязательно на фоне положительной. Лурия положительно оценивает не только теории, но и самих авторов, что довольно редко встречается в научной речи: *О такой же диссоциации говорил и целый ряд других авторов, высокая компетенция которых не вызывает сомнений* (К. Монаков, П. Жанэ и др.). Критика коллег-предшественников обычно у него обобщенная и безадресная (он их называет «поколение назад»): *Если всего лишь поколение назад память рассматривалась как относительно простое запечатление, хранение и воспроизведение следов, то теперь эти представления показали всю свою недостаточность...* А если фамилии ученых называются, то критика становится предельно мягкой: *На первых ступенях исследований памяти, связанных с работами Эббингауза [1885], процесс забывания понимался как спонтанное угасание следов, постепенно нарастающее во времени. <...> За последние десятилетия положение дел существенно изменилось и стало накапливаться все больше фактов, вызывающих сомнения в правильности ранее сформулированных исходных позиций и говорящих о гораздо более сложном характере процессов забывания.**

Категория оценочности проявляется не только в оценке трудов других ученых, но и в самокритике. Случаи самокритики у Л. С. Выготского весьма немногочисленны (из 360 контекстов – только 3), при этом критика становится максимально мягкой, в ней отсутствуют резкие оценочные слова и всегда есть указание на причину, которая помешала ученому избежать повода для самокритики: *Правда, это не происходит таким примитивным образом, как я описываю из-за недостатка времени.*

У А. Р. Лурия самокритика отсутствует, поскольку он рассматривает науку как процесс постепенного, последовательного и объективного развития, за который несут ответственность не отдельные личности, а все научное сообщество.

Оценочность напрямую связана с категоричностью / некатегоричностью критических замечаний. Категоричность в суждениях Л. С. Выготского проявляется в использовании эмоционально-экспрессивной лексики, часто в сочетании с эпитетами: *сумбур, гибельная ошибка, величайшая нелепость, величайший недостаток, совершенное непонимание* и под., а также в использовании превосходной степени прилагательных, и в минимальном использовании модусных показателей сомнения, предположения. Почти отсутствует и сослагательное наклонение в дискурсе ученого. *Очень часто приходится сталкиваться с такой постановкой вопроса об отношении развития и обучения, которая находит свое крайнее и почти **уродливое выражение** в теории Пиаже. Однако нетрудно показать, что здесь она только доводится до предела и тем самым **до абсурда**. Ученый крайне редко использует языковые средства снижения категоричности своих утверждений (из 360 контекстов – только 23 примера): **Можно предположить, что дело происходит несколько иначе...; Более точно было бы сказать, что все эти явления составляют теневую сторону этого возраста.***

И в проявлении категоричности Лурия более сдержан, чем Выготский: помимо отдельных оценочных прилагательных (*тщательный, важный, выдающийся, решающий*) и наречий (*значительно*), им не используются ни эмоционально-экспрессивная лексика, ни модусные показатели сомнения, предположения или, наоборот, уверенности.

Авторское начало проявляется в научном тексте и в том, как автор «взаимодействует» с читателем, насколько он пытается облегчить читателю восприятие научного текста. Выготский и Лурия и в этом не похожи друг на друга. Адресатная направленность текста Л. С. Выготского чаще всего не вербализуется, можно найти лишь единичные примеры. *Вместе с тем обе они не до конца состоятельны и должны быть отвергнуты в пользу третьей точки зрения, которую мы **постараемся перед вами защищать**.* Косвенными проявлениями адресатной направленности текста, вероятно, можно посчитать риторические вопросы и такие единичные выражения, как *Поясним это на примерах*. Складывается впечатление, что Выготский ведет диалог с другими авторами, с предшественниками, но не с читателем, слушателем. Лурия же проявляет

большую заинтересованность в адекватном восприятии его текста читателем. Достаточно часто его употребление местоимения «мы» инклюзивного, аналогично докторскому «мы», включает в себя не только автора, но и адресата: *Мы будем еще иметь случай убедиться в том, что...* Диалогичность его текстов проявляется и через риторические вопросы: *Какова физиологическая природа наблюдаемых нарушений памяти?* Забота о читателе проявляется и в использовании им метатекста проспективного и ретроспективного характера, например: *Следует заранее предупредить; Ниже мы еще увидим; Как мы уже сказали выше; Выше мы приводили два возможных ответа на этот вопрос.*

Итак, авторское начало в научных текстах Л. С. Выготского и А. Р. Лурия проявляется по-разному, роль ученых в тексте различна. Л. С. Выготский в науке – это критик, борец-одиночка, ниспровергатель устаревших теорий, бескомпромиссно оценивающий труды других ученых и роль самих ученых в научном процессе. Для него научный текст – это поле битвы, в пылу которой не выбирают выражения. Он не считает нужным заботиться о комфорте читателя, ему важно доказать свою точку зрения. А. Р. Лурия же в науке себя видит «двигателем», представителем научного коллектива, но не более того. Большое количество метатекстовых элементов демонстрирует его заботу о читателе. Полное отсутствие эго-номинации «я» говорит об отношении к науке как объективному процессу. Таким образом, если Выготского можно назвать представителем дореволюционного российского научного стиля, то Лурия – яркий пример советской школы.

Литература

1. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2002. – 380 с.
2. Ковтунова И. И. Вопросы структуры текста в трудах академика В. В. Виноградова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения XI. – М: Наука, 1982. – С. 3–18.
3. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избр. психол. тр. – М.: Моск. психол.-соц. ун-т; Воронеж: МОДЭК, 2001. – 444 с.
4. Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 285 с.

5. Рябцева Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия: сб. ст. / Рос. АН, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М.: Наука, 1993. – С. 51–57.

6. Стексова Т. И. Авторизация в научном тексте как проявление коммуникативной компетенции // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: Труды Уральского психолингв. об-ва. Вып. 9. – Екатеринбург: УрГПУ, 2011. – С. 119–129.

7. Стексова Т. И., Ковригина М. А. Критические замечания в научном дискурсе Л. С. Выготского // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 2 (6). – С. 5–10.

8. Шмелева Т. В. Авторское начало в стилистике медийного текста // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации: труды и материалы Второй Всероссийской научно-практич. конф. 30 сентября – 2 октября 2010 г.: в 2-х частях / РОПРЯЛ; Союз журналов Тюменской области; под ред. О. В. Трофимовой. – Тюмень: Мандр и К°, 2010. – Ч. 2. – С. 207–215.

9. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1988. – 54 с.

МЕХАНИЗМЫ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА)

О.А. Турбина

turbina371@mail.ru

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

(Челябинск)

Текст в системе речи занимает позицию письменной (зафиксированной) формы дискурса, ибо устное воспроизведение (чтение) либо пересказ текста – это лишь форма его озвучивания. Если пересказ текста в определенной степени отклоняется от письменного оригинала, он обретает признаки устного дискурса. Анализ семиозиса текста невозможен без учета того, что, с одной стороны, текст как продукт речи обладает всеми ее характеристиками, главная из которых определяет неисчислимо множество видов и форм текстов на одном языке. С другой стороны, все тексты на всех языках имеют *общие свойства – текстовые универсалии*, которые и

определяют их как тексты. Текст, параметры которого идеально соответствуют текстовым универсалиям, это *текст-инвариант* – результат семиотического интерязыкового представления всех возможных текстов *совершенный комплексный сентенциальный знак, предназначенный для выражения целостного и значительного по объему смыслового содержания*. Существуют тексты-инварианты и отдельных форм дискурса.

Традиционные, классические определения текста [3; 4, с.507] детерминируют основные признаки и свойства *текста-инварианта как знака единого содержания* [6, с.55], на что обратил внимание еще А.А. Потебня, подметив, «что весь текст художественного произведения является, по существу, одним словом» [9, с.4].

Каковы же механизмы формирования целостного смыслового содержания текста?

Начнем с того, что одни и те же знаки языка при их актуализации в речи развивают различные дискурсивные значения. Заметим, что основной знак языка – это *слово*, а основной знак речи – *высказывание* (синонимы: *фраза, клауза*), представляющее собой результат актуализации предложения – сентенциального (совершенного) языкового знака, самодостаточность которого объясняется тем, что его денотатом является событие, ситуация, а не отдельный предмет или явление [8, с.278-279]. Именно этим определяется свойство предложения как *полноценного знака – законченного продукта семиозиса* [1, с.63], по отношению к которому морфемы и слова имеют характер субзнаков, ибо «никакой лексики без предложения в живом виде не существует» [5, с. 246].

Итак, основной единицей речи, в частности – единицей текста, является клауза (способ актуализации предложения), объем дискурсивного значения которой определяется не только ее конструкцией и лексическим наполнением, но и, главным образом, её позицией в тексте: одна и та же конструкция с одним и тем же лексическим наполнением «может быть использована для выражения разных смыслов» [2, с.19], т. е. может иметь разные дискурсивные значения, которые формируются ее отношениями с другими дискурс-компонентами, создавая в совокупности смысловую и структурную целостность текста.

Итак, исследователи, занимающиеся изучением текста, на первый план выдвигают два основных его свойства, присущих любому тексту на любом языке – *целостность и связность*, в силу чего данные свойства по праву можно отнести к разряду универсальных текстовых категорий. Целостность обеспечивает тексту единство содержания, а связность – условие сохранения данного единства.

Семиозис текста подчиняется универсальным принципам языкового представления – принципу системности и принципу простоты [8, с.278], согласно которым текст, во-первых, входя в систему речи (подсистему речевой деятельности) как ее часть, должен сохранять в себе фундаментальные свойства целого, т. е. системы; а во-вторых, не смотря на то, что семиозис текста оперативнее сложней семиозиса слова и высказывания, он должен отвечать фундаментальным принципам лингвосемиозиса, т. е. быть простым и доступным для любого человека, в противном случае детям раннего дошкольного возраста был бы непонятен смысл детских сказок. Следовательно, семиозис текста должен разворачиваться аналогично семиозису языкового знака (простого – слова, или сентенционального – предложения) и соответствующих речевых единиц.

Таким образом, семиозис текста аналогичен семиозису высказывания. Это интуитивно ощущают исследователи, когда затрудняются провести четкую границу между высказыванием и текстом. Действительно, в чем это принципиальное различие?

Снять сомнения позволяют понятия *дискурсивное значение* и *смысл*. Термин *дискурсивное значение* применим к определению значения/значимости речевой единицы в составе целого: можно говорить о дискурсивном значении слова в высказывании, либо о дискурсивном значении слова или высказывания (клаузы) в тексте. *Смыслом* же – совокупностью дискурсивных значений, формирующих законченное целое (целостность), – обладает только текст. Поэтому отдельное самостоятельное высказывание, не включенное в текст и выражающее законченный и целостный смысл, само становится текстом. Примером могут послужить тексты рекламных слоганов, поскольку принцип расширения информативности является одним из основных принципов их организации, определяя форму и содержание, ибо привлечь адресата к основной идее и преподнести ее в предельно лаконичной форме – одна из основных функций слогана:

смысл его содержания «уплотняется, преследуя цель произвольного удержания в памяти целой сети смыслов и ассоциаций, порождаемых слоганом» [7, с. 53].

Рассмотрим на примере рекламного слогана сети магазинов «Империя сумок» *Как? Я? Без них?* Его текст формируют три клаузы, дискурсивное значение каждой из которых расширяется целым рядом ассоциативно-смысловых цепочек, провоцирующих развитие фантазии адресата и побуждающих его заинтересоваться предлагаемыми товарами:

Как? → *Что за абсурдное предположение?! Варианты: Как такое могло прийти кому-то в голову?! Кто мог такое вообразить?! и т. п.*

Я? → *Я, которая обладает исключительным вкусом?! Варианты: ... у которой всегда безупречный гардероб?! ... которой всегда завидуют подруги?! ... самая красивая?! и т.д.*

Без них? → *Без этих роскошных сумок, каждая из которых может украсить мои наряды?! Варианты: Без сумок, из которых можно выбрать несколько для моих новых платьев (туфель, сапог)?! Без сумок, которые так подходят к моему образу?! и т.п.*

Как видим, в данном слогане всего три клаузы, выраженные четырьмя знаками языка, в числе которых нет ни одного знаменательного слова. Однако дискурсивное значение каждой из этих клауз расширяется за счет имплицитного приращения целого ряда лексических и грамматических значений, с одной стороны, посредством актуализации системно-языкового потенциала образующих их единиц, с другой – дискурсивными (текстовыми) связями между самими клаузами, в силу чего они формируют целостный текст.

Текст данного слогана имеет форму парцеллированной конструкции, где каждый парцеллят представляет отдельную клаузу, автономный предикативный характер которой усиливает её полная парцелляция (отделение) от соседствующих текстовых единиц. Формирующее первую клаузу вопросительное местоимение, употребленное в качестве самостоятельного компонента, за которым не эксплицировано содержание вопроса, становится субститутотом сентенционального знака с вопросительным содержанием (*Как вы думаете? Как вы себе представляете? Как можно представить, что ...?* и т. п. – см. выше), которое реализуется посредством лексического и грамматического системно-языкового значения местоимения «как». Наряду с

этим на основе системно-языкового потенциала данного местоимения формируется его дискурсивное отношение (текстовая связь) с остальными дискурс-компонентами, которые эксплицируют провоцируемое местоимением «как» содержание вопроса.

Клауза *Я?* из текста слогана представляет еще больший интерес с точки зрения когнитивно-семиотического анализа, ибо в ней реализован еще более глубокий системный потенциал личного местоимения «я». В парадигме личных местоимений русского языка его позиция четко обозначена: первый участник речевого акта – продуцент речи. Данное значение с очевидностью выявляется в «несамостоятельной», «приглагольной» (т. е. в субъектной) функции местоимения «я». В подобных случаях им оно и ограничивается. Однако употребление местоимения «я» в форме автономной клаузы извлекает из его глубинной семантики третье лицо, в силу значения которого «я» как знак языка не является десигнатором конкретной личности, и его десигнатом может стать любой человек. Дифференциация значений несамостоятельного и автономного первого лица единственного числа эксплицитно выражена во французском языке, где форма приглагольного местоимения «je» противопоставлена автономной форме «moi». В русском языке сема третьего лица в автономном «я» выявляется при синтаксическом развертывании клаузы, когда оно получает эксплицитное (формальное) выражение: *Я?* → *Это я-то?* В тексте процитированного слогана такое расширенное дискурсивное значение местоимения «я» позволяет рекламодателю обратиться к неисчислимому множеству «я» и вместе с тем выделить и персонифицировать каждого конкретного адресата посредством апелляции к его эгоцентрическому чувству.

Местоимение третьего лица множественного числа в клаузе *Без них?* является субститутом имени существительного *сумок*, причем со значением определенности: *этих сумок*. Синтаксическое развертывание данной клаузы в полное высказывание, выражающее ее смысловое содержание, может быть представлено в нескольких вариантах, которые уже были показаны выше. Осталось обратить внимание на системно-языковой потенциал местоимения третьего лица множественного числа, который был использован с целью воссоздания смысловой завершенности текста слогана *Как? Я? Без них?* Помимо семантико-синтаксической импликации, дискурсивная (тексто-

вая) единица *Без них?* посредством формы множественного числа местоимения третьего лица указывает на подтекст: *У стильной женщины должно быть много сумок*, в котором различим намек: *Ты можешь (должна) купить здесь не одну, а несколько великолепных сумок*. Тот факт, что подтекст «читается» только в составе целого (*Можно ли представить, чтобы такая изысканная особа, как я, обошлась без такого разнообразия роскошных сумок?!*), свидетельствует о взаимосвязи образующих его компонентов, формирующих в совокупности общий и неделимый на части с тем же значением смысл, расширяющийся в числе прочего и приращением символических дискурсивных значений: «сумки» рассматриваются как атрибут не только стильного образа, но и успешной личности.

Процитированный текст рекламного слогана интересен еще и тем, что на его примере можно исчерпывающе объяснить функционально-дискурсивную значимость *импликации* как *способа* представления информации, заключающегося в опосредованном (непрямом) выражении фоновых смыслов и требующего активации как вербальных, так и невербальных каналов обработки данной информации. При этом необходимо подчеркнуть, что, во-первых, фоновые смыслы выявляются на всех уровнях, начиная от грамматики и заканчивая метатекстовой семантикой. Например, полный смысл рекламных слоганов напрямую зависит от затекстовой информации, в данном случае – от осведомленности адресата о том, что рекламируются именно сумки. Во-вторых, для верного понимания имплицитности как лингвистической категории важно учитывать то, что при имплицитном представлении информации невербальное восприятие опирается на вербальное, и что именно конкретные единицы текста (слова, синтаксические конструкции и их композиции) служат опорой при декодировании имплицитных смыслов, поскольку **они их и кодируют**, хотя основная (первичная) функция данных единиц может быть иной.

Использование потенциала единиц языка при их выходе в речь – это универсальный лингвосемиотический принцип выражения смысла вообще и в тексте в частности. Именно им обеспечивается целостность, связность текста и все его понятийно-смысловые, структурные и коммуникативные параметры. Как закономерное основание организации текста, наряду с категориями целостности и

связности, принцип использования потенциала единиц языка при их выходе в речь также является *текстовой универсалией*.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1981. – 140 с.
2. Аполлонская Т.А., Глейбман Е.В., Манолы И.З. Порождающие и распознающие механизмы функциональной грамматики / Отв. ред. Р.Г. Пиотровский. М.: Штиинца, 1987. – 172 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. – 140 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 586 с.
5. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: МГУ, 1982. – 479 с.
6. Турбина О.А., Савельева О.А. Принцип классификации текстовых связей // Вестник ЮУрГУ №6(61). Серия «Лингвистика». Выпуск 3. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – С.53-59.
7. Турбина О.А., Салтыкова М.С. Принципы организации рекламного слогана // Вестник ЮУрГУ №2(261), серия «Лингвистика», выпуск 14. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – С.50-55.
8. Турбина О.А. Принципы речевого семиозиса // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы. Материалы XVIII конференции Школы-семинара имени Л.М. Скредлиной. М.: МГПУ Языки народов мира, 2017. – С. 274-280.
9. Франк И. Алогичная культурология. М.: Издательство "Восточная книга", 2014. – 368 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИРАЩЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ОДНА ИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Т.А. Чеботникова
chebotnikoff2@yandex.ru

ФГОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»
(Оренбург)

Л.В. Щерба в 1927 году в статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» писал: «...при говорении мы часто употребляем формы, которые никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым

неожиданным образом, и во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые». Ниже, в сноске, Л.В. Щерба прокомментировал свою мысль следующим образом: «Имею в виду здесь не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы, – правила, к сожалению, учеными до сих пор мало обследованные, хотя интуитивно отлично известные всем хорошим стилистам» [10, с.24]. По сути дела, в представленных умозаключениях ученым обозначается вектор будущих исследований. Действительно, пристальное внимание к особенностям функционирования языковых единиц в речевой практике является отличительной чертой, приметой современного языкознания [5], [6], [7].

Многочисленные наблюдения позволили выявить ряд специфических процессов, имеющих достаточно высокую степень частотности. В их числе:

- усиление мобильности языковых единиц и, как следствие, изменение сферы употребления и стилистического статуса;
- «выветривание» значений отдельных слов из-за избыточного и безответственного их употребления. Появление слов-пустышек (модернизация, реформа, оптимизация);
- формирование у слов «плавающего», непостоянно закрепленного значения (проект, формат, опция) из-за использования в разнородных контекстах и др.

Безусловно, представленный перечень не является исчерпывающим и может быть значительно расширен. Однако мы ограничились перечислением лишь тех процессов, которые имеют достаточно высокую степень активности в современной речевой практике носителей русского языка.

Предметом нашего внимания стал процесс, при котором, по словам В.В. Виноградова, «одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов» [1, с.17].

Проследим это на конкретных примерах.

Значение слово «линейка» в словаре С.И. Ожегова получает следующие толкования:

Л. ЛИНЕЙКА, -и,ж. **1.** Прямая черта на бумаге, на какой-н. поверхности, помогающая писать прямыми ровными строками. *Тетрадь в косую линейку* (разлинованная также наискось, сверху вниз). *Писать по линейкам.*

2. Планка для вычерчивания прямых линий, для измерений. *Масштабная л.*

3. Одна из дорожек внутри военного (или военизированного) лагеря, разделяющих его на прямоугольные участки (спец.). *Передняя л.*

4. Строй в шеренгу. *Построиться в линейку.*

5. Сбор, на к-ром участники выстроены шеренгами. *Торжественная пионерская л. Прочитать приказ на линейке.*

Л. ЛИНЕЙКА, -и, ж. (устар.). Многоместный открытый экипаж с боковыми продольными сиденьями. *Ехать на линейке.* [4, с. 262].

Идентичные толкования представлены в словарях Д.Н. Ушакова, С.Н. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Т.Ф. Ефремовой, С.А. Кузнецова.

Вместе с тем указанное слово в современном его употреблении получает новое значение, при этом прежние, отмеченные в словарях не утрачивают актуальности и не меняют своих характеристик. Тексты из Национального корпуса русского языка [2] являются убедительным тому свидетельством. Ср.:

1. *Сформированная в течение 2014 года **продуктовая линейка** на сегодняшний день сохраняется.* Петр Скоробогатый. // «Эксперт», 2015.

2. *Разрабатывается **линейка собственной продукции под торговой маркой «Сделано в Ингушетии».*** Потребление // «Эксперт», 2015.

3. ***Линейка Longchamp 3D** пополнилась удобным и функциональным рюкзаком из телячьей кожи с анималистскими застегивками из черного никеля.* Татьяна Гурова, Игорь Лукашов. // «Эксперт», 2014.

4. *Должна быть **общая линейка учебников** и по русскому языку, и по литературе, и по истории Отечества».* Алексей Шлыков. // «Русский репортер», 2014.

5. *В статье интерьерного журнала воспевается новая **линейка керамической плитки**, имитирующей шкуру диких животных.* Владимир Ляпоров // «Бизнес-журнал», 2004.03.16

6. *Самый простой ролик, в котором будет продукт (или **линейка продуктов**) и слоган, обойдется в 1-2 тысячи у. е.* Молочный передел (2004) // «Континент Сибирь» (Новосибирск),

7. *Соответственно есть линейка спроса, или клиентской потребности, от отчаянно дешевых маленьких фитнес-студий до самых пафосных.* Сергей Мельников, Мария Портнягина. // «Огонек», 2014.

8. *Ассортимент или, как еще говорят, линейка продуктов, — шире некуда.* Герман Садулаев. Таблетка (2008).

В последних двух примерах рефлексирующие авторы, с одной стороны, предлагают читателю толкования значения словосочетания, в котором базовым является существительное «линейка», заменяя его другим словосочетанием (линейка спроса – клиентская потребность), либо, с другой стороны, слово «ассортимент» заменяется модным «линейка продуктов».

Как видим, существительное «линейка» в современном употреблении приобретает новое значение, не зафиксированное в толковых словарях и справочниках: «совокупность различных видов товаров, часто объединенных одной маркой, названием фирмы, выпускающей эти товары; перечень сортов или услуг».

Однокоренное слово «линия» также сохраняет все зафиксированные в словарях значения:

1. Узкая полоса, черта, проведённая на какой-л. поверхности от одной точки к другой. Провестилинию. Волнообразнаял. Обозначить точки на линии. Пересекающиеся линии. /Матем. Граница поверхности, имеющая только одно измерение – длину. // Воображаемая черта, соединяющая две точки или являющаяся границей пересечения двух поверхностей. Л. экватора. Л. горизонта. Л. полёта снаряда.

2. Черта (существующая или воображаемая), определяющая предел, границу чего-л. Л. прилива. Боковые линии футбольного поля. Л. вечной мерзлоты. Разметка шоссе линиями. Л., за которую нельзя заступать. // Очертание, контур чего-л. Наблюдать береговую линию. Чёткие линии горных вершин. Властная, жёсткая л. рта.

3. чего. Длинный ряд или цепь чего-л. Л. телеграфных столбов. Пройти вдоль линии стоящих машин. Построить линию укреплений. // Название некоторых улиц или их сторон, торговых рядов и т.п. Садовая л. Гостиного двора. Жить на Восьмой линии Васильевского острова. / Порядок, строй, состоящий из чего-л. Нападающим не пройти оборонительные линии соперников.

4. Путь, полотно железной дороги или трамвая. Трамвайная л. Поезд сошёл с линии. Электричка вышла на линию по расписанию. Ремонттировать железнодорожную линию.

5. Путь сообщения (железнодорожного, водного и т.п.), связывающий два каких-л. пункта. Железнодорожная л. Москва - Казань. Воздушная л. Петербург – Владивосток. Автобусная л. Суздаль – Владимир. / Система устройств (проводов, кабеля и т.п.) для телеграфной и телефонной связи. Телефонная л. Калуга – Тула. Прервана телеграфная л. / Система устройств (проводов, кабеля и т.п.) для передачи и распределения электроэнергии. Высоковольтная л. электропередачи.

6. Последовательный ряд лиц, соединённых кровной связью; ряд предков, потомков. Родство по женской линии. Родство по отцовской линии. Восходящая линия (идущая от сына к отцу, деду и т.п., от потомков к предкам). Нисходящая линия (идущая от отца к сыну, внуку и т.п., от предков к потомкам).

7. Направление, образ действий, мыслей. Л. поведения. Л. мышления. Определить свою линию в новых условиях. Держаться правильной линии. Вести свою линию (настойчиво осуществлять какие-л. принципы, мысли, взгляды). Гнуть свою л. (упрямо добиваться чего-л.). Работать по профсоюзной линии (в направлении, осуществляемом профсоюзами; в профсоюзах). Идти по линии наименьшего сопротивления (по лёгкому пути, не прилагая много умственных, физических усилий). /Разг. Жизненный путь, направление жизненного пути; участь, судьба. Такова уж его л. / Случай, обстоятельство. Вышла такая л.

8. Ряд производственных машин, устройств с непрерывным циклом работ. Автоматическая л. по разливу соков. Л. по производству подшипников. / Последовательный ряд производственных операций. Л. пошива одежды. Конвейерная л.

9. Старинная русская мера длины, равная 1/10 (ещё раньше 1/12) дюйма (применялась до введения метрической системы [3].)

И при этом получает в современной речевой практике семантические приращения и становится, по сути, аналогом слова «линейка» в вышеуказанном значении:

1. *У нас есть такая линия белья La Perla Limited Editions, всё из шёлка, с ручной вышивкой по технике сутаж.* Анна Карабаш. // «Домовой», 2002.06.04.

2. Появляется линия белья *La Perla Studio*, более спортивно-молодежная по сравнению с *La Perla*. Анна Карабаш. // «Домовой», 2002.06.04

Кроме этого, слово «линия» употребляется в значении «тема»:

1. *Все остальное — стриптиз, прелести заграницы, «русо туристо», криминальная линия — осталось нетронутым.* [Егор Москвитин. Разгадывая Гайдая // «Огонек», 2013].

2. *Решили так: в центре любовная линия, много внимания уделим социальной среде, теме неравноправия.* Не только жажда (2002) // «Домовой», 2002.02.04

3. *В постановке Большого театра сбили религиозную окраску действий Марфы, что значительно изменило смысл её поступков — из оперы исчезла линия самопожертвования.* И. К. Архипова. Музыка жизни .1996

Описанными словами, безусловно, не ограничивается список слов, получивших в речевой практике современных носителей русского языка семантические приращения. Изучение и анализ особенностей функционирования слов показывает, что значение слова реализуется в контексте и определяется контекстом. Расширение сочетательных возможностей слова в процессе коммуникации открывает новые его значения, которые требуют лексикографической фиксации. Отсутствие новых значений слов в толковых словарях значительно затрудняет изучение и освоение современного русского языка и обедняет его носителей.

Литература.

1. Виноградов. В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М. : Высшая школа, 1972. 616 с.

2. Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/>

3. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., М.: Норинт; Рипол классик, 2008. — 1534 с.

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русс. яз , 1987, 750 с.

5. Орехова Е.Н. Прецедентные феномены как средство приращения смысла (стилистический уровень) // Политическая лингвистика 3 (41)' 2012, с. 156–166.

6. Пристайко Т.С., Турута И.И. Семантические приращения лексемы *неправильный* в современном русском языке <http://uapryal.com.ua/scientific-section/pristayko-t-s-turuta-i-i-semanticheskie-prirashheniya-lexsemyi-neppravilnyiy-v-sovremennom-russkom-yazyike/>

7. Чеботникова Т.А. Nominapersona: узуальные и окказиональные значения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (78), 2017, Ч1. С.172-176;

8. Чеботникова Т.А. Речевая практика: прошлое, настоящее, будущее // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. [Электронный ресурс]. – Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ. (г. Казань, 4-8 октября 2016 года.– СПб.: РОПРЯЛ, 2016 г.;

9. Чеботникова Т.А. О языке, которому нигде не учат, но все понимают // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): Сборник статей по материалам Международной научной конференции. – Н.Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 640–643.

10. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 24–39

ПРАГМАТИКА И ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.П. Чудинов, А.В. Цыганкова

ap_chudinov@mail.ru

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
(Екатеринбург)

Исследование прагматических свойств и функций метафор в различных видах дискурса (педагогическом, юридическом, научном, технологическом, религиозном и др.) – перспективный аспект современной метафорологии. Арсенал моделей, которые репрезентируют взаимоотношения субъектов педагогического дискурса, позволяет лучше понять специфику современных представлений о сфере образования и – шире – о трансфере знаний от старшего поколения к младшему.

Как известно, в традиционных педагогических системах ученик образно обозначался в виде объекта, который преобразует педагог (субъект образовательной деятельности). Это может быть сосуд, который педагог наполняет знаниями, или чистый лист, на котором педагог размещает информацию. К этому же ряду относятся образы податливой глины, с которой работает скульптор, или заготовки, которой мастер придает нужные свойства. В рамках субъект-субъектной образовательной картины мира метафоры

представляют ученика не как пассивный объект, а как сознательный субъект, стремящийся к знаниям при помощи педагога. При таком подходе ученик воспринимается как альпинист, восходящий к вершинам знаний, солдат, который стремится добиться победы в войне с необразованностью, или корабль, который движется к своей цели вопреки всем препятствиям.

При рассмотрении педагогического дискурса важно дифференцировать, с одной стороны, метафоры, которые специалисты используют в научных и публицистических текстах, посвященных проблемам образования, а с другой – так называемые дидактические метафоры, которые учителя используют в своей речи как своего рода «педагогический инструмент», как способ сделать содержание своей речи более доступным, как способ представления ученикам знаний, которые дети не могут усвоить иным образом [2; 6]. Еще один вариант дидактической метафоры – это ее использование как средства привлечения внимания школьников к содержанию рассказа, как своего рода украшение речи [7].

Совсем иные функции выполняют метафоры в научно-педагогическом дискурсе, где они часто выступают как «способ концептуализации педагогического знания» [3, с.17]. В представлении современной когнитивистики, метафора – это особая разновидность мышления, которая на определенных этапах научного поиска не менее эффективна, чем иные виды мышления.

Особенно велика роль метафор в ситуации трансфера научного знания, то есть в учебно-научных текстах и педагогической публицистике. Метафоричность – яркая примета индивидуального стиля едва ли не каждого педагога, получившего широкое признание. Специальные исследования показывают, что метафорическая картина педагогической сферы постоянно развивается, что она последовательно отражает смену педагогических парадигм и социальные установки общества на том или ином этапе развития. Обращаясь к метафорам прошлых веков, легко обнаружить исторические истоки современного педагогического дискурса и роль выдающихся педагогов прошлого в его развитии [4; 5].

Педагогическая метафорика в равной степени привлекает внимание лингвистов и педагогов, однако вполне закономерно, что внимание указанных специалистов направлено на различные аспекты изучения указанного феномена. Педагогов привлекает

прежде всего прагматический потенциал метафоры, возможности ее использования в образовательной деятельности. Хорошая метафора значительно облегчает процесс педагогической коммуникации, она способствует взаимопониманию и установлению неформальных контактов.

Внимание лингвистов ориентировано преимущественно на поиски закономерностей метафоризации, на выявление регулярных соответствий между понятийными сферами-источниками (путешествие, война, театр, свет, растения и др.) и сферой-мишенью (в данном случае – это образование). В этом отношении несомненный интерес представляет когнитивное исследование педагогических метафор в рамках теории метафорического моделирования [1].

Современные зарубежные специалисты особенно активно исследуют возможности метафоры в сфере гармонизации взаимодействия субъектов образовательной деятельности, в сфере трансфера компетенций, а также изучают возможности метафоры как способа моделирования педагогической картины мира в рамках связей с общественностью и джиап-технологий [8; 10].

За последние годы в зарубежной педагогической метафорологии стала популярной методика под названием «*elicited metaphor analysis*» («эксплицитный анализ метафор»). В отличие от традиционного психолингвистического эксперимента, при котором испытуемый может не осознавать, что ученый изучает именно метафоры, эксплицитный анализ подразумевает прямое предъявление метафор испытуемому. В такой ситуации респондент становится в некотором смысле соисследователем, от него не скрывают цели исследования, а ученый не опасается, что понимание сути исследования может нарушить чистоту эксперимента.

Сторонники эксплицитного анализа выступают против анализа концептуальных педагогических метафор вне контекста. Любые метафоры в речи неизбежно погружены в социальный и культурный контекст, поэтому нельзя сконструировать универсальное значение какой-либо концептуальной метафоры. Исследователи сходятся во мнении, что единственный способ достоверно смоделировать концептуальную картину мира ученика – это параллельное изучение его речи и его деятельности в их тесной взаимосвязи.

Важной особенностью эксплицитного анализа метафор является требование изучать метафоры вместе с респондентом, что должно позволить исследователю избежать субъективных интерпретаций метафорических концептуализаций респондента в условиях отсутствия последнего. При таком подходе исследователь и испытуемый обсуждают метафорические образы последнего и их истоки.

Эксплицитный анализ педагогических метафор направлен на решение не только теоретико-познавательных, но и практических вопросов. Его предназначение заключается не только и не столько в том, чтобы выявить определенные концептуальные метафоры, сколько в том, чтобы помочь конкретному ученику, преподавателю или администратору учебного заведения изменить отношение к определённой проблеме.

Сторонники эксплицитного анализа педагогических метафор не опасаются «вмешиваться» в дискурс испытуемого, не занимают позицию независимого эксперта, невозмутимо наблюдающего за учеником со стороны. Как отмечает Г. Лоу, «вмешательство» (intervention) и сравнение показателей до и после беседы – два основных признака процедуры эксплицитного анализа метафор [9, с. 249]. Если свести в общую методологическую картину взгляды сторонников эксплицитного анализа педагогических метафор и приёмы их практической реализации в исследованиях, то можно констатировать, что основными чертами данного подхода являются интеракционизм и ориентация на решение прикладных вопросов. В более широком ракурсе эксплицитный анализ педагогических метафор представляет собой синтез когнитивно-семантического и прагматического подходов в педагогической метафорологии.

Литература

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П., Цыганкова А.В. Педагогическая метафорология // Филологический класс. – 2017.– № 4. С. 60–65.
2. Дзятковская Е.Н. Образование для устойчивого развития в школе. Культурные концепты. «Зеленые аксиомы». Трансдисциплинарность. М., Образование и экология. 2015. 328 с.
3. Закирова А.Ф. Когнитивная метафора как средство концептуализации педагогического знания // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2014, № 90. – С.17–24.

4. Кабаченко, *Е. Г.* Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. – 23 с.
5. Кондратьева О.Н. Метафорическое моделирование в педагогическом дискурсе // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 1. – С.116 – 121.
6. Пустовалова В.В. Метафора в педагогике: экскурс и перспективы // Вестник Томского государственного университета, 2016, № 12, С.169–175.
7. Хахалова С.А. Метафора как педагогический инструмент // Вестник Бурятского государственного университета, 2014, № 1-2. – С.35–40.
8. Budaev E.V., Chudinov A.P., Trubina G.F. Conceptual Metaphor in Educational Discourse // Biosciences Biotechnology Research Asia. 2015. Vol. 12 (1). P. 561–567.
9. Low G. Eliciting metaphor in education research: Is it really worth the effort? // Metaphor in Communication, Science and Education / Ed. By F. Ervas, E. Gola, M. G.Rossi. Berlin: Walter de Gruyter, 2017. P. 249–266.
10. Strugielska A., Siek-Piskozub T. Conceptual metaphors as a reflection of personal experience in education // Metaphor and Cognition / Ed. by Z. Wąsik. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. – 178 p.

ДИСТАНТНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ЭКСПЛИЦИРУЮЩИХ ПИЩЕВОЙ КОД КУЛЬТУРЫ

Л.Ф. Щербачук, Т.В. Стамова

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь)

На современном этапе развития фразеологии сосредоточенное внимание уделяется вопросам структурно-семантических процессов, связанных с усилением роли «звучащего слова», с развитием системы значений слов-компонентов, с рождением новых языковых знаков и способов выражения экспрессии в тексте. Особое место среди этих процессов занимает трансформация фразеологических единиц (ФЕ), заложенная в самой их природе.

Значительная часть фразеологизмов вследствие введения их в речевую ситуацию вынуждены приспособливаться к словесному окружению, видоизменяя форму одного компонента или всего компонентного состава, подчиняясь условиям синтаксической структуры целого.

Трансформация фразеологизмов рассматривается в работах многих отечественных и зарубежных исследователей фразеологии: Е. Ф. Арсентьевой, И. С. Гнатюк, Э. Д. Головиной, Т. С. Гусейновой, Л. Г. Ефановой, А. В. Кунина, О. В. Ломакиной, Ю. А. Маркитантова, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, М. С. Перепелицы, В. Н. Телия, И. В. Третьяковой, Т. В. Цимбалюк, Л. Ф. Щербачук и др. Большинство исследователей выделяют два типа индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц: семантические и структурно-семантические.

Цель исследования – охарактеризовать особенности дистантного размещения компонентов фразеологизмов русского языка, объективирующих пищевой код культуры.

Достижение поставленной цели предусматривает решение таких **задач**:

1) определить фразеологические единицы русского языка, репрезентирующие пищевой код культуры;

2) проанализировать дистантное размещение компонентов фразеологических единиц как структурно-семантическую разновидность трансформаций пищевых фразеологизмов и их функции в тексте.

В работе используются общенаучные **методы** анализа и синтеза, а также лингвистические методы и приемы: описание, прием сплошной выборки, системно-структурный метод.

Существенным признаком большинства фразеологических единиц является их образность. По мнению исследователей фразеологии, изменение семантики и структуры фразеологизмов заложено в потенции фразеологической системы [7, с. 8], поскольку фразеологический состав языка не является гомогенным, даже больше – этому слою выразительных средств не характерно стремление к стандартизации [6, с. 14]. Если автора текста что-то не устраивает в узуальной фразеологической единице, он прибегает к поискам ее замены или усиливает эмоционально-экспрессивную составляющую способом специфического ее ввода в контекст, или использует обновление ее структуры, что чаще всего приводит не только к усилению ее эмоционально-экспрессивного содержания, но и к глубинным семантическим изменениям единицы [5, с. 39].

Фразеологизмы как знаки вторичной номинации с ярко выраженным коннотативным элементом значения знакомы большинству людей, и поэтому тексты, построенные на их основе, легко воспринимаются и запоминаются. Кроме того, фразеологизмы в большей мере, чем единицы других уровней языка, «вбирают в себя национальную специфику и ценностную ориентацию их носителей» [2, с. 12], следовательно, их метафоричность оказывает довольно сильное эмоциональное воздействие на читателя, а их модификация неизбежно привлекает внимание слушателя.

Исследования в области фразеологии свидетельствуют, что один из определяющих признаков ФЕ – семантическая устойчивость – признак относительный. «Фразеологизмы, будучи устойчивыми и раздельнооформленными образованиями, допускают в речи разнообразные структурно-семантические изменения, в том числе и сложнейшие преобразования, невозможные в словах. Все это делает исключительно важным изучение «поведения» фразеологизмов в контексте...» [3, с. 199], так как «смысловая реализация значения фразеологических ресурсов происходит в процессе речевого общения» [4, с. 12].

Относительное постоянство компонентного состава и структуры ФЕ, их воспроизводимость в речи вызывают возможность дистантного расположения компонентов ФЕ в минимально актуализирующем контексте. «Стилистический эффект такого вида синтаксических трансформаций заключается в актуализации, выразительности не только ФЕ, но и всего высказывания» [7, с. 13].

В работе в качестве синонимических используем термины *дистантное размещение компонентов* и *вклинивание*, сущность которых состоит во введении между начальным и конечным компонентами фразеологизма какого-либо окказионального элемента. Е. Ф. Арсентьева выделяет два типа вклинивания и указывает, что при первом типе вклинивания уточняется или усиливается значение фразеологизма, при этом вклинивающиеся слова синтаксически связаны с компонентами ФЕ. А при втором типе вклинивания или разрыва происходит разделение ФЕ на две части, но в пределах контекста ФЕ сохраняет свое единство [1, с. 83].

В ходе исследования зафиксированы разные способы дистантного размещения компонентов пищевых фразеологизмов.

Например: «*Интеллигенция же, руками, а точнее устами которой совершалось это революционное действие, осталась, как всегда, на бобах, во всяком случае – подавляющее ее большинство*» [8]. В этом случае происходит своего рода «разрыв» фразеологизма как целостной структурно-семантической единицы при помощи вводной конструкции *как всегда* и, таким образом, фразеологическая единица в действительности «разделяется» на две части. Следовательно, речевое разъединение фразеологизма приводит к усилению его экспрессивного воздействия и повышению выразительности высказывания, а вводное словосочетание дополнительно указывает на то, что действие происходит неизменным образом, по обыкновению, как обычно.

В контексте «*Да вы белены, что ль, объелись с кузнецом?*» [8] разговорная частица *что ль*, вклиниваясь в структуру фразеологизма *белены объелся*, кодифицирует разговорный стиль повествования.

Пример дистантного размещения компонентного состава ФЕ наблюдаем в заголовке статьи о хоккейной команде «Камские Белки»: «*Мы будем щелкать соперников как орешки...*» (ср. узуальный фразеологизм *щелкать как орешки* со значением быстро, легко справляться с какой-либо задачей, каким-либо делом и т.п.). Как видим, узуальная фразеологическая единица в микроконтексте структурно-семантически трансформируется и вследствие чего образуется новый образ. Пример также свидетельствует о взаимозависимой функции трансформированного фразеологизма и текста: контекстуальное имя существительное конкретизирует микротему, а «фразеологически насыщенный контекст помогает получить используемым единицам большую экспрессию, служит конкретизации высказывания» [4, с. 27].

Таким образом, исследуемые пищевые фразеологизмы кодифицируют фрагменты национальной языковой картины мира. Несмотря на то, что раздельнооформленность как основной признак фразеологизма утрачивается, в модифицированной единице сохраняется значение мотивирующего фразеологизма. Трансформированные пищевые фразеологические единицы «привязываются» к определенному контекстуальному и семантическому окружению, создают новые содержательные образы, придают особую выразительность языку и емкую характеристику действительности.

Литература

1. Арсентьева Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте: (на материале русского и английского языков) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 171 с.
2. Буянова Л. Ю. Фразеологизм как этноментальная единица кода культуры / Л. Ю. Буянова // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. (Сер. «Филология. Социальные коммуникации»). – Симферополь, 2011. – Т. 24. – № 2. – Ч. 3. – С. 10-14.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
4. Ломакина О. В. Фразеология в языке Л. Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 «Русский язык» / Ольга Валентиновна Ломакина. – Санкт-Петербург, 2016. – 42 с.
5. Маркітантов Ю. О. Фразеологія в східнослов'янському поетичному мовленні: монографія / Ю. О. Маркітантов. – Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2011. – 148 с.
6. Телия В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 270 с.
7. Щербачук Л. Ф. Загальнономовна та індивідуально-авторська фразеологія в художніх текстах (на матеріалі творів О. Гончара): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук.: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Лідія Федорівна Щербачук. – Дніпропетровськ, 2000. – 20 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>. Проверено 20.10.2017.

**ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ
СЛОЖНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА
В СОСТАВЕ ДЕРИВАЦИОННЫХ ГНЁЗД ГЛАГОЛОВ
СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГНЁЗД ГЛАГОЛОВ
ДЕЛАТЬ, ПРОИЗВОДИТЬ И ТВОРИТЬ)**

Н. А. Ярошенко

nyaroshenko@yandex.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

В системе любого языка важное место занимает семантическое поле «человек». Языковые единицы разных уровней, обозначающие человека, всегда привлекали к себе внимание лингвистов.

Вместе с тем разноаспектное изучение номинаций лица в целом и деятеля в частности по-прежнему принадлежит к числу одной из актуальных проблем современной лексикологии и дериватологии. При этом для лингвистики начала XXI века характерна актуализация исследований, направленных на изучение ономаσιологического, когнитивного, дискурсивного, прагматического и др. аспектов номинаций лица, в том числе сложных (см. [2; 3; 5; 6 и др.]). Неослабевающий интерес языковедов к номинациям лица объясняется рядом причин и прежде всего – антропоцентрической направленностью современной лингвистики. Группа номинаций лица, являясь чрезвычайно многочисленной и разнообразной как в структурном, так и в семантическом плане, постоянно пополняется новыми единицами, требующими осмысления.

Предлагаемая статья продолжает серию публикаций автора, посвящённых рассмотрению структурных и ономаσιологических типов сложных наименований лица, входящих в состав глагольных деривационных гнёзд (см. [11; 12; 13]).

Цель статьи заключается в том, чтобы определить и проанализировать структурные и ономаσιологические типы сложных наименований лица в составе деривационных гнёзд глаголов созидательной деятельности *делать*, *производить* и *творить*.

Материал исследования извлекался путём сплошной выборки из «Гнездового толково-словообразовательного словаря композитов» А. В. Петрова [7].

Методологической базой исследования прежде всего являются работы М. Докулила, Е. С. Кубряковой, Е. А. Селивановой, В. И. Теркулова, посвященные проблематике описания производных единиц через призму понятия ономаσιологической структуры и её компонентов (см. [1; 4; 8; 9]). Е. С. Кубрякова, развивая концепцию М. Докулила, разрабатывает деривационную ономаσιологию и помимо ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака выделяет ещё одну составляющую ономаσιологической категории – ономаσιологический предикат [4].

В работе используем предложенную В. И. Теркуловым трёхчленную типологию композитов с точки зрения их ономаσιологического статуса: 1) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса; 2) лексико-семантическая группа од-

ноструктурных единиц (ЛСГОЕ) в пределах одного лексико-грамматического разряда (с указанием общеязыковой ЛСГ, в которую входит данная ЛСГОЕ), построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта); 3) ономасиологическая модель номинатемы, включающая «ономасиологический базис» и «ономасиологический признак» наименования» [9, с. 232].

Как свидетельствует систематизация фактического материала, в структуре названных деривационных гнёзд представлены 47 номинаций лица композитного типа (в широком понимании термина *комполит*): 21 комполит в составе гнезда глагола *делатъ*, 3 – в гнезде глагола *производитъ* (*произвести*) и 23 – в деривационном гнезде глагола *творитъ*. Все рассматриваемые номинации лица композитного типа являются существительными, которые обозначают биологические субъекты. При этом 39 из анализируемых единиц – это названия лиц мужского пола, среди которых выделяются как девербативы, так и субстантивные номинатемы. Также среди номинаций лица в структуре рассматриваемых деривационных гнёзд представлены названия лиц женского пола, являющиеся отсубстантивными модификационными производными: *рукодельница* ‘женск. к рукодельник’, *бракоделка* ‘женск. к бракодел’, *ковроделка* ‘женск. к ковродел’, *делопроизводительница* ‘женск. к делопроизводитель’, *крючкотворка* ‘женск. к крючкотвор’, *стихотворица* ‘женск. к стихотворец’, *миротворица* ‘женск. к миротворец’, *умиротворительница* ‘женск. к умиротворитель’.

Большая часть отглагольных сложных наименований лица, образованных на базе глагола *делатъ*, *производитъ* или *творитъ* и того или иного существительного, – это деривационные комполиты, которые включают семантику не только производящего глагольно-именного словосочетания, но и «добавочную» сему «лицо». Это касается как комполитов, образованных путем сложения с помощью интерфикса *-о-* (*икродел*, *маслодел*, *салодел*, *тестодел*, *смехотвор*, *крючкотвор*, *стихотвор* и др.), так и сложносуффиксальных дериватов (*земледелец*, *наркоделец*, *делопроизводитель*, *словотворец* и др.).

Среди рассматриваемых сложных наименований лица универбализационным композитом однозначно является дериват *товаропроизводитель* = *производитель товара*. К универбализационным композитам также принадлежат такие производные, как *управделами*, *управдел* = *управляющий делами*.

Наличие в речевой практике соответствующих контекстов (словосочетаний) на первый взгляд позволяет отнести к числу универбализационных композитов также следующие: *языкотворец* = *творец языка*, *законотворец* = *творец закона* (законов), *чудотворец* = *творец чуда* (чудес), *мифотворец* = *творец мифа* (мифов), *стихотворец* = *творец стихов*. Например: «Я не очень верю, что сегодня решения нашей Академии наук будут приняты народом к исполнению, а всё-таки **творец языка** — народ» [Максим Кронгауз, Ольга Мартыненко. Язык меняется — значит, он живой (2007) // «Наука и религия», 2010]; «Катала поражал не блеском апартаментов, а блеском интеллекта. Именно он — **творец закона** «диалектики прозелитизма». Речь идёт о непростых взаимоотношениях левой западной интеллигенции с первой Страной Советов» [Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000-2002)]; «**Творец стихов**, веди свой караван, // Твои стихи в мученьях не родятся, // Они избрали друга в тебе сан, // И на бумаге рифмами ложатся» [<https://poembook.ru/poem/1513755>]; «Пожалуйста, освободите сейчас свою требовательность. Постарайтесь понять, что чем требовательнее вы ждете чуда, тем меньше вероятность его получить. Я не **творец чудес**» [<https://books.google.com.ua/books?isbn=5457209709>]; «В некоторых случаях **творец мифов** придавал воображаемым предкам такое имя, которое в грамматическом отношении могло служить началом для местных или национальных наименований» [<https://books.google.com.ua/books?isbn=5446071719>]. Однако приведённые контексты для сочетаний *творец языка*, *творец закона*, *творец чудес*, *творец мифов*, *творец стихов* являются практически единичными (об этом свидетельствуют данные и «Национального корпуса русского языка», и поисковых систем) и не в полной мере конкретизируют значения рассматриваемых сложных номинаций лица: *языкотворец* ‘тот, кто создаёт новые слова и выражения’ [7, с. 225] (ср. *словотворец* ‘тот, кто создаёт новые слова’ [7,

с. 225]); *законотворец* книжн. ирон. 'тот, кто разрабатывает и принимает законы' [7, с. 226]; *чудотворец* см. *чудотвор* (в 1 знач.) и см. *чудотвор* (во 2 знач.) [7, с. 225]; *чудотвор* 1) устар. разг.-сниж. 'святой, якобы обладающий даром совершать, творить чудеса', 2) устар. разг.-сниж. 'тот, кто творит, делает что-л. поразительное, удивительное' [7, с. 224]; *стихотворец* 'сочинитель стихов' [7, с. 226]; *мифотворец* 'автор произведений художественной литературы, основанных на символике, аллегорических образах', 'автор надуманных, исторически несостоятельных положений, теорий и т. д.' [7, с. 226]. В связи с этим производные типа *языкотворец*, *законотворец*, *чудотворец* и под. логичнее считать деривационными, рассматривая их как сложно-суффиксальные дериваты, образованные на базе глагольно-именного словосочетания с помощью соответствующего суффикса (ср. также синонимичные композитные производные, образованных путем сложения с помощью интерфикса -о-: *чудотвор*, *стихотвор*, и деривационные сложно-суффиксальные композиты, не имеющие соотносимых словосочетаний, которые были бы частотными в речевой практике и легко взаимозаменялись бы с ними: *песнетворец/песнотворец*, *крючкотворец*, *формотворец*, *рифмотворец*, *смехотворец*, *миротворец*, *умиротворитель*).

Таким образом, рассматриваемые сложные номинации лица можно в первую очередь распределить по двум ЛСГОЕ:

I. Отглагольные дериваты в структуре деривационных гнёзд глаголов *делать*, *производить* и *творить* входят в состав ЛСГ одноструктурных единиц с ономаσιологическим базисом «агент» /«субъект действия», т. е. «производитель действия», и имеют словообразовательное значение «тот, кто совершает действие, названное производящим глаголом».

Названный ономаσιологический базис конкретизируется в рамках следующих ономаσιологических моделей:

1. «Агент+фактитив/финитив», где ономаσιологический признак указывает на результат действия как на продукт, получающийся в результате этого действия: *салодел* 'рабочий, специалист по приготовлению сала', *маслодел* 'специалист по производству животного масла' [7, с. 65], *винодел* 'специалист по изготовлению вина из винограда и других ягод и плодов путём спиртового брожения', *ковродел* 'мастер, изготавливающий ковры', *сукнодел*

‘специалист по производству сукон’, *сыродел* ‘специалист по изготовлению сыра’ [7, с. 66], *законотворец* книжн. ирон. ‘тот, кто разрабатывает и принимает законы’, *стихотворец* ‘сочинитель стихов’ [7, с. 226], *чудотвор*, *чудотворец* 1) устар. разг.-сниж. ‘святой, якобы обладающий даром совершать, творить чудеса’, 2) устар. разг.-сниж. ‘тот, кто творит, делает что-л. поразительное, удивительное’ [7, с. 224], *словотворец* ‘тот, кто создаёт новые слова’, *языкотворец* ‘тот, кто создаёт новые слова и выражения’, *песнетворец* ‘создатель, сочинитель песен’ [7, с. 225], *смехотвор*, *смехотворец* ‘человек, который забавляет, потешает, смешит других’ [7, с. 224–225], *умиротворитель* ‘тот, кто умиротворяет кого-, что-либо’ [7, с. 228], *миротворец* 1) книжн. ‘тот, кто способствует установлению, поддержанию мира, согласия, способствует прекращению войны, вражды, ссоры’, 2) разг. ‘военнослужащий специальных международных формирований, предназначенных для мирного разъединения воюющих сторон и контроля за соблюдением ими условий по поддержанию мира’ [Петров 2003, с. 227], *крючкомвор*, *крючкомворец* презр. ‘тот, кто намеренно использует мелочи и различные формальности для затягивания и запутывания судебных и административных дел’ [7, с. 224], *рукодельник* устар., *рукодел*, *рукоделец* ‘тот, кто занимается рукодельем, ручным трудом’ [7, с. 63] и др.

2. «Агент + трансгрессив», где ономасиологический признак определяет объект, на который направлено действие, при этом речь идёт об уже существующем объекте, который приобретает в результате воздействия на него новое качество: *земледел* устар., *земледелец* ‘тот, кто занимается возделыванием, обработкой земли с целью выращивания сельскохозяйственных растений’ [7, с. 64, с. 66]; *икродел* ‘специалист на рыбных промыслах, занимающийся обработкой икры’ [7, с. 66].

II. Некоторые из рассматриваемых отсубстантивных сложных номинаций лица входят в состав ЛСГ одноструктурных единиц с ономасиологическим базисом «должность», определяемой как «служебное место в учреждении или предприятии, связанное с выполнением определённых обязанностей». Такие номинации лица, как *управделами* и *управдел* ‘управляющий делами (работник учреждения, ведающий делами внутреннего распорядка, кан-

целярией и т. п.' [7, с. 68] реализуют модель «должность + зона деятельности», в рамках которой ономаσιологический признак указывает на распространение полномочий. Также в эту группу входят сложно-суффиксальные номинации лица *делопроизводитель* 'должностное лицо, в ведении которого находятся канцелярские дела' [7, с. 171], *наркоделец* 'тот, кто занимается наркобизнесом', *киноделец* 'тот, кто занимается сделками, контрактами и т. п. в области кинематографии' [7, с. 68].

Следует отметить, что создание окказионализмов типа *войнотворец* указывает на открытый характер рассматриваемых деривационных гнёзд.

Номинации композитного типа в составе деривационных гнёзд глаголов созидательной деятельности *делать*, *производить* и *творить* неоднородны в семантическом плане и включают, помимо сложных номинаций лица, также сложные номинации места действия, процесса действия, орудия/приспособления действия. Рассмотреть соотношение дериватов названных типов – следующий этап нашего исследования.

Литература

1. Докулил М. Словообразование в чешском языке // Теория словообразования : резюме (на русском языке) / М. Докулил. – Прага, 1962. – 114 с.
2. Иванова Т. К. Сложные наименования лица в русском и немецком языках в ономаσιологическом освещении : Дис. ... д-ра филол. наук / Татьяна Константиновна Иванова. – Казань, 2015. – 395 с.
3. Конопелькина Е. А. Ономаσιологический потенциал сложных наименований лиц по роду деятельности (на материале терминологии экономико-правовой сферы) / Е. А. Конопелькина // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 1. – Ч. 1. – С. 351–357.
4. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 160 с.
5. Маклакова Е. А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков) : Дис. ... д-ра филол. наук / Елена Альбертовна Маклакова. — Воронеж, 2013. — 367 с.
6. Минеева З. И. Активные процессы в деривации неоагентов в современном русском языке (1960–2016 гг.): структурно-семантический и прагматический аспекты : Дис. ... д-ра филол. наук / Зоя Ивановна Минеева. – Петрозаводск, 2017. – 577 с.

7. Петров А. В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов / А. В. Петров. – Симферополь, 2003. – 286 с.
8. Селиванова Е. А. Когнитивная ономаσιология / Е. А. Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.
9. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : Дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Вячеслав Исаевич Теркулов. — Горловка, 2008. — 472 с.
10. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981. – Вып. X. – С. 369–495.
11. Ярошенко Н. А. Структурные и ономаσιологические типы сложных наименований лица в составе деривационного гнезда глагола *бить* / Н. А. Ярошенко // Тезисы III Всероссийской научной конференции «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 20–21 октября 2017 г.) / Науч. ред. А. В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2017. – С. 114–115.
12. Ярошенко Н. А. Структурные и ономаσιологические типы сложных наименований лица в составе деривационного гнезда глагола *варить* / Н. А. Ярошенко // Наука и мир в языковом пространстве : Сб. науч. трудов III Международной очно-заочной научной конференции (15 ноября 2017 г.). — Макеевка : ДонНАСА, 2017. — С. 209–214.
13. Ярошенко Н. А. Структурные и ономаσιологические типы сложных наименований лица в составе деривационных гнёзд глаголов *братъ*, *валить* и *валять* / Н. А. Ярошенко // Сборник статей XV-го Международ. лингвистического семинара «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (Донецк – Пятигорск, 27–28 ноября 2017 г.). – Донецк : ДонНУ, 2017. – С. 241–245.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

КОМЕДИОГРАФИЯ 1800–1830-х ГОДОВ И РУССКАЯ КОМЕДИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ XVIII ВЕКА

И. В. Александрова

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

(Симферополь)

В 1800–1830-е годы комедия XVIII века воспринималась явлением совсем недавнего прошлого, не утратившим своей художественной ценности. Актуализация комедийного наследия прошедшего века обеспечивалась как постановками на сцене пьес Д. И. Фонвизина, В. В. Капниста, П. А. Плавильщикова, Я. Б. Княжнина и др., так и переизданиями известных комедийных текстов. Поэтому закономерно, что комедия XVIII в. оказывала непосредственное влияние на последующее развитие жанра.

Связь комедий 1800–1830-х годов с комедийной традицией предыдущего столетия обычно понимается исследователями как заимствование некоторых самых общих мотивов, содержащихся в комедиях XVIII века. Действительно, в пьесах А. С. Грибоедова, А. А. Шаховского, Н. И. Хмельницкого, М. Н. Загоскина, П. А. Катенина и других авторов обнаруживаются прежние сюжетные коллизии: любовное соперничество героев, претендующих на руку героини, препятствия, преодолеваемые влюбленными, подслушивание, переодевания, неузнавания, благополучный финал, сочетающийся с развенчанием порока или чудачества. Но эти мотивы и сюжетные события – принадлежность общеевропейской жанровой традиции. Конкретное же их смысловое наполнение и художественное воплощение опосредовалось драматургической поэтикой и идейными установками первых десятилетий XIX в.

Цель данной статьи – выявить характер связи русской комедии первой трети XIX века с комедийной практикой XVIII столетия, охарактеризовать результаты апелляции драматургов изучаемой поры к традиционным жанровым формам.

Важнейшим свойством русской комедии XVIII века была ее связь с сатирической журналистикой, поднимавшей те же, что и комедия, проблемы и сходным образом их интерпретировавшей. По мнению ряда исследователей, комедия 1800–1830-х годов утрачивает социальную остроту и связь с традициями русской сатиры, присущие лучшим образцам жанра XVIII века. Н. В. Королева утверждает, что «отказавшись от сатирического обличения социальных несправедливостей российской действительности, т. е. от традиций Фонвизина, Крылова, Княжнина, Судовщикова и пр., ... авторы стремились изобразить нравы и характеры современного им общества» [5, с. 252]. Г. В. Москвичева отмечает: «серьезная» комедия, унаследовав традиции сатирической комедии XVIII в., «снимает такие важные социальные проблемы, как проблема крепостничества и связанная с нею проблема «злонравия» дворян, проблема российского судопроизводства с продажностью чиновников и их взяточничеством» [7, с. 19]. Однако эти проблемы не были обойдены вниманием комедиографов первых десятилетий XIX в., но их воплощение имело свою специфику.

Так, в комедии А. А. Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр» (1808) отразились драматические отношения барина и крепостных. Изображенные автором методы «руководства» крепостными актерами ничем принципиально не отличаются от представленных в пьесах XVIII столетия самоуправства и деспотизма помещиков по отношению к крестьянам. Транжирин грозит отдать Спирьку в солдаты за скверное исполнение роли, то есть фактически из-за своей прихоти [9, л. 7 об.]. Данный социальный аспект присутствует и в пьесах Шаховского «Пустодомы», «Любовная почта», «Пузин, или Продажа села». Не остался в стороне от изображения, порожденного крепостничеством злонравия, и М. Н. Загоскин. В его комедии «Богатонов в деревне» (1820) крестьяне вынуждены под страхом наказания выполнять глупые приказы помещика, а их материальное положение целиком зависит от барских капризов [2, с. 281–282].

Не исчезает из комедии первых десятилетий XIX века и проблема несправедливого судопроизводства и продажности чиновничества: ее актуальность определяется самой российской действительностью. Пьеса Шаховского «Ссора, или Два соседа» (1810) содержит сатиру на судебный произвол, пьянство представителей

правосудия, лихоимство секретарей («...и не так напугаешься, как попадешь в лапы судьям, а пуще всего к секретарям... – угрожает Орефьевне Сутягин. – Я бывало смолоду и не таких, как ты, запугивал; они со страху несут ахиною, а нашему брату то и надо: что слово, то рублевик в карман» [10, с. 20]). Здесь несомненна связь с комедией В. В. Капниста «Ябеда».

Сатирическое обличение судебных порядков, взяточничества «блюстителей закона» содержится в «Сплетнях» (1820) П. А. Катенина, в «Уроке холостым» (1822) М. Н. Загоскина, в незавершенной комедии Н.И. Хмельницкого «Арзамасские гуси». Однако эти острейшие социальные проблемы в комедиях начала века не выходят на первый план, обнаруживаясь на периферии драматического действия, зачастую редуцируются в сюжете до частных мотивов, но их наличие крайне важно, так как позволяет авторам нарисовать широкую картину нравственной жизни эпохи, выступает своеобразным маркером национальных нравов.

Для комедиографии первой трети XIX века, как и для предшествующего столетия, одной из базовых является тема патриотизма, актуализированная антинаполеоновскими войнами в Европе и Отечественной войной 1812 года. Однако реализация этой темы в новых исторических условиях имеет существенные отличия. В XVIII столетии в центр внимания драматургов попала проблема национальной самоидентификации, самобытности национальной культуры. Осмеяние щеголей, петиметров, подражателей западным образцам являлось неременным атрибутом комедий А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина, Я. Б. Княжнина, Н.П. Николаева и др. Патриотическая тема воплощалась и в разоблачении ложно понятого европейского образования и воспитания («Бригадир» Д. И. Фонвизина, «Русский парижанец» Д. И. Хвостова и др.). Темы невежества и преклонения перед иностранной культурой заняли исключительное положение в сатирической литературе рубежа веков и вошли в культуру как «национальные», соответствующие «русским нравам» [8, с. 3]. В начале XIX века в комедиях И. А. Крылова «Модная лавка» и «Урок дочкам» (1806), написанных в разгар военных событий в Европе, эта проблема обретет особую актуальность. Оригинальность воплощения темы «чужебесия» в последней пьесе будет связана с перенесением основного акцента в сферу языка.

Но и в 1820–1830-е годы проблема воспитания на иностранный манер не утратит своей значимости. Так, антитеза истинного и ложного воспитания организует сюжет комедии Ф. Ф. Кокошкина «Воспитание, или Вот приданое» (1823). Эпиграф из «Недоросля» аккумулирует основную идею комедии: главное правило воспитания – «имей сердце, имей душу – и ты будешь человек во всякое время» [4, с. 644]. Уже в афише обозначен характер воспитания центральных персонажей, различием в котором определяется последующая конфликтная ситуация. Действие пьесы представляет собой испытание систем воспитания героев на «прочность». С честью выдерживают его лишь положительные герои: благонравная Софья, получившая воспитание в институте, участник кампании 1812 года поручик Славин, «воспитанный у отца, незатейливо, но в правилах строжайшей нравственности» [4, с. 644]. На другом полюсе оказываются Лия, воспитанница пансиона «мамзель Лежер, парижской фигурантки» [4, с. 644], и молодой князь Бирюлев, мот и игрок, – питомец «немецких университетов», проживший пять лет в Париже.

Рост национального самосознания в начале XIX века вызвал к жизни новый ракурс патриотической темы в комедиях. Появляются пьесы, высмеивающие помещичьи попытки хозяйствования на иностранный манер: «Пустодомы» Шаховского, «Богатонов в деревне» и «Деревенский философ» Загоскина. Предметом осмеяния становится ложная ученость невежественных дворян, воспринявших лишь внешнюю сторону «заморских» нововведений и не способных применить полученные знания на практике.

В комедии 1800–1820-х годов проблема взаимоотношений «русского» и «иностранного» получает и специфическое преломление: антитеза *свое – чужое* реализуется в текстах с литературно-полемиическим заданием, в пародиях на сентиментализм и его эпигонов («Пирог» Крылова, «Новый Стерн» Шаховского, «Студент» А. С. Грибоедова и П. А. Катенина и др.): сентиментализм трактуется как чуждое русской культуре явление.

Традиция литературно-полемиической комедии XVIII в., сатирически изображающей творческую среду (пьесы А. П. Сумарокова, «Самолюбивый стихотворец» Н. П. Николева, «Ученая шайка» Ф. А. Эмина, «Знатоки» Н. Ф. Эмина, «Сочинитель в прихожей» и «Проказники» И. А. Крылова), в последующую эпоху

обнаружится в «Уроке кокеткам» А. А. Шаховского, «Вечеринке ученых» М.Н. Загоскина, «Студенте» А. С. Грибоедова и П. А. Катенина, «Метромании» Н.В. Сушкова, «Наказанной ханже» Б. М. Федорова: действующими лицами становятся литераторы, что дает возможность авторам выразить свое восприятие писательского труда, проблем современного им литературного процесса. Появляются и новые акценты в освещении традиционной «литературной» темы. В «Пироге» Крылова, «Коварном» и «Новом Стерне» Шаховского, в «Своей семье» Шаховского, Грибоедова и Хмельницкого среди персонажей нет собственно литераторов, но авторы изображают последствия воздействия писательских творений на умы и души людей, сосредоточивая в подтексте мысль об ответственности литераторов перед читателями.

Развитие русской комедии начала XIX века ознаменовалось внимательным осмыслением драматургии Д.И. Фонвизина, чьи пьесы воспринимались верным отражением национальной жизни, образцами «высокой комедии» как продуктивной жанровой модели, канонизированной эстетическим сознанием рубежа XVIII–XIX веков [3, с. 320–324]. Поскольку в литературном мышлении начала века имя Фонвизина ассоциировалось прежде всего с «Недорослем», симптоматично, что в это время появляется ряд пьес, связанных с кругом идей «Недоросля»: «Раздраженный муж» А. Ф. Малиновского, «Деревенский в столице» П. А. Сумарокова, «Митрофанушка в отставке» Н. Городчанинова и др. Их основной тон также задан темой «невежества».

Однако усвоение художественного опыта Фонвизина шло не только по линии сходства сюжета, мотивов и образов. В структурном отношении следование за автором «Недоросля» проявилось в создании многофигурной пьесы [8, с. 3], в которой основная интрига усложняется: любовный сюжет связывается с «идеологическим», при этом функциональность первого значительно ослабляется. Эта структура организует пьесы Крылова («Модная лавка», «Урок дочкам»), Шаховского («Коварный», «Новый Стерн», «Пустодомы», «Ссора...» и др.). Принцип организации драматургического материала как многофигурного действия найдет воплощение в грибоедовском «Горе от ума», но коренным образом в переосмысленном виде: любовная интрига, осложнившись идеологическим противостоянием Чацкого и фамусовского круга, накрепко

связется с конфликтом социальным. Усвоение Грибоедовым фонвизинского художественного опыта ощутимо и в переосмыслении роли внешней силы в комедийном действии. Вмешательство какой-либо посторонней силы (приезд богатого дядюшки, вмешательство друга, восстанавливающих справедливость и способствующих соединению влюбленных) чрезвычайно важно для разрешения комедийного конфликта: ее задача – гармонизировать сложившуюся ситуацию, вернуть комедийный мир к норме. У Грибоедова Чацкий, явившийся извне, выступает возмутителем спокойствия в фамусовском доме и – шире – в фамусовском мире. В этом автор «Горя от ума» идет путем Фонвизина: в «Недоросле» в сходной функции выступал Стародум, чуждый миру Простаковых-Скотининых, и автор подчеркивал важность подобной позиции героя для процессов обновления жизни.

В XVIII в. обозначились характерные черты национальной комедии как синтетической по своей природе, объединяющей жанрообразующие принципы комедийного и трагедийного драматического действия [6]. Усложнение природы комического за счет привнесения в пьесу драматического и трагического начал стало важнейшей чертой национальной модели «высокой комедии», рано обозначившее тяготение к перерастанию в трагикомедию. Это ее свойство не останется без внимания авторов 1800–1830-х гг., особенно явственно реализовавшись в «Горе от ума».

Если традиции прозаической социально-бытовой комедии в эстетическом сознании начала XIX века связывались с именем Фонвизина, то в области стихотворной комедии в качестве образцовых воспринимались пьесы Я. Б. Княжнина. Вклад драматурга в развитие стихотворной формы состоял в сообщении «александрийскому» стиху живости за счет дробления строки на несколько реплик, произносимых разными персонажами. Поиски Княжнина в области версификации будут продолжены Шаховским, Грибоедовым, авторами «светской» комедии. «Хвастун» и «Чудаки» Княжнина закладывали традицию «благородной» комедии с ее словесной игрой и поэтикой каламбуров.

В начале XIX в. каламбурное слово активно используется в комедийных текстах, осмеивающих крайности сентиментализма («Пирог» Крылова, «Новый Стерн» Шаховского). У Княжнина воплотилось принципиально иное по сравнению с предшествующей

комедией авторское отношение к героям и событиям. Драматург не идеализировал положительных персонажей и не делал однозначно отрицательными их антагонистов. Такое усложнение характеров способствовало обновлению прежней комедийной модели и не прошло незамеченным драматургами 1800–1830-х годов.

В XVIII веке освоение быта во всей его пластической конкретности – прерогатива комедии в прозе. Стихотворная комедия благодаря своей форме корреспондирует с жанром трагедии, вовлекается в сферу высоких категорий. Вместе с тем в силу особенностей «предмета» комедии быт всё активнее проникает и в ее стихотворную разновидность («Ненавистник» М. М. Хераскова, «Неслыханное диво» Н. Р. Судовщикова). Плодотворность этих эстетических поисков подтвердят комедии Шаховского, где бытовое начало позволит расширить возможности жанра.

Комедиография XVIII в. сформировала многообразные способы организации комедийного материала. Важное место среди них занимают внесценические персонажи и «сатирические обзоры» [1, с. 46], расширяющие пространственно-временные рамки пьесы. В 1800–1830-е годы внесценическая область значительно увеличивается, знаменуя стремление драматургов к более полному охвату жизненных явлений. В «Горе от ума» предстанет уже разветвленная система внесценических персонажей, имеющая решающее значение в реализации авторского замысла.

Для развития комедии 1800–1830-х годов большое значение имеет творческое использование апробированного комедиографией XVIII в. комплекса художественных приемов. Литературный прием – одна из форм, в которых воплощается содержание произведения, – имеет прямое отношение к способам отражения жизни. В пьесах начала XIX в. широко распространены комедийные вариации обмана с «переодеваниями», неузнавания, ситуации *qui-proquo*. Композиционный прием развернутой экспозиции конфликта – обсуждение слугами положения дел в доме – тоже был подсказан комедийной традицией XVIII в. Традиционные же реплики *a parte* используются значительно экономнее, чем в предшествующую эпоху, в чем сказалось стремление драматургов к жизненной правдивости. Продуктивным оказывается прием удвоения, и не только на уровне любовной интриги, но и вне ее пределов, в

сфере характеристики персонажей (в «Воздушных замках» Хмельницкого пустые мечтатели и Армидин, и его камердинер; позже характер господина со слугой соотнесет Гоголь в «Ревизоре»).

Сопоставление комедий первой трети XIX века и предшествующей эпохи свидетельствует о глубоком усвоении драматургами 1800–1830-х годов прежних приемов художественного освоения жизненного материала, принципов построения драматического действия, воплощения конфликта. Следование традиции обнаруживается на уровне текстовых и надтекстовых связей. Вместе с тем комедия предстает исторически меняющимся явлением. В первые десятилетия XIX века она по-иному разрабатывает известные сюжеты и мотивы, обращается к новой проблематике, связанной с изменившимися социально-историческими условиями, дает оригинальные варианты привычных образов и переосмысливает пути художественного воплощения современной авторам действительности. Обнаруживаются и отступления от канонической схемы, что воспринимается как постепенно крепнущая тенденция (изменение роли любовной интриги в сюжете, трансформация системы персонажей, усложнение комедийного характера, средств выражения авторской оценки). Отношение русской комедии первой трети XIX в. к комедиографии предыдущего столетия можно определить как имплицитный диалог с каноном, приятие его и одновременно скрытую полемику с ним.

Литература

1. Борисов Ю. Н. «Горе от ума» и русская стихотворная комедия: (У истоков жанра). Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. – 105 с.
2. Загоскин М. Н. Сочинения : в 7 т. Т. 6. СПб. : Тип. В. И. Штейн, 1889. – 747 с.
3. Иванов Д. Проблема канона русской комедии в первой половине XIX века: Грибоедов или Шаховской? // Пушкинские чтения в Тарту. Вып. 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: в 2 ч. Тарту, 2011. Ч. 2. – С. 320–334.
4. Кокошкин Ф. Ф. Воспитание, или Вот приданое // Стихотворная комедия конца XVIII – начала XIX в. М. ; Л.: Сов. писатель, 1964. – С. 644–756.
5. Королева Н. В. Декабристы и театр. Л. : Искусство, 1975. – 263 с.
6. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века. М. : Высш. школа: Изд. центр «Академия», 2000. – 415 с. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/420836/read>.

7. Москвичева Г. В. Жанровое своеобразие комедии первых десятилетий XIX века // Вопросы сюжета и композиции. Горький : ГГУ, 1980. – С. 19–37.

8. Рогов К. Ю. Идея «комедии нравов» в начале XIX века в России. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1992. – 16 с.

9. Шаховской А. А. Полубарские затеи, или Домашний театр. Комедия в 5 д. с хорами и комическими балетами // ОРКСПБГТБ, ш. I.V.2.3.

10. Шаховской А. А. Ссора, или Два соседа. Комедия в 1 действии. СПб. : Тип. Имп. театров, 1821. – 62 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»)

О.Л. Аriskина, П.А. Чучкин

ariskina@list.ru

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарёва»

(Саранск)

Дискурс художественного текста отражает многослойность устной формы и специфику письменной, особенно со стороны проявления языковой личности автора / персонажа / адресата речи (читателя).

Объектом данного исследования послужили текстовые фрагменты романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева [5], содержащие однородные типы высказываний, позволяющих проследить характерные тактики и стратегии говорящего и специфику лингвистических средств в личностно-ориентированном дискурсе. Данный дискурс рассматривается нами в рамках классификационной системы В. И. Карасика [2; 3], поэтому в докладе будут анализироваться бытийный и бытовой типы.

Посредством бытийного дискурса говорящий пытается передать глубину внутреннего мира. Практически все формы, средства и ресурсы литературного языка используются в бытийном дискурсе. «Бытийное общение носит преимущественно монологический характер и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами» [3, с. 240].

Бытовой дискурс выражается в форме диалога. В коммуникативный процесс вовлечены участники, хорошо знающие друг

друга, границы между общающимися достаточно условны, расстояние практически незаметно, поэтому нередко некоторые элементы и тонкости участниками общения не проговариваются. В этом отпадает необходимость, ведь понимание осуществляется буквально с полуслова. Это обстоятельство дает нам право согласиться с тезисом И. Н. Горелова и К.Ф. Седова: «Вербальное общение лишь дополняет невербальное, а основная информация передается мимикой, жестикой и т.д.» [1, с. 4].

Исследование художественного дискурса, на наш взгляд, подчинено выявлению авторского замысла и средств его реализации в тексте, которые во многом обусловлены языковой личностью писателя. В понятие «языковая личность» при этом оказываются включенными так называемый «образ автора» и «образ персонажа». В целом следуя за Ю. Н. Карауловым [4], феномен языковой личности мы представляем как взаимодействие трех неразрывно связанных слоев: вербально-семантического, когнитивного и прагматического. Именно на прагматическом уровне исследования языковой личности рассматривают цели, интенции, мотивы, коммуникативные тактики и стратегии. Поэтому выявляя, определяя и описывая последние, мы так или иначе выходим на выяснение особенностей языковой личности персонажа / авторы.

Учеными выделены и описаны императивная, информативная и коммуникативно-регулирующая стратегии. В качестве их реализации используются тактики:

- убеждения / аргументации с целью привлечь внимание собеседника и склонить его к чужому мнению,
- предложения и совета,
- предупреждения и угрозы,
- согласия и др.

Информативная стратегия присутствует в бытовом диалоге, хотя в более полном виде она реализуется в бытийном (логико-философском) варианте личностно-ориентированного дискурса. Тактикой при этой стратегии в бытовом диалоге может быть «замечание вскользь / попутное», прямая передача информации с целью предупредить негативные последствия или побудить к действию и др.

Тактики и стратегии бытийного дискурса достаточно последовательно охарактеризованы В. И. Карасиком. Следуя за ним, мы

принимаем то обстоятельство, что бытийный дискурс может быть представлен двумя видами – прямым и опосредованным, а прямой, в свою очередь, также делится на две формы выражения – смысловой переход и смысловой прорыв.

Смысловой переход обычно принимает форму любых логических умозаключений. Прямой бытийный дискурс в виде смыслового прорыва, явление более сложное, и виды его выражения менее изучены.

Рассмотрим это на примерах из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Бытийный дискурс:

1. *«Время (дело известное) летит иногда птицей, иногда ползет червяком; но человеку бывает особенно хорошо тогда, когда он даже не замечает – скоро ли, тихо ли оно проходит».* [5, с. 204]

Перед нами пример реализации прямого бытийного дискурса в виде смыслового перехода. Мы видим логическое умозаключение, авторская мысль достигается с помощью противопоставления «летит иногда птицей» – «иногда ползет червяком», «скоро» – «тихо».

2. *«Это время было труднее для Павла Петровича, чем для всякого другого: потеряв свое прошедшее, он все потерял».* [5, с. 156]

В данном примере также использовано противопоставление «Павел Петрович» – «всякий другой». С помощью этих местоимений достигается прием обобщения.

Но, озадачив подчиненного, Матвей Ильич уже не обращал на него внимания. Сановники наши вообще любят озадачивать подчиненных; способы, к которым они прибегают для достижения этой цели, довольно разнообразны. Следующий способ, между прочим, в большом употреблении, «isquiteafavorite», как говорят англичане: сановник вдруг перестал понимать самые простые слова, глухоту на себя напускает». [5, с. 181].

В данном отрывке представлены рассуждения самого писателя, а не персонажей. Отрывок можно назвать лирическим отступлением от темы, здесь Тургенев развивает мысль об отношениях сановников и подчиненных. Мы можем говорить о случае смыслового перехода.

«Да, – проговорил он, ни на кого не глядя, – беда пожить так годков пять в деревне, в отдалении от великих умов! Как раз дурак дураком станешь. Ты стараешься не забыть того, чему

тебя учили, а там – хватать! – оказывается, что все это вздор, и тебе говорят, что путные люди этакими пустяками больше не занимаются и что ты, мол, отсталый колпак. Что делать! Видно, молодежь точно умнее нас» [5, с. 152].

Это рассуждения Павла Петровича, где он приходит к выводу, что молодежь имеет преимущество над их поколением. Перед нами прямой бытийный дискурс в виде смыслового перехода.

Исследуемый материал подтолкнул нас к выделению в рамках бытового дискурса двух форм: скрытого диалога / внутренней речи персонажа и собственно диалога. Несмотря на то, что в скрытом диалоге в большом количестве представлены элементы бытийного дискурса, основания выделить его в рамках бытового дискурса есть. Это некоторые характерные закономерности, которые отчетливо видны из наблюдений (о них ниже).

Бытовой дискурс.

Первоочередно мы рассмотрим именно скрытые диалоги персонажей романа.

Так, мы можем встретить в романе случаи внутренней беседы героев, в которых они наиболее честно рассуждают о волнующих их сознание предметах жизни и выражают свои самые искренние чувства, ведь весь этот процесс скрыт от других, посторонних людей. Примерами могут служить внутренние диалоги Николая Петровича Кирсанова, Аркадия и Базарова.

Размышления Николая Петровича Кирсанова о разности поколений «отцов» и «детей», вызванные появлением в их доме Базарова и Аркадия, который подвергается его влиянию:

«Брат говорит, что мы правы, – думал он, – и, отложив всякое самолюбие в сторону, мне самому кажется, что они дальше от истины, нежели мы, а в то же время я чувствую, что за ними есть что-то, чего мы не имеем, какое-то преимущество над нами... Молодость? Нет: не одна только молодость. Не в том ли состоит это преимущество, что в них меньше следов барства, чем в нас? «...» Но отвергать поэзию? – подумал он опять, – не сочувствовать художеству, природе?..» [5, с. 176-177].

В данном отрывке мы видим, как монологичная, по сути, речь приобретает черты диалога. Николай Петрович в этот момент находится один, однако беседу он все-таки ведет, у него происходит скрытый, внутренний диалог со своим внутренним «я», подсо-

знанием. Доказательством данного тезиса служат вопросы, которые он ставит перед собой и на которые сам же пытается находить ответы. Последний вопрос, звучащий в голове Николая Кирсанова, выглядит как несогласие с молодым поколением

Также обратим внимание на следующий ряд примеров. В них мы можем увидеть фразы типа «рассуждал сам с собой», «подумал про себя», «задавал себе вопрос». Эти слова, введенные автором, которые прерывают рассуждения персонажей романа, предполагают наличие адресанта и адресата, и в этом случае обе роли исполняет один и тот же человек. Поэтому об этих фрагментах мы также вправе говорить как о внутренних диалогах. Притом мы вновь видим вопросно-ответную форму.

1. *«Зачем же он меня не спрашивает, почему я еду? И так же внезапно, как и он? – подумал Аркадий. – В самом деле, зачем я еду, и зачем он едет?» – продолжал он свои размышления.*

2. *«Эге, ге!.. – подумал про себя Аркадий, и тут только открылась ему на миг вся бездонная пропасть базаровского самолюбия. – Мы, стало быть, с тобой боги? То есть – ты бог, а олух уж не я ли?» [5, с. 220].*

Диалог Павла Петровича и Базарова № 1.

В данном диалоге реализуется коммуникативно-регулирующая стратегия. Явно прослеживаются тактик и установления и поддержания речевого контакта, на это указывают вопросы, которые задает Павел Петрович:

– Вы собственно физикой занимаетесь? – спросил, в свою очередь, Павел Петрович.

– Физикой, да; вообще естественными науками.

– Говорят, германцы в последнее время сильно успели по этой части.

– Да, немцы в этом наши учителя, – небрежно отвечал Базаров.

Слово «германцы», вместо «немцы», Павел Петрович употребил ради иронии, которой, однако, никто не заметил» [5, с. 232].

Диалог Павла Петровича и Базарова № 2.

В следующем диалоге намного ярче выражена тактика убеждения. Это – полноценный диалог-спор с восклицаниями и прерываниями собеседниками друг друга. Здесь практически отсутствуют авторские ремарки и пояснения, но все-таки они представлены в небольшом количестве и вносят ясность в поведение героев

в данной ситуации (*перебил Базаров, пробормотал изумленный Павел Петрович, воскликнул Базаров, с надменной гордостью отвечал Базаров*). Однако и без активного авторского участия у нас есть достаточно фактов реализации тактики убеждения:

– *Нет, нет!* – воскликнул с внезапным порывом Павел Петрович, – *я не хочу верить, что вы, господа, точно знаете русский народ, что вы представители его потребностей, его стремлений! Нет, русский народ не такой, каким вы его воображаете. Он свято чтит предания, он – патриархальный, он не может жить без веры...*

– *Я не стану против этого спорить, – перебил Базаров, – я даже готов согласиться, что в этом вы правы.*

– *А если я прав...*

– *И все-таки это ничего не доказывает.* «...»

– *Как ничего не доказывает?* – пробормотал изумленный Павел Петрович. – *Стало быть, вы идете против своего народа?*

– *А хоть бы и так?* – воскликнул Базаров. – *Народ полагает, что когда гром гремит, это Илья-пророк в колеснице по небу разъезжает. Что ж? Мне соглашаться с ним? Да притом – он русский, а разве я сам не русский.*

– *Нет, вы не русский после всего, что вы сейчас сказали! Я вас за русского признать не могу.*

Диалог Павла Петровича и Базарова № 3.

Тактика согласия реализуется в следующем диалоге:

– *Я к тебе на целых шесть недель приехал, старина, – сказал ему Базаров, – я работать хочу, так ты уж, пожалуйста, не мешай мне.*

– *Физиономию мою забудешь, вот как я тебе мешать буду!*
– *отвечал Василий Иванович.* [5, с. 285]

Как видим, анализ бытового дискурса в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» сложен и многоаспектен: в диалогах отражаются формулы речевого этикета XIX века, проявляются элементы институционального и бытийного типов дискурса, реализуется большое количество стратегий, тактик и коммуникативных ходов, избираемых для общения языковыми личностями героев.

Анализ фактов показал, что бытовая и бытийная разновидности личностно-ориентированного дискурса в романе И.С. Тургенева часто взаимопроникают, что, вероятно, отражает специфику

языковой личности великого писателя, для которого законы морали индивидуума и общества всегда были предметом глубокого размышления.

Литература

1. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1997. – 224 с.
2. Карасик В. И. О типах дискурса [Электронный ресурс] // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс.: сб. науч. тр. ; под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 263 с.
5. Тургенев И. С. Накануне; Отцы и дети: Романы. Степной король Лир: Повесть. Л.: Худож. лит., 1985. – 368 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ШАХТЕРСКАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ Б. Л. ГОРБАТОВА «ДОНБАСС»

Т. А. Бондарчук
tanya04bond@gmail.com

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Условия работы в шахте характеризуются рядом особенностей, к числу которых следует отнести, прежде всего, «оторванность» от внешнего мира, и, как следствие этого – тесные контакты между горняками, особенности подземного производственного пространства, организации производства, наличие специального оборудования, влияние разных факторов природного и техногенного характера и т.п. Специфика шахтерского труда влияет на формирование особого взгляда на мир, ограниченный сферой профессионального горного дела, который отражается в уникальном в своём роде языке шахтеров.

Актуальность обращения к профессиональному языку шахтеров конкретного региона, а именно Донецкого края, определяется важностью исследования проблемы регионального языка. В центре исследования находится язык шахтеров как профессиональный язык производства. *Цель данной статьи* заключается в

сопоставительном исследовании терминологического, профессионального и жаргонного пласта лексико-фразеологической системы языка шахтеров.

В науке профессиональный язык имеет три основных толкования.

Согласно первой точке зрения, *профессиональные языки* – это специальные, терминологические системы, соответствующие определенной профессии, отрасли производства (В. Д. Бондалетов, Б. А. Серебрянников). Под профессиональными языками В. Д. Бондалетов подразумевает профессионально ориентированные лексические системы, возникшие из-за потребности в номинации профессиональных понятий и свойственные представителям определенной профессии или отрасли производства, промысла. Профессиональный жаргон в данную систему не включается, а выделяется лингвистом в промежуточную разновидность социолекта, появившуюся на стыке профессионального языка и жаргона [2, с. 70–71]. По мнению Б. А. Серебрянникова, профессиональные языки представляют собой лексико-терминологические системы, соответствующие определенным профессиям. Однако он рассматривает профессиональные языки не как социальные диалекты, а как «социальные варианты речи» или «речевые стили», поскольку фонетическая система и грамматический строй не имеют своей специфики. Б. А. Серебрянников отказывается от термина *профессиональные языки*, заменяя его термином *профессиональные лексические системы* [9, с. 479–481].

В соответствии со второй точкой зрения суть профессиональных языков сводится преимущественно к жаргону (Ахманова О. С.). О. С. Ахманова в словаре лингвистических терминов, трактуя определение понятию *профессиональный язык*, сужает его: «Профессиональные языки – то же, что жаргон. Социальные диалекты данного языка, бытующие среди лиц, принадлежащих к той же профессии» [1, с. 534].

Согласно третьей точке зрения, представленной в исследованиях Э. Г. Туманян, профессиональные языки относятся к литературному языку. При этом одна часть профессиональных языков, представленная терминами и характерная для условий письменного общения, размещается в рамках научного стиля, а другая

часть, представленная просторечными аналогами терминов и характерная для условий устного общения, входит в состав разговорного стиля [12, с. 160–161].

В профессиональной коммуникации основными единицами ситуации общения являются термины и профессионализмы. Наряду с терминами профессионализмы функционируют в разных сферах профессиональной деятельности.

Термины включаются в понятие «специальная лексика», а в понятие «профессиональная лексика» – профессионализмы.

Под *термином* мы будем понимать основную единицу специальных отраслей знаний, сфер деятельности человека, служащую для номинации объектов и процессов и являющуюся инструментом познания окружающего мира; специальный знак, обозначающий понятие в системе понятий, «характеризующийся принадлежностью к определенному терминополью, дефинитивностью, конвенциональностью, производностью, относительной независимостью от контекста, стилистической нейтральностью, устойчивостью внешней и внутренней формы» [4, с. 442]. Более определенно высказывается В. Н. Портянникова: «*Терминология* – это специальная лексика современной науки и техники. *Профессиональная лексика* – это лексика, развившаяся и достигшая расцвета в период ремесленного производства...» [8, с. 3].

Разработка месторождений угля подземным способом имеет определенную специфику, заключающуюся в нетипичных условиях работы горняков (в частности, под землей, под воздействием разных факторов техногенного и природного характера т.п.), наличие разнообразного специального оборудования. Научно-технические термины, обслуживающие горнопромышленную отрасль производства, точно и подробно отражают элементы данной профессиональной сферы, детально ее структурируя. Перечислим основные виды научно-технических терминов, употребляемых автором в произведении Б. Л. Горбатова «Донбасс»:

- а) виды горных пород и выработок: *гезенк, забой, квершлаг, кливаж, кокс, лава, пласт, порода, просек, проходка, штыб, шурф*;
- б) виды горных работ: *добыча, органная крепь, сбойка*;
- в) профессии: *горнорабочий, ламповщик, маркшейдер, проходчик, стволочной*;

г) устройства и механизмы: *бремсберг, бур, врубовая машина, кайло, копер, стойка, клеть, шкив.*

Вопрос соотношения терминов и профессионализмов решается в лингвистической литературе по-разному.

Л. И. Скворцов, рассуждая о том, как происходит «оценка» вновь появляющихся терминов в той или иной области знания, использует для обозначения *профессионализма* другое словосочетание: «Очень часто термин или профессиональное выражение отвергаются на основании неточного, неправильного с научной точки зрения их употребления» [10, с. 218–230]. При этом авторы обычно забывают о том естественном процессе живого языка, при котором терминологические по происхождению элементы переходят в более широкое употребление, становясь при этом «полутерминами», «полупрофессионализмами», или вообще порывают со своим источником, пополняя образный, экспрессивный лексический словарь общего языка» [6, с. 297].

В. А. Татаринцов избегает употребления термина «профессиональная лексика», указывая на то, что в изучении профессионализмов важно учитывать следующее: во-первых, под профессионализмами обычно понимается не вся совокупность профессиональной лексики, а лишь варианты единиц общепринятых терминов; во-вторых, термины «профессиональная лексика» и «профессионализмы» не являются синонимами [11, с. 311].

По мнению некоторых лингвистов (Шанский Н. М. и др.), термины и профессионализмы являются синонимичными понятиями: «профессионализмы обозначают специальные понятия, орудия или продукты труда, производственные процессы. Поэтому их называют иногда специальными словами или специальными терминами» [13, с. 125].

Другой подход к данному вопросу был предложен С. Д. Шеловым, который считает, что границы между терминами и профессионализмами являются подвижными. При этом С. Д. Шелов предлагает разграничить термины и профессионализмы по критериям нормативности и принадлежности лексических единиц к разным предметным областям [14, с. 76–87].

Согласно третьей точке зрения термины и профессионализмы относятся к разным слоям специальной лексики. Такой подход к указанной проблеме считается логичным и оправданным.

Лингвисты, разделяющие данную точку зрения (А. В. Калинин, М. И. Фомина, В. Н. Сергеев, В. В. Бурцева и др.), выдвигают в качестве одного критерия различения критерий нормативности, при котором к терминам относятся «узаконенные», официальные лексические единицы, а профессионализмы рассматриваются как слова полуофициальные, преимущественно не являющиеся строгим научным обозначением понятия. «Разница между термином и профессионализмом заключается в том, что термин – это официальное, принятое и узаконенное в данной науке, отрасли промышленности, в сельском хозяйстве, технике обозначение, название какого-то понятия, а профессионализм – полуофициальное слово, распространенное (чаще в разговорной речи) среди людей какой-то профессии, специальности, но не являющееся, в сущности говоря, строгим научным обозначением понятия» [7, с. 141].

В художественной литературе профессионализмы используются писателями с определенной стилистической задачей: как характерологическое средство при описании жизни людей, связанных с каким-либо производством. Для профессионализма характерна специализация значения, ограниченность сферы употребления, способность вступать в системные отношения с другими единицами профессионального языка, в том числе и с терминами. Кроме того, поскольку одним из основных способов образования профессионализмов является метафоризация, он может сохранять и содержать семы оценочности и экспрессии, что неоднократно использовалось автором романа «Донбасс» Б. Л. Горбатовым для передачи особого колорита описания быта и трудовой деятельности шахтеров:

а) виды горных пород и выработок: *закоулок* ‘узкий проход’, *подбойка* ‘горизонтальная подземная выработка’, *жилка* ‘волнообразная прослойка’, *струя* ‘осадочная горная порода’;

б) виды горных работ: *выпал* ‘взрыв заряда, газа’, *подбой* ‘подрубание снизу пласта’, *прорыв* ‘невыполнение в срок’;

в) профессии: *застрельщик* ‘намечающий начало работ’, *зайбойщик* ‘вручную производящий добычу каменного угля’, *камеронщик* и *органщик* ‘ремонтные работники’;

г) устройства и механизмы: *зубок* ‘резец врубовой машины’, *врубовка* ‘комбайн’, *камерон* ‘насос’.

Профессиональный жаргон – ненормативная подсистема, отличающаяся динамизмом. Основными единицами данной подсистемы профессионального языка как раз и являются профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. Однако границы между профессионализмами и профессиональными жаргонизмами представляются весьма размытыми. «Именно гибкостью языкового узуса и объясняется определенная зыбкость границ между профессионализмами и жаргонизмами, а также случаи их терминологизации» [3, с. 37]. Кроме этого, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы разграничиваются по степени распространенности (жаргонизмы по сравнению с профессионализмами имеют меньшую распространенность, часто ограничены конкретным коллективом), по степени устойчивости (более устойчивыми единицами являются профессионализмы), по среде функционирования (профессиональные жаргонизмы употребляются только в неофициальной устной речи). Синонимичные профессионально-жаргонные единицы зачастую номинируют одни и те же объекты с различных точек зрения, подчеркивая разные стороны обозначаемого, демонстрируя ценностное к нему отношение. Следует отметить, что профессионально-жаргонная лексика имеет сниженную экспрессивную окраску и употребляется только в устной речи людей одной профессии.

В профессиональном шахтерском жаргоне на основании общности языковых реалий, обозначаемых профессионализмами, профессиональными жаргонизмами, выделяется ряд тематических групп, которые в романе «Донбасс» Б. Л. Горбатовым отражены тематическими группами:

а) виды горных пород и выработок: *грудь забоя* ‘передняя часть забоя’ [5, с. 293], *разминовка* ‘более широкое место в забое для прохода’ [5, с. 370];

б) виды горных работ: *лимонадка* ‘способ ручной постановки сошедших с рельсов вагонеток на рельсы’ [5, с. 394];

в) профессии: *конешник* ‘лодыри, которые вырубали не больше “коня” – одну крепь’ [5, с. 208], *дергун* ‘нетерпеливый человек’, *моргун* ‘трусоватый человек’ [5, с. 192];

г) горно-шахтное оборудование: *коптилочка* [5, с. 43] и *блендочка* [5, с. 209] ‘виды осветительных приборов’, *верхняк*, *матка*, *лежан*, *стойки* ‘элементы неполного дверного оклада’ [5, с. 64],

обанол ‘часть деревянной крепи’ [5, с. 67], *футорка* ‘часть угледобывающего механизма’ [5, с. 188].

В статье рассмотрены характеристики основных разрядов профессиональной шахтерской лексики: терминов, профессионализмов, профессиональных жаргонизмов. Предложенный подход в изучении профессионализмов позволил объяснить образование основных тематических областей терминосистемы профессионального языка шахтеров на примере лексем, представленных в художественном тексте Б. Л. Горбатова «Донбасс», описать состав профессионального языка шахтеров на основании критериев их разграничения с целью изучения языка Донецкого региона.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. – 609 с.
2. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
3. Борисова Л. Т., Донской Я. Л. Профессионализмы и профессиональные жаргонизмы в отраслевом терминологическом словаре // Термины и их функционирование. Горький: ГТУ, 1987. – с. 34–40.
4. Борхвальдт О. В. Лексика золотопромышленности в аспекте исторического терминоведения русского языка: Дис. д-ра филол. наук. Красноярск, 2000. – 513 с.
5. Горбатов Б. Л. Донбасс: роман. – Донбасс, 1981. – 400 с.
6. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. – Л.: Художественная литература, 1936. – 297 с.
7. Калинин А. В. Лексика русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 231 с.
8. Портянникова В. Н. Некоторые проблемы лексической характеристики жаргонизмов (на материале «молодежного жаргона» современного немецкого языка в ФРГ): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1971. – 21 с.
9. Серебрянников Б. А. К проблеме существования языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – 604 с.
10. Скворцов Л. И. Терминология и культура речи (Заметки языковеда) // Исследования по русской терминологии. – М.: 1971. – С. 218–230.
11. Татаринцев В. А. Теория терминоведения: в 3 т. – Т. 1. Теория термина: История и современное состояние. – М.: Московский Лицей, 1996. – 311 с.
12. Туманян Э. Г. Язык как система социолингвистических систем. М.: Наука, 1985. – 247 с.

13. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. – 327 с.

14. Шелов В. Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (К проблеме классификации специальной лексики)// Вопросы языкознания, 1984.– № 5.– С. 76–87.

ШТРИХИ К РЕЧЕВОМУ ПОРТРЕТУ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА: ФОНЕТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

И.А. Герасименко

iragerasimenko@mail.ru

Горловский институт иностранных языков

(Горловка)

В последнее время к числу актуальных аспектов лингвистики принадлежит изучение языковой личности, трактуемое Ю.Н. Карауловым как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [2, с. 3]. Учёные рассматривают способные породить тексты социально-статусные типы языковой личности (например, интеллигента, студента, школьника, бизнесмена, политика, писателя и др.), о чём свидетельствуют работы Л.П. Крысина, М.В. Китайгородской, Э.М. Ножкиной, С.В. Леонарды и др.

Интерес к анализу разнообразных коммуникативно-дискурсивных ролей личности способствовал появлению термина «речевой портрет». Речевой портрет как статическая величина присущ коммуникативной личности или определённому социуму в определённый период времени. Речевой портрет детерминируется особенностями жанра и регистра речи (об этом см. работы С.В. Мамаевой, Т.П. Тарасенко, Г.Г. Матвеевой и др.). Языковой личности свойственна динамика в её развитии. В зависимости от многочисленных и постоянно меняющихся экстралингвистических параметров языковая личность трансформирует репертуар языковых средств, меняет характеристики речи вследствие общего тематического содержания речи; форм речевого общения (устная / письменная, подготовленная / спонтанная речь, монолог / диалог); конфигурации межличностных отношений участников коммуникации, которые отражаются на использовании в речи «формаль-

ной» и «неформальной» лексики. В отличие от «языковой личности» «речевой портрет» предполагает некий срез в развитии коммуникативного потенциала человека. Поэтому речевой портрет можно представить как совокупность характеристик, составляющих речевой имидж личности. Цель статьи – рассмотреть фонетические и лексико-грамматические особенности речевого портрета Валентина Распутина. Материалом исследования выступил рассказ «Изба».

Язык Валентина Распутина выделяет его из числа других носителей русской лингвокультуры. Яркой особенностью речевого портрета В. Распутина является использование в «Избе» диалектного произношения и словоупотребления. Язык данного текста пронизан единицами сибирского говора – характерного для описываемой местности. Среди фонетических особенностей диалектной речи представлены колебания в употреблении твердого и мягкого *-р-* в словах типа *выдёрьнули*, упрощение групп *-ко*, *-го* в абсолютном конце слова: *сколь раз, а голос ниче* [3]. К отображенным в рассказе «Изба» особенностям сибирского произношения относится использование вместо *щ* долгого твердого *ш* (*ишо*), а также диалектных огласовок в словах *че*, *ниче*, *че-то*, *нонче*. Отмеченные фонетические характеристики речи персонажей «Избы» являются отражением личностных характеристик автора-сибиряка, заключённых в его речевом портрете. И хотя известно, что чем выше социальный статус и уровень образования личности, тем меньше в его речи региональных черт, использование территориальных особенностей произношения обусловлено сюжетной линией рассказа «Изба». Как пишет Е.А. Бабушкина, «... тип произношения ассоциируется с образом жизни людей, которые им владеют, поэтому акцент имеет ценность как символ класса» [1, с. 9].

В. Распутин в анализируемом произведении использует не только диалектное произношение, но и диалектную лексику. К числу таких лексем относятся обл. *туес* ‘круглый берестяной короб с тугой крышкой для хранения и переноса мёда, икры, ягод’ [4 (4), с. 424] (*на полке справа от печи несколько туесов с каким-то припасом* [3]); обл. *городьба* ‘ограда, изгородь’ [4 (1), с. 336] (*другого хода вода знать не хотела и каждую весну, каждое ненастье с грохотом выпетливала от забора к забору, но как-то не зло, не обрушивая городьбу и постройки* [3]); обл. *катанки* ‘валенки’ [4

(2), с. 39] (*по зимам катанки* [3]); устар. и обл. *шитик* ‘род лодки или плоскодонного речного судна’ [4 (4), с. 718] (*на шитиках от Нижнего острова* [3]). Вплетённая в речь персонажей диалектная лексика отображает представления и понятия о домашней утвари, типах построек, одежде Сибирского региона.

Речевой портрет В. Распутина отличает наличие просторечных искажённых форм слов русского языка: *прохожу* > *проходю* (*Проходю, у прясла стала*), *лучше* > *лутше* (*Или того лутше – на ходу* [3]), *завтра* > *завтри* (*А завтри на избу* [3]), *до упаду* > *до упади* (*До упади изматывалась* [3]) и т. п. Просторечные формы с выпадением гласных, согласных и их групп в лексике сибирского наречия часто замещают литературные слова. Эта черта отличает и речевой портрет В. Распутина. Ср.: *сегодня* > *седни* (*Седни не встану* [3]), *кого-нибудь* > *кого-нить* (*кого-нить ишо покличу* [3]), *говорят* > *грят* (*подымайся, грят, и иди* [3]), *смотрит* > *сморит* (*сидит она на полу, неловко подвернув ноги на одну сторону и крепясь на другую, и сморит* [3]). Данные варианты представлены в анализируемом тексте значительной по объёму группой языковых знаков. Наличие такого рода лексем объясняется, как пишет А.И. Фёдоров, «активностью всех уровней диалектной системы, «ее "давлением" на форму слов и структуру словосочетаний, т. е. это одно из проявлений структуры говора» [5, с. 167].

Просторечная лексика как элемент речевого портрета В. Распутина представлена также словами *табуниться* ‘держаться толпой, тесниться’ (*они в Агафьином дворе не табунились* [3]); *выхлестать* ‘хлестнув чем-л., выбить’ [4 (1), с. 289] (*[изба] не дала выхлестать стёкла, выломать палисадник с рябиной и черёмухой [...]* [3]); *поспевать* ‘стать готовым, законченным к какому-л. сроку’ [4 (3), с. 320] (*Всегда торопясь, всегда поспевая, научилась быстро ходить* [3]).

Использует В. Распутин и лексику разговорного стиля. Ср.: разг. *травина* ‘травинка; большой, высокий стебель травы’ [4 (4), с. 394] (*поросшим теперь травинкой*); сочетание *щелястая дверь* вместо лит. *щелистая* (от *щель*). Для лексических единиц разговорного стиля характерны эмоциональность, образность, конкретность и простота речи, что отличает речевой портрет В. Распутина и согласуется с описываемыми в рассказе «Изба» событиями, их хронотопом, героями и их укладом.

Речевому портрету В. Распутина присущи разговорные лексемы, основанные на морфологической производности. Так, автор активно использует модель образования существительных от прилагательных и глаголов по названию действия безаффиксным способом. Ср.: сущ. *постава* от глаг. *поставить* (*что-то в её **поставе** и стати такое, что не позволяло её назвать избёнкой* [3]); сущ. *натяг* от глаг. *натягивать* (*замечалась ладная, вытянутая точно по **натягу** фигура* [3]); сущ. *начин* от глаг. *начинать* (*Ну как тут было на вечерках не подать **начин** песни* [3]); обл. *догляд* ‘наблюдение, присмотр’ (от разг. *доглядеть* ‘проследить, присмотреть за кем-, чем-л.’ [4 (1), с. 414]) (*без хозяйского **догляда*** [3]).

Но В. Распутин – это не только автор, умело оперирующий диалектизмами, просторечиями и единицами разговорного стиля. В. Распутин – творческая языковая личность. Его речевой портрет отличается наличием индивидуально-авторских образований. Ср.: инд.-авт. *взлюбисто* от обл. *взлюбок* ‘возвышенное место, крутой пригорок’ [4 (1), с. 168] (***взлюбисто** приподнятая ограда* [3]); инд.-авт. *гостеванье* от обл. *гостевать* ‘гостить’ [4 (1), с. 339] (*не скрывали друг перед другом своего **гостеванья** в заброшенном дворе [...] [3]*).

Распутин – это уникальная языковая личность, использующая фонд литературных лексем и фразеологических оборотов. Его речь богата фразеологическими единицами (*до белых мух, белый саван, красный угол*). Ср.: *Но уже поверила она, что будет зимовать в своей избе. Упаси Бог вслух сказать об этом, она боялась даже ближние планы городить, всё убывающее беспрестанно пространство **до белых мух** окидывая торопливо и суеверно – не сбилось бы что-нибудь в его ходе... [3]; Через полгода под самый Покров, укрывающий землю **белым саваном**, накрыли и Агафью в домовине белым полотном и снесли на погост... [3]; Смастерил и поставил его [буфет. – И.Г.] в чистой комнате **в красном углу** [3]).*

В. Распутин как мастер слова подвергает фразеологизмы различным трансформациям. Ср. расширение ФЕ: *по накатанной дорожке* > ***по накатанной** всеми деревенскими девчонками **дорожке*** [3]; *подстелить соломку* > *где **подстелена соломка**, туда лихо не упадёт* [3].

В. Распутин – автор художественных метафор. Ср.: *Погода стояла как на заказ, после колючих утренников разливалось во всю поднебесную тучное, ленивое тепло* [3]; *Лицо у неё ... выткалось бисером частых и тонких морщинок* [3]; *смастерил себе буфет ... игриво пестрящий, под хозяина, конопушками сучков* [3]; *Здесь можно было и вволюшку повздыхать и столько здесь скопилось невыразимых вздыханий, что тучки на небе задерживались над этим местом и полнились ими, унося с собою жатву людских сердец* [3].

Итак, речевой портрет В. Распутина, отображённый в рассказе «Изба», – это его речевые предпочтения, совокупность особенностей его языка, которые делают личность В. Распутина узнаваемой. Отмеченные факты указывают на то, что художественное слово В. Распутина требует детального изучения, основанного на привлечении фактов всех уровней языка и на анализе разных его текстов, что станет предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Литература

1. Бабушкина Е.А. Речевой портрет личности: фонетические характеристики // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – 11. – С. 7-11.
2. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. М., 1989. – С. 3-8.
3. Распутин В. Изба. – Режим доступа к тексту: <https://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3291490>
4. Словарь русского языка : [в 4-х т.] ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус.яз. – Т. 1 : А–И. – 1981. – 698 с.; Т. 2 : К–О. – 1983. – 736 с.; Т. 3 : П–Р. – 1984. – 750 с.; Т. 4 : О–Я. – 1984. – 796 с.
5. Фёдоров А.И. Слово и фразеология в современной сибирской диалектной речи // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. – С. 167-170.

ФУНКЦИИ СИЛЕНЦИАЛЬНЫХ АКТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

С. А. Дроздова, Н. П. Иванова

stellad@rambler.ru, N-P-Ivanova@ysndex.ru

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(Симферополь)

Силенциальный акт в структуре коммуникации стал предметом исследования сравнительно недавно – в 90-е годы XX века – и получил не только филологическое, но и социологическое, теологическое, философское осмысление. Так, современный французский философ Андре Конт-Спонвиль понимает молчание как явление, «обозначающее не отсутствие шума, а отсутствие смысла» [9, с. 322]. Автор считает, что может быть молчаливый шум и шумное молчание (шум ветра, молчание моря). «Молчание – это то, что остается, когда мы замолкаем, то есть все сущее минус смысл, который мы ему придаем, (включая этот самый смысл, если мы не видим за ним другого смысла). Значит, молчание – всего лишь другое название реальности, если, конечно, согласиться, что реальность – это не просто название» [9, с. 322].

В свою очередь, социологический словарь в теории массовых коммуникаций рассматривает молчание, описывая данную категорию как «спираль молчания». Так, Э. Ноэль-Нойман отмечает, что явление спирали заключается в намеренном умалчивании индивидом собственной точки зрения, если она отлична от мнения других членов общества, с целью избежать возможной социальной изоляции [13].

Не менее интересной является точка зрения М. Хайдеггера, немецкого философа, понимающего язык, как взаимосвязанную и взаимозависящую от бытия категорию. Исследователь представляет молчание подобно некоему «чистилищу» языка и мысли, явлению весьма позитивному и продуктивному, средству очищения от публичности языка, а также как возможность концентрации мысли [17].

Словари теологических терминов дают характеристику категории «молчание» как времени, «...которое используется для личной или общей медитации при богослужении или посвящении; оно

является частью монастырского устава и имеет целью более глубокое постижение Бога» [20, с. 217]. Таким образом, мы можем говорить о том, что молчание представляет собой способ познания мира человеком, однако понимание данной категории может быть разным.

Коммуникативные преимущества молчания национально специфичны и отражены в лингвокультуре народа, особенно ярко это проявляется во фразеологической системе языка. Благодаря категориальным свойствам фразем и собственно лексическим единицам, вербализующим молчание в русском языке, данная категория получает яркую образность и закреплённость ассоциативного восприятия. Все это обуславливает научный интерес к исследованию семантической природы данной языковой единицы.

Анализ словарей русского языка различных временных периодов («Словаря русского языка XI-XVII вв.», «Словаря Академии Российской» (1793 г.), толковых словарей XIX и XX веков, толковых словарей БАС, МАС, Т. Ф. Ефремовой) даёт возможность структурирования информации о молчании. На основании наблюдений за изменением семантической организации языковой единицы «молчание», отметим, что в разные временные периоды в её структуре актуализировались гиперсеммы «состояние» и «действие». Функционирование данных гиперсем, вероятно, зависело и зависит от экстралингвистических факторов (моральных, общественных, политических, экономических, культурных и пр.).

Кроме того, небезынтересна точка зрения автора «Словника Ягры», отмечающего, что «...по созвучию самое близкое СЛОВУ слово СЛАВА (Светоносная Лава, Плазма). Глагол СЛАВИТЬ = Славу Вить, Свивать. Вспомним: мол-вить слово. Или напротив: мол-чать. То есть МОЛ вить, свивать или МОЛ чайть (призывать, предвосхищать, ждать). А есть ещё и МОЛИТЬ, то есть МОЛ - лить. Для полноты ассоциативного ряда припомним ещё летящую с Небес МОЛОНЬЮ (молнию), МОЛОКО (Небесных коровы Земун, козы Седунь, Оленухи или Лосихи), Млечный Путь из Небесного Молока Светоносной Плазмы... Всё это “молочная” символика “жидкой” плазменной и питающей Жизнь ипостаси Света...» [27]. Таким образом, по мнению автора, уже этимологически слова «мол-чать» и «мол-вить» близки общим семантическим множе-

лем «мол-», который понимается, как «жидкая плазма», или энергия (уместно вспомнить об информационно-энергетической теории информации, согласно которой информация всегда обнаруживается в материально энергетической форме в виде сигналов) [16].

Данная точка зрения реализована в высказываниях современных носителей языка, обсуждающих вопросы, связанные с происхождением слов:

Молчать и молвить суть одно...

Творенье Словом создаётся.

Узор нетканый живо вьётся,

Плетя иллюзии сукно.

Молитвы дар – ума **молчанье**

И примирение с **молвой**,

Молчать и молвить суть одно... (Елена Волкова

<http://www.sathyasai.ru/forum/topic/9857/?page=8>)

Следовательно, и мнение Л. Витгенштейна, отмечавшего, что о том, «о чем невозможно говорить, ... следует молчать» [2], как раз, видимо, и означает, что у молчания (невербальной стороны коммуникации) и у собственно речи (вербальной коммуникации) существует то нечто, которое оказывается единым и целостным. И благодаря именно такому рассмотрению можно понять ЛСВ лексического значения лексемы «молчание» толкового словаря XVIII века, согласно которому молчание – это образ, способ вещания, в настоящее время, вероятно, утерянный и которому следует учиться заново.

Коммуникативно значимый акт молчания получил название силенциального акта [6, с. 71]. Он является постоянным структурным элементом художественной коммуникации, о чем свидетельствуют исследования последних лет. Так, С. В. Крестинский рассматривает это явление с позиции теории речевых актов и указывает на его прагматическую функцию. А. А. Власова и Н. Ф. Щербак справедливо полагают, что «в художественном тексте молчание может эксплицироваться в терминах речевых ситуаций силенциальных лакун, семантизироваться путем использования лексических или графических средств» [3, с. 77], и выделяют следующие прагматические функции такого рода актов: контактную, дисконтактную, эмотивную, оценочную, медитативную, риторическую, ритуальную.

Ярким примером контактной функции силенциального акта в художественном тексте, заключающейся в установлении связи между его участниками, является стихотворение А. А. Фета «Молчали листья, звезды рдели...», в котором описано состояние высшей гармонии человеческого существования, когда общим настроением объединены любящие люди и окружающий мир:

Молчали листья, звезды рдели.

И в этот час

С тобой на звезды мы глядели,

Они – на нас [15, с. 42].

При осуществлении же дисконтактной функции силенциальный акт является маркером прекращения коммуникации вследствие ее заведомой безуспешности, как в знаменитом тютчевском стихотворении «Silentium!»:

Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя?

Поймет ли он, чем ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь.

Взрывая, возмутишь ключи, –

Питайся ими – и молчи [14, с. 43].

Наиболее полно в художественной литературе представлена эмотивная функция силенциального акта, когда молчание вызвано чрезмерной полнотой нахлынувших чувств и неспособностью к их вербализации. Это явление особенно характерно для романтиков. К примеру, в 1819 году В. А. Жуковский написал стихотворение «Невыразимое», продиктованное ощущением невозможности дать названия чувствам, охватывающим человека при созерцании красоты окружающего мира. «Что наш язык пред дивною природой?» – вопрошает поэт и делает закономерный вывод: «И лишь молчание понятно говорит». Буквально вторя ему, М. Ю. Лермонтов в романе «Герой нашего времени» обозначает собственную авторскую стратегию следующим образом: «Избавляю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там не были» [1, Т. IV, с.41].

Силенциальному акту в художественном произведении может отводиться главная перлокутивная роль (сродни роли речевого акта) – именно так, на наш взгляд, происходит в гоголевском

«Ревизоре». Знаменитая немая сцена выполняет здесь не только очевидную медитативную функцию, наталкивая как героев пьесы, так и зрителей на весьма серьезные размышления, но и служит важным средством оценки происходящего: «Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел посвистать или произнести: “Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!”» [5, с. 49]. Немое риторическое восклицание усиливает перлокутивный эффект финала пьесы.

Наконец, ритуальную функцию силенциального акта, утверждающую эту форму коммуникации как нормативную, иллюстрирует фрагмент стихотворения З. Гиппиус «Тише!»:

В часы неоправданного страданья

И нерешённой битвы

Нужно целомудрие молчанья

И, может быть, тихие молитвы [4, с. 32].

Таким образом, многоаспектность категории «молчание», лежащей в основе силенциального акта, требует дальнейшего изучения с опорой на междисциплинарные исследования, межнаучный синтез и интеграцию наук.

Литература

1. Богданов К. А. Очерки по антропологии молчания. Homo tacens / К.А. Богданов. СПб.: изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1998. 352 с.
2. Витгенштейн Л. Философские работы /Л. Витгенштейн. Ч.1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
3. Власова А. А., Щербак Н. Ф. Лингвистика молчания: базовые функции и функциональный потенциал силенциального акта / А. А. Власова, Н. Ф. Щербак // Таврический научный обозреватель. 2017. № 4 (21). С. 1-7.
4. Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. М.: Художественная литература, 1991.
5. Гоголь Н. В. Ревизор. М.: Дрофа Плюс, 2010.
6. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
7. Донцова М. С. Силенциальный эффект в англоязычном художественном дискурсе / М. С. Донцова, А. И. Светлова // In the beginning there was the Word: history and actual problems of philology and linguistics: Materials digest

of the XLVI International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in philological sciences. (March 28-April 02, 2013). London: IASHE, 2013. С.29-31.

8. Евсюкова Т.В., Бутенко Т.Ю. Лингвокультурология /Т.В. Евсюкова, Т.Ю. Бутенко. М.: Флинта, 2015. 480 с.

9. Конт-Спонвиль А. Философский словарь /А. Конт-Спонвиль. М.: Этерна, 2012. 752 с.

10. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений. В 4-х. т. М., 1979.

11. Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Тайны языческой Руси /Ю.В. Мизун, Ю.Г. Мизун. М.: Вече Год: 2000. 448 с.

12. Налимов В.В. Вероятностная модель языка /В.В. Налимов. М.: Наука, 1979. 303 с.

13. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания /Э. Ноэль-Нойман. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с.

14. Тютчев Ф. И. Избранные стихотворения. М.: Директ-Медиа, 2015.

15. Фет А. Воздушный город. Стихотворения 1840-1892 гг. Из поэтического наследия. Москва, 1996.

16. Фурсов В.А. Теория информации / В.А. Фурсов. Самара: изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2011. 128 с.

17. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер. М.: Республика, 1993. 447 с.

18. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы / М.Н. Эпштейн. М.: Высш. шк., 2006. 559 с.

Словари:

19. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. /Т.Ф. Ефремова. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

20. Мак-Ким Дональд К. Вестминстерский словарь теологических терминов / К. Мак-Ким Дональд. М.: Республика. 2004. 503 с.

21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1992. 944 с.

22. Словарь русского языка XI—XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука. Вып. 9: М / Акад. наук СССР, Ин-т русского языка. 1982.

23. Словарь Академии Российской в 6-ти ч. СПб: При Императорской Академїи Наукъ. Ч.4. 639 с.

24. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. (МАС) М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

25. Словарь современного русского литературного языка (БАС). М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1-17.

26. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940.

27. Живой журнал <http://xapabod.livejournal.com/84370.html>

АССОЦИАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ермекова Ж.Т.

zhannat221158@gmail.com

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)

Художественный текст – это не просто проблемное поле литературного анализа, это языковая картина мира автора, создающего особенное ассоциативное пространство. В сегодняшней конвергенции многих явлений внимание ученых обращено на так называемую «новую эпистему», *транскультурацию*, основывающуюся на культурном полилоге, в котором не происходит «полного синтеза, слияния, полного культурного перевода, где культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются, сохраняя свое право на «непрозрачность» [7, с.28]. Взаимодействие этнических культур, безусловно, влияет на взгляды, вкусы, язык, манеры индивида.

Параллельно появился и термин *транслингвальность*, предполагающий проницаемость языков, возникновение нового качества обогащенной лингвокультуры. Транслингвы способны успешно использовать языки, порою нарушая нормы и приспособлявая языковые коды к своим целям и специфичным контекстам [6, с.6].

Вопрос изучения взаимодействия национальных культур и языков народов географически транзитной территории Евразии, является одним из актуальных. Взаимодействие славянских и тюркских языков на протяжении всей истории этих народов было настолько продолжительным и интенсивным, что оставило глубокие следы не только в области лексики, фразеологии, отчасти фонетики, словообразовании и грамматике этих языков, но и, главное, в языковой картине мира, образе мышления.

Если в современной науке имеется уже немало специальных исследований, посвященных сопоставительному анализу славянских и тюркских языков, то исследований, посвященных герменевтике русскоязычных художественных текстов, созданных инофонами с множественной идентичностью, еще недостаточно, хотя

для глубокого понимания процессов развития национальных культур как, к примеру, русского и казахского народов, научные исследования представляются весьма важными.

В контексте общей тенденции исследования национального языкового сознания особое место занимает проблема национально-культурной специфики этого феномена. С расширением межэтнических контактов усиливается взаимопроникновение и взаимное влияние культур. Представляется интересным проследить, изменяется ли при этом языковое сознание, и определить речевые маркеры носителей культур.

Русскоязычные национальные писатели, транскультурные личности, обогатили свою культуру, художественную литературу, отражающую историческое развитие, устанавливающую связь времен и показывающую «нарастание нового – личностного, поскольку предметом ее стал человек с точки зрения гармонии в нем общества и природы, духа и материи, личности и целого, а методом – инструментом стал художественный образ как единство чувственного и рационального в познании. Литература транслингов «обогастила и расширила горизонты не только национальных культур, но и русской» [1, с. 55].

Именно в языке как основной части культуры закрепляется общественно-исторический опыт, общечеловеческий и национальный. Своеобразие же языка заключается в специфике когнитивной ассоциативной базы, что ведет к разнообразной структуризации мира в процессе номинации предметов и явлений, специфическим словообразовательным механизмам.

Поскольку «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, сознание человека всегда этнически обусловлено» [4, с. 20]. Перед естественными транслингами стоит проблема «определения собственного берега» [3, с. 79], невольное внутреннее противопоставление двух (казахского и русского) не родных, но близких миров. Транслинговая личность организует содержание высказывания в соответствии со своей особенной картиной. Жить поэтически на рубеже двух, а в настоящее время нескольких, культур и полиязычия – «всегда плодотворно для пишущего – а пишет он чаще на одном языке, но мироощущение его базируется на нескольких пластах – изначально

чужеродных, но именно соединяясь и сливаясь в душе поэта – они становятся и взаимопроникающими и, конечно же, взаимообогащаемыми» [3, с. 83]. Поэт пережил определенное отношение между словом и вещью и пришел в результате этого переживания к той ассоциации, содержание которой выражено в лексическом ряде наименований природного мира с этнически мотивированными морфемами. В этом проявляется специфика человеческого восприятия мира, зафиксированного в речетворческой деятельности, тексте.

Речемыслительную деятельность, особенность словообразовательной коннотации языка транслинга можно проследить в прозе современного казахстанского писателя Аслана Жаксылыкова, роман которого «распадается на куски, понятные и любителям реализма, и поклонникам фэнтези», в целом же составляющие впечатления на первый взгляд несвязных галлюцинаций, потока мысли, ощущений, переживаний, ассоциаций, постоянно перебивающих друг друга и причудливо переплетающихся подобно тому, как это происходит в сновидении [2, с. 410]. Происходят прорывы в детство героя, и в мрачное настоящее, где герой замуровал себя в городе-склепе, чтобы спастись от надвигающейся катастрофы, последствий взрывов, производящихся на полигоне в казахской степи. Роман отличается эстетическими языковыми играми, которые присущи современной литературе.

Эпоха, в которую мы живем, объективно характеризуется как эпоха «столкновения цивилизаций», роман А. Жаксылыкова, как проводник по лабиринту «апокалипсиса наших дней» [2, с. 411]. Главная идея романа «Дом суриката» – выживание в опасном, враждебном мире, выживание любой ценой, но в этом выживании герой должен быть настолько же искусен и изощрен, насколько сложен окружающий мир. Поскольку мир иллюзорен, человек должен абстрагироваться от него и создать свое особое пространство. И здесь автор обращается к образу суриката. Сурикаты – это небольшие высокоорганизованные животные из семейства мангустовых, объединяясь в колонии, населяют сухие районы пустыни Южной Африки.

Мир меняется, и опасный крен переживает национальное самосознание. Растет число безродных манкуртов, национальных маргиналов, космополитов. Сначала отторгается родной язык, потом игнорируются вековые народные обычаи. И тогда

«сурок начинает подражать крысе, пока в душе не отождествляет себя с ней, и постепенно убеждает себя в том, что он не сурикат, а крысач» [5, с. 409].

Действие происходило в джунглях, где «хаотически кочевали таборы плотоядных кустов – полуживотных, полурастений, витали зверонасекомые, таились грибы-убийцы, шустро маневрировали мохнатые пауки-охотники с ловчими сетями, самым настоящим кошмаром лесов были шерстистые осы и пчелы, а также бульдоги-муравьи» [2, с. 117].

Наблюдение за содержанием и выражением понятийных, языковых и грамматических категорий рассматривается нами как один из источников получения данных о национально-культурной специфике языкового сознания автора. Полагаем, что специфические речевые особенности творческой личности транслинга демонстрируют этнокультурную маркированность языкового сознания автора. Словообразовательные возможности отдельных лексических единиц отличаются высокой степенью продуктивности в генерации новых семантических моделей.

Так, начальный слог *джу-* в ряду новообразований *джугарный, джусойный, джубезьяны, джумуры, джугомоты, джупиры* – имеют общую сему, с одной стороны, «опасный, представляющий реальную угрозу человечеству». По всей видимости, сема связана с понятием «джунгары», ассоциирующиеся у казахского народа с главными врагами и виновниками всех бед и несчастий. Национальная историческая версия гласит, что джунгары целенаправленно занимались геноцидом казахского народа, а противостоят этому мешала феодальная междоусобица. Борьба с этим нашествием препятствовала развитию казахского государства: *Нашествие живоглотов джугарного мира было столь стремительным, жестоким и масштабным, что человеческий мир ухнул в пучинную пустоту всего за пару месяцев; Джусойя – ходячий куст с щупальцами...тварь всеядная, ненасытна, кровожадное создание...размножается с помощью спор и пыльцы...не прочь устроить шабаш прямо под окнами дома; Несомненно, гарнизон башен считал островитян зараженными джусойными вирусами, ибо никто из них не мог приблизиться к подножию небоскреба, не рискуя попасть под смертельные струи лазеров и мазеров; ... джугомоты и кабаны с разбега таранили жесть, вертлявые джумуры и джубезьяны с оголтелыми криками брали штурмом крепость, карабкаясь по стене,*

швыряя палки и камни; Джупиры – летающие существа... предпочитают пить кровь крупных животных. Отмечены случаи нападения ... на людей. Глаза в темноте светятся багровыми огоньками... Этот вид представляет реальную угрозу для людей. Читатель без особого труда расшифровывает слова, отсутствующие в толковых словарях: зурог и образуются от носорога, джугомоты – от бегемота, джумуры – от лемуры, джубезьяны – от обезьяны, а джупиры – очевидно, от вампиры.

С другой стороны, начальный слог *джу-* – не чужд казахской кочевой цивилизации и несет сему нейтральную – характерную для казахских степей и пустынь – и связанную с *джусаем*, засухоустойчивым и морозоустойчивым растением, нетребовательным к почвам, может произрастать на солончаке, хорошо растёт в тени и на освещённых участках. *Джусай* – растение, обладающее свойствами лука и чеснока. Родиной джусая считаются горные районы Китая и Монголии, откуда его распространили кочевые племена по южным районам Алтая, горам Средней Азии, Западной и Восточной Сибири. Сема «устойчивость к различным условиям» явилась, видимо, для писателя ведущей. Нейтральную сему несет также денотат *джусан* (что в казахском означает *полынь*). Степь у казаха ассоциируется исключительно со специфически резким запахом полыни, но родным, а потому родной степью.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет ряд новообразований с начальным слогом *зу-*: *Когда черная джусойная буря вслед за стадами зулонов ворвались в город, сея смертоносную пыльцу, грибки и споры...; В то время как зурог и зубры крепчайшими рогами колотили по забору, зулоны налегали всей тяжестью своих гигантских тел...; Зунтера – черная, как смола, кошка величиной с амурского тигра. С всевидящими глазами и чутким слухом, невидимая в темноте, зунтера подобна черной разящей молнии. В чаще двигается, как тень, совершенно бесшумно, подкравшись на расстоянии прыжка, атакует сокрушительно, словно летящий таран; Зубуйволы – тучные...заняты пережевыванием наркотической жвачки из джубуйных листьев...передвигаются большими стадами, мигрируя в направлении водных источников. Весьма опасны во время сезонного гона.*

Думается, би-, транслингв находит общую сему лексической единицы с созвучным этническим маркером в родном языке

и связывает в одном образе. Использование начального зу- связано с рядом лексем казахского языка, имеющих негативное значение: *Зулым* в переводе с казахского языка обозначает – 1) тиран, деспот, 2) коварный; *Залал* – «вред, убыток, ущерб»; *Зиян* – «вред, повреждение». Даже в русском языке всем этим дефинициям соответствует фонетически близкий эквивалент *зло*. В Интернете, на сайте unboard.ru, есть компьютерная игра «Зулон-дракономор», несущий смерть, лексема *зулон* используется в контексте со словом *кошмар*. Полагаем, что автор все новообразования с начальным зу- объединяет семьей «грозный, опасный, приносящий ущерб, повреждение, зло».

Все живые организмы романа А. Жаксылыкова, названные начальными слогом *джу-*, *зу-* несут в себе опасный вирус-код, способный заразить все окружающее и уничтожить цивилизацию. Однако речь идет не только об опасных испытаниях атомного оружия на казахской земле, Семипалатинском полигоне, но и сегодняшних последствиях испытаний над людьми, вынужденными жить в непосредственном соседстве с этим грозным железным драконом, где продолжают захоронения радиоактивных отходов. ИНЕТ Байконур

Вирус реальный, биологический и вирус духовный, способный убить в человеке все человеческое. Предупреждение об опасности, угрожающей современному обществу, – таков смысл использования в романе специфической ритмо-фоно-мелодической схемы с обилием зубных и шипящих фонем *джу-*, *-зу-* в тех частях коммуникативного пространства героя, которые организованы интенцией активного воздействия на адресат. Автор надеется, что только наше сознание способно регулировать взаимоотношения личности с окружающей природной и социальной действительностью, дает возможность личности осмыслить собственное бытие, внутренний духовный мир и позволяет совершать действительность в процессе общественно-практической деятельности.

Сложные слова с этноморфемами репрезентируют ассоциативное пространство, когнитивные структуры авторского сознания. Ментальная сфера автора в тексте обозначена очень ярко. Для ее вербального представления выбраны специфические языковые средства, характерные для транскультурной творческой личности. Это не просто игра слов. За фонетическим сходством слов писатель стремится увидеть внутреннюю связь – связь

языка с историей, общностью интересов, ценностей. «Поэтическая этимология, сходство звучащих слов и корней всецело захватывает современного писателя, он словно погружается в почву, в которой произрастают или произошли слова, находит их корни – соль земли, которая питает эти корни» [2, с. 82].

В заключение следует отметить, язык современного транслинга является механизмом, который способствует кодированию и трансляции родной культуры в тексте художественной литературы, где отражается национальное сознание, своеобразное осмысление действительности, актуализируются этнокультурные маркеры языкового сознания автора.

Важно то, что совмещая в произведении элементы нескольких культур, обращаясь к русскому языку как к форме создания художественного текста, писатель создает свое ассоциативное пространство, глубоко пронизанное ярко выраженной этнической спецификой. Аффиксальное словообразование в русскоязычном тексте транслинга выделяется как один из этнокультурных маркеров языкового сознания, поскольку связано с выражением основного смысла произведения.

Литература

1. Бахтикиреева, У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). – Астана: Издательство «ЦБО и МИ»: 2009. 259 с.
2. Жаксылыков А.Ж. Дом суриката. Четвертая книга романного цикла «Сны окаянных». – Алматы: Ценные бумаги: 2008. – 411 с.
3. Каирбеков Б. Два могучих крыла пегаса // Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы: материалы 1 международной научно-методической конференции. – М.: РУДН: 2008. С. 78-83
4. Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия. – М.: МГУ, 1994. 285 с.
5. Момыш-улы Б. Жаркое земное обиталище // Жаксылыков А.Ж. Дом суриката. Четвертая книга романного цикла «Сны окаянных». – Алматы: Ценные бумаги, 2008. С. 401-410
6. Прошина З.Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016, №2 (50). – С.6-9
7. Тлостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскulturации / М.В. Тлостанова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 416 с.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИОННОГО И НОВЕЙШЕГО ЗНАНИЯ

И. П. Зайцева

irinazaj91@mail.ru

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
(Витебск, Республика Беларусь)

Основы лингвистического анализа художественного текста (в том числе и основы его *изучения и преподавания*, составившие впоследствии отдельную лингвистическую, а затем и филологическую дисциплину) были заложены выдающимся русским учёным Л. В. Щербой, который, преподавая на Высших женских курсах (Бестужевских), убедился, что «молодые девушки, кончающие филологический факультет и готовящиеся стать преподавательницами русского языка, зачастую не умеют читать, понимать и ценить с художественной точки зрения русских писателей вообще и русских поэтов в частности» [13, с. 26].

Именно этот факт и стал, видимо, стимулом для написания Л. В. Щербой «Опытов лингвистического толкования стихотворений» – исследования по лингвопоэтике, вошедшего в число работ, на сегодня считающихся безусловной филологической классикой.

Интерпретируя пушкинское лирическое произведение «Воспоминание» (первый из опытов лингвистического толкования [14]), Л. В. Щерба объясняет знаки (паузы, ударения и т. д.), обосновывает целесообразность чтения стихотворения перед его анализом, а также рассматривает ритмику поэтического текста, его фонетику, морфологию, синтаксис и словарь – т. е. по сути осуществляет не *лингвистический*, а *комплексный филологический* анализ этого лирического произведения.

В 1936 году выходит в свет ещё одна концептуально значимая для становления лингвистического анализа художественного текста работа Л. В. Щербы (второй из опытов лингвистического толкования [15]), посвящённая анализу лермонтовского стихотворения «Сосна» в сравнении с его немецким прототипом – стихотворением Г. Гейне; в ней чётко формулируется цель осуществляемого лингвистического толкования (лингвистического анализа текста): «показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [15, с. 97].

Примерно в это же время, в конце 20-х годов XX-го столетия, несколько концептуально значимых положений по данному поводу – в частности, о необходимости объединить в процессе анализа художественного произведения лингвистический и литературоведческий аспекты – высказывает ещё один выдающийся русский лингвист, А. М. Пешковский, – ср. приводимое далее высказывание: «Содержание не только изучаться, но и как-либо обнаруживаться помимо формы не может. Подобное обнаружение было бы чудом, проявлением духа произведения вне его языковой оболочки» [8, с. 159–160].

Однако в дальнейшем, вплоть до 70-х годов XX-го века, в изучении произведений художественной литературы ведущим становится литературоведческий подход, и лишь В. В. Виноградов в своих работах вновь возвращается к проблеме анализа художественных произведений с позиций, учитывающих как литературоведческий, так и лингвистический аспекты.

Предложенный Л. В. Щербой подход к анализу художественного текста этот учёный определил как «имманентный», заключающийся в описании и исследовании структурных форм «имманентно избранному поэтическому сознанию, его языковой культуре»; текст с этих позиций изучается как «своеобразная структура словесных форм в их эстетической организованности» [4, с. 92].

При этом В. В. Виноградов дополняет разработанный Л. В. Щербой имманентный анализ *проекционным*, который вкратце может быть сведён к положению о том, что «произведения поэта выносятся за пределы структуры языковой личности», рассматриваются как «элементы общего литературно-языкового контекста» [4, с. 95]. Ещё ранее В. В. Виноградов приходит к убеждению, что «творчество писателя, его авторская личность, его герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нём и через него могут быть постигнуты» [5, с. 6].

Переломным событием в представлениях о том, каким должен быть анализ художественного произведения, становится введение в программу педагогических институтов (в начале 70-х годов прошлого столетия) особой дисциплины – «Лингвистический анализ текста», для изучения и преподавания которого в этот же период издаются первые пособия и методические рекомендации

(например: Купина Н. А., «Лингвистический анализ художественного текста» – М., 1980).

Название этой дисциплины в течение нескольких лет меняется, что находит отражение и в вариантах названий учебных пособий, адресованных изучающим этот учебный предмет студентам, – ср., к примеру: Фетисова А. В., «Лингвистический анализ текста» (Курск, 1972); Безруков В. И., «Лингвостилистический анализ текста. Учебное пособие к спецсеминару» (Тюмень, 1978); Новиков Л. А., «Лингвистическое толкование текста» (М., 1979) и другие.

В связи с появлением в учебных планах высшей школы предмета «Лингвистический анализ текста» («Лингвистический анализ художественного текста»), позднее – «Филологический анализ текста», во второй половине прошлого века разрабатывается множество методик анализа художественного текста, чаще всего ориентированных на произведения, относящиеся к определённому литературному роду либо жанру.

Так, широкую популярность завоевала предложенная Н. М. Шанским *методика* (метод) *лингвистического комментирования*, изложенная им в ряде работ [10; 11 и другие]. Конкретизируя предмет дисциплины «Лингвистический анализ художественного текста» и определив его как изучение языковой организации и связей средств разных уровней текста, выражающих определённое идейно-художественное содержание произведения, Н. М. Шанский предлагает перечень тех явлений, на которые следует обратить особое внимание при интерпретации словесно-художественных произведений, в особенности тех, которые «отдалены» от читателя значительным отрезком времени (поэзия XVIII-го века и под.). В этот перечень исследователь включил:

«1) устаревшие слов и обороты, т. е. лексические и фразеологические архаизмы и историзмы (особенно жёстко и внимательно должны быть проанализированы среди этих явлений, по мнению Н. М. Шанского, архаизмы семантические);

2) непонятные факты поэтической символики;

3) устаревшие и окказиональные перифразы;

4) незнакомые современному носителю русского литературного языка диалектизмы, профессионализмы, арготизмы и термины;

5) индивидуально-авторские новообразования в сфере семантики, словообразования, сочетаемости;

б) ключевые слова разбираемого текста как художественного целого с тем или иным конкретным содержанием;

7) устаревшие или ненормативные факты в области фонетики, морфологии и синтаксиса» [11, с. 54].

Н. М. Шанский настаивал, что «только после него [проведённого таким образом лингвистического комментирования. – И. З.] можно переходить к серьёзному рассмотрению идейного содержания и художественных особенностей литературного произведения в их синтетическом историко-филологическом единстве» [10, с. 61].

Весьма популярной оказалась в 70-80-е годы прошлого столетия и предложенная Л. Ф. Тарасовым [9], а затем уточнённая и дополненная рядом исследователей методика *уровневого анализа поэтического произведения* (анализ подобного характера также иногда называют *поуровневым* либо определяют как *лингвопоэтический*).

Уровневый (поуровневый) *лингвистический* (лингвопоэтический) анализ художественного (поэтического – в первую очередь) текста, может быть *полным* либо *частичным* (*неполным, фрагментарным*) [подробнее об этом см.: 1, с. 37]. Анализ подобного характера уместнее всего применять в тех случаях, когда уже при поверхностном знакомстве с поэтическим произведением ясно, какой (какие) из уровней поэтической речи участвует (участвуют) в выражении эстетической функции наиболее явно и многосторонне: именно с него (с них) и следует начинать рассмотрение художественно-эстетического своеобразия произведения словесного творчества. Как правило, таким уровнем является лексико-семантический и/или лексико-фразеологический уровень – в большинстве лирических произведений их ведущая роль в создании образности очевидна. В основе же поуровневого анализа художественного текста лежит положение о том, что составляющие лирическую структуру единицы разных текстовых уровней, реализуя присущую любому художественному произведению эстетическую функцию, способны нести эстетическую нагрузку в разной степени, поэтому между уровнями языка и уровнями поэтической речи не существует полного совпадения.

На рубеже XX–XXI-го веков, в связи с достижениями новейшего этапа филологической науки, появились и успешно реализуются новые, ранее не применяемые подходы к анализу

художественных текстов различной родо-литературной принадлежности – как, например, методы и методики недавно возникшей и активно развивающейся в современный период *коммуникативной стилистики художественного текста*: см., в частности, работы В. А. Пищальниковой [8], Н. С. Болотновой [1; 2] и др. «В связи с особыми исследовательскими задачами коммуникативная стилистика художественного текста вырабатывает свои методы (методики) анализа, которые в целом могут быть представлены тремя разновидностями: метод ассоциативного поля, «регулятивного структурирования» и метод информационно-смыслового анализа» [5, с. 228]. Приведённое высказывание подчёркивает роль коммуникативно-стилистического аспекта анализа в углублении прежде всего семантико-ассоциативного пласта художественного текста, в создании дополнительных возможностей для выявления в художественной структуре дополнительных смыслов в результате более широкого и системного охвата не только лингвистической, но и существенной части экстралингвистической информации.

На наш взгляд, включение в анализ художественного (в частности, поэтического произведения) коммуникативно-стилистического аспекта будет также способствовать более глубокому и многоплановому лингвистическому осмыслению ряда эстетических категорий, традиционно изучающихся литературоведами (таких, например, как *лирический субъект, адресат-читатель* и под.).

С развитием когнитивной лингвистики (работы В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степанова и др.) усиливается внимание к *концептуальному* анализу и в отношении к художественному тексту. В настоящее время существует несколько подходов к рассмотрению словесно-художественного произведения, в которых приоритетное внимание уделяется именно *концептуализации* вводимых в художественную структуру понятий, в том числе и концептуализации *индивидуально-авторской*, исследование которой представляет особую ценность при осознании своеобразия авторского мировидения и мировосприятия. Ср. в связи со сказанным мнение Н. С. Болотновой: «Недостаточно разработанный пока *концептуальный анализ* текста **может использоваться не только для постижения эстетического смысла текста, но и для изучения идиостиля писателя ...**

Своеобразие авторской личности проявляется как в системе характерных для него концептов (некоторые из которых становятся ключевыми), так и в средствах их репрезентации и способах приобщения к ним читателей» (выделено мною. – И. З.) [1, с. 466].

Представляется, что концептуальный анализ, помимо использования в сформулированных целях, может создать дополнительные возможности для интерпретации художественного текста ещё в одном аспекте: проведённый на материале нескольких произведений одного автора (тематически или жанрово объединённых текстов; цикла произведений либо творчества того или иного автора в целом), он позволит дополнить некоторыми элементами *языковую* концептуализацию того или иного понятия (в качестве его элемента языковой картины мира конкретного языка) – в первую очередь, конечно, за счёт расширения *образной* составляющей этого концепта.

Следовательно, на современном этапе лингвистического и в целом филологического знания подход к изучению поэтического произведения безусловно отличается выраженной *комплексностью*, с одновременным акцентированием внимания – в зависимости от исследовательских установок и ряда других факторов – на различных видах и аспектах осмысления художественного произведения, способствующих, с точки зрения интерпретатора, более глубокому постижению его сути.

Приведём пример возможного сочетания разных видов анализа при рассмотрении в русле комплексного подхода современного поэтического произведения – лирического стихотворения поэтессы Ларисы Миллер.

Лариса Миллер

Утешь меня, утешь.
Я заблудилась меж –
Меж твердью той и той,
Где вьётся золотой
И обречённый лист,
И фон осенний чист –
То золото, то медь...
И как переболеть
Всей этой маемой?
И вьётся золотой...
Я повторяюсь, да...
Осенняя вода

К дороге лист прибьёт,
Ну а пока – полёт (2003) [6].

Для адекватного постижения заложенного в лирическом стихотворении смысла, с нашей точки зрения, целесообразно провести его анализ с опорой на *несколько* из существующих методик, соответственно привлекая разные виды анализа.

Так, в частности, в безусловном **лингвистическом комментировании** нуждается такая устаревшая для современного языка лексическая единица, как слово *твердь* (обладающая к тому же и определённой стилистической маркированностью): «**ТВЕРДЬ ...Высок.** 1. Небесный свод, небо. Голубая твердь. Звёздная твердь. 2. Твёрдая поверхность земли; земля вообще. Земная твердь ...» [3, с. 1308], – оба значения которой в настоящее время не являются общеупотребительными.

Необходимо обратить внимание и на *разговорный* предлог *меж*, синонимичный современному общеупотребительному *между*, и *народно-разговорное* слово *маета*: «**МАЕТА ... Нар.-разг.** Утомительные, досадные хлопоты, мучение, беспокойство» [3, с. 513].

В дальнейшем, перейдя к **поуровневому анализу** стихотворения, внимание следует сосредоточить на участии в создании образности каждой из использованных автором групп языковых средств: *образно-лексических* (система *эпитетов* и другие тропы); участвующих в создании образности грамматических – *морфологических* и *синтаксических* (*определённо-личная* конструкция; *неполные* предложения; *риторический вопрос* и т. д.) и взаимосвязанных с ними *пунктуационных* (в частности, использование многоточий).

Помимо этих, традиционных, видов анализа, в данном случае будет, на наш взгляд, уместен и анализ **коммуникативно-стилистический**, позволяющий более отчётливо осознать и соответственно более детально и полно рассмотреть воплощённую в данном художественном произведении ипостась *лирического субъекта*.

В стихотворении Л. Миллер лирический субъект воплощён в ипостаси *лирического “я”*, закономерно «оформленном» соответствующими морфологическими средствами: местоимением *я* в разных падежных формах (*я* – дважды; *меня*); явно относящимися к *лирическому “я”* глагольными формами: *повторяюсь* (первое лицо единственного числа настоящего времени) и *заблудилась* (женский род единственного числа прошедшего времени).

В результате такого «оформления» лирическое «я» героини воспринимается как вполне очерченный субъект, «погружённый» в природную среду, с которой, впрочем, он – *меж твердью той и той* – пребывает в очевидной гармонии. Однако это всё же автономные, хотя и очень тесно взаимодействующие, образно-конкретные миры: *мир человека и мир природы*.

Подытоживая проведённые наблюдения, отметим, что на современном этапе филологического знания правомерно, на наш взгляд, говорить о существенном расширении собственно понятия *комплексный анализ художественного* (в данном случае – поэтического) *произведения*, которое, будучи дополненным видами анализа, сформировавшимися на основе новейших достижений лингвистики, скорее представляет собой *междисциплинарную интерпретацию* словесно-художественной структуры, открывающую более широкие возможности для постижения вложенного в неё эстетического смысла.

Литература

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
2. Болотнова Н.С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск, 2001. – 331 с.
3. Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.
4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. – 655 с.
5. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. – 366 с.
6. Данилевская Н. В. Методы лингвостилистического анализа // Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 221–230.
7. Миллер Лариса [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL : <https://www.stihi.ru/2011/08/03/3007>. – Дата последнего обращения : 02.02.2018.
8. Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.-Л.: Государственное издательство, 1930. – 176 с.
9. Пищальникова В. А. Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект. Барнаул, 1992. –190 с.
10. Тарасов Л. Ф. Поэтическая речь. Типологический аспект [текст]. Харьков: Вища школа, Издательство при Харьковском университете, 1976. – 139 с.

11. Шанский Н. М. Лингвистический анализ и лингвистическое комментирование художественного текста // Русский язык в школе. 1983. № 3. С. 53–62.

12. Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста. Л.: «Просвещение», Ленинградское отделение, 1984. – 266 с.

13. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. – 186 с.

14. Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. I. «Воспоминание» Пушкина // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. – С. 26–44.

15. Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с её немецким переводом // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. – С. 97–109.

АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. Ф. ПИСЕМСКОГО «ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»)

Е. В. Кравченко

kravchenco_e_v@mail.ru

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»

(Симферополь)

В современном литературоведении особое внимание уделяется проблеме автора и способам раскрытия авторской позиции в художественном тексте. Любое явление, представленное в произведении, носит отпечаток философско-эстетических воззрений его создателя. В рамках нарратологического дискурса в современный терминологический аппарат науки входит категория «авторская стратегия», раскрывающая способы реализации авторского отношения к образу героя и предполагаемого читателя и определяющая культурно-идеологическую направленность творчества автора. Являясь способом экспликации миропонимания писателя, авторская стратегия рассматривается в работе как комплекс художественных средств и приемов выражения точки зрения творца, что в конечном итоге формирует в читательском сознании образ автора.

Авторский взгляд на мир имплицитен и представляет для исследователей основную искомую величину. Вопрос о содержании

и формах проявления авторской позиции в художественном произведении начиная с 30-х годов XX века является предметом исследований виднейших ученых: М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. А. Гуковского, Л. Я. Гинзбург, Я. О. Зунделовича, Б. О. Кормана, Н. Т. Рымаря, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпы и др. Авторская позиция представляет собой концентрированно выраженный основной итог понимания писателем жизни и характеров и воплощается в произведении на двух уровнях – субъектном и внесубъектном. К субъектному уровню следует относить повествовательную (нарративную) стратегию, систему персонажей, связанную с ней поэтонимосферу. На внесубъектном уровне авторская точка зрения раскрывается в архитектонике произведения, пространственно-временных координатах и интертекстуальных связях с другими текстами.

Данная статья посвящена нарратологическому дискурсу как одному из способов реализации авторской стратегии в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море».

Роман появился в печати в 1863 году и получил негативную оценку читающей публики, увидевшей в авторе реакционера. Критика единодушно вынесла произведению обвинительный приговор: роман, оставляющий «мрачное впечатление безысходного отчаяния» [3, с. 79], характеризующий действительность односторонне и с партийной тенденциозностью [6, с. 195]; нелепый пасквиль на молодое поколение [3, с. 182]. Фактически эту же точку зрения поддерживают и развивают литературоведы XX века, усматривая в произведении лишь «фельетон, быстро и остро схватывающий злободневность» [1, с. 116]. По мнению большинства исследователей, роман резко выбивается из общего контекста творчества Писемского: отсутствуют сюжетная и композиционная целостность [4], глубокие характеры, представлен бесконечный поток бессвязных событий [1]. Рассмотренные литературоведческие работы свидетельствуют о том, что их авторами анализировались не столько художественные аспекты романа, сколько его сопричастность общественным взглядам и идеям 60-х годов XIX века. Поскольку существующие суждения о романе небесспорны, представляется актуальным проанализировать его эстетическую составляющую, отрешившись от оценочного идеологического под-

хода. Современные литературоведы предпринимают подобные попытки [2; 5], однако охватывают не все аспекты художественного целого романа.

Предпринятый нами ранее анализ романов 1840–1850-х годов [7; 8] дает основания для вывода о том, что для нарративного дискурса Писемского характерно сочетание нескольких уровней повествования: аукториального (объективная фокализация автора-творца, не связанного временными и пространственными рамками) и персонифицированного (субъективная оценка событий и героев от первого лица). Данная модель реализуется и в повествовательном плане «Взбаламученного моря», что позволяет говорить о сложности авторских художественных решений.

Повествовательная стратегия рассматривается как способ воплощения авторских интенций, направленных на формирование читательского восприятия произведения. При сопоставлении большинства отечественных теорий повествования с зарубежными (нарратологическая концепция В. Шмида) очевидна синонимичность схем коммуникативного акта, реализуемого в художественном произведении, поэтому термин *нарратор* в работе используется как синоним к категории *повествователь*.

Автор в романе «Взбаламученное море» занимает позицию вненаходимости, не комментирует события и не дает характеристик героям; его основной функцией становится воссоздание хронотопной оболочки художественного континуума.

Для характеристики эпохи, общественных нравов и героев автор использует сатирические и аналитические отступления: «обличает светское общество («Город, выбранный нами в настоящем случае, совершенно идеальный и несуществующий. Лица, в нем выведенные, тоже совершенно вымышленные, и мы только в них, по мере нашего понимания, старались выразить те явления, которые не совсем же неприсущи нашей жизни» [9]; «... господствовал откуп. Разные Ардаки, разные Эммануилы Захаровичи и разные из русских плуты, по одной роже-то каторжные, считались за гениев» [9]), показывает тяжелое положение женщины («И не одну, не двух, а сотни и тысячи мы знаем подобных тружениц-матерей, которые на своих скорбных плечах, часто под колотками и бранью, поднимают огромные семьи...» [9]), наносной характер идеалов молодежи, ее неприспособленность и неготовность к деятельному

участию в жизни («Наполеон III тем и велик, что очень мало говорит, но потом вдруг и сделает. Герой мой, напротив, тем и мал, что пока в жизни только и делал, что говорил» [9]). Повествователь мотивирует поступки персонажей расчетом, материальными устремлениями, духовной несостоятельностью. Многие отступления носят философский характер: поднимаются проблемы добра и зла, смысла человеческого существования, духовных ценностей.

Таким образом, aukториальный повествователь (термин введен в литературоведческий оборот В. И. Тюпой) воплощает картину целиком, предоставляя возможность читателю самому сделать выводы. Это точка зрения сверху, она объективна и безоценочна. Повествователь находится на границе фиктивного художественного мира произведения и реального мира, воспринимаемого автором.

В то же время персонифицированный повествователь (точка зрения изнутри) в романе стоит на позиции защитника, стремящегося привести аргументы для объяснения поступков героев («Ваш герой как ребенок поступает! – заметят мне, может быть, некоторые. А сами вы лучше, благоразумнее, накупили акций, признайтесь-ка?» [9]), он характеризует персонажей с учетом зависимости их от общественной среды (используется ретроспекция в духе «натуральной школы»), занимаемого социального положения, полученного образования и человеческих устремлений. Фокализация данного нарратора сопряжена с точкой зрения персонажей, что позволяет говорить о нем как о представителе этого общества. Повествователь находится на оси координат героев, что дает ему возможность отразить не только их внешние характеристики, но и внутреннюю сущность.

Для раскрытия характеров использован принцип прямого вторжения в текст (повествователь комментирует высказывания и чувства героев), что сообщает определенность трактовке поведения и хода мыслей персонажей. Данное переключение нарративов призвано показать героев во всей их сложности и неоднозначности. С этой целью автор также активно использует прием антитезы: красавица Софи Ленева абсолютно глуха к прекрасному, совершенно не понимает искусства, внешняя красота противопоставляется внутреннему убожеству героини; благоразумные «уче-

ные» речи Александра Бакланова постоянно расходятся с его глупыми и безнравственными поступками. Антитеза распространяется и на уровень хронотопа: в романе противопоставлены столица и провинция.

Новаторством является включение в нарративную ткань романа фигуры автобиографического повествователя: «Извиняюсь перед читателем, что для лучшего разъяснения смысла событий я, по необходимости, должен ввести самого себя в мой роман...» [9]. В романе некто Писемский, умный и ироничный, оценивает поступки героев, сопереживает изображенным лицам, осмысляет собственную литературную деятельность (писатель читает героям свою повесть «Старческий грех» и отмечает извращенное понимание и неверную трактовку ими идей своих произведений): «Около двадцати уже лет мое авторское самолюбие получает щелчки отсюда и отсюда, и все-таки я не приучил себя наблюдать, как и что вокруг меня происходит» [9]. Включение этого персонажа в систему действующих лиц романа эксплицирует авторскую позицию, выявляет стремление романиста к объективности в оценке людей и обстоятельств. Так, писатель открыто сочувствует сложному положению женщины в обществе (чтобы выжить, ей приходится изменить своей социальной и исторической роли, что приводит к потере внутренней красоты и гармонии (образ Софи Леновой)), разоблачает героев, возведенных обществом на пьедестал: «эта соль земли, эти избранные, пришедшие к общественной трапезе!.. Остроумные пустозвоны, считающие в ловкой захлестке речи всю суть дела!.. Торгаши, умеющие бесконечно пускать в ход небольшой запасец своей душевной горечи!.. Всевозможных родов возмужалые и юные свищи, всегда готовые чем вам угодно наполнить свою пустоту!..» [9]. Таким образом, автобиографический повествователь становится фокусом выражения эстетических и социальных взглядов писателя.

В рамках нарративной стратегии романа Писемский прибегает к публицистическим элементам, откликаясь на события, связанные с крымской войной («В сентябре 1853 года наш посол князь Меншиков выехал из Константинополя. Зачем и из-за чего эта война началась – в народе и в обществе никто понять не мог. <...> Несмотря на нечеловеческое самоотвержение войска, стало однако сказываться, что мы не совсем военное государство; но

зато государство совсем уж без путей сообщения... В Европе удивлялись нашим полуголодным солдатам и смеялись над генералами. С 18 февраля 1855 года Россия надела годичный траур» [9]), с отменой крепостного права («Наступило великое 19-е февраля 1861 года. <...> Доктора говорили, что в это время появилась новая болезнь, которую можно было назвать желчно-дворянской...» [9]), характеризует журналы и печатные издания 60-х годов; при этом акцентируется внимание на хронологии исторических событий и фактографичности. В текст романа инкорпорируются фрагменты газетных заметок на злободневную общественную тематику. Открыто проявленное авторское «я» становится структурообразующим элементом повествования.

Нарративная структура романа неоднородна: аукториальное повествование, обобщающее и всеобъемлющее, объективно освещающее русскую действительность середины XIX века, сопряжено с субъективной оценкой нарратора, объясняющего поступки героев действием принципа детерминизма. Множественность точек зрения (автора, повествователя, автобиографического персонажа, героев) позволяет говорить о возникновении в романе полифонии, что дает возможность многостороннего осмысления социальных, нравственных и философских проблем. Отсутствие центрального персонажа, размытая сюжетная линия, динамичное соотношение различных субъектно-речевых планов, публицистические вставки помогают писателю отобразить широкую панораму русской пореформенной действительности, коверкающей судьбы многих людей. Свою цель автор определяет следующим образом: «пусть будущий историк со вниманием и доверием прочтет наше сказание: мы представляем ему верную, хотя и не полную картину нравов нашего времени, и если в ней не отразилась вся Россия, то зато тщательно собрана вся ее ложь» [9]. Писемский изображает «взбаламученное море» общественной жизни при сломе многовековых устоев и традиций.

Анализ нарративного строя «Взбаламученного моря» позволяет сделать вывод, что роман вовсе не выбивается из координат художественной системы Писемского, а представляет собой обновленный вариант прежней формы воплощения сложных авторских раздумий о судьбах России и ее людей. Возникновение новых

художественных черт и способов реализации авторской модальности продиктовано потребностями социально-политической жизни России 60-х годов и желанием автора более глубоко и ёмко изобразить новые общественные тенденции.

Таким образом, субъектная организация романа (его нарративная структура) в своей основе выстроена согласно основным принципам повествовательного дискурса, выработанным Писемским в его более ранних произведениях. Учет сложной авторской повествовательной стратегии, избранной писателем, позволяет по-новому осмыслить его литературное наследие.

Литература

1. Аннинский Л. А. Три еретика: Об А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове-Печерском, Н.С. Лескове / Л. А. Аннинский. – М. : Книга, 1988. – 352 с.
2. Гринченко Н. О. Художественная структура романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» / Н. О. Гринченко // *Paradigm of Knowledge*. – Киев: ТК Меганом, 2015. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23736863>
3. Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы / С. А. Венгеров. – СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1907. – 492 с.
4. Еремин Н. П. А. Ф. Писемский. Выдающийся реалист / Н. П. Еремин // Писемский А. Ф. Собр. соч. : в 9 т. – Т. 1. – М. : Правда, 1959. – С. 3–52.
5. Зубков К. Ю. К вопросу о жанровой специфике романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море»: Писемский и Гоголь / К. Ю. Зубков // *Rossica Petropolitana Juniors: Сборник научных работ молодых ученых в области русистики*. – СПб., 2007. – Режим доступа: http://mir.spbu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=768:rj-04&Itemid=208
6. Иванов И. И. Писемский (Критико-биографический очерк) / И. И. Иванов. – СПб. : Изд. журн. «Мир Божий», 1898. – 226 с.
7. Кравченко Е. В. Образ повествователя в романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ» / Е. В. Кравченко // *Межкультурные коммуникации: сборник студенческих работ*. – Симферополь, 2014. – № 5. – С. 102–108.
8. Кравченко Е. В. Повествовательная структура романа А. Ф. Писемского «Боярщина» / Е. В. Кравченко // *Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей: в 2 т. – Т. 1. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 130–134. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29885890>*
9. Писемский А. Ф. Взбаламученное море / А. Ф. Писемский // Писемский А. Ф. Полн. собр. соч. : в 24 т. – Т. 9: Взбаламученное море. Ч. 1 – 3. – СПб. : Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1895. – 321 с.; Т. 10: Взбаламученное море.

ДИНАМИКА СИНТАКСИЧЕСКОГО ЗНАКА В ПОЭТИКЕ И. Л. СЕЛЬВИНСКОГО

Н. П. Курмакаева

kurmakayeva@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк

Поэтическое наследие И.Л. Сельвинского – заметное явление в русской литературе I половины XX века. Однако долгое время оно не попадало в поле зрения лингвистов. Как отмечает в своей диссертации М.С. Ястребов-Пестрицкий: «Язык и идиостиль Сельвинского практически не изучены, несмотря на то что Сельвинский неоднократно подчёркивал главенство языка и стиля в своих произведениях» [8, с.7]. В последние годы ситуация заметно меняется: появилось немало работ, посвященных манере его письма, элементам его идиостилистики, реконструкции его поэтического мира через призму лингвистического знака, анализу языка его отдельных (и не только поэтических) произведений (Р.Н. Горюнова, В.Л. Гаврилюк, И.П. Зайцева, Л.С. Пастухова, А.В. Петров, О.В. Резник, И.А. Степанова, Н.А. Туранина, И.П. Шаповалова и др.). Однако в научном сельвиноведении пока нет работ, в которых было бы представлено целостное описание поэтической системы мастера с точки зрения языка. А оно, безусловно, будет иметь значение для всех направлений лингвистической поэтики как современной науки о языке поэзии.

Поэтический язык давно определен как «функциональный язык» (по Мукаржовскому), а «художественно-языковая деятельность встала в ряд с другими функциональными использованиями языковой системы» [6, с. 12]. Для развития исследований в области лингвопоэтики считаем плодотворной высказанную О.Г. Ревзиной мысль о художественном «тексте как о деятельности» [6, с. 18], а также указание на то, что «для лингвиста важна прежде всего наличная языковая данность текста, как можно более тщательный («микроскопический», как его называл В. В. Виноградов) анализ

всех языковых уровней...» [6, с. 17]. Поэтому нас не может устраивать место в лингвопоэтическом анализе, которое отводится синтаксису («На синтаксическом уровне выявляются риторические фигуры» [2, с. 12]).

Поэтический идиостиль художника слова есть феномен особого свойства, в котором явлено индивидуально-художественное мышление о мире, сконцентрировано время создателя, дух его эпохи. Чтобы достичь целостного описания поэтического идиостиля мастера, нужно по крупицам собрать характерные свойства всех составных частей его поэтической системы, в том числе и на уровне его синтаксиса. Только тогда будут полно вскрыты принципы художественного мышления творца и убедительно реконструирована его поэтическая картина мира. И синтаксис в этой системе далеко не периферийная составляющая.

Думается, никто из специалистов не будет оспаривать мысль, что индивидуально-авторская поэтическая система Сельвинского сложна, динамична и не лишена черт экспериментаторства. Мы обратили внимание, что в ней самым неразработанным пластом остается синтаксис [3]. Одна из особенностей лингвопоэтики И.Сельвинского – это функциональный динамизм синтаксемы, иными словами, использование функционально-конструктивных (позиционных) возможностей минимальной синтаксической единицы (а не просто слова!) в канве поэтического текста.

Цель данной статьи – вскрыть и проанализировать динамику функционирования синтаксического знака в поэтической палитре И. Сельвинского с учетом разных текстовых реализаций как знака «адекватного» и «транспонированного» (в терминах С. Карцевского [1]), как актуализированного «с нарушением синтагматических цепочек» и с другими отступлениями от синтаксической нормы. За основу наблюдений взяты поэтические произведения разных лет.

Учитывая, что у языка поэзии есть своя функция – воздействующе-эстетическая, включающая установку на эмоциональное выражение, направленность на создание поэтического образа, на возбуждение воображения, порождение впечатлений, оценок и эмоций, следует понимать, что весь языковой аппарат художника слова работает в первую очередь на форму, на внешнее представ-

ление. Так, в стихотворении «Гимн женщине» обыгрывается ключевое слово *женщина* не только окружающим контекстом, но и меной синтаксической роли, что позволяет читателю почувствовать глубину смыслового наполнения имени референта, насладиться языковой игрой с ним. Вначале автор эксплицирует его в актуализированной рематической позиции подлежащего:

Но ни хищность, ни зависть, ни месть

Не сумели мне петлю сплести,

Оттого что на свете есть

Женщина.

Затем неожиданно выносит с повторами одновременно в позицию посессивного субъекта и в именную субпозицию сказуемого с оценочно-характеризующей семантикой, не только не боясь тавтологичности, но, кажется, пренебрегая ею и упиваясь ею:

А у женщины плечи – женщина,

А у женщины локоть – женщина,

А у женщины речи – женщина,

А у женщины хохот – женщина...

Ключевое слово опять в сильной рематической позиции конца и несет на себе фразовое ударение, но благодаря изменению синтаксической функции наполняется новыми смыслами.

И, наконец, автор завершает произведение, ставя ключевое слово в самую сильную текстовую позицию – позицию конца, добиваясь самого мощного его звучания, одновременно наделив его ролью обращения, что совершенно естественно и ожидаемо в жанре гимна, но инверсивно в структурном синтаксисе:

На метле или в пене морей,

Всех чудес на свете милей

Ты – убежище муки моей,

Женщина!

В лингвопоэтике со времен деятельности представителей Пражского лингвистического кружка справедливо говорят о произвольности языкового знака по отношению к означаемому. В лингвопоэтическом синтаксисе можно говорить о специфичности синтаксической реализации знака как члена неких оппозиционных отношений в составе предложения-высказывания, о его участии в динамических процессах как синтаксемы, несущей, наряду с соб-

ственно лексическими значениями, и заряд других смыслов, нередко серьезно трансформирующих исходную семантическую структуру словесного знака. На первый план выдвигается семантика, обусловленная дистрибуцией, функционально-синтаксические наложения, интенционная заданность знака в сопровождении стилистических характеристик. И игнорировать эти явления было бы неверно, да и невозможно, потому что из этого создается общее глубинное информативное пространство текста. Вот, например, три фрагмента из стихотворения «Поэзия»:

*Поэзия! Не шутки ради
Над рифмой бьешься взаперти,
Как это делают в шараде,
Чтоб только время провести...*

*Поэзия! Не ради славы,
Чью верность трудно уберечь,
Ты утверждаешь величаво
Свою взволнованную речь...*

*Поэзия! Ты — служба крови!
Так перелей в себя других
Во имя жизни и здоровья
Твоих сограждан дорогих...*

Выделенное ключевое слово занимает не новую для подобных случаев отчлененную от структуры высказывания препозицию. Однако контекст, к которому привязана синтаксема *поэзия*, не позволяет однозначно трактовать ее функцию. От строфы к строфе нарастает, но до конца не случается функционально-семантический переход из позиции именительного представления к позиции обращения, благодаря конструктивно-смысловым ограничениям, обусловленным дистрибуцией. Так, в первой строфе предикативная единица *Над рифмой бьешься взаперти* может быть отнесена и к поэзии (олицетворение), и к поэту (когнитивная метафора). Во второй тоже не очень понятно, кому адресуется фраза:

*Ты утверждаешь величаво
Свою взволнованную речь —
поэзии или ее творцу.*

В третьей строфе кажется, что всё становится на свои места: *Поэзия! Ты — служба крови!* Да, при поверхностном рассмотрении это конструкция с отчлененным обращением. Но почему в

продолжении читатель явственно ощущает направленность речи к реалиям и субъектам из окружения поэта:

*Так перелей в себя других
Во имя жизни и здоровья
Твоих сограждан дорогих ?*

Безусловно, мастер почти интуитивно «нащупал» те синтаксические формы, с помощью которых он сумел слить воедино феномены поэта и поэзии, доказав тезис не только о «произвольности языкового знака по отношению к означаемому», но и о его полифункциональности, влекущей полисемантическую, смысловую диффузность в художественном дискурсе.

Такие способности обнаруживаются у синтаксических знаков (синтаксем) в силу их динамизма, способности к транспозиции, «функциональной эквивалентности» [5]. Знак, попадающий в не свойственную его природе синтаксическую позицию, становится синкретичным, обогащается новыми смыслами, оттенками, дополнительными коннотациями. Особенно зримо это отражается в семантической структуре именных словоформ (комплексов), выдвигающихся в предикатную позицию: *Я жизнью за тебя в ответе!* («России»), где на лексическую семантику словоформы (*в чем?*) накладывается семантика синтаксической позиции (= *отвечаю*), осложненная адъективной семантикой оценочности (*какой?* = *ответственный*). Всё это микшируется в сложной смысловой структуре, дополняясь патетикой, взволнованностью. Еще подобный пример из произведения «Первый пласт»:

*Желтеет степь, и рыжеет дол –
Они во весь кругозор!*

Словосочетание *во весь кругозор*, встроенное в сильную речематическую предикатную позицию, вобрало в себя наряду с лексическим значением имени существительного семантику обстоятельства образа действия (*как?*), семантику предиката оценки (*какие?* = *необозримые, неохватные взором?*) и, вдобавок, нарастило коннотативные смыслы восхищения, удивления. Семантическая диффузия происходит благодаря позиционной вместимости знака. Одновременно синтаксема принимает на себя динамизм отсутствующего глагольного предиката.

Уместно вспомнить слова Ю.М. Лотмана, что все элементы поэтического текста «суть элементы смысловые» [4, с. 38]. Обратимся к строчкам из «Путешествия по Камчатке»:

*Стало быть, что же? Электрозавод –
Это так себе? Экспериментик?*

Акцентируем внимание на сказуемом *так себе* и его парцелированном семантико-синтаксическом аналоге. В первом случае имеем дело с семантически пустым знаком – связанным словосочетанием фразеологического типа. Его основное предназначение – быть обстоятельством образа действия (вопрос *как?* = *ни плохо, ни хорошо*) при сказуемом. Включенный в позицию сказуемого (попав в предикативный центр), компонент наполняется множественными смыслами: на лексическую семантику накладывается семантика позиции – предикативный признак (*таков*; ср.: *Электрозавод – так себе* = *ни хорош, ни плох*) и требования дистрибуции – войти в гармоничные отношения с правым партнером по контексту, т.е. уподобиться имени существительному, «примерив» на себя субстантивную роль (*это то-то* = *Электрозавод – это экспериментик*). Причем выбор разговорного по стилистической принадлежности компонента (автор иронизирует) абсолютно логично влечет за собой в том же духе информативный наполнитель-диминутив – *экспериментик*. Поставленные в один однородный ряд, *так себе* и *экспериментик* демонстрируют величину диапазона синтаксемы на уровне ее функционирования в позиционном составе предложения, а на уровне лингвопоэтики позволяют уточнять смысловые нюансы текстовых отрезков и авторские интенции в создании индивидуально-поэтической картины мира. Автор легко и красиво играет даже самым примитивным словом, приобщая его к поэтическому дискурсу. Прием применен поэтом не раз: *Граждане! Минутка прозы:/ Мы в березах ни аза!* («Граждане! Минутка прозы...»); *Там под ландкарой бубновая карта, /а всё остальное ни в зуб* («Путешествие по Камчатке») и др.

Поэтический синтаксис не менее других уровней языка участвует в организации «грамматики выразительности» (по Резвиной), усиливает внутренний фабульный динамизм и стилистическую напряженность. И этим виртуозно владеет И.Сельвинский-поэт.

Один из излюбленных приемов в его лингвопоэтике – расчленение фраз на микросостав, сегментирование и парцеллирование структуры вплоть до субъективно-оказиональных фрагментов. Так, в стихотворении «Охота на тигра», применив прием парцелляции, автор не просто в стилистических целях дробит целостную структуру на разнооформленные словосочетания, а выстраивает их в новый фрагментированный, но монолитный ряд квазиадвербиальных характеристик ухода зверя (*как? каким образом?*):

Он ушел в туман. Величавой легендой.

С красной лентой. Через плечо, –

уточняя вторую несогласованным определением (*лентой какой? – через плечо*). Каждый из парцеллятов ряда выражен «неадекватным», синкретичным, диффузным знаком. Экспрессия, как видим, достигается комплексом приемов, где важнейший – функциональная эквивалентность и парцелляция.

В моменты поэтического напряжения, взволнованности автор прибегает к приему оказионального микродробления текста. Так, описывая движение тигра во время гона, он усиливает восприятие картины через оказиональный синтаксис:

Как ему, бедному, было тяжело!

Как он, должно быть, страдал, рыча:

Иметь. Во рту. Призыв. Рогача —

И не иметь в клыках его ляжки («Охота на тигра»)

Творец таким образом привлекает внимание к каждой словоформе как отдельной ситуации, делая ее выпуклой, зримой, а саму словоформу-синтаксему не просто важной и значимой, а главной, господствующей.

Обратимся в связи с этим к поэтическому очерку И. Сельвинского «Путешествие по Камчатке», где в результате наблюдения над множеством ярких, но очень противоречивых картин из жизни полуострова автор зажигается идеей донести главный вывод из поездки в форме протокольно-патетического рапорта «секретариату ЦК»:

Вот мое резюме:

Чтобы. Все эти. Тенденции. Шаткие

Не подавать в лакировочном глянце,

Чтобы рабочий класс Камчатки

Не был «камчаткой» в рабочем классе<...>

Открыть лирические цеха,

Пафос которых заперт!

Как видим, в языке творца заключено не только знание о мире, но и свой, индивидуально-авторский, способ познания мира, средствами языка осуществляется уникальная концептуализация мира. В поэтической системе И. Сельвинского, при внимательном рассмотрении, открываются функционально-семантические возможности словоформы (комплекса) как динамического знака и тогда, когда между знаком и значением выявляется асимметризм (в духе С. Карцевского), и тогда, когда цельное именование ситуации в угоду авторским задачам разлагается на детали структуры и кванты смысла, а из квантов-пазлов собираются новые смыслы. Все детали при этом находятся в поле действия языкового эксперимента. Так рождается художественный универсум творца, в этих деталях проявляются элементы его идиостиля. И изучение поэтической синтаксистики, кажется, находится только в начале пути.

Литература

1. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85–90.
2. Корбут А.Ю. Лингвистическая поэтика: пособие для практического анализа / А.Ю. Корбут. – Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирской гос. академии образования, 2011. – 160 с.
3. Курмакаева Н.П. Асимметризм языкового знака в поэтическом синтаксисе И. Сельвинского / Н.П. Курмакаева // Вестник Крымских чтений И Л Сельвинского: Илья Сельвинский и этническое многообразие XX – XXI веков : Вып. 13 – 14: сб. науч. статей / гл. ред. С.О. Курьянов. – Белгород: КОНСТАНТА; Симферополь, 2016. – С. 311–324.
4. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю.М. Лотман. – Л.: «Просвещение», 1972. – 272 с.
5. Луцкай В. В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики / В. В. Луцкай. – Донецк: ДонНУ, 2010. – 255 с.
6. Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: дисс. в форме научного доклада ... доктора филол. наук. Специальность 10.02.01 / О.Г. Ревзина – М., МГУ, 1998. – 86 с.
7. Сельвинский И.Л. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 1–6. – М.: Худож. лит. 1973.
8. Ястребов-Пестрицкий М. С. Метафора как компонент идиостиля писателя (на материале поэтического очерка И.Л. Сельвинского «Путешествие

по Камчатке») : дисс. ... канд. филол. наук / М. С. Ястребов-Пестрицкий. – Донецк, 2016. – 190 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ЭПИЗОДА ПРЕБЫВАНИЯ НАТАШИ РОСТОВОЙ В ДЕРЕВНЕ У ДЯДЮШКИ НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Ли Сюэ

lingxinlx@yandex.com

Российский университет дружбы народов

(Москва)

Наташа Ростова – центральный женский образ в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Мы видим ее в детстве, юности, замужней женщиной в различных жизненных ситуациях. В этом образе писатель воплотил черты русского национального характера. Это видно из эпизода пребывания Наташи в деревне у дядюшки во время описания традиционной сцены отдыха русских людей (в частности, приема гостей, народного танца) в первой половине XIX века. Национально-культурная семантика языковых единиц, мастерски использованных автором, позволяет представить национальные традиции через язык, который, как зеркало национальной лингвокультуры, содержит и отражает реальность окружающего мира через «взаимосвязь» и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования... в единой системной целостности» [2, с.36]. Это также вытекает из лингвокультурного содержания языка «как формы отношения общественного, этнического и индивидуального сознания к явлениям окружающей действительности» [3, с.5].

Язык также выступает «как средство хранения культурно-исторической информации, реализуя тем самым кумулятивную функцию» [1, с.10]. То, что сохраняется в культурно-исторической информации и включает в себя явления, уникальные признаки, опыт, деятельность, традиции народа, отражается в языке того же народа. Главное свойство языка в человеческом обществе предопределяет следующую закономерность: язык человека является представителем культурного наследия и тем самым действительно выполняет роль передатчика знаний, традиций общества. Другими словами, язык может способствовать раскрытию культуры этноса.

Из содержания эпизода мы узнаем, что Наташа Ростова вместе со своим старшим братом Николаем после окончания охоты решили переночевать у дядюшки в деревне Михайловка. Дядюшка сначала угощал Ростовых домашней едой, затем стал играть на гитаре – исполнять песню и вальс, петь «свою любимую охотничью песню». Наташа Ростова даже стала плясать под песни дядюшки.

В эпизоде используется различная лексика, в том числе и слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, выполняющими экспрессивную функцию и отражающими эмоциональное состояние говорящего. Например, Наташа называет брата по имени *Николай* и *Николенька* (– *Николенька, Николенька!* – говорила она, оглядываясь на брата и как бы спрашивая его: что же это такое?).

Суффикс *-еньк* относится к уменьшительно-ласкательным суффиксам, используется для передачи близких отношений между братом и сестрой. В китайской языковой традиции также существует уменьшительно-ласкательный суффикс *儿*. Традиционно употребляется *имя+儿*, в частности, *雪儿, 悦儿*.

Кроме того, чтобы показать искреннюю дружбу между друзьями, сердечные чувства между родственниками или просто близкие отношения с другими людьми, обычно также используется обращение *小+имя*. (*小* буквально переводится как 'маленький', вместе с именем придает значение 'дорогой'). Это примерно, как фамилия, имя (фамилия, имя без отчества) у носителя китайского языка *齐美杉*. Здесь *齐* – это фамилия, *美杉* – два иероглифа означают имя. С помощью *小美杉* или *小杉* сразу показывается отношение между говорящим и слушающим. С другой стороны, без *小(сяо)*, то есть если в обращении используется только имя, то также можно передать смысл близких отношений между двумя людьми. Например, отдельное имя с двумя иероглифами *美杉* или только один иероглиф *杉*, бесспорно, могут использоваться в качестве типичных выражений для доказательства хороших отношений.

Тем не менее, встречаются случаи, когда в переведенном варианте требуется перевод имени на русский язык. Так, нередко в тексте перевод имен дается на основе произношения. Например, *Николай* и *Николенька* в китайском тексте передаются как *尼古拉* и *尼古连卡*. Это видно из сравнения трех вариантов перевода анализируемого эпизода на китайский язык [5, с.411; 6, с.1359; 7, с.59] Такое обращение имеет уже не уменьшительно-ласкательное значение «дорогой». Оно указывает, прежде всего, на другого человека.

Кроме того, если в обращении Наташи к брату *Николенька* подразумевается «брат», то в китайском языке оно чаще всего переводится словосочетанием 哥哥.

В русском языке слово «брат» в качестве обращения встречается не так часто, во всяком случае, оно используется в определенной речевой ситуации, в отличие от китайской лингвокультуры, где имеется традиция звать кого-либо без имени и отчества, а непосредственно с наименованием обращения.

Встречаются также ситуации, когда в переведенном тексте нет соответствующего слова из текста языка-оригинала, то есть нет совпадающей части по причине отсутствия соответствующего понятия, связанного с культурным фоном. Здесь речь идет о безэквивалентной лексике, тесно связанной с традицией народа, лексике, которая является «наименованием предметов и явлений традиционного быта» [1, с.40]. Например, когда Наташа готовилась слушать музыку, дядюшка «начал играть не *Барыню*, а взял один звучный, чистый аккорд». *Барыня*, как известно, русский традиционный танец. «При парном исполнении танцор и танцовщица танцуют попеременно (перепляс), как бы соревнуясь между собой. В основе танца лежал конфликт между "барыней" (помещицей) и "мужиком" (крестьянином). Танцовщица выражала величавость, а танцор — ловкость и удаль. Во время танца рефреном звучит фраза: «Барыня-барыня, сударыня барыня!» [4].

В китайской лингвокультуре форма танца «*Барыня*» отсутствует. Тем не менее, русская «*Барыня*» имеет сходство с традиционным танцем у ханьцев, уйгуров, казахов, народностей и бай. Следовательно, несмотря на то, что в китайском языке нет полного совпадающего эквивалента с русским словом, для китайцев все же не так сложно представить, понять и воспринять стиль танца *Барыня*.

Таким образом, в эпизоде пребывания Наташи Ростовой в деревне у дядюшки передается живая традиция русского народа. Несмотря на то, что в китайской лингвокультуре подобные традиции не существуют, тем не менее, имеются некоторые сходства, которые можно передать путем лингвокультурологического подхода. С другой стороны, передача лексики, в частности, русских антропонимов с уменьшительно-ласкательными суффиксами требует соответствующего лингвокультурного комментария.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании РКИ. – М.: Рус. яз., 1990. – 240 с.

2. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Теория и методы. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331с.
3. Шаклеин, В. М. Лингвокультурное содержание языка – М.: РУДН, 2015. – 176 с.
4. Барыня (танец). // [Электронный ресурс] – Режим доступа: [[http://wiki-org.ru/wiki/Барыня_\(танец\)](http://wiki-org.ru/wiki/Барыня_(танец))]. Дата обращения: 19.01.2018.
5. 战争与和平（上） [俄] 列夫.托尔斯泰（Tolstoy, L.N.）著；刘辽逸译 人民文学出版社. 1988 年
6. 战争与和平 第四卷 [俄] 列夫.托尔斯泰（Tolstoy, L.N.）著；高植译 上海译文出版社 1981 年
7. 战争与和平 [俄] 列夫.托尔斯泰（Tolstoy, L.N.）著；张捷译 译林出版社 2011 年

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ ШЕКСПИРА В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА

Е. В. Макаренко

alyar2015@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Краснодар)

Литературные пристрастия А. Блока определились в ранней юности. В июле 1897 года, заполняя анкету «Признания», шестнадцатилетний гимназист в графе «Мои любимые поэты – иностранные» поместил только одно имя – Шекспир. Спустя десять лет в краткой автобиографии поэт напишет: «Основные литературные влияния – Шекспир, Гете, Достоевский, Фет, Полонский».

Детство и отрочество будущий поэт провел «в старинной дворянской семье с литературными вкусами». Бабушка поэта, Е.Г. Бекетова, была переводчицей иностранной литературы на русский язык и отечественной на другие языки (в частности, она переводила рассказы А. П. Чехова, была с ним лично знакома), мать и её сёстры тоже были переводчицами, все писали стихи. В современных изданиях можно встретить стихи Артура Рембо в переводе А. Кублицкой-Пиоттух; в классике русского романа сохранилось имя старшей из сестер – Е. А. Бекетовой, в замужестве Красновой: на её стихотворение С. Рахманинов (!) написал известный романс «Сирень», один из лучших романсов композитора.

Выросший в окружении женщин-литераторов и деда А.Н. Бекетова, ректора Петербургского университета, ботаника (от него – любовь и знание русской природы), окончивший славяно-русское отделение филологического факультета Петербургского университета, А. Блок хорошо знал русский фольклор, отечественную и зарубежную литературу, о чем свидетельствует все его творчество – поэтическое, литературно-критическое, театральное-сценическое.

Список цитируемых А. Блоком авторов необыкновенно широк: В. Брюсов, В. Соловьев, А. Григорьев, А. Грибоедов, А. Пушкин, М. Лермонтов, Платон, Овидий, Ювенал, В. Скотт, Г. Гейне и многие другие. Но и здесь ведущая роль принадлежит Шекспиру. В письме Л. Л. Кобылинскому (Эллису) (5 марта 1907) А.Блок писал: «Замечаю, что цитирую всё Шекспира. Люблю его глубоко, и, может быть, глубже всего – во всей мировой литературе – «Макбета». Это признание поэта в любви к Шекспиру, признание «Макбета» лучшим произведением мировой литературы и определило тему предлагаемой статьи.

В творчестве Блока встречаются различные виды прецедентного феномена – прецедентное имя (*Гамлет, Офелия, Шейлок*), прецедентные тексты («*Когда я перестану любить тебя, наступит опять хаос*», «*Тоску и грусть, страданье, самый ад, Всё в красоту она преобразила*», прецедентные темы, ситуации, мотивы («*Есть в дикой роще, на краю оврага...*», «*Я – Гамлет*»).

В юношеских стихотворениях поэт часто обращается к трагедии Шекспира «Гамлет»: «*Я шел во тьме...*» (2 августа 1898), «*Есть в дикой роще, у оврага...*» (3 ноября 1898), «*Офелия в цветах, в уборе...*» (30 ноября 1898), «*Мне снова снилась ты...*» (23 декабря 1898), *Песня Офелии* (8 февраля 1899). Стихи автобиографичны, связаны они с любительским представлением отрывков из «Гамлета» в усадьбе Менделеевых Боблово. В роли Гамлета – Блок, в роли Офелии – Любовь Дмитриевна Менделеева, зрители – многочисленные родственники и крестьяне окрестных деревень, всего около двухсот человек. По воспоминаниям биографа поэта М.А. Бекетовой, «Стихи они оба произносили прекрасно, играли благородно, но в общем больше декламировали, чем играли» [1, с. 51].

Исследователи творчества А. Блока справедливо называют эти стихи вольными вариациями на темы и мотивы трагедии

Шекспира «Гамлет»: лирический герой стихов – Гамлет, героиня – Офелия, богиня красоты.

Стихотворение *«Я шел во тьме к заботам и веселью ...»* предваряется эпитафией *«Тоску и грусть, страданья, самый ад, Всё в красоту она преобразила. Гамлет»*. В первоначальном варианте были эпитафии и у стихотворения *«Есть в дикой роще, на краю оврага...»*: *«... Где я страдал, где я любил, Где сердце я похоронил...»* (источник не указан – Е.М.) и *«Офелия плела венки и пела. Королева»*.

Упомянутые стихи молодого поэта примечательны двумя особенностями. Во-первых, они свидетельствуют о сознательном включении Блоком текстов Шекспира «в свою эстетику и в свой художественный мир» [4, с. 139]. Во-вторых, уже в этих стихотворениях появляется семантическое поле концепта «страшное» [3]: *дикая роща, прохладный мрак, тьма, страданья, вечные слезы, печаль, гроб, черное перо, ты умерла, ужалила змея, тоска и грусть, ад*. Наиболее ярко эти особенности проявятся позднее в стихотворении *«Я – Гамлет»* (1914).

В первой книге стихотворений поэта (1898 – 1914) Блок обращается и к другим трагедиям Шекспира, используя прецедентные тексты в сильной позиции эпитафия. Стихотворение Блока *«О, как безумно за окном Ревет, бушует буря злая...»* полностью построено на прототексте монолога короля Лира. Первая строка монолога *«Вы, бедные, нагие несчастливцы»* используется в качестве эпитафия. Текст стихотворения воспроизводит ситуацию действия трагедии, чувства и мысли Лира, застигнутого в степи разбушевавшейся стихией, сравним: *«Мне жаль людей, лишенных крова, И сожалеенье гонит прочь – В объятья холода сырого!.. Бороться с мраком и дождем, Страдальцев участь разделяя»* (стихотворение Блока) – *«Бездомные, нагие горемыки, Где вы сейчас? Стань на место бедных, Почувствуй то, что чувствуют они»* (Шекспир «Король Лир»).

Непосредственным поводом написания стихотворения стало увлечение Блока игрой известного драматического актера В. П. Давлатова, одной из коронных ролей которого была роль короля Лира. В рукописном тексте стихотворения есть посвящение – В. П. Давлатову.

В 1900 году Блок пишет стихотворение *«Нисходит сумрак ночи бледной...»*, не вошедшее в основное сочинение. Эпитафия к

стихотворению «Ты не даешься и не исчезаешь... Так ты неуловим? Так ты доступен Одним глазам, виденье роковое!?!» претерпел существенное изменение смысла прототекста. В трагедии Шекспира «Макбет» «виденье роковое» – кинжал: «Что в воздухе я вижу пред собою? Кинжал! Схватчу его за рукоять. – А, ты не дался! Но тебя я вижу! Иль ты, зловецкий призрак, только взору доступен, А не руке?». В стихотворении Блока «виденье роковое» – это «Какой-то образ, лик победный..., забытый бледный лик..., нежный, милый». Но он тоже неуловим, он «манит, скользит». Источник эпиграфа поэт не указывает. Очевидно, автор предполагает, что читатель хорошо знаком с трагедиями Шекспира. К сожалению, Блок ошибался. Так, составители собрания сочинений А. Блока в восьми томах источником эпиграфа назвали не трагедию «Макбет», а трагедию «Гамлет» [1, с. 661].

Только хорошо знающий текст трагедии «Гамлет» читатель может соотнести строчку «Ты роешься, подземный крот!» в стихотворении «Я ухо приложил к земле...» со словами Гамлета «Так, старый крот! Как ты проворно роешь! Отличный землекоп!». Случайно или с «тайным смыслом» присутствует фраза в тексте стихотворения – однозначно ответить трудно: она настолько органично вписалась в текст, что искать в ней отголоски шекспировских мотивов представляется несколько надуманным. Вторая книга стихотворений поэта (1904–1908) открывается циклом (разделом) «Пузыри земли» (1904–1905). Название цикла и эпиграф к нему «Земля, как и вода, содержит газы, И это были пузыри земли. Макбет» взяты из Шекспира. В этой же книге стихов в цикл «Фаина» включено стихотворение «Она пришла с мороза...», в котором есть строки: «Впрочем, она захотела, Чтобы я читал ей вслух «Макбета», Едва дойдя до **пузырей земли** (выделено Блоком – Е.М.), О которых я не могу говорить без волнения, Я заметил, что она тоже волнуется...). Упоминаются «пузыри земли» и в статье «О театре» (1908).

В трагедии Шекспира «пузыри земли» – это ведьмы, полуосажаемые, мрачные причудливые создания, злорадствующие, провоцирующие героя на преступление – «Заклятье готово: погибнет герой». В поэзии Блока понятие «пузыри земли» переосмысливается, наполняется новым авторским содержанием, соответствующим рус-

ской национально-культурной традиции: это безобидные добродушные существа – «болотные чертенятки, дурачки, нежить, немочь вод», «...зеленые, крепкие, малые, Твари милые, небывалые».

Созданные народно-поэтическим воображением, эти существа соприкасаются с реальным миром, у них даже есть представление о своей, но подобной православной религии: «Ты прости нас, старушка ты божия, Не бери нас в Святые места, Мы и здесь лобызаем подножия Своего, полевого Христа». Маленький болотный поппик тихонько молится: «Душа моя рада Всякому гаду И всякому зверю И о всякой вере». (См. подробно об этом [5]).

По результатам наших наблюдений можно сделать вывод о том, что А. Блок, включая в свои произведения тексты Шекспира, чаще всего изменяет их информативно-смысловое содержание, добавляя к нему новые авторские элементы. Такое трансформирование прецедентного текста можно рассматривать как одну из особенностей идиостиля поэта.

Обращение к текстам английского драматурга в творчестве русского поэта, их переосмысление в соответствии с национальной традицией позволяет включить их как вторичные тексты в прецедентный фонд отечественной культуры.

Литература

1. Бекетова М. А. Воспоминания о Блоке. М.: Правда, 1990. – 670 с.
2. Блок А. Собр. Соч.: В 8 т. Т. 1. М. – Л., 1960. – 715 с.
3. Бурков И. А. Блоковский концепт «страшное» в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб.: Пушкинский дом, 2016. – 415 с.
4. Приходько И. С. Шекспир Александра Блока // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. – С. 139-145.
5. Февралева О. В. «Пузыри земли»: природное и человеческое у Шекспира и А. Блока // Шекспировские чтения. – М., 2006. – 2004. – С. 268-274.

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ «ЭКСКЛЮЗИВНОЙ НОВОЙ КЛАССИКИ» (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ И ПОВЕСТЕЙ Л. УЛИЦКОЙ)

Е. Е. Машкова

lebed_ekaterina@bk.ru

Крымский инженерно-педагогический университет
(Симферополь)

Творчество Людмилы Улицкой все чаще относят к «эксклюзивной новой классике». Показателен в этом отношении одноименный проект Елены Шубиной московского «Издательства АСТ». Крымскую сагу Л. Улицкой «Медея и ее дети» называют «одним из самых интересных опытов построения нового “семейного романа”», определенно проводя параллели с «мыслью семейной» в наследии XIX века [6, с. 4].

В русской классической литературе писатель традиционно выступал в роли пророка, проводника духовных истин: «...начиная с пушкинской эпохи, русская культура была литературоцентрична», «словесность <...> формировала национальный тип сознания, манеру мыслить и чувствовать. <...> Писатель <...> принял на себя право бичевать недостатки и просвещать сердца соотечественников, указывать путь к истине...» [3, с. 628].

Современная же проза, напротив, попадая в поле действия постмодернистской эстетики, декларирует «смерть автора»: литератор сегодня сознательно уходит от роли «учителя жизни» [там же]. Действует ли этот принцип в произведениях писателей, признанных современными классиками, или реноме классика новой литературы подразумевает отказ от *центонности* текста и *выявляемость* идейного посыла его создателя?

Анализ повестей Л. Улицкой «Сквозная линия», «Веселые похороны», романа «Медея и ее дети» обозначает подступы к этой проблеме и прорисовывает новые штрихи в творческом портрете писательницы.

Как известно, обращение к творчеству современника таит в себе неоспоримую привилегию – возможность обратиться с вопросом напрямую к автору. «...Мир очень разнообразен и не живет по единому закону», – утверждает Л. Улицкая в беседах с журналистами и литературными критиками [2, с. 73]. Постмодернистский

идейный и идеологический плюрализм получает в ее интервью философское обоснование. В повести «Веселые похороны» о главном герое – смертельно больном художнике-эмигранте Алике – сказано: «Он никогда не чувствовал необходимости принимать чью-то сторону, он стоял на своей собственной стороне, и это место позволяло ему любить всех равно» [4, с. 177]. Думается, в этом – кредо самой писательницы. Проза Л. Улицкой проникнута идеей приятия жизни – разноцветной, разношерстной, разномастной – приятии равно отстраненном, а порой и равно ироничном.

Во всех произведениях Л. Улицкой действует единый закон – не нарушения гармоничного, естественного хода Мирового Времени, Вселенской Истории. Современность и наполняющие ее события проецируются в вечность – и именно сопричастность, со-ритмичность вековому потоку определяет истинную ценность личности, народа, эпохи.

Пространство, вмещающее в себя вечное время, в космогонии писательницы становится надвременным, а значит, идеальным. Таков Крым в романе «Медея и ее дети». Это земля, где все: «плавное движение гор, ритмические вздохи моря, протекание облаков <...> и обширное внятное течение теплого воздуха <...> – все рождает совершенный покой» [6, с. 80]. Это вечные скалы и вечное море – топос, в котором перестает ощущаться время. Именно поэтому действие в «крымских» произведениях Л. Улицкой протекает не в курортный сезон, а, как правило, в апреле-мае, – еще одна возможность вырваться из обыденного календарного круга. В эту пору года, когда «после февральских дождей и мартовских ветров появлялась из-под земли крымская весна в лиловом цветении глициний, розовых тамарисков и китайски желтого дрека» [6, с. 10], когда «утра были такие ясные и чистые» [5, с. 11], героям открывается иной Крым – здесь не спрятаться от себя в шумной курортной суতোлке толпы. Есть ты – и расплескавшаяся у твоих ног вечность.

Цивилизации, формации, народы, которые сумели не нарушить естественный ход Вселенской Истории, отдавая себя этой вечной крымской земле, которую любишь, «как можно любить лицо матери или тело жены, – наизусть, с закрытыми глазами, навсегда» [6, с. 20, 23], поэтизируются Л. Улицкой. Это древние греки (неслучайно Медея, в девичестве Синопли, – потомок древнего греческого рода). Это издревле живущие здесь татары (крымская земля

– «скифская, греческая, татарская» [6, с. 20]). Это и дореволюционная русская интеллигенция, не утратившая дара созерцания бытия, восприятия, переживания прекрасного, даже на уровне повседневности, быта.

Напротив, большевики, вторгнувшиеся в Историю, вообще номенклатурная, партийная, бюрократическая система, насильственно разрушившая вековой уклад жизни, – тот редкий для Л. Улицкой случай, когда авторская оценка прозрачна – и однозначно негативна: «...в сорок седьмом <...> пришло повеление вырубить здешние ореховые рощи, татарами посаженные. <...> пришли *дурни* (Здесь и далее курсив наш. – *Е. М.*) и срубили чудесные деревья, не дав и урожая снять. Так и лежали эти убитые деревья, все ветви в недозрелых плодах, вдоль дороги. А потом пришел приказ их пожечь. <...> мы сидели и плакали, глядя на этот *варварский* костер»; крымская земля «стала совхозной», «медленно *вымирала от бездарности* хозяев» [6, с. 14, 20].

Естественным проводником человеческой энергии во времени для Л. Улицкой становится род, семья. Семья в произведениях писательницы – это большая общность людей: семья должна быть «столь благословенна велика», чтобы, как в доме Медеи, «обед варили в котлах, мариновали баклажаны в бочках, а на крышах пудами сушили фрукты» [6, с. 9]. Это несколько поколений, не тяготящих и не тяготящихся друг другом. «Господи, какие же нормальные человеческие отношения, никто ничего друг от друга не требует, даже дети», – про себя восклицает Нора, невольно вспоминая о своей маме, о «ее постоянных плаксивых требованиях, ультиматумах, настоятельных советах и рекомендациях» [6, с. 93]. «...Все дело в том, что детям у них отводилась определенная часть жизни, но не вся жизнь», – поясняет в романе повествователь [6, с. 91].

«Большая семья» – это невидимые нити, это естественное притяжение друг к другу и к некому единому духовному центру. В романе именно Медея притягивает «это разноплеменное множество» многочисленных племянников и внучатых племянниц [6, с. 55].

Если есть такой духовный центр, «большой семьей» в художественном мире Л. Улицкой могут стать даже случайные люди, не связанные кровным родством. В повести «Веселые похороны»

в доме Алика всегда был «проходной двор»: «Толпились с утра до ночи, и на ночь непременно точно кто-то оставался» [4, с. 8]. Перед уходом Алик остро чувствовал, что при всей внешней разрозненности его близкие, друзья, гости «были обращены к нему»; «он знал сейчас, что не было у него в жизни ничего лучше этих бессмысленных застолий, когда пришедшие к нему в дом люди объединялись вином, весельем и добрым отношением к этой самой мастерской, где и стола-то настоящего не было – клали ободранную столешницу на козлы» [4, с. 113]. Алик был внимателен к миру – и мир отвечал ему благодарностью.

В повести «Сквозная линия» «все дело было в Айрин: куда ехала она, там вокруг нее тотчас образовывалась толпа, колхоз и фейерверк» [5, с. 48].

А в рассказе «Второе лицо», напротив, у стареющего коллекционера антиквариата Евгения Николаевича при огромном множестве родственников семьи нет: нет естественного притяжения, тех самых невидимых ниточек – есть «безмозглые претенденты на его имущество» [5, с. 181].

Род – проекция человека в вечность. Л. Улицкая поэтизирует эту «взаимную тягу» полов, «движение душ и тел» [6, с. 97]. Очевидна здесь и дань постмодернизму: налицо эрос, грубый и кричащий. Едва ли не каждое произведение писательницы можно назвать по аналогии с очерками натуральной школы – «физиологией тела». Из животных инстинктов (человек, по Л. Улицкой, «никуда не деться, такое же животное, как кошка, собака и обезьяна» [2, с. 73]) у ее героев порой вырастает подобие чувства. Истории Бутонова и Маши в «Медее и ее детях», Евгения Николаевича и Лены во «Втором лице», Валентины и парагвайца в «Веселых похоронах» как будто говорят читателю: так бывает, такова природа, никуда от этого не деться.

Инстинкт продолжения рода и собственно род, семья в прозе писательницы – категории не обязательно взаимосвязанные. Слова «семья» и «верность» здесь далеко не синонимы. В повести «Сквозная линия» констатируется: «...вторые браки оказывались крепче первых, а третьи – совсем похожи на настоящие» [5, с. 48]. В интервью Л. Улицкая говорит об этом еще определеннее: «В наше время демографы наблюдают все больше людей, которые не вступают в брак, обходятся недолгими <...> связями, и даже среди

людей семейных все чаще мы встречаем child-free <...> *Давайте не будем нервничать по этому поводу.* В конце концов, одно из преимуществ нашего времени – именно жить, не вступая в брак и не вызывая при этом общественного негодования. Мы живем в переходном времени, когда многие установки, правила и даже законы меняются несколько раз за время жизни одного поколения. Это интересно, но требует внимательного отношения к жизни и ее новым вызовам» [2, с. 73].

Свободным связям и многочисленным изменам героев не дается оценок – традиционная мораль тут не работает. Возможно, потому, что нравственные устои так или иначе соотносятся с догматами религии, а вопросы религии и веры, не раз и не два поднимаемые героями произведений писательницы, остаются в них открытыми.

Религиозная тема для Л. Улицкой не сакральна: и здесь оказывается допустима ирония. Она может быть едва уловимой (Медея «бормотала коротенькое утреннее правило из совершенно *стершихся* молитвенных слов, которые, невзирая на их *изношенность*, неведомым образом помогали ей в том, о чем она просила» [6, с. 44]). Или, как в рассказе «Второе лицо», где певчие и кутья на похоронах Евгения Николаевича именуются «православными примочками» [5, с. 219], доходить до цинизма. Православие, католицизм, иудаизм, ислам, даосизм в текстах писательницы сосуществуют на равных правах, очевидно, подчиняясь все тому же авторскому принципу идейного и идеологического плюрализма и выполняя схожую функцию – примирить человека и Вечность. Неслучайно в произведениях Л. Улицкой так много смертей-нетрагедий – переходов в иное качество жизни. Когда отпевали внучатую племянницу Медеи Машу, «певчие запели слова, лучшие из всех, сложенных для *земного* расставания», «все ясно чувствовали, что в этом горьком и невнятном пении содержится смысл больший, чем может вместить в себя даже самый мудрый из людей» [6, с. 343].

Говоря о тенденциях в литературе последних десятилетий, исследователи сопоставляют современность и 20-е годы XX века. Тогда критики нередко упрекали литераторов в том, что их идеологическая позиция заявлена в текстах так неявно, что «узнать, во что “верует” сам писатель <...> из его произведений невозможно»

[1, с. 258]. С определенной долей условности это применимо и к творчеству Л. Улицкой. Можно ли отнести прозу писательницы к новой русской классике? Нет. А если исходить из заветов пушкинского «Пророка», да. Если понимать под *классическим* не столько образцовое, сколько *показательное* современное искусство, эклектически сочетающее реалистическое письмо с постмодернистской эстетикой.

Литература

1. Афанасьев Е. Глеб Алексеев. Свет трех окон // Красная новь. 1928. Кн. 11. – С. 256-258.
2. Женщина сегодня // Домашний Очаг. 2018. № 3. – С. 73–78.
3. История русской литературы XX века : в 2 ч. : Ч. 2 : учебник для бакалавров / В. А. Агеносов, К. Н. Анкудинов, А. Ю. Большакова [и др.] ; под общ. ред. В. В. Агеносова. М. : Юрайт, 2015. – 687 с.
4. Улицкая Л. Веселые похороны. М. : Эксмо, 2009. – 288 с.
5. Улицкая Л. Второе лицо. М. : Эксмо, 2002. – 224 с.
6. Улицкая Л. Е. Медя и ее дети. М. : Изд-во АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. – 352 с.

СИМВОЛИКА ЦВЕТОВЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧИННО- СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

С.Л. Михеева

mikhsveta@rambler.ru

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева»
(Чебоксары)

Исследованию роли цветообозначений в художественном тексте посвящено большое количество работ (см. в частности [2], [4], [8]). В данной статье речь идет о роли цветowych прилагательных в создании причинно-следственного континуума в художественном тексте, без чего сложно представить его существование [7]. Важно именно символическое значение цвета, который сопровождает человека во всей его жизнедеятельности [1]. «Символ понимается нами как итог смыслового развития знака в культуре; мы видим сущность символа не в обозначении, а в **символическом**

отношении к реальности и, тем самым, в преодолении смысловой определенности знака. Символы как знаки культуры представляют собой знаковые постоянные (константы), или особого рода устойчивые образы, в структуре которых предметный образ и глубинный смысл находятся в тесной взаимосвязи. **Символы – это знаки, избранные в процессе мировосприятия и осознания мира для устойчивого, регулярного воплощения в них ценностного содержания культуры, ее основных категорий, ее смыслов»** (выделено автором – [5, с. 211]).

Цветовое прилагательное является в художественном тексте одним из средств выражения каузальных отношений, становясь маркером перемены, поворота в сюжетной линии текста. Символика цвета играет в этом значимую роль. Благодаря ей изображаемые события, характеры, художественные образы получают ту или иную оценку, которая, с одной стороны, определяет авторское видение и отношение к изображаемому; с другой – определяет ценностную ориентацию персонажа.

Оппозиция *белый / черный* относится к числу архетипических, основополагающих в системе представлений об устройстве мира [5, с. 149]; [9, с. 5-6]. Большое количество фразеологизированных выражений, в состав которых входят названные цветовые прилагательные, может свидетельствовать об их особой значимости для аксиологической шкалы: *черная тоска, оставить на черный день, черный юмор, черная магия, черная зависть, черный рынок, черный нал* и др.; *белый свет, белая магия, белая ворона, белые воротнички* и др.

Значим не столько сам цветовой признак в ряду других цветов, сколько его символическая семантика. Противопоставление *белого* и *черного* является производным всеобъемлющей оппозиции *света* и *тьмы*, восходящей к идее противостояния божественного, светлого, и противоположного ему начала мира и человека. Соответственно тематическая группа *свет – светлый – белый* оказывается на положительном полюсе аксиологической шкалы; *тьма – темный – черный* – это отрицательная часть шкалы [3, с. 533 – 534].

Естественно полагать, что при разворачивании информационных и смысловых пластов текста, особенно художественного, символическое значение цветового прилагательного становится

особым средством выражения причинно-следственных отношений. Примечателен в этом отношении следующий фрагмент: *Есть люди,двигающиеся в **черном** кольце губительных совпадений. Присутствие их тоскливо; их речи звучат предчувствиями; их близость навлекает несчастья. Есть также выражения, обиходные между нами, но определяющие другой, **светлый** разряд душ. «Легкий человек», «легкая рука» – слышим мы* (А. Грин. Корабли в Лиссе). В контексте рассказа авторские характеристики *черного* и *светлого* напрямую соотнесены с символическими значениями отмеченных прилагательных: *черный* – несчастья; *светлый* – *легкий человек*. Таким человеком в рассказе является лоцман Битт-Бой: *«Битт-Бой, приносящий счастье»* – под этим именем знали его *езде, где он бывал и работал* (А. Грин. Корабли в Лиссе). Такого прозвища он удостоен за почти сверхъестественную, мистическую удачливость в своем деле, из-за чего капитаны судов стремятся заполучить Битт-Боя на свой корабль, чтобы благополучно выбраться из гавани в открытое море, минуя сторожевые суда и опасные рифы.

Прилагательное во многих случаях становится композиционно-смысловой доминантой объемного текстового фрагмента. Его появление в контексте оказывается маркером переключения информации, перспективной точкой отсчета, ориентирующей читателя на некий поворот в сюжетной линии, причем этот поворот получает, благодаря символической семантике прилагательного, ту или иную оценку: – *Черную* игрушку я сделал, Ассоль, – спи! <...> *Случай с Меннерсом закрепил ранее неполное отчуждение. Став полным, оно вызвало прочную взаимную неприязнь, тень которой пала и на Ассоль* (А. Грин. Алые паруса). «Черная игрушка» – это месть матроса Лонгрэна, отца Ассоль, за гибель своей жены; это «левосторонний» контекст, или ретроспекция в текстовой информации. Следствие «черной игрушки» – превращение Лонгрэна и его дочери в изгоев, неприятие их жителями поселка, о чем сообщается в последующем повествовании.

Еще один подобный пример: *В это время случилось событие загадочное, оставившее **черную** тень на всей дальнейшей жизни Кипренского* (К.Г. Паустовский. Орест Кипренский). Событие это – гибель натурщицы Кипренского, в которой обвинили самого художника. Следует попутно отметить контрастное построение всей

повести о Кипренском, где автор противопоставляет два периода жизни и творчества художника, буквально живописуя цветовой гаммой «светлую» пору – период расцвета и «тусклый» закат жизни.

Символическое значение в контексте может получить импульс для развития: *Солнце и **черный** цвет несовместимы. **Черный** цвет – это не краска, это труп краски. Левитан признавал это и после поездки в Крым решил изгнать со своих холстов **темные** тона. Правда, это не всегда ему удавалось. Так началась длившаяся много лет борьба за **свет*** (К.Г. Паустовский. Исаак Левитан). Как и в предыдущих примерах, данный фрагмент является композиционно-смысловым поворотом в изображении эволюции творчества художника, которая связана с изменением отношения к цветовой гамме, с осмыслением особой роли цвета, в данном случае черного – от восприятия его как собственно цвета к символизации его смысла в произведении (*Солнце и **черный** цвет несовместимы; **Черный** цвет – это не краска, это труп краски*). Открытым для читателя остается вопрос, кому принадлежат эти оценочные суждения – художнику Левитану или писателю Паустовскому. Однако независимо от этого, фрагмент становится одним из фокусов формирования причинно-следственной обусловленности текстового содержания. На протяжении последующего повествования лейтмотивом становится изменение колористики в картинах Левитана.

Во многих случаях символическое со-значение в семантике цветового прилагательного развивается в позиции заголовка – названия текста. Следует отметить несколько значимых моментов: 1) в заголовок выносится слово, уже обладающее устойчивой символической или эмотивно-оценочной коннотацией – в этом случае текстовая информация развивает потенциал слова, читательские ожидания получают подтверждение (ср.: М.М. Пришвин «Белая радуга» – история непростого, но результативного обучения охотничьей собаки; К.Г. Паустовский «Белая радуга» – рассказ о судьбоносной встрече двух людей; А.П. Чехов «Черный монах»; А. Грин «Зеленая лампа»; М. Булгаков «Белая гвардия» и т.п.); 2) вынесенное в заголовок словосочетание отличается нестандартной, непривычной сочетаемостью, что служит в дальнейшем основой метафорического и символического осмысления всего художественного образа, стоящего за названием произведения (ср.: А.

Грин «Алые паруса»; Л. Андреев «Красный смех»; М. Булгаков «Красная корона», «Багровый остров»; Ч. Айтматов «Белый пароход» и т.п.). Эти иллюстрации могут служить подтверждением высказывания Ю.М. Лотмана: «<...> смысловые потенции символа всегда шире их данной реализации: связи, в которые вступает символ с помощью своего выражения с тем или иным семиотическим окружением, не исчерпывают всех его смысловых валентностей. Это и образует тот смысловой резерв, с помощью которого символ может вступать в неожиданные связи, меняя свою сущность и деформируя непредвиденным образом текстовое окружение» [6, с. 150].

Исследование роли цветочных прилагательных в структурировании смысла художественного текста позволяет сделать вывод об их специфической роли в формировании причинно-следственных связей, которые опираются на устойчивую символику цветообозначений.

Литература

1. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. – С. 231 – 290.
2. Горчица В. Профиль белого и черного в поэзии Марины Цветаевой // Русский язык за рубежом. 2003. № 2. – С. 82 – 90.
3. Димитриева О.А., Михеева С.Л. Метафорическое моделирование нравственности в труде Г.Н. Волкова «Педагогика любви» // Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня рождения академика Г.Н. Волкова. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. – С. 531 – 535.
4. Климовских Ю. А. Цветообозначения как способ семантической интерпретации психологических деталей в описании портрета в произведениях О. Уайльда // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 3. – С. 108 – 112.
5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
7. Михеева С.Л. Причинно-следственный континуум в художественном тексте // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф. (Казань, 31 окт. – 3 нояб. 2016 г.): в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. Т. 2. – С. 218 – 223.

8. Селюнина О.А. Белое и черное в рассказе Бориса Акунина «Сигумо» // Научный диалог. 2018. № 2. – С. 149 – 158.

9. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. – 207 с.

**КОМПОНЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
ИВАНА БЕЗДОМНОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»)**

М.Н. Панчехина

mpanchehina@gmail.com

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецк)

Цель данного исследования состоит в том, чтобы проследить этапы формирования языковой личности героя литературного произведения – Ивана Бездомного в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Согласно Ю.Н. Караулову, под языковой личностью понимается «...любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира)» [1, с. 671].

Чтобы обозначить языковую картину мира булгаковского героя, адекватно интерпретировать специфику его речевого поведения, целесообразно рассмотреть те ключевые эпизоды, в которых, во-первых, содержится оценка Бездомного повествователем, а во-вторых, сам герой предпринимает попытку идентифицировать себя как языковую личность.

Персонификация героя происходит уже в первой главе – поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом Бездомный. Несмотря на то, что основной род деятельности Бездомного связан с литературой – поэт, автор антирелигиозной поэмы о Христе, его речь не индивидуализирована, напротив, реплики героя представляют собой набор штампов, типичных для советской эпохи. Ярче всего это прослеживается в эпизоде встречи с Воландом и свитой: – Вот что, Миша, – зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону, – он никакой не интурист, а шпион; Вы – убийца и

шпион! Документы! – яростно крикнул Иван; Иностраннный консультант, профессор и *шпион!* – озираясь, отозвался Иван и т.д.

Исследователь Т.А. Стойкова отмечает, что смысловой центр языковой картины мира булгаковского героя представлен следующими идеологемами: «интеллигент, кулачок, вредитель, русский эмигрант, злодейская шайка и т.д. В семантической структуре этих идеологем содержится инвариантная сема «чужой», которая реализуется в вариантах «непролетарский» (интеллигент), «эксплуатирующий» (кулачок), «контрреволюционный» (вредитель)» [2, с.80]. Принцип типизации речи героя, в связи с чем и его поведение можно обозначить как типичное при встрече советского гражданина с иностранцем, обнаруживает в самой модели языковой личности Бездомного черты «совокупной языковой личности этносоциума» (термин А.А. Ворожбитовой).

Процесс индивидуализации речи Бездомного происходит ситуативно, причем он связан с нарушением установленных этикетных норм поведения.

Задира-поэт, как характеризует его повествователь, использует в речи слова со сниженной стилистической окраской, чертыхания, он прямолинеен и не склонен к построению витиеватых конструкций (ср.: – *Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!*). Манера речевого поведения Бездомного дана по контрасту с языковым поведением Воланда, который соблюдает этикетные формы. Исследователь Т.А. Стойкова, стремясь обозначить принципы коммуникации Бездомного с другими героями, пишет о том, что речь Ивана граничит с «наступательностью, переходящей в агрессию» [2, с. 83].

На наш взгляд, указанный тип поведения трансформирует форму этикетных речевых жанров. Так, например, просьба видоизменяется до приказа: *Уж ты мне верь; Слушайте меня все! Ловите его немедленно.*

Жанр извинения, хотя и присутствует в речи героя, маркирован разговорной стилистикой: – *Я извиняюсь, – сказал он, и лицо его потемнело, – вы не можете подождать минутку? Я хочу товарищу пару слов сказать.*

То же самое можно отметить относительно жанра приветствия и его подчеркнуто сниженной стилистической маркировки:

– *Здорово, вредитель!* – злобно и громко ответил Иван; *Здорово, други!*

Отказ от стереотипных устойчивых высказываний с нейтральной лексикой, которая подразумевается этикетной формой, является примером индивидуализации речи героя, его узнаваемой портретной характеристикой.

Изменение языкового поведения Бездомного происходит после встречи с мастером (главы «Раздвоение Ивана», «Явление героя»). Разделение Ивана на «старого», «ветхого» и «нового» подразумевает соответствующие изменения и в структуре его языковой личности. От разговорной и сниженной стилистики он переходит к речи книжной, приподнятой, на что влияют беседы с мастером и манера повествования учителя.

В начале ученичества Бездомный впервые обращается к такому речевому жанру, как клятва: – *Обещаю и клянусь!* – торжественно произнес Иван. Из контекста романа следует, что клятва представляет собой отказ от сочинения стихотворений, которые определяются самим Бездомным как «чудовищные». Клятва как речевой жанр с отречением от сочинительства на злобу дня имеет решающее значение для самоидентификации Ивана как языковой личности. Процесс формирования картины мира «нового» Ивана отражается в рефлексии на клятву: *Я ведь слово свое сдержу, стишков больше писать не буду. Меня другое теперь интересует, < > я другое хочу написать. Я тут пока лежал, знаете ли, очень многое понял.*

О новой языковой картине мира свидетельствует включение и другого речевого жанра, ранее не встречавшегося в речи героя, – это мольба. Если «старый» Иван в начале романа активно использует чертыхания, что коррелирует с идеологией атеизма, то в речи «нового» Ивана прослеживаются вкрапления, близкие к молитвенным восклицаниям: *О боги, как он лжет!; Боги, боги!* – начнет шептать Иван Николаевич; – *Скажите мне, а что было дальше с Иешуа и Пилатом,* – попросил Иван, – *умоляю, я хочу знать.*

Итак, языковой портрет булгаковского героя меняется на протяжении всего повествования, что отражается в отказе от сниженных, просторечных высказываний, императивов, в пользу книжной речи, включающей фидеистические жанры. Новый тип коммуникативного поведения связан с мотивом ученичества, он

обозначает новую социальную роль героя: от пролетарского поэта Ивана Бездомного – к сотруднику Института истории и философии профессору Ивану Николаевичу Поньреву.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дрофа, 1997. – 721 с.
2. Стойкова Т.А. Слово персонажа в мире автора: Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 150 с.

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ *БЕЛЫЙ*, *БЛЕДНЫЙ* В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ВРАГИ»

Е. А. Пономаренко

altai2005@yandex.ru

ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»
Медицинская академия имени С.И. Георгиевского
(Симферополь)

Несмотря на то, что литературное наследие А.П. Чехова достаточно обстоятельно и всесторонне исследовано, в отечественной и зарубежной науке появляются работы, в которых переосмысливаются, анализируются, интерпретируются как уже признанные шедевры, так и наименее изученные. К таким работам принадлежит исследование А.Д. Степанова «Проблемы коммуникации у Чехова» (2005), а также дополненная монография Маттиаса Фрайзе “Die Prosa Anton Čechovs” (2012) («Проза Антона Чехова») – опыт анализа и толкования шестнадцати рассказов, которые последовательно рассматриваются на трёх уровнях (тематическом, уровне художественных приёмов и уровне смысла). На уровне использования художественных приёмов автор изучает функциональные возможности цветовой символики, по поводу которой пишет: «нельзя не отметить высокую степень повторяемости в чеховских рассказах трёх обозначений цвета, функционирующих как символы при выстраивании смысла текстового целого, – чёрного, зелёного и белого. <...> В отличие от символических обозначений, возникающих применительно только к определённой, конкретной ситуации, чёрный, белый и зелёный цвета обнаруживают такую стабильность своей семантики, что их по праву

можно назвать универсальными чеховскими символами» [10, с. 18].

Цель данной статьи – проанализировать употребление тропических цветоименований *белый, бледный*, которые получают в тексте произведения своё семантико-стилистическое развёртывание и обнаруживают смысловую связь и взаимозависимость.

В рассказе «Враги» цветочное прилагательное *белый* является одной из ключевых лексем и используется при характеристике основного персонажа рассказа – дворянина Абогина, который приезжает к доктору Кирилову с мольбой о спасении своей жены от сердечного приступа.

В начале повествования слово *белый* выступает в качестве авторитетного цветоименования и сочетается с прилагательным *бледный*: *В передней было темно, и в человеке, который вошёл, можно было различить только средний рост, белое кашне и большое чрезвычайно бледное лицо, такое бледное, что казалось, от появления этого лица в передней стало светлее...* [12, с. 30].

Этимологически слово *белый* восходит к лексеме *светлый*: «Индоевроп. производное (суф. -l) *bha светить, блестеть; греч. *φαλός* – светлый, ясный, белый» [12, с. 84], [14, с. 25]. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля значение лексемы бѣлый раскрывается через лексему *бледный*, которая соотносится со словами *избѣла, бѣлесоватый*: «Блѣдный о цвѣтѣ, краскѣ, масти: свѣтлый, негустой, неяркій; *избѣла, бѣлесоватый*» [3, с. 100]. В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» *белый* трактуется как «Белый – 1. Цвет снега или мела» [8, с. 39]; а слово *бледный* – «Бледный – 1. Слабо окрашенный» [8, с. 48].

В представленном фрагменте текста слово *бледный*, являясь определением по отношению к существительному *лицо*, употребляется в исходном прямом значении и участвует в описании внешнего облика персонажа. Кроме того, данное прилагательное указывает на культурный контекст – принадлежность главного героя рассказа помещика Абогина к дворянскому сословию. *Даже бледность и детский страх, с каким он, раздеваясь, поглядывал вверх на лестницу, не портили его осанки и не умаляли сытости, здоровья и апломба, какими дышала вся его фигура* [12, с. 38]. Внешние,

особенные признаки, отличающие людей привилегированного сословия от других, в цикле лекций «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (VXIII – начало XIX века)» (1994) отмечал Ю.М. Лотман. Учёный писал, что «принадлежность к дворянству означает и обязательность определённых правил поведения, принципов чести, даже покроя одежды» [6, с.6]; «Душевное и физическое изящество связаны и исключают возможность неточных и некрасивых движений и жестов» [6, с.93]. Стереотипом внешнего облика «аристократа» в XIX веке служили высокий рост, худощавость, *бледность* лица, тонкие длинные пальцы. Ср. *аристократическая бледность*. О принадлежности помещика Абогина к высшим слоям общества свидетельствует как деталь дресс-кода того времени – *белое кашне*, так и *бледность* кожи (*белые мягкие кулаки*): *Абогин тяжело шагнул к доктору, протянул к его лицу свои белые мягкие кулаки и, потрясая ими, продолжал вопить...* [12, с. 39].

Перенос определения в языке художественного произведения иногда мотивирован глубокими контекстными связями слов. Так, сочетаясь с существительным *кулаки*, прилагательное *белый* на основе ассоциативной связи приобретает метонимическое значение, которое в данном случае получает социальную значимость. Прилагательное *белый* называет не просто признак, но и указывает на принадлежность лица к высшему обществу и, как следствие этого, на социальный характер поведения: *В его осанке, в плотно застёгнутом сюртуке, в гриве и в лице чувствовалось что-то благородное, львиное; ходил он, держа прямо голову и выпятив вперёд грудь, говорил приятным баритоном, и в манерах, с какими он снимал своё кашне или поправлял волосы на голове, сквозило тонкое, почти женское изящество* [12, с. 38]. Словосочетание *белые кулаки*, усиленное адъективом *мягкие*, содержит оценочный компонент и характеризует персонажа как человека неприспособленного к физическому труду. Данное словосочетание сближается со словом *белоручка*, которое в толковом словаре подаётся с пометой *разг. неодобр.* и толкуется как «человек, который чуждается физической или вообще трудной работы» [8, с. 39].

По мере развития сюжета у прилагательного *белый* наблюдается смещение в сторону периферийной семантики (от общеупо-

требительной к индивидуально-авторской). Известно, что отдельную группу тропеических цветоименований составляют цветоименования-символы. Так, в русской культурной традиции «цветоименование *белый* уже в древних литературных памятниках является символом святости, одухотворённости...; в современной русской культуре <...> символизирует чистоту, невинность, умиротворённость» [5, с.65]. В тексте произведения цветоименование *белый* выходит за пределы устойчивой системы символических обозначений и получает индивидуально-авторскую закреплённость – реализуется значение «чёрствость, бессердечность». Ср. *Поблуждав около печки и кухаркиной постели, он нагнулся и сквозь маленькую дверцу вышел в переднюю. Тут он опять увидел белое кашне и бледное лицо* [12, с. 34]; *Кашне белело только спереди, позади же оно пряталось за длинными волосами* [12, с. 36]. Если в начале рассказа прилагательное *белый*, сочетаясь с существительным *кашне* (в *человеке, который вошёл, можно было различить только средний рост, белое кашне*), является определением и выражает признак предмета, то в последующей части благодаря предикативному значению лексики *белело* происходит расширение семантического потенциала значения – актуализируется сема 'мёртвый'. Используя приём синекдохи, А.П. Чехов акцентирует внимание читателя на внутренней сущности своего героя. Дело в том, что в рассказе Абогин представлен как эгоист, всецело поглощённый собственными интересами. Игнорируя несчастье и подавленное состояние Кирилова, Абогин настаивает на поездке доктора в своё имение. Абогин не думает о том, что Кирилов сам нуждается в душевной помощи, милосердии и сострадании: « – У вас горе, я понимаю, но ведь приглашаю я вас не зубы лечить, не в эксперты, а спасти жизнь человеческую! – Эта жизнь выше всякого личного горя! Ну, я прошу мужества, продвига! Во имя человеколюбия!» [12, с. 34].

Неспособность Абогина к сочувствию, равнодушное отношение к окружающим также передаётся благодаря использованию цветоименования *бледный*: «**Бледный** – перен. не производящий впечатления, невыразительный» [8, с. 48], которое соотносится с фразеологическим сочетанием «бледный как смерть» [9, с. 438]. У Абогина, кроме *бледного* лица, теперь видна была его большая голова и маленькая студенческая шапочка, едва прикрывавшая темя

[12, с. 36]. Нетрудно заметить, что между прилагательными *белый* и *бледный* наблюдается семантическое тождество на основе семы «мёртвый», обуславливающее метонимическое значение аллюзивного характера. Лексема *бледный* ассоциируется с библейским словосочетанием *конь бледный*, которое вошло в корпус библейских фразеологизмов, и трактуется как «символ смерти» [4, с. 315]: «...и вот конь бледный, и на нём всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним» [1, (6:1-5)]. В оригинальном тексте Апокалипсиса «...Εἶδον καὶ ἰδοῦ ἵππος χλωρός, καὶ ὁ ἀθήμενος ἔπαινω αὐτοῦ ὄνομα αὐτοῦ θάνατος καὶ ὁ ἀδης ἠχολοῦθει μετ αὐτοῦ...» цвет лошади последнего всадника *ἵππος χλωρός* дословно означает «конь зеленоватый» [7, с. 1336]. В греческо-русском словаре, составленном А.Д. Вейсманом (1899), слово *χλωρός* имеет несколько значений: 1) зелёный, зеленовато-жёлтый; 2) чалый, буланый: *ἵππος*; 3) светлый [2, с. 1347]. В новогреческо-русском словаре И.П. Хорикова и М.Г. Малева, кроме исходного значения – «зелёный», зафиксированы естественнонаучные термины, в том числе устаревшее *χλωρωση* – *бледная немочь*, то есть *анемия*, *малокровие* [11, с. 812], производящей основой для которых стала лексема *χλωρός*. Ср.: «*Блѣднуха* – одно из сорока названий лихорадки» [3, с. 100]. Нетрудно предположить, что во времена А.П. Чехова для описания симптомов некоторых заболеваний, связанных с поражением системы крови, использовалось производное от *χλωρωση* – *бледная немочь*. У пациентов с подобным симптомом наблюдался белый с зеленоватым оттенком цвет кожи. Поэтому вполне вероятно, что семантическая близость цветоименований *зеленоватый* и *бледный* в языке писателя-врача служит основанием метафорического переноса: трупная бледность Абогина подчёркивается как признак того, что этот персонаж внутренне, духовно мёртв.

Дальнейшее развитие значения «чёрствость, бессердечность» поддерживается прямой авторской характеристикой, которая реализуется путём использования качественных прилагательных и наречий, имеющих в своём составе префиксы *не-*, *без-*, а также содержащих сему ‘мёртвый’: *бездушный*, *неуместно цветистый*, *ходульный* (ходульный = неестественный, пошлый, деланный). «*Абогин* был искренен, но замечательно, какие бы фразы он ни говорил, все они выходили у него *ходульными, бездушными, неуместно*

цветистыми и как будто даже оскорбляли и воздух докторской квартиры и умирающую где-то женщину» [12, с. 35].

Таким образом, употребляемые в переносно-метафорическом значении цветоименования *белый* и *бледный* представляют собой единый цветовой комплекс. Они содержат в своём значении эмоционально-чувственные ассоциации и участвуют в характеристике одного из основных персонажей рассказа – дворянина Абогина.

Литература

1. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. – М. : Russian Bible Society, 1991. – 1371 с.
2. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. – С-Петербург, 1899. – 1871 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. – М. : «Русский язык», 2000; – Т. 1. – 2000. – 699 с.
4. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.
5. Крапивник Е.В. Цветоименования: аспекты систематизации : монография. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 144 с.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб: Искусство – СПб, 1994. – 399 с.
7. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык. – СПб.: Российское Библейское общество, 2013. – 1406 с.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов : РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова : [отв. ред. акад. Н.Ю. Шведова]. – М. : «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
9. Фразеологический словарь русского языка : [под ред. А.И. Молоткова]. – М. : «Советская энциклопедия», 1968. – 543с.
10. Фрайзе Маттиас. Проза Антона Чехова : монография / Маттиас Фрайзе ; пер. с нем. В.А. Андреевой, Е.А. Гончаровой ; под ред. И.В. Корина, Н.Л. Маишевой. – М.: Флинта : Наука, 2012. – 376 с.
11. Хориков И.П., Малеев М.Г. Новогреческо-русский словарь: [под ред. П. Пердикиса и Т. Пападопулоса]. – М. : «Русский язык», 1980 . – 854 с.
12. Чехов А.П. Враги // Собр. соч.: В 30-ти т. – Т. 6. – М., 1985. – 733 с.
13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2-х т. / П.Я. Черных. – 5-е изд., стереот. – М. : «Русский язык», 2005; – Т. 1. – 621 с.
14. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М. : Прозерпина, 1994. – 400 с.

ИЛЛОКУЦИЯ И ПЕРЛОКУЦИЯ В ПИСЬМАХ ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ И ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА

Е.В.Скрипченко

skripchenkoelen@gmail.com

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Зародившаяся в середине XX века, теория речевых актов стала значимым моментом в истории развития языкознания. Понятие речевого акта было подробно описано в работах английских и американских философов (Дж. Остин, Дж. Серль). Исследователи понимали речевой акт как отдельную коммуникативную ситуацию, структура которой включает в себя локутивный, иллокутивный и перлокутивный компоненты.

Отечественные исследователи также не обошли вниманием проблематику речевых актов. Ряд интересных и, возможно, даже опережающих свое время идей был высказан М.М. Бахтиным. Ученый разработал стройную концепцию, ключевыми в которой стали понятия *высказывание* и *речевой жанр*. Теория М.М. Бахтина получила широкое распространение и была существенно развита и дополнена современными исследователями – В.В. Дементьевым, Т.В. Шмелёвой и др.

Особый интерес теория речевых актов представляет в свете изучения эпистолярных текстов. Обусловлено это в первую очередь уникальной природой эпистолярия, который, с одной стороны, находит свое воплощение в письменном тексте, а с другой – воссоздаёт ситуацию живого общения. Письмо «одновременно моделировало поведенческую ситуацию (разговор друзей), язык описания этой ситуации и диалога, происходящего в этой ситуации, а также и роли ее участников (адресанта и адресата), которые присутствуют на равных правах в его тексте» [1, с. 127].

Ситуация становится еще более интересной, если обратиться к изучению письма как факта литературного. Как отмечает А.В. Курьянович, «литературный процесс также активно «адаптирует» в художественно-эстетических целях эпистолярную форму. ЭТ становится важным структурообразующим средством в литературном произведении, как прозаическом, так и поэтическом» [3, с. 216].

Если в прозаическом произведении эпистолярный текст реализуется на условиях, которые естественны для ситуаций реального человеческого общения (поскольку мы говорим не стихами, а прозой), то будучи включенным в структуру поэтического произведения, он неизбежно подчиняется особым, специфическим для данного типа организации речи законам – таким как ритм, строфика, метрика. Сложность изучения эпистолярных текстов в структуре текста художественного обусловлена еще и тем, что некоторые жанры не могут быть соотнесены с конкретным литературным родом. Таков, например, жанр романа в стихах.

Слово героев романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин», помимо относительно небольших по объему высказываний, представлено также письмами. Третья и восьмая главы включают в себя тексты посланий, которые пишут друг другу Татьяна Ларина и Евгений Онегин. Эпистолярное начало в пушкинском романе «приобретает значение композиционного приёма построения фабулы, созвучного принципам противопоставления стиха и прозы, соотнесения разных точек зрения и многоголосия романа» [1, с.135].

Переписка героев пушкинского романа представляется не вполне типичной в том смысле, что ни одна из ситуаций не получает своего *формального* завершения. Ни Татьяна, ни Онегин не получают друг от друга ответных писем, но, тем не менее, оба письма вызывают ответную реакцию у тех, кому они адресованы. Эта реакция находит воплощение в монологах героев. В связи с этим представляется закономерным говорить не о классической любовной переписке, а о двух коммуникативных ситуациях, которые разворачиваются в романе, и анализировать их сквозь призму теории речевых актов.

Говоря о трехчастной организации речевого акта, мы, вслед за основоположниками этой теории, подразумеваем наличие в структуре такого акта локутивного, иллокутивного и перлокутивного компонентов. «Речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как локутивный акт. Речевой акт в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления выступает как иллокутивный акт. Наконец, в отношении к своим результатам, речевой акт выступает как перлокутивный акт» [2, с.131].

Структура коммуникативной ситуации, связанной с написанием письма Татьяной Лариной, может быть представлена следующим образом:

Письмо Татьяны (локутивный акт)

Побуждение Онегина к ответной реакции (иллокутивный акт)

Монолог Онегина (перлокутивный акт)

Внесем некоторые пояснения. Письмо к Онегину – это процесс создания текста, который начинается со слов «Я к вам пишу» и заканчивается словами «*Кончаю! Страшно перечесть...*». По сути, это отдельный акт, имеющий свои временные координаты (локуция). Пушкин неслучайно называет письмо Татьяны *необдуманым*, и мы склонны рассматривать это как указание на его спонтанный, импульсивный характер.

Говоря об отборе языкового материала, не следует забывать о важной детали: в тексте романа есть указание на то, что письмо было написано на французском языке, а перед нами – *его неполный, слабый перевод*. Но даже при этом очевиден тот факт, что с помощью письма Татьяна не просто высказывает себя, но стремится побудить Онегина к ответным действиям, к объяснению с ней. Письмо Татьяны имеет трехчастную композицию, сообразно тем местоименным формам, которые используются ею для обращения к адресату письма (Вы-Ты-Вы). Примечательно, что вторая часть письма изобилует глаголами, главной целью использования которых является побуждение к действию (иллокуция):

Но так и быть! Судьбу мою

Отныне я тебе **вручаю**,

Перед тобою слёзы лью,

Твоей защиты **умоляю...**

и далее:

Я жду тебя: единым взором

Надежды сердца **оживи**,

Иль сон тяжёлый **перерви**,

Увы, заслуженным укором!

Вопреки ожиданиям героини, она не получает ответного письма. Но коммуникативная ситуация находит свое разрешение

в другой форме. На письмо Татьяны Онегин отвечает при личной встрече:

Примите исповедь мою:

Себя на суд вам отдаю.

Из двух предполагаемых вариантов, которые были выражены глаголами *оживи* и *перерви*, осуществляется второй. Монолог Онегина есть результат получения и прочтения им письма Татьяны (перлокуция). Ответом на письменную речь становится речь устная.

Письмо Онегина к Татьяне, приведенное в восьмой главе романа – это локутивный акт, акт создания текста героем романа. Уточняется, что

Княгине слабою рукой

Он пишет страстное посланье.

Хоть толку мало вообще

Он в письмах видел не вотще.

Письмо Онегина приводится *точь-в-точь*, то есть в данном случае речь идет не о переведенном, а об оригинальном тексте. В письме нет ни побудительных конструкций, ни прямых обращений. На протяжении послания, а также в его финальной части Онегин констатирует факты, касающиеся его самого:

Я утром должен быть уверен,

Что с вами днем увижусь я...

и далее:

Но так и быть: я сам себе

Противиться не в силах боле;

Все решено: я в вашей воле

И предаюсь моей судьбе.

Таким образом, мы можем предположить, что иллокутивный акт в данном случае приобретает специфическую окраску. Цель, с которой создается письмо, можно определить скорее как предпринятую героем попытку высказать себя, стать для самого себя более понятным, нежели как попытку побудить возлюбленную к ответному шагу.

Таким образом, структура коммуникативной ситуации, связанной с написанием письма Онегиным Татьяне, также может быть представлена в виде схемы:

Письмо Онегина (локутивный акт)

Попытка высказать себя (иллокутивный акт)

Монолог Татьяны (перлокутивный акт)

Однако несмотря на то, что иллокуция в данном случае осуществляется специфическим образом, перлокутивный акт – результат прочтения письма Татьяной и ее ответный монолог – осуществляется в полной мере.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что эпистолярные тексты, включенные в текст пушкинского романа, можно и нужно анализировать в связи с теми коммуникативными ситуациями, элементами которых они являются.

Анализ писем и ответных монологов героев в свете теории речевых актов позволяет подойти к изучению текста романа творчески, в духе нашего времени, и рассмотреть трагическую ситуацию, в которой оказались пушкинские герои, с точки зрения не только лингвистики текста, но философии языка.

Литература

1. Атанасова-Соколова Д. Эпистолярность А.С. Пушкина /Д. Атанасова-Соколова // *Litterariahumanitas. AlexandrSergejevicPuskin-vevropskychkulturnichsouvislostech.* Брно – 2000. – С. 125–139.
2. Бут Н.А. Категориальный аппарат теории речевых актов в аспекте актуальных теорий / Н.А. Бут // *Вестник ТГТУ, Тамбов: Изд-во ТГТУ.* – 2003. – Т.9. – № 1. – С. 130–135.
3. Курьянович А.В. Эпистолярный дискурс как средство современной межличностной и социальной коммуникации / А.В. Курьянович // *Сибирский филологический журнал.* – 2008. – № 4. – С. 215–224.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО МИФОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА⁴

С.Н. Стародубец
starodubets.madam@yandex.ru

(Брянск)

Как известно, мифологическая проза разножанровая, представлена легендами, быличками, бывальщинами, преданиями, автобиографическими мемуаратами.

Объектом нашего анализа являются былички и бывальщины, зарегистрированные на территории брянско-гомельского пограничья.

Базовые характеристики современной мифологической прозы брянско-гомельского пограничья определены учёными Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского и Гомельского государственного университета им. Фр. Скорины в совместной публикации [6].

Смысл мифологических рассказов – сообщить о враждебных существах, населяющих этот мир, рассказать об их возможностях и средствах борьбы с ними [4].

«**Быличка** –это короткий суеверный рассказ, в котором в форме мемуарата, т.е. от первого лица, повествуется о столкновении человека с «иным» миром, с демонической силой, свидетелем которой был сам рассказчик или вызывающий доверие у рассказчика человек. Причём, чужие свидетельства рассказчик излагает как свои, с уверенностью в том, что они действительны»[3, с. 6].

Для быличек характерна установка на достоверность повествования, приуроченность к определенной местности и времени. Типичными местами действия являются, как правило, пустынные и опасные места. Появляются демонические существа в «нечистое», пограничное время года и суток: на святки, в купальную ночь, в полдень, в полночь, перед рассветом, после заката солнца. Все происходит в сумерках, беспросветной ночью, в тумане, при свете месяца. «Былички наполнены атмосферой таинственности и

⁴Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-24-01002 а (м)

страха. Поскольку любой житель села изначально знает, какой силой обладает та или иная нечисть и что от неё можно ожидать, никакой новизны в её появлении, как правило, не бывает. Но вот как именно поведёт себя человек при столкновении с нечистью, какой выход при этом сможет найти, чтобы избежать гибели, - это и рассказчику, и слушателю оказывается более важным и интересным» [3, с. 7].

«*Бывальщина* – короткий суеверный рассказ о необычных, удивительных происшествиях, в которых, по утверждению рассказчика, участвуют демонические существа (черты, домовые, лешие, ведьмы и пр.) и, конечно, люди» [3, с. 7]. Главная функция бывальщины развлекательная. Рассказчика интересует способ освещения произошедшего события. Время и место действия не играют для него определяющей роли. Важной оказывается попытка психологической мотивировки поступков персонажа. Объектом внимания в бывальщине являются демонические существа, нередко такое существо оказывается слабее человека, освещается как униженное. В бывальщинах разработана фабула событий, для них характерна многоэпизодность, много внимания уделяется описанию деталей внешнего вида, поведения и привычек демонического персонажа. Бывальщина содержит больше обобщений, чем быличка, передается от третьего лица. В бывальщинах преобладает трагический исход, тогда как в быличках человек оказывается спасенным.

Бывальщинами, как писала Э.В.Померанцева, становятся или могут стать значительная часть быличек, которые постепенно отделяются от личности рассказчика как непосредственного участника событий [5, с. 12].

Внутреннюю структуру произведений нескладочной прозы составляют следующие компоненты: персонаж, мотив, сюжет. Наиболее устойчивым компонентом произведений нескладочной прозы является персонаж, вокруг которого объединяется весь остальной материал.

Имя персонажа *нескладочной* прозы представляет собой мифоним (= мифологему), эксплицирующий мифологический план содержания в коннотативном компоненте лексического значения языкового знака.

Продуктивными именами-мифонимами являются номинации *Русалка, Домовой, Банник, Знахарь/Знахарка/Шептуха, Доброхожий* и др.

Символическое значение мифонимов [2, с. 19-28] определено нами как:

- *Русалка* — «амбивалентный водяной дух, образное воплощение силы, влияющей на плодородие» (Ср.: «**РУСА́ЛКА** — дух в облике женщины, который может появляться у воды, в лесу, в ржаном поле, в коноплях и т.д. <...> Очевидно, что **русалки** появляются на земле в период напряжения всех её сил, во время весеннего расцвета зелени, созревания злаков; их приход в леса и на поля соотнесён с пиком проявления необходимых для наступления летнего расцвета, связанных с водой, влагой сил плодородия. **Русалка** — и материальное, конкретное образное воплощение силы плодородия, и сверхъестественное существо, эманлирующее эту силу в своём движении, влияющее на плодородие» [1, с. 456];

- *Домовой* — «амбивалентный дух дома, домохозяин, образное воплощение персонифицированной связи человека с невидимым миром» (Ср.: «**ДОМОВО́Й** — дух дома, «хозяин двора и дома». <...> существо многоликое. Он и «хозяин» скота, двора, дома, и «старший», предок, и персонифицированная судьба, и "душа-двойник" человека» [1, с. 139-155];

- *Банник* — «дух бани, "персонификация жара, жгучего человека, опасностей, подстерегающих человека в бане"» [1, с. 30-36];

- *Знахарь/Знахарка/Шептуха* — «обладающий сверхъестественным знанием, лечащий нашёптыванием» («**ЗНА́ХАР, ЗНА́ХАРЬ** — тот, кто много знает; лекарь-колдун. **ЗНАХА́РИЦА, ЗНАХА́РКА, ЗНА́ХА** — лекарка-колдунья» [1, с. 205-208]);

- *Доброхожий* — «нечистый дух, способный материализоваться в плоть человека» («**НЕВÍДИМЫЕ, НЕВÍДИМАЯ СИЛА, НЕВÍДАННАЯ СИЛА** — невидимые проклятые, похищенные, пропавшие без вести люди; нечистая сила. <...> Невидимый иногда становится зрим, принимает облик обычного человека; и тогда его можно «обернуть», вернуть к людям, если быстро накинуть на шею крест и крепко держать после этого» [1, с. 345-347]).

Определим наиболее продуктивные лингвистические особенности современного мифологического текста, зафиксированного на территории брянско-гомельского пограничья:

1) объективная и субъективная модальность мифологического рассказа имеет грамматико-стилистическую ориентацию на достоверность, что проявляется в доминировании форм реального времени и лексико-грамматических средств, подчёркивающих уверенность говорящего в том, что он сообщает (*люди врать не будут, правду говорю, сестра моя видела, жители много раз видели, вот в нашей деревне было* и т.п.);

2) развёрнутой является акциональная характеристика мифологического персонажа: *домовой – шаркает, душит, душит и душит, давит, давит и давит, стучит, гремит, навалился* и др.; *русалка – манит, тянет, бегают, водит, щекотит, защекает, качается* и др.;

3) на произнесение мифологического имени *домового, банника, доброхожего* накладывается своего рода табу («персонажи с ослабленной, но всё-таки сформированной субстанциональностью» [4]); упоминая *домового*, местные жители используют синонимичные замены: *дедушка, батюшка, братанушка, браток, хозяин, господин* и др.;

4) говорящий эксплицитован (в быличке), говорящий имплицитован (в бывальщине).

Прагматический анализ мифологического текста как высказывания предполагает выявление особенностей его порождения и функционирования в традиционной коммуникативной среде [4].

Бывальщина.

«Это тоже в деревне, в Шумиловке. У моей мамы есть соседка, и у нее есть лошадь. Лошадь очень домашняя, приученная ко всему. На ночь они всегда ее заводят в сарай. Вот что ночь, ночью страшно оставить на улице, деревня там заброшенная, зверей много и волки могут разорвать. Так вот утром, когда выпускают ее из сарая, на гриве заплетены косички, очень много косичек. Вот соседка их расплетает, день пасется лошадь в поле, на ночь опять заводят, и утром опять повторяется. И вот, по словам старушек, говорят, что это домовой. И он очень полюбил это животное, поэтому заплетает косички. Но если домовой невзлю-

бит животного, он всю ночь будет гонять на сараю. Ну, как говорят, все в мыле от страха. А вот этот домовой очень полюбил животное и плетет ночью косички. Вот такое. Вот это правда» (Монахова Мария Васильевна, 1956 г. р., образование высшее, пгт. Климово. Записала Сазонова О. А., 2012 г.)

Быличка.

«Рассказывала одна женщина, соседка, короче. Она рассказывала, что, говорит, еще когда была молодой в те годы ихняя бабушка смотрела людей, помогала им со всем, там я не знаю, чуть ли не с городов шли к ней за помощью. Она была вот сильна в этом деле, она лечила людей. Это самое, рассказывает такой вот случай. Было ей, рассказывала она, вот, мне история, и рассказывала прямо вообще, вот именно вообще, вот просто не передать словами. Рассказывала, произошла история. Ей было еще лет двенадцать-тринадцать, вот такая, еще подростком таким. Бабушка ж её вот лечила людей, значит, говорит, был обычный день, был обычный день, и, говорит, протопливали мы баню, мылись что-то, я не знаю. Протопили баню, а бани были в то время в основном такие все, света не было в те времена, при лампадах, короче. Говорит, была баня и, говорит, уже после бани, когда уже все помылись, все уже, ну, как бы, закрыли баню, и чем-то они там занялись, не знаю. Какими-то делами хозяйственными, не знаю. И она и говорит: «Ой, черпак остался в бане». А что-то надо, вот это самое было, что-то надо было ей сбегать, говорит: «А, бабушка, сейчас я сбегаяю». А баня была вот так вот – напротив дома, вот так вот близко совсем. Баня была во дворе. Говорит, я сейчас бабушка принесу. Побежала, говорит, баня закрыта на крючке. Вот, говорит, запомнила до такой степени, вот до сих пор рассказываю мурашки (слушай, мурашки прямо идут по всему телу). И, говорит, вот открываю баню, захожу в предбанник, и, говорит, такое вот тёпанье веником. Вот как будто кто-то парится. Ещё и «гух-гух», вот так вот, в таком духе как будто бы как, что просто ужас, просто ужас в таком вот духе. Как же я, как, говорит, испугалась, как бросилась с той бани бежать. Я уже не забежала не в ту баню, и я думаю, как все помылись, баня прикрыта на крючок и там кто-то моется. Я прибежала, говорит, забежала в дом в такой панике, в страхе забежала. Говорит: «Бабушка, я побежала, а там вот такое происходит». Она

говорит: «Ой, внучка, я забыла тебе сказать, что после нас ещё парятся». И, говорит, как сказала это, я вообще. И вот нам рассказывает, вот просто мрак какой-то. И, говорит, не надо, не ходи больше туда. [А что там банники, наверное, какие-то там?] Ну, вот не знаю, что там, что не знаю» (Шашеро Лилия Викторовна, 1979 г.р., образование высшее, пгт. Климово. Записала Сафонова О. А., 2012 г.).

Сравнительный анализ приведённых бывальщины и былички позволяет установить следующее:

- *функциональная специфика*: бывальщина – эстетическая и информативная функция, быличка – эстетическая и суггестивная;
- *модальность*: бывальщина – объективная (доминируют глаголы изъявительного наклонения, настоящего времени в значении прошедшего посредством чего адресант фиксирует реальность происходящего: «И он очень полюбил это животное, поэтому заплетает косички»), быличка – объективная (доминируют глаголы изъявительного наклонения прошедшего и настоящего времени (при описании происходящего в бане: «Вот как будто кто-то парится»));
- *адресант*: бывальщина – повествование от третьего лица, быличка – повествование от третьего лица сменяется повествованием от первого лица, говорящий таким образом передаёт личностное восприятие описываемого;
- *адресат*: бывальщина – воздействие на адресата минимальное, быличка – воздействие на адресата максимальное: повтор ключевых глаголов движения «бросилась с той бани бежать, прибежала, забежала, забежала, побегала» фиксирует эмоциональное состояние испуга посредством градации передаваемое и адресату;
- *прямое обращение к адресату*: бывальщина – не имеет, быличка – «слушай, мурашки прямо идут по всему телу»;
- *лексические средства, репрезентирующие реакцию участников событий*: бывальщина – имеет место событийность, оцениваемая рассказчиком как мелиоративный факт, направленная на формирование у адресата подобной оценочной реакции мифологического события и мифологического персонажа; быличка –

имеет место событийность, оцениваемая рассказчиком как мистический факт, направленная на формирование у адресата сознательного отношения к непознанному мифологическому событию и мифологическому персонажу.

Литература

1. Власова М. Энциклопедия русских суеверий. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. 624 с.
2. Головачёва О.А., Стародубец С.Н. Символическое значение обрядов рождения и крестин: по материалам публицистики Н.С. Лескова и фольклорных исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 5. С. 19-28.
3. Глебов В.Д. Былички и бывальщины: Суеверные рассказы Брянского края. Орёл – Брянск: Издательство ОГУ, 2011. 405 с.
4. Левкиевская Е.Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: автореферат диссертации доктора филологических наук. М., 2007. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya4.htm>.
5. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. 194 с.
6. Стародубец С.Н., Станкевич А.А., Белугина О.В. Мифологическая проза брянско-гомельского пограничья: специфика функционирования // Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территориях приграничных с Россией государств: Научные доклады участников Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 25-26 октября 2017 г.). Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. Брянск: ООО «Аверс», 2017. С. 162-169.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЗДАНИЯ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (ОПЫТ АНАЛИЗА НА МАТЕРИАЛЕ «КОНАРМИИ» И. Э. БАБЕЛЯ)

А. Д. Твердюк

buddenbrokk@yandex.ua

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Творчество Исаака Бабеля давно привлекает внимание ученых-лингвистов своей самобытностью, яркостью и богатством языкового материала. Плодотворно исследуется стиль писателя (Эйдина В. В., Тарасова В. В.), большое внимание привлекает пласт «одесской» лексики в одноименных рассказах (Шишов В. Ф.,

Стецюченко А. А.), описывается ономастикон автора (Туманова В. В.), анализируются отдельные средства создания художественного целого: метафоры, повторы, оксюмороны и т.д. (Савинова С. П., Харитонова М. М.). Однако при относительной изученности языка писателя и неослабевающем интересе к нему исследователей остается немало пространства для лингвистического анализа текстов Бабеля. В частности, недостаточно описан лексико-семантический уровень языка «Конармии», так как традиционно исследователи сосредотачивались больше на «Одесских рассказах», привлекающих обилием экспрессивной, жаргонной лексики.

В данной статье приводится опыт анализа лексико-семантических средств создания персонажа художественного произведения на материале цикла рассказов И. Бабеля «Конармия». Это исследование является частью комплексного изучения языковой личности литературного персонажа на материале произведений Исаака Бабеля «Одесские рассказы» и «Конармия».

Второй цикл рассказов Исаака Бабеля – «Конармия» – написан по материалам дневника писателя, который тот вел, находясь в должности военного корреспондента в 1-й Конной армии, под командованием Семёна Будённого во время Советско-польской войны 1920-го года. Главный герой «Конармии» – герой-повествователь Кирилл Лютов, непосредственный наблюдатель и участник всех событий, описанных в цикле. Из 38 рассказов его голос слышится в 31-ом. Присутствие рассказчика подразумевается и в остальных 7-и, однако в них он не эксплицирован языковыми средствами. В тех случаях, когда рассказчик предельно «обеззвучен», на первый план выходит сказовая форма повествования, слово даётся многочисленным персонажам из народа, которых Лютов встречает во время службы в Конармии. Эти сказовые фрагменты подчеркивают литературность, чистоту языка рассказчика-Лютова, его нарочито художественное восприятие всего происходящего, его установку не просто передать хронологию событий и впечатления от войны, но изобразить их со всей писательской тщательностью. Закономерно, что для анализа были взяты только рассказы, в которых повествование ведёт сам Кирилл Лютов.

Внимательное чтение позволяет увидеть, что образ Кирилла Лютова формируется лексикой определенных тематических групп. Руководствуясь критерием частотности употребления, мы выделили

четыре основных: религия, война (военное дело), смерть, революционная лексика.

Лейтмотив торжествующей жизни, скрепляющий «Одесские рассказы», в «Конармии» сменяется таким же могущественным и отчетливым лейтмотивом смерти и сопутствующим ему мотивом войны. Тематическая группа «смерть, страдание» – самая многочисленная. Лексема *мертвец* употребляется в речи героя 9 раз, однокоренные – 27 раз. Слово *смерть* и однокоренные с ним встречаются в речи Кирилла Лютова 24 раза. Частотна также лексема *кровь* и однокоренные: 51 случай употребления. Контексты, в которые включены слова этой тематической группы, разнообразны, нередко метафоричны: «умирающее солнце», «мертвая спина полей», «мертвенные Броды», «сырая кровь», «пьяная кровь».

Иначе, нежели в «Одесских рассказах», раскрывается традиционная и значимая для Бабеля тема религии. Лёгкая мудрость и расслабленность одесских евреев противопоставляется глубокому мрачноватому хасидизму западноукраинских еврейских местечек: «И в памяти зажигается образ южных евреев, жовиальных, пузатых, пузырящихся, как дешевое вино. Несравнима с ними горькая надменность этих длинных и костлявых спин, этих желтых и трагических бород. В страстных чертах, вырезанных мучительно, нет жира и теплого биения крови. Движения галицийского и волынского еврея несдержанны, порывисты, оскорбительны для вкуса, но сила их скорби полна сумрачного величия, и тайное презрение к пану безгранично» («Учение о тачанке»). Кроме того, группа религиозных слов в конармейском цикле значительно пополняется обширным пластом христианской лексики, в частности, католической. Контексты, в которых употребляет Лютов еврейскую и католическую религиозную лексику, разнятся, иногда вплоть до противопоставления. Плотскость, искусственность, роскошь и порочность атмосферы, царящей в католических костелах, противопоставляется гордой нищете и полубезумному благочестию хасидов. Для сравнения: «О распятия, крохотные, как талисманы куртизанки, пергамент папских булл и атлас женских писем, истлевших в синем шелку жилетов!...» («Костел в Новограде») и «В страстном здании хасидизма вышиблены окна и двери, но оно бессмертно, как душа матери... С вытекшими глазницами хасидизм все еще стоит на перекрестке ветров истории» («Рабби»).

Военная и революционная лексика представлены преимущественно в нейтральных контекстах и выполняют описательную функцию.

Свойственное языку Бабеля смешение шокирующего и будничного, отвратительного и прекрасного в полной мере находит отражение в «Конармии». Революция, религия, война и смерть для очевидца Кирилла Лютова – совершенно равноценные, равноправные и равно достойные описания и размышления стороны жизни. Деление мира на профанную и сакральную зоны, которое отмечает революция, отмечает и Лютов. Поэтому он может говорить, что бисквиты, которыми угощает его полячка, пахнут, «как распятие», а ксёндз развешивает лифчики своих прихожанок на «гвоздях спасителя». Смерть так же привычна, проста и поэтична, как жизнь, поэтому в мирный день «оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова», а «гранит мостовой чист, как лысина мертвеца». Взгляд Лютова – это взгляд, снимающий антонимичность между явлениями традиционно антонимичными. Жизнь и смерть, красота и уродство, боль и наслаждение, революция и религия не противопоставлены друг другу, а уравнены в эстетической значимости. «Революция – скажем ей "да", но разве субботе мы скажем "нет"?» («Гedaли»). Лютов с интересом читает газету «Правда», сам пишет статьи в газету «Красный кавалерист» – и со жгучей ностальгией вспоминает субботние вечера в кругу правоверных иудеев. Под взглядом Лютова порой снимается даже острое противоречие между иудаизмом и христианством: «В углу стонали над молитвенниками плечистые евреи, похожие на рыбаков и на апостолов» («Рабби»).

Таким образом, можно говорить о том, что на лексико-семантическом уровне герой цикла «Конармия» Кирилл Лютов представлен как носитель литературной нормы, интеллигент, человек с писательской зоркостью. В языке Лютова-повествователя преобладает лексика четырех тематических групп: революция, война, религия, смерть. Причем эти разнородные и, как правило, конфликтующие стихии рассказчик намеренно вводит в уравнивающие, примиряющие контексты, таким образом выражая своё видение описанных событий.

Литература

1. Бабель И. Э., Конармия: [рассказы, пьесы]/И. Бабель. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 315 с.

2. Винокур Г.О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. – М., 1990. – 451 с.

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. М.: Наука, 1987. – 261 с.

НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ РАССКАЗА Ю. КАЗАКОВА «ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН»

Т.Н. Чурляева

churlaeva@ngs.ru

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»

(Новосибирск)

Ю. Казаков – один из ярких представителей лирической (исповедальной) прозы середины 1950-х-1960-х гг., явления, отчетливо продемонстрировавшего процессы «очеловечивания» советской литературы периода «оттепели». Э.А. Шубин, один из авторов антологии «Современная русская советская повесть», отмечал возросший интерес отечественной художественной литературы этого периода «к проблемам индивидуальной человеческой жизни, к человеческой судьбе со всей сложностью и многообразием жизненных отношений» [3, с. 112]. Сам Ю. Казаков, давая оценку роли лирической повести и лирических прозаиков в современном литературном процессе, говорил о том, что лирические прозаики принесли в литературу «правдивость, талантливость, пристальное внимание к движениям души своих героев. <...> дали <...> многочисленные картины жизни нашего общества, картины поэтические и верные»; продемонстрировали «дар холодного наблюдения и умение показать внутренний мир человека» [2, с. 3]. Исповедальность стала отчетливой приметой «военной», «молодежной», лирической «деревенской», «лагерной» и других стилевых течений прозы «шестидесятых».

Специфические особенности лирической прозы диктовались собственно жанровой формой, но помимо жанра, раскрывались посредством композиционно-речевых приемов, а именно, повествованием от первого лица, сосредоточенном на внимании к внутренней жизни – рассказчика ли, персонажа, т.е. сугубо личностных, частных мыслях о себе, своем поколении, облеченных в слово. Это повествование, несмотря на его художественно выражаемую интимность, было рассчитано на внимательного, отзывчивого в своей душевной реакции читателя, в равной степени нуждающегося

в искреннем, правдивом разговоре о темах, прежде запретных в социально ангажированной литературе социалистического реализма. С задачей вовлечения советского человека/ читателя в ситуацию личностной осознанности, раскрепощения внутренней скованности души, разуверившейся в возможностях свободного переживания всего многообразия мира (не только социально детерминированного!) лирическая проза вполне справлялась.

Лирическая миниатюра Ю. Казакова «Вечерний звон» в числе многих других лирических повествований позволяет увидеть, как художественно решалась задача по «освобождению чувств», переноса акцента с социального на личный, как побеждало чувство, индивидуальное жизнеустройство. Конечно, отдельно взятое произведение не может прояснить ситуацию в целом, но выступить в качестве одного из художественных вариантов разделяемых целым рядом авторов этого периода устремлений, важных для литературы этого времени тенденций вполне способно.

В качестве инструмента анализа в работе будет использована категория «нарративная стратегия», понимаемая как одна из основных характеристик сюжетно-повествовательного текста, направленная на раскрытие принципа взаимосвязи событийного ряда (событие рассказа), типа повествователя и повествования (события рассказывания). То есть при анализе нарратива мы будем обращать внимание на то, как и кем осуществляется наррация, какой принцип взаимосвязи возникает между субъектом речи, объектом рассказывания (героем) и адресатом (читателем), в чем выражается нарративная интенция, или связывание в единое художественное высказывание «события рассказывания» и «события рассказа».

Сразу же хочется отметить, что повествование в тексте, причисляемом к лирическому жанру, выстроено не вполне типично, в нем актуализируются не свойственные этому жанру признаки и повествовательные приемы. Рассказ Ю. Казакова «Вечерний звон» [1, с. 15-16], на первый взгляд, представляет собой эпическое повествование, организованное посредством всеобъемлющей повествовательной перспективы. Повествование в рассказе разворачивается в третьеличной форме, что может свидетельствовать о персонально не выраженной точке зрения повествователя, объективно передающего ход изображаемых событий. Этот тип повествователя в силу его объективности и «идеологической» близости к автору обозначается в теории повествования как «аукториальный». «Аукториальный» тип

повествователя можно считать классическим образцом, композиционно-речевой основой эпической прозы. Иными словами, можно предположить, что структура повествования в рассказе близка к традиционному нарративу, классичность которого репрезентируется в свою очередь двумя характерными признаками: наличием повествователя как основного субъекта речи, а также изложением некоего события, воспроизводимого в речевой партии экзегетического повествователя и речевой партии персонажей. Однако позиция авторского всеведения в структуре настоящего повествования противится подобному толкованию.

Повествование здесь действительно организовано точкой зрения всеведущего автора, ипостась которого проявляется не только в образе эпического повествователя, но и в голосе автора-рассказчика, использующего свое всезнание, неограниченную перспективу видения для полного раскрытия образа героя и постепенного представления его читателю (<...> Пашке исполнилось <...> пятнадцать лет. Вырос он в детдоме, год назад окончил ремесленное училище и работает <...> токарем по четвертому разряду» // («Пашке исполнилось *недавно* пятнадцать лет. Вырос он в детдоме, *год назад* окончил ремесленное училище и работает *теперь* токарем по четвертому разряду. Живет он в общежитии и *вечерами* играет на гитаре. Гитара у него фабричная, *дешевая*, семиструнная, но играет он на ней *хорошо*. Правда, не всегда можно играть. Тогда Пашка вздыхает, ложится на кровать и читает. Читать он *тоже* любит» [1, с. 15]).

При более внимательном анализе обращает на себя внимание тот факт, что в тексте собственно речевой слой повествователя представлен в качестве ремарочного компонента, ядром которого становятся глаголы совершенного вида нарративного прошедшего времени, требующие отстраненной, ретроспективной точки отсчета — «исполнилось», «вырос», «окончил». В свою очередь автор-рассказчик использует глаголы несовершенного вида настоящего актуального времени — «работает», «живет», «играет», «ложится», «вздыхает», «читает». Количество глаголов выражают эффект быстрой смены действия, состояния, передают динамичность, стремительность, свойственную юношеству. Настоящее время здесь воспроизводит внутреннюю речь персонажа, фиксируя момент совершения мысли «здесь и сейчас», ограничивает поле зрения субъекта речи, что способствует смещению повествования в плоскость сознания ге-

роя, позволяет сместить со своих повествовательных позиций основного субъекта речи и выдвинуть на передний план «голос» персонажа. Внешняя точка зрения трансформируется во внутреннюю – автор-рассказчик говорит только то, что знает и чувствует персонаж, внутреннее состояние которого раскрывается через эгоцентрические элементы, фиксирующие психологическую, оценочную и фразеологическую точки зрения («Работает *теперь* токарем», «читать *тоже* любит» и т.д.). В построении фразы используется прием парцилляции («<...> Тогда Пашка вздыхает, ложится на кровать и читает. Читать он тоже любит»), указывающий на смену субъекта речи, повествовательного регистра с экзегетического на диегетический, и тем самым подчеркивается стремление нарратора к сближению с точкой зрения персонажа как субъекта сознания. Здесь нарративная перспектива максимально сближается с кругозором героя, стремясь адекватно передать его чувства и мысли. Из контекстуального окружения становится понятно, что реплика «Правда, не всегда можно играть» в речевой партии экзегетического повествователя относится к оценочному и лексико-фразеологическому составу речи персонажа и выступают здесь в качестве несобственно-прямой речи в составе авторского повествования. Персонаж здесь опосредованно излагает свою смысловую позицию в мире диегезиса (события рассказа). Опосредованная наррация возникает в тот момент, когда прошлое отделяется от настоящего в факте его осмысления героем в пространстве своего сознания. Интроспекция персонажа в структуре повествования связана с элементами проспекции и ретроспекции – с желанием купить галстук начинается рассказ, ситуация с балом дается ретроспективно, тем самым раскрывается интрига повествования – истинные причины, побудившие героя совершить подобную покупку: он не может пойти с понравившейся ему на балу девушкой в консерваторию без этого атрибута одежды.

Совокупность приемов приводит к созданию двупланового нарратива (субъект речи – автор-рассказчик, субъект сознания – герой-подросток), посредством которого раскрывается ключевая ситуация события рассказа. Автор-рассказчик намеренно акцентирует внимание читателя на душевном состоянии героя, открывая возможность для читателя все глубже погрузиться в непосредственно переживаемое подростком прекрасное и одновременно волнительное событие. Предметом изображения в рамках события рассказывания становится внутренний мир подростка послевоенного времени, рано

ставшего к рабочему станку, обстоятельствами отчужденного от естественного, привычного хода жизни (детство-отрочество-молодость-зрелость). Переживаемое им волнение может быть свидетельством возвращения из искаженной войной и послевоенной разрухой жизни к своей истинной сущности (жизни подростка!) в русло естественной негероической (прозаической) жизни, атрибутами которой являются не соцобязательства, а гитара и галстук, как у Кузьмичева.

Опосредованно выражаемая субъективность, а также преднамеренность пространственно-временного решения подчеркивают центральную роль автора в текстовой деятельности, являются одной из составляющих авторского замысла. Авторский голос, знающий все о своем герое, здесь не доминирует, не подменяет собой опосредованно слышимый «голос» героя, позволяет читателю знакомиться с ним непосредственно. Выражением присутствия в речевой партии «голоса» персонажа является фразеологическая точка зрения, проявляющаяся через языковые и речевые элементы: «большая получка», «дорогая гитара», «надо будет купить галстук», которые воспроизводят в сознании подростка стремление к достижению нормативных социально-ценностных позиций, свидетельствующих о достижении статуса «взрослого» человека.

Повествование в рассказе усложняется включением субъектного плана героя, направленного на воспроизведение его внутреннего состояния, напряженность которого подчеркивается, в том числе, и повторами ключевых слов (галстук, гитара). Лексический повтор – «надо купить галстук», «но не было галстука», «а без галстука», «галстук же он купит» – выдает эмоциональное и психологическое состояние подростка, желающего выглядеть на свидании с девушкой «как взрослый», и при этом наивно думающего, что наличие «галстука» становится едва ли не основным тому доказательством.

Образ главного героя раскрывается автором-рассказчиком через воспроизведение того, что непосредственно происходит с героем-подростком в настоящее время, а также через ретроспективу прошлых событий его жизни. В рассказе нет ни одной эксплицитно выраженной реплики, принадлежащей главному герою. Однако в целом можно утверждать, что большая часть повествования организована посредством точки зрения и кругозора героя. Его речь переведена в интериоризованную, представляющую собой некое, объек-

тивируемое автором-рассказчиком внутреннее эмоциональное и физическое состояние, им же самим оцениваемое. Принадлежность к точке зрения подростка-персонажа эксплицитно никак не обозначена, т.е. в повествовании нет никаких прямых указаний на подростковое сознание, только ряд эгоцентрических элементов отражают его речевой формат.

Экспликация внутреннего состояния происходит посредством несобственно речевого слоя – через косвенную, несобственно-прямую речь как «чужого» элемента в речевой партии повествователя. Выявление несобственно-прямой речи становится возможным через выявление группы дейктических слов, а именно местоименных указательных наречий *потом, тогда, теперь, опять*, наречий *только, чуть*, наречных конкретизаторов глагольного действия *хотел сходить давно, мрачно кивнул*, оценочных слов и словосочетаний *такой галстук с розовыми переливающимися разводами, гитара фабричная, дешевая, семиструнная*, и др. Дейктическое слово – «*такой*» (галстук) – приобретает оттенок собственной оценки со стороны героя («с розовыми переливающимися разводами»).

Дейктические элементы в целом свидетельствуют о пространственно-временной позиции и психологическом состоянии героя. Несобственно-прямое слово здесь не столько факт наличия субъективной оценки, сколько процесс означивания, факт преломления через призму сознания героя важного в его жизни события (встреча с девочкой, бал, предстоящее свидание). Т.е. в речевом плане недиегетического повествователя появляются речевые элементы, относящиеся к речевому плану персонажа, что может свидетельствовать о текстовой интерференции, наложении речевых планов повествователя и героя. Включение несобственно-прямого слова в речевую партию повествователя позволяет последнему достичь наибольшего приближения к точке зрения персонажа с целью экспликации его внутреннего мира. Смещение повествования в субъектную сферу дает возможность автору представить персонажный план более пластично, для того, чтобы помочь читателю узнать героя максимально близко, запуская процессы воображения и эмпатии.

Таким образом, характер репрезентации изображенного события обусловлен связью двух субъектно-речевых планов – автора-рассказчика и героя, что разрушает привычную для классического лирического нарратива одноплановость, сдвигая повествование в

сторону субъективной позиции персонажа при сохранении авторской нарративной перспективы. Функциональная роль автора-рассказчика заключается в экспликации внутреннего события, переживаемого героем. Собственно ненасильственное перетекание внешней фокализации во внутреннюю и обратно становится механизмом обнаружения опосредованной наррации. Речевой план героя, выделяемый в речи автора-рассказчика как вкрапления отдельных оценочных или стилистически окрашенных выражений, позволяет идентифицировать его речевой образ, отличный от образа основного нарратора. Репрезентация персонажа развернута в нескольких ипостасях: как субъекта восприятия («увидел») и субъекта сознания («ощутил») – что дает все основания признать наличие в повествовании имплицитно выражаемого вторичного диегетического нарратора как автора воспроизводимой речи.

Ю. Казаков не просто рассказывает историю своего героя, а создает опосредованный нарратив, рождающийся в результате внимательного, бережного, выраженного в слове отношения взрослого автора-рассказчика к миру другой личности, к акту осознания героем-подростком своего «я». Используемые автором сюжетно-композиционные приемы, умножают смысловую нагрузку текста, сообщают тексту множество дополнительных смыслов, усложняя его идеологию нравственным подтекстом. В центре авторского повествования – внутренняя жизнь, поиск себя молодым человеком, лишенным детства, воспитанным не семьей, а детдомом, когда нет духовного и физического пристанища. Повествование выполняет здесь не эпическую функцию, а собственно лирическую, назначение которого в том, чтобы повествовательно пластично, ненасильственно, но при этом точно выразить чувства, эмоции, настроения переживающего их героя. Наратор оставляет за собой задачу только осведомляющего и корректирующего комментария к тому, что видит герой и как он оценивает себя в роли познающего и осознающего мир субъекта.

Сюжетно-повествовательная структура рассказа воспроизводит нарративную стратегию взаимного доверия, предполагающую диалогические отношения автора и героя, автора и читателя. Особенностью повествования в рассказе становится текстовая интерференция, свидетельствующая о смешении речевого плана повествователя (монологического по природе) с планом персонажа, что, в свою очередь, указывает на усложнение структуры традиционного лирического повествования. Особое функциональное назначение автора-

рассказчика видится в создании диалогического повествования, выражающего в тексте различные ценностно-смысловые позиции. Динамическая модель художественно-речевой структуры лирического повествования становится свидетельством того, что лиризм здесь не является конституирующим элементом жанровой формы, но лишь композиционно-речевым принципом, выражающим форму отношения художника к действительности, бережное, не высокомерное отношение к внутреннему миру всякой личности, принципом, утверждающим ценность личностного подхода к жизненному материалу.

Литература

1. Казаков Ю.П. Вечерний звон / Ю.П. Казаков/ Собр. соч. в 3 т. Т.3 : незавершенные повести, наброски рассказов, литературные заметки, дневниковые записи, избранные письма / сост. и авт. коммент. И.С. Кузьмичев, Т.М. Судник ; вступ. ст. А. Панфилова. М. : Русский мир, 2011. 640 с.
2. Казаков Ю. Не довольно ли? / Ю. Казаков // Литературная газета. – 1967. – 27 декабря.
3. Современная русская советская повесть / Сост. Н.А. Грознова., В.А. Ковалев. М. : Наука, 1975. 264 с.

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ ИОСИФА БРОДСКОГО «В ДЕРЕВНЕ БОГ ЖИВЁТ НЕ ПО УГЛАМ ...»

Т.Е.Шаповалова

tshapovalova@gmail.com

Государственное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет
(Москва)

Поэтическое высказывание Иосифа Бродского «В деревне Бог живёт не по углам...», датированное 6 июня 1965 года, представляет собой тщательно продуманное произведение, воплотившее особенное понимание автором времени, божественной сущности, культурной информации, запечатлённой в памяти, языка.

*В деревне Бог живёт не по углам,
как думают насмеешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду
и честно двери делит пополам.
В деревне он – в избытке. В чугуне
он варит по субботам чечевичу,*

*приплясывает сонно на огне,
подмигивает мне, как очевидно.
Он изгороди ставит. Выдаёт
девицу за лесничего. И в шутку
устраивает вечный недолёт
объездчику, стреляющему в утку.
Возможность же всё это наблюдать,
к весеннему прислушиваясь свисту,
единственная, в общем, благодать,
доступная в деревне атеисту.*

В единое целое – ценностное содержание, которое порождается человеком в процессе познания мира, – его превращает и спокойный интонационный рисунок, соответствующий общему настроению стихотворения, и та структурная организация, которая на синтагматическом уровне воплощает мысль гения о Боге, мире и человеке.

Образы лирического произведения соотнесены с материальной и духовной культурной традицией, связаны с деревенским бытом русского народа, восходят к обычаям и обрядам, поэтому языковой смысл наполнен денотативным, сигнификативным, оценочным, эмотивным компонентами – из общего значения синтаксической конструкции и категориального значения входящих в неё слов складывается семантика синтаксической формы.

В значении конструкции: *в деревне Бог живёт не по углам* – обнаруживается древняя христианская традиция, закреплённый издавна ритуал в знак уважения помещать изображение Господа, иконы, в правый почётный угол избы. Господь всемогущий рисуется небожителем, невидимым Духом, которому подчиняется Вселенная, Космос и в котором воплощены все высшие жизненные ценности: и правда, и истина, и добро, и красота. «БОГ – 1. [с прописной буквы] творец неба и земли, всего сущего, всеведущий высший разум, управляющий миром, всеобщее мировое начало» [4, с. 48]. Деревенский житель привык поклоняться такому бестелесному невидимому Духу, хотя он вовсе не принимает участия в каждой минуте человеческой жизни.

Используемая в первом стихе глагольная форма *живёт* – ‘существовать, быть живым’ [4, с. 191] – задаёт тон темпоральной семантике всего поэтического текста. По мысли Г.А. Золотовой, «по-

нятие действия и понятие времени – две диалектически слитые стороны одного явления: активное, конкретное действие протекает в конкретном времени; узувальное, обычное действие приближается к состоянию» [1, с. 150]. Значение конкретного синтаксического времени затемняется, нелокализованность действия во времени придаёт ему значение постоянного состояния, проявляющегося в прошлом, настоящем и будущем, а ситуация, отражённая в предложении, приобретает вневременной характер – акцентируется семантика временной неопределённости.

Всеправедному Богу противостоит другой, тот, который «*всюду*», «*в избытке*», на него перенесены субъективные переживания поэта. *Всюду* – ‘езде, повсеместно’ [4, с. 101]. Он проявляет заботу о человеке, всех сторонах его ежедневной жизни: *он освящает кровлю и посуду* – очищает дом и всё, что в нём находится, от злых сил, совершает «церковный обряд придания святости» [4, с. 462]. Этот бог (или домовый?) понятен человеку; он помогает примириться с действительностью и с самим собой; он справедливый, искренний, открытый, не допускающий обмана, такой, который *честно двери делит пополам*, – те двустворчатые двери, которые ассоциируются с иконой-складнем. Рисуеться картина взаимного соответствия деревенского жителя и окружающего его мира.

В стихе: *В чугуне он варит по субботам чечевицу* – особенно важными оказываются синтагматические партнёры *варит по субботам*, повествующие о появлении ещё одной ипостаси Господа – «Яхве, покровителе древнеизраильского союза племён» [2, т. 2, с. 688], который напоминает о шаббате, святой иудейской субботе. Идею повторяемости, нелокализованности действия *варит* – ‘готовить’ [4, с. 65] – во времени передаёт синтаксема узувальной приуроченности *по субботам*. Культурная информация дополняет языковую семантику временной неопределённости, вневременности.

За всеми этими событиями, которые и составляют деревенскую жизнь, со стороны наблюдает сочувствующий *очевидец* – ‘человек, бывший свидетелем, наблюдателем какого-либо события’ [4, с. 489]. Наблюдаемость, или перцептивность, считается элементом содержательной стороны глагола несовершенного вида («в момент наблюдения имеет место одна из серии последовательных фаз ситуации, обозначаемой глаголом» [3, с. 86]) и носит характер созерцания. Это не противоречит проявлению имперфективного узувально-характеризующего значения у словоформ *приплясывает* – ‘делать

ногами движения, напоминающие пляску, пританцовывать' [4, с. 617], *подмигивает* – 'мигать, предупреждая о чём-то, делая намёк на что-то' [4, с. 548], *прислушиваясь* – 'напрячь слух, внимание' [4, с. 618], акцентированного также морфемной структурой глагольных слов – суффиксами *-ива-*, *-ыва-*, в художественном описании.

Осознание и постижение божественного начала продолжается в стихе: *Он изгороди ставит. Ставит* – 'строить, сооружать' [4, с. 789]. Подчёркивается забота Господа о неприкосновенности и защите территории, принадлежащей деревенскому жителю. Бог может даже выдать *девицу за лесничего* – осчастливить её, подарить радость замужества и материнства; может быть шутником: *И в шутку устраивает вечный недолёт объездчику, стреляющему в утку*.

Автор превращает простые, обычные, повторяющиеся события в поэтический текст, в котором соединяются и переплетаются христианские взгляды и языческие суеверия о божественной сущности. Но это для поэта оказывается не таким важным. Чрезвычайно существенным становится то, что глаголы *живёт, делит, варит, приплясывает, подмигивает, ставит, выдаёт, устраивает* освобождаются от прикреплённости к моменту речи. Эти события вне времени и пространства. Осознанию тайны божественной сущности будет способствовать *единственная, в общем, благодать, доступная в деревне атеисту, Возможность же всё это наблюдать, к весеннему прислушиваясь свисту*. Только вера приближает человека к небесной силе, к Богу.

Итак, смыслы традиционной культуры, воплощённые в поэтическом тексте, обогащают его языковую семантику. В зависимости от степени общности передаваемого факта имперфективное значение настоящего синтаксического времени переосмысливается и акцентируется семантика вневременности.

Литература

1. Золотова Г.А. К понятию предикативности // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994.
3. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. – 480 с.
4. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ 3

Е. Л. Ачилова, В. П. Ачилова

Формирование у обучающихся умений и навыков определения объема сказуемого в современном русском языке 3

Л.И. Богданова

Формирование национально-культурной идентичности в процессе обучения русскому языку 8

Г. Ю.Богданович, Л. И. Рудницкая

Успешная коммуникация: нормативный аспект культуры речи..... 16

С.Г. Буданова, А.Г. Рябинина

Возможности лингвистических словарей в создании вторичных учебных текстов по лексике 22

Н.В. Величко

психолого-педагогические компетенции учителей русского языка в работе с одаренными детьми 27

Л. Г. Вергазова

Новое или забытое старое? Переподготовка на курсах русского языка в условиях его возрождения 32

Г.Б. Вершинина

Коммуникативная культура учителя – словесника в XXI веке: лингвометодические основы формирования 38

З.С. Зюкина

Из опыта работы по формированию коммуникативно-речевой активности студентов-билингвов в курсе «Русский язык и культура речи» .. 45

Л.А. Исаева

Структурная и прагматическая вторичность текста выпускного сочинения 49

Колтухова И.М., Соколова И.Г.

«Пушкин, Лермонтов и граф Толстой играли в карты...»
Изучение биографии писателя как методическая трагикомедия 55

<i>Д.В. Котовец</i> В.И. Даль на страницах школьных учебников по русскому языку ...	60
<i>Т. Ф. Крушинская</i> Пути усиления познавательной мотивации обучающихся в нефилологических вузах в процессе совершенствования культуры речи	66
<i>И. Н. Литвинчук</i> Аспекты применения опорных конспектов в практике преподавания русского языка в инженерном вузе	72
<i>Т.Е.Милевская</i> Возвращение к осознанному чтению (что читать, как читать в высшей школе)	79
<i>Т.А.Налимова</i> Проблемы адаптации студентов к учебной деятельности в вузе (на примере дисциплины «русский язык и культура речи»)	85
<i>Е. С. Романова</i> Анализ стихотворения М. И. Цветаевой «Тоска по Родине! давно...» (методический аспект)	91
<i>С.В.Русанова</i> О дифференцирующем принципе русского письма и произношения и о некоторых аспектах преподавания русского языка в современных условиях	98
<i>В.П. Сидельников</i> О границах и некоторых особенностях современной лингвистики	104
<i>А.А. Талицкая, М.В. Шаманова</i> Использование актуального языкового материала в преподавании дисциплины «Русский язык и культура речи»	115
<i>С.С. Хромов</i> «Великое русское слово» в системе университетских нефилологических образовательных программ бакалавриата и магистратуры	121
<i>А.Л. Шарандин</i> Гибридные слова как объект изучения в вузе.....	129

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

А. А. Акишина

Адресация высказываний русского речевого этикета..... 136

Е.А. Акулич

Метафорические симультанные дешифровальные стимулы
в гнезде эквивалентности аббревиатуры..... 142

Ю.Ю. Балацкая

Фазовая валентность русских глагольных фразеологизмов..... 147

Н.В. Баско

Новации в русской фразеологии в начале XXI века 154

А. И. Бровец

Дублетная альтернатива модификационного дешифровального
стимула аббревиатуры 162

А. С. Бурляй

Лексико-семантическая группа обозначений демонов двора
и дома в русском языке 167

Н. А. Герасименко

Инфинитивно-субстантивные предложения в русском языке:
структурный аспект..... 173

О.А. Головачева

Особенности лексикографирования мифологических персонажей
в меморатах жителей восточнославянского пограничья 179

И.Ю.Гранева

Фразеологизмы с личными и лично-притяжательными
местоимениями в русском языке: лингвокультурологический
аспект исследования..... 183

И.В.Грибанова

Церковнославянские переводные агиографические тексты
как источник изучения сакрального антропонимикона
Херсонеса Таврического 189

О. А. Димитриева

Глагол *растить*: взаимодействие лексики и грамматики 193

Ю. Л. Дмитриева

Образ осины сквозь призму русской лингвокультуры 200

<i>К. Ю. Емельянова</i> Типологические черты абброаффиксоидов как сокращённых конструктов аббревиатур.....	207
<i>Л. И. Жуковская</i> Смысловое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его парадигматические связи в аспекте концептуальной квазисинонимии и квазиантонимии.....	213
<i>Е. А. Коновалова</i> Тематические группы приветствий и обращений по ситуативному признаку (на материале «Словаря русского речевого этикета»).....	220
<i>Ю. В. Коренева</i> Репрезентация концепта <i>чудо</i> в симфониях по творениям русских святых	230
<i>Е. С. Крестьянинова</i> Текстовая эквивалентность аббревиатур, входящих в аббревиатурное гнездо "завод": ономаσιологический класс "завод, связанный с животными"	237
<i>В. А. Кузьменкова</i> Грамматика и прагматика научного текста.....	242
<i>Г. С. Любина</i> Стратегии манипулирования общественным сознанием в современной русской речи	250
<i>А. Я. Мартынюк</i> Национальная специфика ключевых концептов культур (на примере концептов <i>добро</i> и <i>зло</i>)	253
<i>Т. В. Матвеева</i> Разговорная речь как носитель национальных ценностей: в поиске методов изучения.....	259
<i>Е. Н. Михайлова</i> Соотношение «презентатив – релятив» в рамках гнезда эквивалентности сложносокращенного слова	266
<i>Н. В. Наговицына</i> Особенности языкового воплощения концепта «патриотизм» в современном русском языке: синтагматический, парадигматический и деривационный аспекты	270

<i>А.Б.Насырова, Ж.Т.Ермекова</i> Этнокультурные особенности концепта «дорога- жол»	278
<i>Т. Н. Пермякова</i> Функционирование служебных слов в современном медиадискурсе (на примере союзной скрепы <i>коль скоро</i>)	284
<i>В. Ю. Ровная</i> Типы генерализации симультанных абброконструктов при дешифровке симультантов в эквивалентных текстах	290
<i>Т.В. Романова</i> Аксиологический и идеологический компоненты семантики прилагательных цвета	293
<i>Л.И. Рудницкая, А.Я. Мартынюк</i> К вопросу о применении буквы ё в печатных текстах.....	297
<i>В. А. Рязанова</i> Текстовые модели формирования структурных разновидностей эквивалентности мутантных (гибридных) композитов	301
<i>В.В. Сайгин</i> Концептуальное поле «Грех»: особенности структурно-семантиче- ской организации и языковой экспликации	306
<i>Т. И. Стексова, М. А. Лаппо</i> Проявление авторского начала в научном тексте	313
<i>О.А. Турбина</i> Механизмы и принципы формирования смыслового содержания тек- ста (на примере текста рекламного слогана)	321
<i>Т.А. Чеботникова</i> Семантические приращения и трансформации как одна из тенденций развития современного русского языка.....	327
<i>А.П. Чудинов, А.В.Цыганкова</i> Прагматика и функции метафоры в педагогическом дискурсе.....	333
<i>Л.Ф. Щербачук, Т.В. Стамова</i> Дистантное размещение компонентов фразеологических единиц, эксплицирующих пищевой код культуры.....	337

Н. А. Ярошенко

Ономасиологические типы сложных наименований лица в составе деривационных гнёзд глаголов созидательной деятельности (на материале гнёзд глаголов *делать, производить и творить*)..... 341

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА 349

И. В. Александрова

Комедиография 1800–1830-х годов и русская комедийная традиция XVIII века 349

О.Л. Арискина, П.А. Чучкин

Коммуникативные стратегии в личностно-ориентированном дискурсе (на материале романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»)..... 357

Т. А. Бондарчук

Профессиональная шахтерская лексика в романе Б. Л. Горбатова «Донбасс» 363

И.А. Герасименко

Штрихи к речевому портрету Валентина Распутина: фонетический и лексико-грамматический аспекты 370

С. А. Дроздова, Н. П. Иванова

Функции силенциальных актов в художественной коммуникации..... 375

Ермекова Ж.Т.

Ассоциативное пространство как элемент художественного текста..... 381

И. П. Зайцева

Интерпретация художественного текста в современный период: взаимодействие традиционного и новейшего знания 388

Е. В. Кравченко

Авторская стратегия в художественном тексте (на материале романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море») .. 396

Н. П. Курмакаева

Динамика синтаксического знака в поэтике И. Л. Сельвинского..... 403

<i>Ли Сюэ</i> Лингвокультурологический подход к описанию эпизода пребывания Наташи Ростовской в деревне у дядюшки на фоне китайской языковой традиции	411
<i>Е. В. Макаренко</i> Прецедентные тексты Шекспира в творчестве А. Блока	414
<i>Е. Е. Машкова</i> Авторская позиция как ключ к пониманию «эксклюзивной новой классики» (на материале романов и повестей Л. Улицкой)	419
<i>С.Л. Михеева</i> Символика цветowych прилагательных как средство выражения причинно-следственных отношений в художественном тексте	424
<i>М.Н. Панчехина</i> Компоненты языковой личности Ивана Бездомного (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)	429
<i>Е. А. Пономаренко</i> Семантико-стилистический потенциал лексем <i>белый, бледный</i> в рассказе А.П. Чехова «Враги»	432
<i>Е.В.Скрипченко</i> Иллокуция и перлокуция в письмах Татьяны Лариной и Евгения Онегина	438
<i>С.Н. Стародубец</i> Языковые особенности современного восточнославянского мифологического текста	443
<i>А. Д. Твердюк</i> Лексико-семантический аспект создания персонажа художественного произведения (опыт анализа на материале «Конармии» И. Э. Бабея)	449
<i>Т.Н. Чурляева</i> Нарративная стратегия рассказа Ю. Казакова «Вечерний звон»	453
<i>Т.Е. Шаповалова</i> Темпоральность в поэтическом тексте Иосифа Бродского «В деревне бог живёт не по углам ...»	460

Для заметок

Научное издание

**РУССКИЙ ЯЗЫК
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ**

*Сборник научных статей
II Международного симпозиума*

Том 2

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 27,44. Тираж 300 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражникова Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru